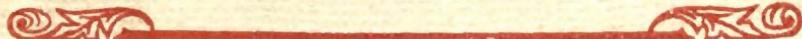

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Источники и историография славянского средневековья

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

МОСКВА · 1967

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Источники и историография славянского средневековья

СБОРНИК СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

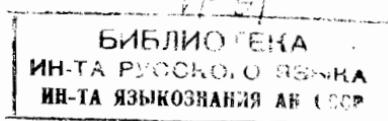
МОСКВА · 1967

Настоящая книга посвящена проблемам социально-экономической истории славянских стран, вопросам истории законодательства, религии, летописания, историографии и лингвистики. Сборник состоит из статей, обзоров, рецензий, публикаций. Читатель познакомится с историей ремесла и торговли Варны, Созополя, Месемврии, узнает о монетных системах и ценах болгарского Причерноморья XIV в., «законнике» чешского короля Карла IV, о правах и обязанностях чешского дворянства в средние века, об эволюции ударений, орфографических реформах Константина Костенчского.

Материалы сборника представляют большой интерес для историков, филологов, этнографов и лингвистов. Кроме того, много полезного и нужного найдут для себя учителя, студенты, а также широкий круг читателей, интересующихся историей славянских народов.

Редакционная коллегия:

С. А. НИКИТИН (ответственный редактор),
Е. П. НАУМОВ (ответственный секретарь),
П. Н. ОЛЬШАНСКИЙ, Г. Э. САНЧУК

624.94

1-6-1
82-67/1

СТАТЬИ

В. П. ГРАЧЕВ

ТЕРМИНЫ «ЖУПА» И «ЖУПАН» В СЕРБСКИХ ИСТОЧНИКАХ XII—XIV вв. И ТРАКТОВКА ИХ В ИСТОРИОГРАФИИ

(К изучению политической организации
в средневековой Сербии)

В послевоенной марксистской славяноведческой литературе неоднократно поднимался вопрос о том, что проблема политической организации славянских народов в период средневековья до сих пор остается слабо разработанной. За последние 5—6 лет необходимость изучения данной проблематики настолько назрела, что обсуждение этого вопроса со страниц специальных работ было перенесено на трибуны всесоюзных и международных форумов историков и славистов. В ряде докладов указывалось и на тот факт, что недостаточная разработка проблемы политической организации славян в указанный период с позиций исторического материализма способствует тому, что в ряде случаев вплоть до настоящего времени продолжает сохранять свою силу ряд положений и вопросов, разработанных домарксистской историографией, которая освещала их не столько на основе фактического материала источников, сколько с позиций общетеоретических представлений соответствующего периода. В советской исторической науке показана ошибочная сущность и несостоительность теоретических основ домарксистской историографии, занимавшейся разработкой соответствующих вопросов русской истории. Однако по отношению к истории южных и западных славян этой стороне вопроса уделялось значительно меньшее внимание.

Одним из таких ошибочно решенных вопросов, с нашей точки зрения, является вопрос о жупах и жупанах, или вопрос о так называемой жупной организации у южных и западных славян. В домарксистской историографии этот вопрос был центральным при решении всей проблемы политической организации южных

и западных славян и ключевым в освещении проблемы генезиса и развития государственности у этих народов.

Начало разработки интересующего нас вопроса было положено еще в 30—40-х годах XIX в. чешскими историками П. Й. Шафариком и Ф. Палацким, а завершающий ее этап условно можно было бы ограничить вторым десятилетием нашего столетия¹.

Начиная с середины XIX в. и вплоть до 40-х годов текущего столетия в славяноведческой литературе почти безраздельно господствовала следующая схема политической организации южных и западных славян в период средневековья. После переселения этих народов на занимаемые ими в настоящее время территории они первоначально разделялись на племена. Каждое племя, состоящее из нескольких родов, занимало территорию, которая называлась жупой. Управителем племени, а следовательно, и жупы был племенной старейшина — жупан. Такие жупы (особенно у сербов и хорватов), как правило, были изолированы друг от друга, а жупан был единственным представителем власти, который выбирался из наиболее знатного рода. «Жупное» устройство, с точки зрения домарксистской историографии, представляло собой первичную форму политического быта, которая была неразрывно связана с племенной организацией. Являясь по своему происхождению «самобытной» и «исконно славянской», такая форма политической организации вначале была присуща всем славянам и, по мнению большинства исследователей, была довольно устойчивой и без особых изменений сохранялась почти у всех южных и западных славян до XIII—XIV вв. Она не утратила своей основной сущности и после распада кровнородственных союзов, отдельные группы которых расселились по территориям соседних жуп. После этого жупа приобрела лишь территориальный характер. Но отмеченные выше изменения, согласно господствующей точке зрения, ни в коей мере не отразились на формах политической и административной организации. Жупан по-прежнему оставался главой жупы и выбирался или назначался из людей наиболее знатного рода. Создаваемые на такой основе временные «примитивные» государства представляли собой, по мнению большинства историков того времени, союз (федерацию) жуп, во главе которой мог быть великий жупан, великий князь, король и даже царь. Возникновение таких «примитивных» государств у разных славянских народов происходило в разное время и различными путями.

Между тем, согласно господствующей точки зрения, возникавшие на «самобытной» основе политические объединения государственного типа еще не представляли собой государств в полном смысле этого слова. «Жупная» форма управления, согласно рас-

¹ В. П. Грачев. Из истории изучения славянских средневековых институтов. (Вопрос о жупах и жупанах в историографии). «Ученые записки Института славяноведения», т. XXIX, 1965, стр. 178—209.

сматриваемой схеме, ликвидировалась постепенно и отменялась сверху законодательным путем. Процесс ее ликвидации у разных славянских народов начинался в разное время и протекал неравномерно. Это зависело от интенсивности проникновения как идеи государственности, так и новых государственных учреждений, которые, проникая извне вместе с церковной организацией и церковными догматами, внедрялись сверху законодательным путем и постепенно вытесняли старые органы «жупного» управления².

Согласно охарактеризованным выше представлениям, государственность у сербов начала складываться только на рубеже XII—XIII вв., так как до этого сербы еще не нуждались в государственной организации³. Последняя оформилась у сербов только в XIII в., а ее «основы и частности являются не чем иным, как простой копией устройства цариградского царства»⁴. По мнению Ст. Новаковича, «жупная» форма управления продолжала сохраняться и после оформления государственной системы. Она была вытеснена последней только во второй половине XIV в., когда Стефан Душан с принятием царского титула ввел в Сербии сверху донизу византийскую систему управления.

Сопоставляя основные положения изложенной выше общей схемы политической организации южных и западных славян с материалом источников, нетрудно убедиться в том, что данная схема разрабатывалась не столько на материале источников, сколько на основе общих представлений. Обращает на себя внимание тот факт, что в источниках, относящихся к истории западных славян, первые упоминания термина «жупан» относятся к XII в., а термина «жупа» — только к XIII—XIV вв. Следовательно, разработка изложенной выше схемы применительно к условиям по крайней мере до XII в. могла вестись с учетом источников, относящихся к истории только южных славян, у которых эти термины упоминаются в источниках VIII—X вв. Между тем современные югославские историки, пересматривая концепцию домарксистской историографии применительно к исто-

² Характеризуя развитие этих процессов у южных славян, Ст. Новакович, в частности, замечал, что «славянские группы Балканского полуострова представляли собой только инертную, несогласованную массу». В этой среде «не могло само по себе начаться какое-либо образование государства. Это дело могло сделать только чуждое влияние, вне самого славянского мира» (Ст. Новакович. Неколико теша питања из српске историје. «Годишица Николе Чушића», књ. 32. Београд, 1913, стр. 2). Но уже принятие христианства «открывало настежь дверь обычаям и законам византийского происхождения не только в сербский двор, но и в самую маленькую крестьянскую хижину» (Ст. Новакович. Византијски чинови и титуле у српским земљама XI—XV вв. «Глас СКА», № 78. Београд, 1908, стр. 80).

³ Ст. Новакович. Византијски чинови и титуле . . . , стр. 192.

⁴ Ст. Новакович. Средњевековна Србија и римско право. «Архив за правне и друштвене науке», кн. 1/3. Београд, 1906, стр. 217.

рии раннефеодальной Хорватии (VIII—XII вв.), пришли к убеждению, что разработанная ранее схема политической организации хорватов в указанный период также противоречит материалу сохранившихся источников⁵.

Таким образом, после работ современных историков по истории раннефеодальной Хорватии материал сербских источников, представленный в интерпретации (которая еще до сих пор сохраняет свою силу) домарксистской историографии, оказался как бы основным опорным пунктом старых представлений по вопросу о жупах и жупанах.

Если условно разложить на части схему доказательств, с помощью которой реконструировалась система так называемой жупной организации у сербов в период средневековья, то она совершенно отчетливо распадается на три основные части. Во-первых, для условий VII—XII вв. совершенно безоговорочно принималась схема политической организации, разработанная Ф. Рачким для Хорватии соответствующего периода. Это объясняется прежде всего отсутствием необходимого материала для данного периода по истории сербских земель⁶ и господством охарактеризованной выше концепции о путях развития государственности у славян.

Во-вторых, очень широко привлекался материал исторической географии, но, как правило, без достаточной его связи с другими, иногда явно противоречащими ему показаниями источников. Отправными данными для историко-географических исследований обычно служили свидетельства Дуклянской летописи и грамоты Ст. Первовенчанного 1220 г. сербской архиепископии, где перечислялось более 50 районов, определяемых термином «жупа».

В-третьих, соответствующий материал Законника Стефана Душана 1349—1354 гг. и грамоты короля Милутина 1300 г. монастырю св. Георгия Горго в Скопле, который позволял составить общие представления о системе административного управления жупами в период с начала и до середины XIV в.

Наряду с этим привлекался материал и других источников, особенно актовый материал из дубровницкого архива, но он обычно играл вспомогательную роль, так как его свидетельства ограничивались лишь соседними с Дубровником районами.

Таким образом, из перечисленного круга источников наиболее надежные свидетельства о внутренней организации жуп и о системе административного управления относятся лишь к сере-

⁵ Н. Клаич, подводя итог развернувшейся по данному вопросу полемике, подчеркивала, что система доказательств, предложенная Ф. Рачким и его последователями, строилась «больше на романтике, чем на анализе материала источников» (N. Klaic. Postanak plemstva, Dvanadesetego plemena kraljevine Hrvatske. HZ, XI—XII, 1958—1959, стр. 125).

⁶ В данной связи Ст. Новакович указывал, что к моменту появления сербских источников в Сербии конца XII—начала XIII в. наблюдается точно такое же положение, которое описано Ф. Рачким для Хорватии начала XII в. (Ст. Новакович. Византијски чинови и титуле..., стр. 192).

дине XIV в., поскольку они в основном зафиксированы в статьях Законника Душана и представляют собой самые общие положения, которые разрабатывались в середине XIV в. применительно к условиям всего государства.

Перенося эти свидетельства Законника Стефана Душана в условия более раннего времени, исследователи конца XIX—начала XX в. обычно исходили из того, что с конца XII—начала XIII в., т. е. с момента территориального оформления сербского государства Неманичей, до середины XIV в. по существу не произошло никаких существенных перемен в организации местного управления, а поэтому система организации, изложенная в статьях Законника Стефана Душана, была вполне приемлемой и для условий конца XII в. и даже для условий IX—XII вв. Специфическая особенность географического положения (по речным долинам и в горных впадинах) районов, обозначенных в Дуклянской летописи и грамоте Ст. Первовенчанного 1220 г. термином «жупа», а также совпадение топонимов этих районов с названиями рек и окрестных гор, на первый взгляд, создавали впечатление, что эти районы в период заселения славянами Балканского полуострова по своим размерам могли быть весьма подходящими для поселения отдельных племен, а относительная изоляция одного района от другого, которая в отдельных случаях действительно имела место⁷, как бы сама собой предполагала и изоляцию поселившихся там племен, что в свою очередь давало вполне реальные основания для предположения о длительной консервации первоначальных форм племенной организации. Такое предположение, на первый взгляд, вполне согласовывалось и с тем, что источники более позднего времени (конец XIV—начало XV в.) на этих же территориях совершенно отчетливо упоминают племенные объединения.

На этом основании подавляющее большинство исследователей второй половины XIX—начала XX в. определяли жупу как сложный комплекс, представляющий собой территориально-географическое, этническое, хозяйственное и административное единство, оформившийся еще в период поселения славянских племен на Балканский полуостров и просуществовавший без особых изменений по крайней мере до конца XIV в. В пределах данного периода жупы постепенно утрачивали лишь свое первоначальное самоуправление, а утратив его, превращались в территориальные единицы, которые были использованы центральной властью для целей государственного управления⁸.

⁷ Фактор изоляции одного района от другого в историографии конца XIX—начала XX в. был неоправданно преувеличен.

⁸ Вопрос о времени таких изменений различными исследователями решался по-разному, в зависимости от общих воззрений авторов на процесс возникновения и развития государственности у сербов. В послевоенной югославской историографии была высказана точка зрения, что процесс утраты

На этом основании в специальной литературе, особенно историко-географических работах, до сих пор продолжают считать, что любая территория, топоним которой совпадает с названием того или иного географического объекта (реки, горной местности, а иногда и города), представляет собой жупу, со всеми свойственными ей качествами. Такое определение сохраняет силу и в том случае, когда термин «жупа» вообще никогда не употреблялся для данного района⁹.

Такая практика выделения жуп в ряде случаев явно противоречит показаниям источников и вносит разногласия в определения статуса тех или иных конкретных территорий¹⁰. Но значительно важнее то, что такое понимание значения термина «жупа» в целом ряде случаев явно противоречит показаниям источников.

Выясняя сущность понятий, обозначаемых в источниках терминами «жупа» и «жупан», которые относятся к территории сербских земель X—XIV вв., исследователь прежде всего сталкивается не столько со сложным комплексом, представлявшим собой территориально-географическое, этническое (точнее племенное), хозяйственное и административное единство, как характеризовала жупу домарксистская историография, сколько с понятиями и категориями, относящимися к сфере административного управления. Следовательно, прослеживая эволюцию понятий и категорий, обозначаемых терминами «жупа» и «жупан», мы вынуждены прослеживать прежде всего эволюцию местного административного управления. Но поскольку основная цель нашего исследования сводится к тому, чтобы показать ошибочность старых представлений по данному вопросу, то нам неизбежно приходится затрагивать и другие сферы отношений (особенно соотно-

---

самоуправления жуп начался еще в IX в. и продолжался до середины XIV в. Д. Јанкович замечал по этому поводу, что сербские правители, «подавляя жупы как самоуправляющиеся единицы, в то же время не были заинтересованы в полной ликвидации жупной организации; они лишь стремились утвердить там (т. е. внутри жуп. — В. Г.) влияние центральной государственной власти. Именно поэтому в период феодализма во главе жупы стоял жупан, который и был ее собственником или держателем (т. е. баштинником или прониаром), или же господином — кефалией, которого назначал правитель» (Д. Јанковић. Историја државе и права феудалне Србије (XII—XV вв.). Београд, 1957, стр. 75).

⁹ Например, согласно установившейся традиции, К. Иречек районы Хвостна, Топлицы, Рудника, Браничева и другие называет «жупами», хотя термин «жупа» вообще никогда не упоминался в источниках для определения данных районов (К. Иречек. Историја Срба, књ. II. Београд, 1952, стр. 4).

¹⁰ В частности, среди исследователей исторической географии до сих пор нет единого мнения, каким термином следует определять такие районы, как Хвостно, Патково, Плав и др. Одни называют их областями, а другие — жупами. Например, Хвостно Р. Иванович в одном случае определяет термином «жупа» (Р. Иванович. Дечанско властелинство. «Историски часопис», IV, 1954, стр. 182), в другом — «область» (там же, стр. 184), а в третьем — «жупская область» (там же, стр. 181).

шение территориально-географических районов с местами поселения отдельных племен, а также социально-экономическую организацию населения, живущего на территории данных районов). Другими словами, ошибочная постановка вопроса и неверное его решение в марксистской историографии ставят современного исследователя в несколько искусственное положение и вынуждают его в ряде случаев следовать по пути, намеченному старой историографией, с той целью, чтобы на базе анализа конкретного материала источников показать ошибочность интерпретации сохранившихся свидетельств. Это обстоятельство осложняет и правильность выбора более точной формулировки заглавия работы: круг рассматриваемых в работе вопросов несколько шире предлагаемого названия, ибо для пересмотра старой концепции автор сталкивается с необходимостью мобилизовать весь имеющийся в наличии материал источников, относящийся к сравнительно небольшим районам, на территории которых располагалось обычно не более 20—30 сел, и проследить в этих пределах не только эволюцию местного управления на протяжении с X до середины XIV в., но и развитие других (особенно социально-экономических и политических) отношений в пределах каждого из этих же районов и на протяжении того же периода. Ибо только такое рассмотрение вопроса может дать право на отрицание существующей более ста лет концепции.

Однако неразработанность данного вопроса в марксистской историографии, его многогранность, обусловленная ошибочной постановкой вопроса и неверным его решением в марксистской историографии, сравнительно небольшие размеры районов и большое число их (в общей сложности не менее 80), а также необходимость использования параллельной и перекрестной методики анализа источников, вызываемой отсутствием достаточного количества необходимых сведений, а также разнородностью, фрагментарностью и крайней лапидарностью (иногда выражаящейся в одном только упоминании топонима того или иного района или одного термина «жупа» и «жупан») свидетельств, — все это не позволяет нам в одной работе изложить сразу весь имеющийся в наличии материал.

Поэтому при публикации результатов нашего анализа мы сталкиваемся с необходимостью расчленить наш материал на несколько самостоятельных статей. В основу такого членения мы положили принцип обзора материала по областям, которые в конце XII в. вошли в состав сербского государства Неманичей.

В данной работе мы ограничимся рассмотрением материала, относящегося к Холмской, Требинской, Подгорской (Submontana) и Неретвянской областям, так как свидетельства об этих областях относятся к более раннему времени, сравнительно более равномерно освещают историю этих областей на протяжении до конца XIV в., а историческая судьба этих областей, по срав-

нению с другими областями, более сходна между собой. К тому же в условиях государства Неманичей (да и после отхода от него этих областей) Неретвлянская область, значительная часть Подгорской и часть Требиньской области рассматривались современниками как районы Холмской земли¹¹.

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ЖУПА» В ИСТОЧНИКАХ И ОТНОШЕНИЕ ЕГО К ТЕРРИОРИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИМ РАЙОНАМ

Если подходить формально, как это делала вся домаркисстская историография, то следует признать, что термин «жупа» применительно к территории различных сербских земель действительно прослеживается в источниках с середины X в. и до XV в. При этом обычно не обращали достаточного внимания на тот факт, что до 20-х годов XIII в. этот термин встречался только в двух источниках: в гл. 30 «De administrando imperio» Константина Багрянородного и в Дуклянской летописи. Но если учесть, что районы, обозначенные в гл. 30 «De adm. imp.» термином «жупа», в тот период входили в состав раннефеодального Хорватского государства, а Дуклянская летопись дошла до нас в редакциях конца XIV в. и XVII в., то, с нашей точки зрения, было бы более верным считать, что на территории сербских земель термин «жупа» в оригинальных источниках начинает упоминаться только с 1220 г. В более поздних источниках XIII—XIV вв. интересующий нас термин упоминается довольно часто и обозначает, как правило, единицу административного деления, чаще всего безотносительно к какому-либо территориально-географическому району, имеющему свой постоянный топоним. Однако в отдельных случаях, и прежде всего в грамоте Стефана Первовенчанного сербской архиепископии от 1220 г., термином «жупа» определяется ряд территориально-географических районов, имеющих свой определенный топоним. Часть этих топонимов упоминается и в более поздних источниках, но они уже, как правило, не определяются термином «жупа». Данный факт обычно давал основание считать, что пока в источниках упоминаются топонимы этих районов, до тех пор эти районы следует классифицировать как жупы со свойственной им системой внутренней организации, которые возникли еще в период заселения сербами Балканского полуострова.

Таким образом, для доказательства охарактеризованной выше схемы политической организации сербов домаркисстская историо-

¹¹ Материалы, относящиеся к районам Рацки, Зеты и Македонии, а также анализ свидетельств, относящихся ко всему государству (в частности, материал Законника Стефана Душана и др.), по возможности будет рассмотрен в других специальных работах.

графия пользовалась показаниями разновременных источников, оставляя без внимания их территориальную и хронологическую специфику. Чтобы нагляднее убедиться в неправомерности такого подхода, рассмотрим более внимательно свидетельства наиболее важных источников, в которых упоминается термин «жупа». Как уже отмечалось выше, впервые термин «жупа», точнее *ζουπανία*, упоминается в гл. 30 «De adm. imp.», в которой им определяются 14 районов, входивших тогда в состав Хорватского раннефеодального государства. Как мы уже отмечали, указанные районы в данный период уже не имели никакой связи с племенным делением и представляли собой территориально-административные единицы раннефеодального Хорватского государства. В данной связи для наших целей особый интерес представляют три из этих районов: Растоца, Мокро и Дален¹², так как они позднее упоминаются в составе сербских земель. Их топонимы несколько раз встречаются в сербских источниках, но уже без определения их термином «жупа». Наиболее определенные свидетельства сохранились о районе Мокро. В грамоте 1402 г. он определяется как «locum vocatum Мосго». А с 1469 г. данный район упоминается уже как турецкая нахия Мокро. Иногда этот же район называли другим топонимом — Гласинац¹³.

Рассмотренный материал ясно показывает, что для определения одних и тех же районов в разные хронологические периоды и в разных условиях были использованы самые различные термины. Термин «жупа» удерживался за этими районами только в период их вхождения в состав раннефеодального Хорватского государства.

Совершенно иная картина наблюдается при характеристике Константином Багрянородным районов Конавлей, Требинье, Врма и Рисана. Если Багрянородный называет район Конавлей термином *χωρα*, а остальные указанные топонимы рассматривает как города, то в более поздних источниках почти все эти районы (кроме Стона) бесспорно определяются термином «жупа». В период вхождения этих районов в состав государства Неманичей термин «жупа» для обозначения этих районов тоже не употребляется.

Самое большое количество (38) районов, определяемых термином «жупа», точнее *јираніја*, указывается в Дуклянской летописи — источнике, возникновение которого обычно относят к середине XII в. Однако этот источник дошел до нас в поздних редакциях и с точки зрения достоверности интересующей нас терминологии, как увидим ниже, далеко не безупречен.

¹² «...τρεῖς ἔχουσα ζουπανίας, τὴν Ράστωσαν καὶ τὸν Μοκρὸν καὶ τὸν Δάλεν...» («Византijски извори за историју народа Југославије», т. II. обрадио Б. Ферјанчић, Београд, 1959, стр. 34—35).

¹³ М. Динић. Земље херцега светог Саве. «Глас СКА», № 92, 1940, стр. 160.

На основании свидетельств данного источника в историографии принято выделять следующие районы, определяемые термином «жупа».

В пределах области Требинье (или Травуния) обычно выделяют 9 жуп: Любомир, Ватница, Рудины, Крушевица, Врм, Рисан, Драчевица, Конавли, Жрновница.

На территории Холмской области выделяют также 9 жуп: Стон, Попово, Гацко, Лука, Велика (?), Горимита (?), Веченики (?), Дубравы, Дебре (или Дабар).

В области Подгора (Submontana) насчитывают 11 жуп: Оност, Морача, Комарница, Пива, Герицо (?), Невесинье, Гусинье (?), Ком, Дабар, Неретва, Рамы.

И, наконец, в Зете выделяется 9 жуп: Луска (?), Подлужье, Горска, Купелник, Облик, Прапратна, Црмница, Будва с Кучевом, Грбаль¹⁴.

Перечисленная группа районов уже с давних пор привлекала внимание многих исследователей, которые в основном интересовались исторической географией данных районов. Особенно обстоятельно с этой точки зрения они обследованы в работах К. Иречека, Ст. Новаковича и М. Динича, выводы которых по локализации этих районов до сих пор не утратили своего научного значения. Однако, сконцентрировав основное внимание на историко-географической стороне вопроса, большинство исследователей, руководствуясь охарактеризованной выше системой представлений, приняло на веру терминологию Дуклянской летописи и безоговорочно определило эти районы термином «жупа». Однако, если поставить под сомнение терминологию Дуклянской летописи, а для этого есть все основания, и проверить ее по другим оригинальным источникам, то вырисовывается весьма любопытная картина. Насколько нам удалось проследить по изданным источникам (включая дубровницкие и боснийские документы), термин «жупа» применительно к подавляющему числу перечисленных выше районов вообще в них не употребляется, кроме данных Дуклянской летописи. Им обозначается всего только шесть или восемь районов: Грбаль, Конавли, Попово, Жрновница, Драчевица, Горска и, возможно, Врм и Рудины. Причем оказывается, что районы Грбаль, Конавли, Драчевица и Жрновница в оригинальных источниках совершенно отчетливо начинают определяться термином «жупа» только после того, как они вышли из сферы административного управления государства Неманичей и либо вошли

¹⁴ «Летопис попа Дукљанина». Уредио Ф. Шишић. Београд—Загреб, 1928, стр. 308; «Ljetopis popa Dukljanina». Uredio V. Mošin. Zagreb, 1950, стр. 75. Независимо от свидетельства Дуклянской летописи некоторые исследователи на рассматриваемой территории находят возможным выделять и другие районы, определяя их термином «жупа». Например, на основании более поздних данных выделяется жупа Требинье, хотя этот район не упоминается в Дуклянской летописи.

в состав Боснии, либо оказались зависимыми от соседних далматинских городов Дубровника и Котора, располагавших автономным самоуправлением.

В период вхождения этих районов в состав государства Неманичей их топонимы сравнительно часто упоминаются в самых разнообразных источниках, но сами эти районы ни разу не определяются термином «жупа». Для примера несколько подробнее рассмотрим статистику упоминаний термина «жупа» применительно к району Конавлей, который значительно раньше и чаще других районов встречается в самых разнородных и разновременных источниках.

Упомянутый впервые К. Багрянородным в X в. как *χωρα*¹⁵, этот район в других источниках до конца XIV в. встречается не менее 50 раз, но вплоть до 1391 г., если не считать терминологии Дуклянской летописи и одного очень неопределенного свидетельства 1315 г., ни разу не определялся термином «жупа»¹⁶. Термином «жупа» этот топоним совершенно определенно стал обозначаться только с 1391 г.¹⁷, когда государство Неманичей уже распалось, а часть Конавлей отошла вначале (в 1378 г.) к Боснии, а в 1391 г. была передана Дубровнику¹⁸.

В данной связи заслуживает особого внимания хронологически близкое времени написания Дуклянской летописи (не ранее 1159 г.) свидетельство грамоты 1164 г., которую подписал «*dominus terra Canali et Seruannitie*»¹⁹. Из этой надписи хорошо видно, что районы Конавлей и Жрновницы, определяемые в Дуклянской летописи термином «жупа», в оригинальном документе данного же времени определяются термином «*terra*». Таким образом, термин «жупа» для района Конавлей употреблялся в источниках более позднего времени (конец XIV в.). А это, в свою очередь, дает основание предполагать, что интересующая нас терминология Дуклянской летописи характерна не столько для времени ее происхождения, сколько для времени составления более поздних редакций.

К аналогичному выводу приводит и сопоставление терминологии разновременных редакций самой Дуклянской летописи:

¹⁵ Данное свидетельство будет рассмотрено ниже.

¹⁶ «Monumenta Ragusina», т. I, стр. 22, 63, 92, 93, 96, 98, 108, 119, 158, 197, 269, 271; т. II, стр. 184, 258, 261, 277, 323, 325; т. III, стр. 94, 151, 198, 286, 309; т. IV, стр. 86, 120, 124, 130, 131, 148, 149, 203, 246; «Законски споменици српских држава средњега века», прикупљо и уредио Ст. Новаковић. Београд, 1912 (далее: Зак. спом.), стр. 194, 195, 217; Ј. Тадић. Писма и упутства Дубровачке републике, I. Београд, 1935, стр. 2, 16, 218, 225, 239, 242, 312; «Liber omniū reformationum», rag. XVI, сар. V («Дубровачки закони и уредбе». Изд. А. Соловјев, М. Петерковић. Београд, 1936, стр. 93).

¹⁷ Зак. спом., стр. 252, 317, 325–330.

¹⁸ Вторая часть Конавлея была передана Дубровнику только в 1419 г. Подробнее см.: Р. Грујић. Конавле под разним господарима од XII – XV в. «Споменик СКА», 66, 1926.

¹⁹ Р. Грујић. Указ. соч., стр. 4.

латинской редакции и ее итальянского перевода (XVII в.) с хорватской краткой редакцией (конец XIV в.). Так, например, в главе IX при описании решений о введении нового административного деления, принятых на легендарном соборе в Далме, в латинской редакции для определения новых административных единиц были использованы термины «*provincia*» и «*regio*», а в более ранней хорватской редакции — термин «*županija*». В латинской редакции термином «*županija*», как мы уже видели выше, определялись другие более мелкие районы, каждый из которых имеет свой определенный топоним, а терминами «*provincia*» и «*regio*» — более обширные территории. Но особенно наглядно интересующий нас факт прослеживается при сопоставлении терминологии, используемой для обозначения чиновников соответствующих единиц. Если составитель латинской редакции для обозначения этих чиновников использовал термин «*supan*», который должен соответствовать латинскому «*comes*», то составитель хорватской редакции того же чиновника определяет термином «*duz*», т. е. «дож». Показательно также и то, что в хорватской редакции другие чиновники определяются терминами «*hercseg*» и «*knez*²⁰.

Приведенные факты не оставляют никакого сомнения в том, что даже в более ранней хорватской редакции применяемая для обозначения чиновников терминология приспосабливалась к условиям того периода, когда составлялась редакция. Если это характерно для редакции более раннего времени, то вполне естественно предполагать данный факт и для более поздней латинской редакции и ее итальянского перевода, которые к тому же обработаны историками XVII в. (М. Орбини и Ив. Лучичем), довольно смутно представлявшими себе систему административного деления в начальный период сербской истории²¹.

Из данного сопоставления видно, что авторы обеих редакций были далеко не единодушны в выборе интересующих нас терминов и несомненно отклонились от первоначальной терминологии оригинала. Поэтому не исключено, что на перечисленные в Дуклянской летописи районы, которые представляли собой в XV—XVII вв. единицы турецкой административной системы, нахии²², была перенесена славянская терминология конца XIV в., когда подавляющая часть этих районов находилась в составе Боснии.

Таким образом, если придерживаться свидетельств, сохранившихся в оригинальных источниках, то оказывается, что для подавляющего числа упомянутых в Дуклянской летописи районов термин «жупа» для условий государства Неманичей и более ран-

²⁰ «Летопис попа Дукљанина», стр. 307, 399; «Ljetopis popa Dukljanina», стр. 55.

²¹ В. П. Грачев. Указ. соч., стр. 179.

²² Н. Сабанович. Bosanski pašaluk. Sarajevo, 1959.

него периода вообще неприемлем. В условиях государства Неманичей термин «жупа» бесспорно употребляется только для двух районов: Горска жупа²³ и жупа Попово²⁴.

Аналогичная картина прослеживается и при более длительном знакомстве с копией решения дубровницкого вече от 29 декабря 1315 г., на основании которого можно предполагать, что термин «жупа» применялся для обозначения районов Драчевицы, Требинья, Конавлей, Брма и Рудин²⁵. Данное свидетельство, зафиксированное в «*Liber omnium reformationum*», дошло до нас в более поздних рукописях от 1410 до 1449 гг., когда указанные районы входили уже в состав Боснии²⁶. Из последних работ М. Динича и В. Триковича видно, что данные районы были под властью Боснии уже в первом десятилетии XIV в.²⁷ Поэтому переписчик рукописи мог свободно употребить этот термин для этих районов, так как в условиях Боснии они бесспорно определялись этим термином. Употребление термина «жупа» в приведенном контексте настолько неопределенно, что на основании только одного этого свидетельства было бы неверным утверждение, что термин «жупа» распространялся на каждый из указанных районов и в условиях государства Неманичей.

Таким образом, если принять во внимание специфику терминологии Дуклянской летописи и показания оригинальных источников, то, с нашей точки зрения, сохранившиеся свидетельства не дают достаточных оснований для того, чтобы распространять термин «жупа» на все перечисленные в Дуклянской летописи районы не только в период их вхождения в состав государства Неманичей, но и в более раннее время. В условиях государства Неманичей этим термином бесспорно обозначался только один район из области Зеты—Горска жупа. Часть этих районов стала определяться ука-

²³ В грамоте Стефана Первовенчанного 1220 г. этот район из области Зеты упоминается наряду с другими районами, обозначенными термином «жупа», которые расположены в области Рацка. Материал этой грамоты подробнее будет рассмотрен особо.

²⁴ Для района Попова Поля, расположенного на территории Холмской области, термин «жупа» впервые упомянут в грамоте сербского короля Уроша I от 1254—1264 гг., которая воспроизводит текст несохранившейся грамоты Стефана Первовенчанного, где в свою очередь было записано подтверждение жалованной грамоты холмского князя Мирослава (Зак. спом., стр. 595). Затем термин «жупа» (*juba de Paroa*) для данного района упоминается в 1319 г., когда этот район был уже в составе Боснии (М. Динић. Дубровачки трибути. «Глас СКА», 168, 1935, стр. 214).

²⁵ «*Liber omnium reformationum*», pag. VI, cap. VIII. De robariis («Дубровачки закони и уредбе». Изд. А. Соловјев и М. Петерковић, стр. 40—41).

²⁶ Там же, стр. XIII.

²⁷ В. Триковић. Када је Степан II Котроманић први пут продро у Хум. «Историски гласник», књ. 1—2, 1960, стр. 151—154; он же. Бранивојевићи. Там же, књ. 3—4, 1960, стр. 55—64; М. Динић. Comes Constantinus. «Зборник радова Византолошког института», књ. 7, 1961, стр. 1—11; С. Ђирковић. Историја средњевековне босанске државе. Београд, 1964, стр. 89.

занным термином только после выхода из сферы административного управления государства Неманичей или после его распада. Но подавляющая часть перечисленных в Дуклянской летописи районов в оригинальных источниках вообще никогда не определялась термином «жупа».

В оригинальных источниках термин «жупа» впервые упоминается в грамоте 1220 г. Стефана Первовенчанного сербской архиепископии, сохранившейся в монастыре Жича. Им обозначаются 14 территориально-географических районов, имеющих свои топонимы и расположенных, как правило, по течению одноименных рек. 13 из этих районов находились в пределах области Рашки, а один, Горска жупа, упомянутый в Дуклянской летописи, располагался в области Зеты. Значительная часть топонимов указанных в грамоте 1220 г. районов встречаются и в более поздних источниках, но в них они уже, как правило, не определяются термином «жупа», за исключением двух районов — Расина и Левач²⁸.

Таким образом, уже этот беглый обзор специфики употребления термина «жупа» в источниках ставит под сомнение достоверность ряда выводов домарксистской историографии и, следовательно, требует более тщательного анализа всех сохранившихся данных, относящихся к перечисленным выше районам. Для намеченной цели мы вынуждены выделять не только те районы, которые бесспорно обозначаются термином «жупа» в оригинальных источниках, но и те, которые, с нашей точки зрения, не всегда обоснованно принято обозначать этим термином в историографии. Это обстоятельство особенно важно для рассматриваемой группы районов, ибо, как это отмечалось выше, в данном случае в источниках термином «жупа» обозначается только один район Попово.

Специфика исторического материала применительно к этим областям заключается в том, что источники значительно полнее отражают историческую и отчасти этническую географию этих районов, но крайне недостаточно освещают организацию феодального землевладения на их территории. Учитывая, что историческая география этих районов разработана сравнительно лучше, чем это сделано для других областей, мы ограничиваемся изложением лишь самых необходимых для характеристики выделенных районов данных, полагая, что с более частными вопросами обстоятельнее можно познакомиться в уже имеющейся литературе. При характеристике феодального землевладения на территориях данных областей, ввиду крайней скучности свидетельств, нам либо приходилось привлекать самые общие свидетельства, либо составлять о них представление через призму социальных противоречий и политических событий, нашедших отражение в самых различных источниках.

---

²⁸ Эта группа районов будет рассмотрена в другой работе.

Подгора (Submontana)

1. О н о г о с т . (или Никшич). Район располагался на территории современной Черногории²⁹. Если не считать свидетельств Дуклянской летописи³⁰, в оригинальных источниках топоним района начинает упоминаться только со второй половины XIV в., но никогда не обозначался термином «жупа»³¹. С 1469 г. в турецких источниках определяется термином «нахия»³².

2. М о р а ч а . Топоним впервые упоминается в 1355 г. без определения термином «жупа»³³. Район располагался по р. Морача. Административным термином «нахия» он впервые определяется только в 1477 г. Тогда же район был разделен на две «влашские» нахии: Верхнюю и Нижнюю Морачу. Верхняя Морача располагалась в верховье р. Морачи. Она состояла из одного катуна влахов, во главе которого стоял воевода. Нахия Нижняя Морача состояла из двух влашских катунов³⁴. В оригинальных источниках под термином «жупа» не встречается вообще.

3. К о м а р и ц а . Располагалась между районами Пива и Гацко. В 1477 г. ее территория стала называться нахией Комарница, или иногда Дробняци (Комарница — от названия одноименной реки, а название Дробняци — от старинного большого скотоводческого братства, которое упоминается в источниках еще в 1285 г.). В 1477 г. это братство размещалось в 17 катунах (дјемата). Во главе одного из катунов стоял кнез³⁵. Термин «жупа» для Комарницы не встречается.

4. П и в а . Район Пива, располагавшийся по р. Пиве, в 1477 г. упоминается как влашская нахия под двумя названиями: Пива и Баня. На его территории находилось 19 влашских катунов, во главе которых стоял один кнез³⁶. Термином «жупа» не определяется.

5. Н е в е с и н ъ е . Ст. Новакович расшифровывает этот топоним как Тушина, которая располагалась в Дробняках. Однако Х. Шабанович в турецких документах нашел нахию Невесинье. Главным городом района был город Виначац, известный

²⁹ Ст. Новакович. Српске области X и XII века. Београд, 1880, стр. 76.

³⁰ При учете упоминаний термина «жупа» в источниках в дальнейшем данные Дуклянской летописи по указанным выше причинам не учитываются.

³¹ Зак. спом., стр. 8, 185, 186.

³² Н. Шабанович. Указ. соч., стр. 143.

³³ Там же, стр. 429.

³⁴ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 76; Н. Шабанович. Указ. соч., стр. 159.

³⁵ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 76; Н. Шабанович. Указ. соч., стр. 159.

³⁶ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 76; Н. Шабанович. Указ. соч., стр. 159.

еще в 1435 г., но при турках он не упоминается³⁷. Термином «жупа» также не определяется.

6. К о м. По предположению Ст. Новаковича, район должен был располагаться около горы Ком. Исследования Х. Шабановича подтвердили это предположение, так как именно на этой территории в турецких документах от 1469 и 1477 г. указывается нахия Ком³⁸. Район термином «жупа» в источниках не определяется.

7. Да бар, или Да бри. По мнению Ст. Новаковича, район располагался по нижнему и среднему течению р. Лима. Этот Дабар, как предупреждает Ст. Новакович, не нужно путать с Дабром, который был еще и в Холме. Х. Шабанович в описи 1469 г. нашел нахию Дабри³⁹. Термином «жупа» не определяется.

8. Н е р е т в а. В оригинальных источниках как одно целое упоминается с 1244 г. В этот период он уже входил в состав Боснийского государства. Целым он оставался до XV в., занимая территорию около Коница (Konjica) по обоим берегам р. Неретвы, и принадлежал дому Котроманичей⁴⁰. В начале XV в. район был разделен на две части. Та часть, которая находилась на левом берегу Неретвы, перешла под власть герцога св. Саввы. А другая часть, на правом берегу, оставалась во владении боснийского короля. В описи 1469 г. упоминаются две нахии Неретва: одна в земле короля, а другая — на земле герцога⁴¹. Термином «жупа» не определяется.

9. Р а м ы. По определению Ст. Новаковича, район находился в Полимье⁴². Топоним впервые упоминается в 1138 г. в титулатуре венгерских королей⁴³. В 1463 г. Матвей Корвин после удачной борьбы с турками осенью и зимой 1463 г. пожаловал Владиславу Герцеговичу три района, среди которых был и район Рамы.

Холмская область

1. С то н. Район располагался на полуострове Пелешац (или Стонски Рат). Топоним упоминается еще в середине X в. в «De adm. imp.». Грамотой от 1333 г. Стефан Душан передал

³⁷ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 76—77; Н. Щаванович. Указ. соч., стр. 141.

³⁸ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 76—77; Н. Щаванович. Указ. соч., стр. 140.

³⁹ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 77; Н. Щаванович. Указ. соч., стр. 142.

⁴⁰ М. Дишић. Земље херцега св. Саве, стр. 214.

⁴¹ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 77; Н. Щаванович. Указ. соч., стр. 120, 126.

⁴² Ст. Новакович. Српске области..., стр. 77.

⁴³ В. Трикович. Хумска земља. «Зборник филозофског факултета», књ. VIII/1. Београд, 1964, стр. 239.

дубровчанам весь полуостров Пелешац, и в этом же году боснийский бан подтвердил факт передачи грамотой со своей стороны⁴⁴. За это дубровчане обязаны были платить так называемый «стонский доход» в размере 500 перперов в год⁴⁵. В дальнейшем судьба района была тесно связана с историей Дубровника.

2. П о п о в о. Район занимал территорию от Стона (полуострова Пелешаца) до Затона, располагаясь в низовьях р. Требишницы⁴⁶. Эта территория была захвачена турками в 1467 г.⁴⁷ В турецкой описи 1469 г. эта территория называется нахией Попоуска⁴⁸. Известно также, что в начале XIV в. на территории района насчитывалось 20 сел⁴⁹. Под термином «жупа» упоминается уже в 1254—1264 гг.⁵⁰

3. Гацко. Ст. Новакович и К. Иречек располагают его в Холме, но Х. Шабанович и Х. Капиджич называют его жупой Подгорья. Мы решили отнести его к той области, в которой он указан в Дуклянской летописи. В описи 1469 г. район называется нахией Гацко⁵¹.

4. Л у к а. Район располагался по обоим берегам р. Неретвы, на территории, где в Неретву впадают реки Трибижат, Брегова и Крупа⁵². Топоним упоминается только в 1465 г. В этот год Матвей Корвин пожаловал три села «у луци у Хумской земли»⁵³. В 1477 г. упоминается как нахия Лука⁵⁴.

5. Д у б р а в ы. Район занимал территорию между Стоцем и Мостаром. Багрянородный упоминает город Добристик, под которым некоторые исследователи склонны видеть топоним района Дубравы. К. Иречеку был известен источник, который якобы еще в 1285 г. называл эту территорию «јурра Dobraue»⁵⁵. Для нас этот источник остался недоступным. В опубликованных источниках упоминается только топоним в 1343, 1347, 1361—1364, 1396 гг.⁵⁶ В турецкой описи 1469 г. территория района называлась

⁴⁴ В. Трпковић. Око «уступања» Стоца и Пељешца Дубровчанима 1326—1333. «Историски гласник», 1963, књ. 1.

⁴⁵ Зак. спом., стр. 297, 300.

⁴⁶ К. Јиречек. Трговачки путеви... «Зборник К. Јиречека», т. I, Београд, 1959, стр. 238.

⁴⁷ М. Динић. Земље херцега св. Саве, стр. 250.

⁴⁸ Н. Šabancović. Указ. соч., стр. 141.

⁴⁹ Ст. Новаковић. Српске области..., стр. 46.

⁵⁰ Эти свидетельства подробнее будут рассмотрены ниже.

⁵¹ Ст. Новаковић. Српске области..., стр. 46—47; К. Јиречек; Трговачки путеви..., стр. 238; Н. Šabancović. Указ. соч., стр. 142; «Enciklopedija Jugoslavije», т. 3, стр. 416.

⁵² К. Јиречек. Трговачки путеви..., стр. 238.

⁵³ F. Miklosich. Monumenta serbica. Viennae, 1858, стр. 494; Ст. Новаковић. Српске области..., стр. 47.

⁵⁴ Н. Šabancović. Указ. соч., стр. 163.

⁵⁵ К. Јиречек. Трговачки путеви..., стр. 238.

⁵⁶ «Monumenta Ragusina», т. I, стр. 141, 218, 286; т. III, стр. 133, 209; т. IV, стр. 20, 21, 261, 263.

нахияй, в которой насчитывалось 16 сел. Но в этих селах не было жителей. Центром района в этот период был город Почитель, где еще в 1471 г. располагался венгерский гарнизон, но позднее эта крепость была захвачена герцеговинским санджак-бегом Хализа-бегом. По переписи 1477 г. в нахии Дубравы насчитывалось 19 катунов влахов. Среди других катунов выделялся катун Радивоя. Х. Шабанович предполагает, что это был Радивой Влаткович, о котором упоминается в надписи, найденной в селе Оплагичи, как о «самом главном муже в Дубравах» («najbolji muž i Dubravama») ⁵⁷.

Травунская (или Требиньская) область

1. Любомир. Район располагался между Требиньем, Билечем и Поповом ⁵⁸. Топоним упоминается только с XV в., когда район был захвачен турками в 1465 г. А в 1477 г. упоминается как нахия ⁵⁹. По данным Ст. Новаковича, Любомир как целое сохранялся по XIX в., насчитывая 11 сел ⁶⁰.

2. Фатница, или Ватница (Vetanica). Топоним упоминается только с XV в. Ст. Новакович и К. Иречек не могли определить расположение и точное название этого района по данным Дуклянской летописи. Х. Шабанович отождествляет жупу Vetanica Дуклянской летописи с нахией Ватница из турецкой описи 1469 г., определив ее расположение между Стоцем и Билечем ⁶¹.

3. Рудины. Топоним района упоминается впервые в 1301 г., но без определения термином «жупа» ⁶². Он сохраняется и до настоящего времени как район Рудины, восточнее Билеча. В 1477 г. упоминается как нахия, в которой был один катун влахов без воеводы и кнеза ⁶³.

4. Крушевица. Топоним упоминается с 1280 г. ⁶⁴, но район никогда не обозначался термином «жупа». Душан, подтверждая Котору право на владение районом, указывал в грамоте 1351 г., что город получил «Кроушевицу со всеми селами, мегами, правинами своими до реке» ⁶⁵. В турецких документах район не упоминается.

5. Врм. Топоним (*το Ὀρμός*) впервые упоминается в середине X в. в «De adm. imp.», где он использован для обозначения

⁵⁷ Н. Шабанович. Указ. соч., стр. 159—160.

⁵⁸ К. Иречек. Трговачки путеви..., стр. 233.

⁵⁹ Н. Шабанович. Указ. соч., стр. 158.

⁶⁰ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 26.

⁶¹ К. Иречек. Трговачки путеви..., стр. 233.

⁶² Зак. спом., стр. 159; Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, т. I. Београд, 1902, стр. 41.

⁶³ Н. Шабанович. Указ. соч., стр. 158.

⁶⁴ Зак. спом., стр. 14, 579, 695, 771.

⁶⁵ Там же, стр. 32.

города. В 1315 и 1357 гг. топоним использовался для обозначения района. При этом (в 1315 г.) район, возможно, мог определяться термином «жупа»⁶⁶. В XV в. центром района был город Клобук⁶⁷. Поскольку тогда район принадлежал феодальной семье Кореничей, то по имени господ он иногда назывался Кореничи. В описи 1477 г. эта территория именуется «нахией Клобук», которая принадлежит Врму», где расселился один катун влахов⁶⁸.

6. Рисан. Топоним (*τὰ Ρίσενα*) впервые упоминается Константином Багрянородным в середине X в. для обозначения города. Ст. Новаковичу и К. Иречеку были известны акты XIV в. из дубровницких архивов, где этот топоним использовался для обозначения района⁶⁹. В 1451 г. Рисан упоминается как город в Драчевице⁷⁰. В турецких переписях топоним не встречается.

7. Жировница. Топоним впервые упоминается в грамоте 1164 г., а соответствующий ему район определяется термином «terra»⁷¹. В источниках XIII—XIV вв. для обозначения данного района чаще всего использовался другой топоним — Брено (Breno). Термином «жупа» вплоть до XV в. район никогда не обозначался, хотя упоминается в источниках довольно часто: в 1222⁷², 1242⁷³, 1361—1362⁷⁴, 1366, 1372⁷⁵, 1378, 1408 гг.⁷⁶ В XIV в. район был разделен на три части⁷⁷. Район располагался в окрестностях Дубровника и представлял собой самое узкое место прибрежья Далмации. На территории района площадью около 1 кв. мили еще в XIX в. размещалось не более 500 домов⁷⁸.

8. Конавли. Этим топонимом (*Καναλή*) в середине X в. К. Багрянородный называл землю или область (*χώρα*)⁷⁹, которая располагалась юго-восточнее Дубровника, рядом с районами Жрновница (Брено) и Витопина. Эта территория представляла собой приморский район площадью в 4 кв. мили. В грамоте 1164 г. этот район определяется термином «terra»⁸⁰. В источни-

⁶⁶ «Monumenta Ragusina», т. II, стр. 184. Свидетельство 1315 г. подробнее рассмотрено на стр. 15 данной работы.

⁶⁷ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 73.

⁶⁸ Н. Шабалович. Указ. соч., стр. 158.

⁶⁹ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 24; К. Иречек. Трговачки путеви..., стр. 233.

⁷⁰ Зак. спом., стр. 342.

⁷¹ Р. Гружић. Указ. соч., стр. 4.

⁷² Зак. спом., стр. 586.

⁷³ Там же, стр. 147.

⁷⁴ Ј. Тадић. Указ. соч., стр. 67, 94; Зак. спом., стр. 185: «Жрновничка земља».

⁷⁵ Зак. спом., стр. 162, 248.

⁷⁶ Там же, стр. 196, 324.

⁷⁷ К. Иречек. Трговачки путеви..., стр. 234.

⁷⁸ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 24; К. Иречек. Трговачки путеви..., стр. 234.

⁷⁹ Ст. Новакович. Српске области..., стр. 28; К. Иречек. Трговачки путеви..., стр. 234.

⁸⁰ Р. Гружић. Указ. соч., стр. 4.

ках XIV—XV вв. район упоминается очень часто, но термином «жупа» начинает обозначаться только с 1391 г.⁸¹ Начиная со второго десятилетия XIV в. район довольно часто переходил от одних правителей к другим. В 1378 г. он окончательно отошел к Боснии. В 1419 г. Сандаль Хранич продал Дубровнику сначала восточную часть, а в 1426 г. и западную часть района.

9. Требинье. Данний топоним употреблялся в двух значениях: в одном случае для обозначения целой области Требинье, или Травуния, а во втором — для обозначения сравнительно небольшого района на р. Требишнице. Во втором значении топоним впервые упоминается в X в. в «De adm. imp.» для обозначения города. В этом значении топоним употребляется и в источниках XIV—XV вв.: 1322, 1323, 1329, 1345, 1347, 1357—1359, 1362—1363, 1372, 1374—1375, 1378, 1391, 1405 гг.⁸² и т. д. Но во всех указанных случаях, кроме рассмотренного выше свидетельства от 1315 г., данный район термином «жупа» не определяется. На территории данного района в конце XIV—XV в. прослеживаются несколько более мелких районов: Луг, Версинье и Зубцы. В 1430 г. в районе Луг насчитывалось 60 домов, жители которых занимались изготовлением древесного угля и «по бедности своей» занимались разбоем на дорогах. Топоним «Зубцы» в 1379 г. употреблялся для обозначения так называемого *племени*, которое под этим же названием было известно еще в XIX в. С 1469 г. район Требинье определяется термином «нахия», которая с 1471 по 1473 г. была под властью герцога Влатко⁸³.

10. Драчевица. Граничит с районами Требинье и Копавлей. Топоним впервые упоминается в 1323 г., если не считать более поздней редакции свидетельства от 1315 г. Термином «жупа» определяется только в 1451 г., когда боснийский король Степан Томаш передал Дубровнику «своу жоупоу Драчевицу»⁸⁴. Неоднократно упоминаемый в источниках до этого (1323, 1329, 1346, 1357, 1361, 1371, 1374, 1378 гг.), район ни разу не определялся термином «жупа»⁸⁵. На территории района располагались города Нови и Рисан⁸⁶. В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что район Рисана в историографии принято называть также жупой.

⁸¹ О специфике употребления термина «жупа», см. стр. 13.

⁸² «Monumenta Ragusina», т. I, стр. 63, 92, 93, 96, 98, 119, 269; 271; т. II, стр. 184, 258, 277, 323, 325; т. III, стр. 94, 151, 198, 309; т. IV, стр. 130, 148, 149; Я. Тадић. Указ. соч., стр. 2, 239, 312; «Liber omnium reformatiopum», pag. XVI, cap. V, стр. 40—41, 93; Зак. спом., стр. 167—170, 179, 194—195, 217, 317, 330.

⁸³ Ст. Новаковић. Српске области..., стр. 28; К. Јиречек. Трговачки путеви..., стр. 234; Н. Шабановић. Указ. соч., стр. 141.

⁸⁴ Зак. спом., стр. 341—342.

⁸⁵ «Monumenta Ragusina», т. I, стр. 92, 93, 96, 98, 220; т. II, стр. 184, 323, 325; т. III, стр. 94; 200; т. IV, стр. 125, 219; Зак. спом., стр. 194—195.

⁸⁶ Н. Шабановић. Указ. соч., стр. 44.

В XIV в. жители Драчевицы в основном занимались скотоводством. В 1330 г. отмечается массовое переселение населения района в соседние владения Дубровника. С начала XIV в. район неоднократно переходил из рук в руки разных господ, до тех пор, пока в 1378 г. вместе с соседними районами не вошел в состав Боснии. В 1451 г. был передан Дубровнику. С 80-х годов XV в. Драчевица уже упоминается среди нахий вилайета и кадилука Дрина⁸⁷.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы.

1. На территории Холмской, Требиньской и Подгорской областей в период с X по XV в. действительно существовал ряд территориально-географических районов, которые имели свой определенный топоним и на протяжении рассматриваемого периода сохраняли свою территориальную целостность.

2. Размеры этих районов были сравнительно небольшими. На их территории размещалось обычно не более 20 сел или катунов.

3. Насколько можно предполагать по отрывочным данным более позднего периода (XVI—XVIII вв.), территорию каждого из районов заселяли несколько групп. Каждая из этих групп еще в XV—XVII вв. продолжала сохранять какое-то внутреннее единство.

Некоторые группы (например, Сираковичи), упоминающиеся в источниках XIII—XIV вв., известны и в XV—XVII вв., когда они заселяли по 8—13 сел. Но характер этих связей до сих пор остается неясным.

4. Если строго придерживаться только терминологии оригинальных источников, то следует признать, что из 24 рассмотренных районов только 4 района (Конавли, Попово, Драчевица и Жрновница) бесспорно определялись термином «жупа». При этом районы Конавлей, Драчевицы и Жрновницы, чаще других упоминаемые в источниках X—первой половины XIV в., начинают определяться термином «жупа» только после второй половины XIV в., когда они уже вышли из состава государства Неманичей и входили или в состав Боснии или подчинялись соседнему Дубровнику. В условиях государства Неманичей только район Попова определялся термином «жупа».

5. В период турецкого господства подавляющее большинство рассмотренных районов определялось термином «нахия».

6. Если принять во внимание показания оригинальных источников, то следует признать необоснованной существующую до сих пор в историографии практику определять все рассмотренные выше территориально-географические районы термином «жупа». Такая практика, особенно неприемлемая для условий государства Неманичей и более раннего периода X—XII вв., установилась

⁸⁷ Там же, стр. 157.

под влиянием господствовавшей в середине XIX—начале XX в. концепции общественного и государственного развития вопреки показаниям оригинальных источников.

СПЕЦИФИКА ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ХОЛМЕ И ТРЕБИНЬЕ

Несмотря на то, что сохранившиеся свидетельства весьма скучно освещают развитие социально-экономических отношений, но все же эти фрагментарные и чаще всего самые общие показания источников порой красноречиво характеризуют специфику процесса формирования феодального землевладения в этих областях. Одной из особенностей социально-экономического развития этих областей является их тесная связь с соседними далматинскими городами.

Из сообщений Константина Багрянородного известно, что соседние далматинские города уже в середине X в. арендовали или откупали на длительный срок у славянского населения этих областей земельные участки, которые использовались чаще всего для разведения виноградников. В частности, за такие участки жители города Сплита платили 200 номизм, жители Задра — 110 номизм, трогирANE — 100 номизм⁸⁸. Но, пожалуй, больше других арендовал Дубровник. Арендованные им в X в. участки Дубровник удерживал за собой по крайней мере до конца XIV в. и даже далее, порой окончательно превращая их в свою собственность⁸⁹.

Однако нас прежде всего интересует другая сторона вопроса — формы земельной собственности, господствовавшие в среде славянского населения этих областей. Арендованные дубровчанами земли в районе Попова Холмской области принадлежали Дедичам из Попова (Diedich de Paroa), о социальном положении и форме родственных связей (семья, братство, род и т. д.) которых до сих пор существуют разногласия⁹⁰. На территории Требиньской области Дубровник также арендовал участки⁹¹, но кому они принадлежали, остается неясным. По мнению М. Динича, в X в. плату за эти участки получали холмские и требиньские

⁸⁸ М. Динич. Дубровачки трибути. «Глас СКА», 168, 1935, стр. 207.

⁸⁹ Подробнее см.: М. Динич. Дубровачки трибути, стр. 203—206.

⁹⁰ М. Динич считает, что в XIV в. Дедичи представляли собой либо какую-то общину свободных крестьян, либо мелкопоместных дворян (М. Динич. Дубровачки трибути, стр. 210).

⁹¹ Грамотой (ок. 1289 г.) короля Елена, мать короля Милутина, управлявшая тогда этой областью, подтвердила дубровчанам их старое право на аренду виноградников в соседних с Дубровником районах. Сербский король Владислав I в середине XIII в. освободил дубровчан от арендной платы за виноградники, которые располагались в районе Жрновницы (Брено) (Зак. спом., стр. 147, 157).

князья, поскольку эти области в тот период представляли собой самостоятельные и независимые друг от друга политические единицы⁹².

В период вхождения рассматриваемых областей в состав Дуклянского государства дуклянские правители, по сообщению летописца, раздавали эти районы в управление или владение целиком. Например, король Предимир передал в управление или владение район Оногоста сыну рашского жупана⁹³. Король Доброслав (Воислав) дал своему сыну Радославу «жулу Гацко»⁹⁴. Число таких примеров можно было бы увеличить, но поздняя редакция летописи и вызывающая сомнение терминология существенным образом ограничивают возможность использования ее свидетельств. Но если верить летописи, то дуклянские короли передавали во владение или управление не отдельные села, а целые районы.

О характере церковного и монастырского землевладения в данных областях также сохранилось мало сведений. До конца XII в. они вообще отсутствуют, а более поздние свидетельства крайне скучны и, как правило, слишком общи. Но тем не менее эти общие свидетельства дают основания думать, что удельный вес церковного и монастырского землевладения в данных областях был сравнительно незначительным, так как для его развития не было необходимых условий. Известно, что на территории Холмской и Требиньской областей в период с конца XII и по XIV в. распространялись сферы влияния как католической, так и православной церквей. Здесь функционировали две католические (Холмская и Требиньская) и одна православная (Холмская) епископии и несколько католических монастырей. Наиболее значительными были бенедиктинский монастырь *S. Maria Buduensis* и так называемый Богородичный монастырь, располагавшиеся в пределах Требиньской области. Требиньскому епископу подчинялись также церкви св. Мартина в Конавлях и св. Трифона в Цаптате. Несколько других, как правило, небольших церквей и монастырей около города Котора и разбросанных по другим районам Требиньской области подчинялись каторской епископии. Конкретных сведений о размерах феодальных владений, принадлежащих католической церкви, почти не сохранилось. Известно только, что в 1222 г. Стефан Первовенчанный пожаловал бенедиктинскому монастырю на острове Млет весь остров и какие-то незначительные владения на полуострове

⁹² М. Диини І. Дубровачки трибути, стр. 209.

⁹³ По выражению летописца, король его «поставил жупаном в Оногосте» (*constituit... iupanum in Onogoste*) «Летопись попа Дуклянина», стр. 325; *Ljetopis popa Dukljanina*, стр. 74.

⁹⁴ «Dedit tandem rex filio suo Radoslavo iupaniam, quae Kezca vocatur» («Летопись попа Дуклянина», стр. 346; *Ljetopis popa Dukljanina*, стр. 88).

Пелешац (Стонски Рат). Эти владения сохранялись за монастырем до XIV в.⁹⁵

Источники значительно лучше освещают размеры земельных владений холмской православной епископии. В период организации (в 1219 г.) и позднее холмской епископии было пожаловано сербскими правителями более 50 сел и другие земельные угодья и привилегии. Из всего пожалованного числа сел лишь 16 сел располагались в пределах самой Холмской области. Остальные села, как это ни странно, были пожалованы в других областях: в Полимье — 23 села, в районе города Брскова — 9 сел, в районе Хвостно — 1 село и в Држковине — 1 село⁹⁶.

Весьма показательным является и распределение пожалований внутри самой области. В результате обследования территории, на которой размещались пожалованные села и угодья, Р. Иванович установил, что села были разбросаны в разных районах области: 1) по берегам р. Неретвы было дано 3 села и 2 заселка: Биволе Брдо, Погилицы с заселками Топольница и Моруга, Браштаник; 2) в районе Макарской дано село Живогоште с заселком Устринь; 3) на полуострове Пелешац (Стонски Рат), в самом городе Стоне передавалась вся земля около церкви. Этот участок определяется в грамоте как «княжина вся и сад княжеский»⁹⁷. Это определение дает основание думать, что до передачи этих участков холмской епископии они принадлежали княжескому двору, который, судя по всему, после смерти Мирослава был упразднен, а принадлежавшие ему земли переданы епископии. Здесь же находились село Паникова с заселком Буба и участок земли у залива Жуляны. В центральной части полуострова, около Черной Горы, был дан участок земли⁹⁸.

4) Села Трнава, Меликовы и Осойник были расположены в Сланском приморье и в окрестностях Дубровника. На территории, которая определяется «Сираковичи», были переданы три участка земли: «часть Конюхова и Ковачева и Вратькова... с винограды и съ лоудьмы»⁹⁹.

Судя по топонимам, район Сираковичей получил свое название от имени какой-то значительной группы населения, связанной между собой какой-то степенью родства. Топонимы более мелких участков безусловно имеют связь с названиями придворных, возможно, княжеских служб: конюхи, кузнецы, привратники. На основании данных XV—XVI вв. И. Синдик установил, что в районе

⁹⁵ A. S o l o v j e v. Svedočanstva pravoslavnih izvora o bogomilstvu na Balkanu. «Godišnjak istorijskog društva Bosne i Hercegovine», god. V, 1953, str. 72.

⁹⁶ Р. Иванович. О населения Хумского властелинства. «Гласник САН», књ. VIII, св. 2, 1957, стр. 211.

⁹⁷ «Оу Стонъ земље около цркве како је оти прѣде было, кнезина вса п врѣть кнѣжь, лоука вса» (Зак. спом., стр. 595).

⁹⁸ «А оу Чрнои Горѣ поле земље» (Зак. спом., стр. 601).

⁹⁹ Зак. спом., стр. 596.

Сираковичей располагались 13 сел, объединенных в одну группу общим топонимом¹⁰⁰. Все указанные выше феодальные владения как православной, так и католической церкви на территории данных областей, как правило, были экономически слабыми и неустойчивыми. Об этом свидетельствует ряд прямых и косвенных фактов. Сохранившиеся источники указывают, что, начиная с конца XII в., на рассматриваемой территории ни католическая, ни православная церковь не пользовались влиянием ни у крестьянства, ни у местной знати. Из письма папы Александра III от 1181 г. известно, что холмский князь Мирослав, брат Степана Немани, отрицательно относился к поборам в пользу латинской церкви. Он даже изгнал стонского епископа Доната, который был назначен епископом в Стон еще в 1170 г.¹⁰¹

О характере конфликта церкви с местным населением и знатью до некоторой степени можно судить по событиям, развернувшимся в это же время в соседних хорватских областях, которые нашли свое отражение в хронике Фомы Сплитского.

Из этой хроники узнаем, что вблизи города Сплита окрестные жители в 1180 г. убили местного архиепископа Райнерию. Последний был убит за попытку доказать, что данная земля принадлежит церкви св. Дуйма, а не местному роду Качичей¹⁰². Суть конфликта, в конечном итоге, объясняется борьбой за землю.

Не изменилось положение и после смерти князя Мирослава. В 1217 г. папа Гонорий приказывал дубровницкому архиепископу, чтобы в г. Стоне, очень долго остававшемся без епископа, был немедленно назначен епископ. Но и этот строгий наказ оказался невыполненным, так как ни один из назначенных клириков не желал быть епископом в г. Стоне¹⁰³. Епископ Требиньский (*Episcopus Tribuniensis*) Сальвий (1250—1271 гг.) также был вынужден перенести свою резиденцию из пределов области в Дубровник. Но и там он также не смог обеспечить сбор церковных налогов с области. За утраченные владения дубровницкий архиепископ передал ему освободившуюся должность настоятеля (аббата) бенедиктинского монастыря на острове Локрум.

Не лучше обстояли дела и у сербской православной церкви. Известно, что отдельные холмские князья поддерживали православную церковь еще задолго до создания самостоятельной сербской православной архиепископии. В частности, холмский князь Мирослав строил православные церкви и жаловал им села и земли еще в конце XII в. Но эти церкви и их владения создавались не на территории самой Холмской области, а за ее пределами. В частности, из грамот XIII в. известно, что холмский князь Мирослав

¹⁰⁰ И. Синдић. Дубровник и околина. «Српски етнографски зборник (Насеља)», књ. 23. Београд, 1926, стр. 28—31.

¹⁰¹ А. Соловьев. Указ. соч., стр. 71.

¹⁰² «Toma arhidakon. Kronika». Split, 1960, стр. 41.

¹⁰³ А. Соловьев. Указ. соч., стр. 71.

в конце XII в. построил православную церковь св. Петра и Павла на р. Лим и пожаловал ей более 20 сел. Эти села располагались в районах среднего течения рек Лима и Тары, в Приморье, Косова Поля и Дреницы¹⁰⁴.

Созданная в 1219 г. холмская православная епископия, центр которой первоначально располагался в г. Стон, из 50 пожалованных ей сел в пределах Холмской области получила только 16. Но и эти села, судя по всему, вскоре были потеряны. Более того, в связи с враждебным отношением местного населения к деятельности православных епископов центр епископии был перенесен в церковь св. Петра и Павла на р. Лим, т. е. за пределы Холмской области. После того как значительная часть Холма и Приморья в 20-х годах XIV в. отошла к Боснии, остатки холмской епископии, расположившейся в церкви св. Петра и Павла на Лиме, были переименованы в Лимскую (или Петровскую) епископию, которая продолжала функционировать, но уже без владений и церковных поборов в Холме и Приморье. Этой епископии были пожалованы новые села, но и они не смогли укрепить экономическую базу епархиального хозяйства. Тогда Душан в середине XIV в. принял решение передать все ее владения Хиландарскому монастырю, а епископию упразднить.

Весьма показательно то, что жалобы об утрате владений поступают одновременно как со стороны православной, так и со стороны католической церкви. Например, в период правления королей Милутина и Драгутина холмские православные епископы Даниил и Стефан неоднократно (в 1313—1321 и 1321 гг.) жаловались «ако јепискоупиа . . . запоустела, ни врховине не има, ни бири, ни јединого доходька ниоткоудеръ»¹⁰⁵.

Которский епископ Домний в 1324 г. жаловался, что владения его «mensae episkopalis» захвачены местной феодальной знатью разных рангов. И снова в 1346 г. папа и епископоторский обращаются к Душану с просьбой вернуть каторской епископии захваченные у нее владения¹⁰⁶.

Из изложенных выше фактов можно понять, что центральная власть, пожалуй, в равной степени поддерживала как православную, так и католическую церковь, а местное население и феодальная знать Холмской и Требиньской областей, наоборот, выступали против той и другой церкви. На это обстоятельство исследователи уже неоднократно обращали внимание, но объясняли его по-разному. Ближе к истине, с нашей точки зрения, подошел А. В. Соловьев. Он предполагает, что население Холмской области решительно выступало против всяких экономических при-

¹⁰⁴ Р. Иванов и Ѽ. Средњовековни баштински поседи Хумског епархијског властелинства. «Историски часопис», књ. IX—X, 1960, стр. 79.

¹⁰⁵ Зак. спом., стр. 597, 598.

¹⁰⁶ К. Јиречек. Историја Срба, књ. II, стр. 78—79.

вилегий обеих церквей потому, что оно перешло в богомильство¹⁰⁷. Соглашаясь в основном с выводом А. В. Соловьева, в то же время хотелось бы уточнить наше отношение к тому вопросу, который связан с утверждением А. В. Соловьева о переходе населения Холмской области в богомильство. Как нам представляется, такое категоричное утверждение было бы не совсем уместно при столь недостаточном состоянии источников. Было бы правильнее, по нашему мнению, эту мысль сформулировать несколько осторожнее.

Население этих областей поддерживало и симпатизировало тем идеологическим течениям того времени, которые были направлены против формирования феодальной, в данном случае церковной собственности. Такие симпатии можно проследить не только в этих областях. Кроме того, они были свойственны не только крестьянству, но и некоторым группам феодального класса на территории всей страны. Но в одних условиях в силу определенных причин эти симпатии перерастали в реальную поддержку и порой достигали желаемых результатов. А в других условиях они глушились, объединенной силой государственной власти, церкви и большинства феодального класса.

Но основная мысль А. В. Соловьева, что население выступало против экономических привилегий церкви, бесспорно верна. Также верен его вывод и о единой причине запустения как православной в Холме, так и латинских епископий в Боснии¹⁰⁸. Правильность этого вывода подтверждается единством дальнейшей судьбы холмских и боснийских земель, несмотря на то, что отдельные холмские феодалы вели свою самостоятельную политику и были мало зависимы от слабой центральной власти Боснийского государства. Ряд косвенных данных позволяет предполагать, что структура Боснийского государства для Холмской и Приморской областей была ближе, чем тот строй, который господствовал на территории Сербского государства. Об этом до некоторой степени может свидетельствовать тот факт, что Холмская область отошла от Сербского государства в период расцвета его мощи. С другой стороны, укрепление центральной власти в период наибольшего расцвета Сербского государства, возможно, было направлено на изменение тех условий, которые существовали в рассматриваемых областях. Наиболее сильный натиск центральной власти вызвал вполне закономерную реакцию на территории этих областей, что, в свою очередь, обусловило такой легкий переход этих областей в состав Боснийского государства со слабой центральной властью в этот период.

Характеризуя особенности феодального землевладения в Боснии, С. Чиркович делает в данной связи ряд интересных, на наш

¹⁰⁷ А. Соловьев. Указ. соч., стр. 76.

¹⁰⁸ Там же, стр. 76.

взгляд, наблюдений. Он считает, что одной из самых основных черт, которая отличает боснийское феодальное общество от феодального общества Сербского государства, является наличие элементов более ранней общественной структуры. Наиболее ярко это выразилось в сохранении кровнородственных связей в среде феодального класса. Эта сторона уже давно отмечалась многими исследователями. Родовое происхождение земельной собственности сохранилось в названии категорий земельных владений: «племенито», «племенитна», «племенита баштина», но при этом нужно иметь в виду, что термин «племенито» с течением времени утратил свое первоначальное значение и в более поздний период (XIII—XV вв.) стал обозначать всякую коллективную собственность на землю. Например, район Конавли в конце XIV в. упоминался как «племенито» Дубровника. Однако в этот же период коллективные владения землей кровных родственников также назывались «племенито»¹⁰⁹. В условиях Боснии XIII—XV вв. случаи, когда одним «племенито» владели три, четыре и более братьев, были очень частыми. Все боснийские бани вплоть до Стефана II Котроманича (1322—1363 гг.) давали пожалования своим феодалам только в «племенито». По этому поводу С. Чиркович пишет: «Только бан Стефан II Котроманич имел достаточную силу впервые заявить, что землядается не в племенито»¹¹⁰.

С. Чиркович отмечает, что родовые остатки («родовски остатци») в земельной собственности оказывали большое влияние и на отношения феодалов с правителем. Прочные позиции феодалов на племеницах давала им особую силу и самостоятельность. Все споры о земле могли разбираться только на съездах боснийских феодалов. С. Чиркович, ссылаясь на З. Войцеховского, не без основания обращает внимание на то, что аналогичный тип земельной собственности был в раннефеодальной Польше.

Это своеобразие социально-экономических отношений Боснии, с нашей точки зрения, в основном было сходным с условиями соседних с ней областей Холма и Требинья. Однако наши соображения по данному поводу требуют более тщательной проверки и их не следует рассматривать как окончательный вывод.

Итак, насколько можно предполагать на основе общих и отрывочных данных, специфика развития феодальных отношений на территории рассматриваемых районов заключалась в замедленности темпов феодализации, в более длительной устойчивости раннефеодальных форм землевладения, выразившихся в сохранении прочных кровнородственных связей в среде феодальной знати данных районов. Отмеченная специфика феодального развития рассматриваемых областей, насколько об этом позволяют судить

¹⁰⁹ С. Чиркович. Остатци старије друштвене структуре у босанском феудалном друштву. «Историски гласник», књ. 3—4, 1958, стр. 156.

¹¹⁰ Там же, стр. 158.

самые общие данные, прослеживается и в развитии Боснийского государства. Если это предположение верно, то оно до некоторой степени объясняет причину более длительной сохранности территориального единства каждого из рассмотренных районов. Другими словами, специфика феодального землевладения в Боснии менее интенсивно разрушала территориальную целостность старых территориально-географических районов. В других областях государства Неманичей, особенно в Рашке, где на территории каждого аналогичного района располагалось по несколько независимых друг от друга феодальных хозяйств с различным правовым статусом, процесс разрушения единства таких территориально-географических районов протекал значительно интенсивнее.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ХОЛМСКОЙ
И ТРЕБИНЬСКОЙ ОБЛАСТЯХ
В ПЕРИОД ИХ НАХОЖДЕНИЯ
В СОСТАВЕ СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА
НЕМАНИЧЕЙ**

Вошедшие в состав Сербского государства Неманичей области до конца XII в., хоть и имели между собой много общего, развивались далеко не в одинаковых условиях.

Последнее обстоятельство не могло не отразиться на развитии общественных и внутриполитических отношений вновь оформляющегося Сербского государства. Эта важная проблематика уже давно привлекала к себе внимание историков, но решалась ими по-разному.

В домарксистской историографии решение этой проблемы обычно ставилось в зависимость от выяснения взаимоотношений между представителями центральной власти и управителями этих областей. В то же время вопросы общественных отношений и структуры административного устройства этих областей обычно оставались в стороне и с точки зрения старой историографии не нуждались в специальном рассмотрении, так как было принято считать, что до момента вхождения этих областей в состав государства Неманичей внутренняя политическая структура всех областей,вшедшая свое выражение в так называемой жупной организации, была однородной, а поэтому перестройка жупной организации и развитие единого государственного строя происходили уже в условиях территориально оформленвшегося государства Неманичей. Но, с другой стороны, в домарксистской историографии было принято считать, что Требинье, Холм и Зета, войдя в состав государства Неманичей на правах автономных и привилегированных уделов, не оказали существенного влияния на оформление и развитие государственного устройства в Сер-

бии. Обычно ведущая роль в этом отношении отводилась Рашке¹¹¹.

Наиболее правильная постановка вопроса была сделана только в послевоенной югославской литературе. Рассматривая взаимоотношения различных областей в период оформления государства Неманичей, Ив. Божич совершенно верно отмечал, что «государство Неманичей было результатом государственного и общественного развития не только Рашки, но также Зеты и остальных приморских областей»¹¹². Определяющий фактор общности развития Ив. Божич видел в том, что зетское население, как и население соседних Требиньской и Холмской областей, кроме романского населения приморских городов, в основном «было того же этнического состава, как и рашкое»¹¹³. Как нам представляется, указанный Ив. Божичем фактор, хоть и является безусловно важным, но еще не исчерпывает всей специфики общественного и политического развития данных областей, которые в различные периоды в течение длительного времени входили в состав разных государственных объединений¹¹⁴. Как нам кажется, это не могло не наложить отпечаток на общественное и политическое развитие этих областей, особенно на развитие административного управления. В настоящее время вряд ли кто сомневается в наличии определенной специфики развития различных хорватских областей, которые также были заселены в основном этнически однородными группами населения.

---

¹¹¹ Обзор различных точек зрения по данному вопросу см.: И. Божич. О положају Зете у држави Немањића. «Историски гласник», књ. 1—2, 1950.

¹¹² Там же, стр. 108.

¹¹³ Там же, стр. 109.

¹¹⁴ Холмская область (или, как ее называют источники, Холмская земля), располагавшаяся вначале по левому берегу р. Неретвы, с момента упоминания ее в источниках (середина X в.) представляла собой самостоятельное княжество, которым управлял князь Михаил Вышевич. В конце X в. ее территория вошла в состав государства Самуила, а после его распада оказалась зависимой от Византии. Последующая история Холмской области почти неизвестна. Во всяком случае с 40-х годов XI в. она уже находилась в Дуклянском государстве, а с середины XII в. номинально считалась областью государства Неманичей. Последующая история Холмской области была еще более сложной (подробнее см.: В. Трикович. Хумска земља, стр. 225—260).

Требиньская область, по сообщению Константина Багрянородного, уже в середине X в. была зависимой от правителя (архонта) Сербии. В свою очередь «под землей Травунией находилась другая земля, называемая Конавли». В конце X в. эта область также вошла в состав государства Самуила. В 40—50-х годах XI в. она уже находилась в Дуклянском государстве, а с его ослаблением некоторые ее районы оказались под византийским влиянием.

В государство Неманичей эта область окончательно вошла только в 80-х годах XIII в., а ее правители еще долгое время отстаивали автономию управления и пытались проводить свою самостоятельную политику. Дальнейшая история этой области сходна с историей Холма.

Следовательно, если принять во внимание и этот фактор, то вполне естественно предполагать, что в момент вхождения этих областей в состав государства Неманичей и в период оформления органов административного управления в этих областях какое-то время могли сохраняться старые органы местного административного управления. Унификация органов административного управления могла быть сопряжена с конфликтами между представителями местной знати и центральной властью. Как нам представляется, эти противоречия и нашли свое отражение в ряде сохранившихся документов.

Холмская область

Территориальное оформление Сербского государства Неманичей, во главе которого встал Стефан Неманя, происходило в условиях сложной внешнеполитической обстановки и острой междоусобной борьбы не только между представителями правящей династии, но и между различными группами феодальной знати. Неманя окончательно смог захватить власть только после того, как ему удалось одержать победу над своими братьями Тихомиром, Мирославом и Стракцимиром. Первый из них был убит, а два других брата были вынуждены подчиниться власти младшего брата. Из сохранившихся источников достоверно известно лишь то, что один из братьев Немани, Мирослав, до 1199 г. управлял Холмом и назывался князем¹¹⁵. Его владения выходили далеко за пределы Холмской области и простирались от рек Лима и Тары, захватывали большую часть Неретвлянской области с Захолмьем и Приморские районы. Таким образом, Холмское княжество в конце XII—начале XIII в. включало в свой состав не только упомянутые Дуклянином девять районов Холмской области, но и три неретвлянских и еще девять (?) в области Подгора. Центром княжества был г. Стон. Характер взаимоотношений между братьями, а следовательно, между управителем Холмской земли и центральной властью, во многом остается неясным даже после смерти князя Мирослава. До сих пор вызывает разногласия и вопрос о порядке наследования в Холмской области. Сохранившиеся свидетельства упоминают целый ряд лиц, которые в той или иной мере имели отношение к непосредственному управлению Холмской областью.

После смерти князя Мирослава до середины XIII в. в числе управителей Холмской земли упоминаются младший сын Немани Растило (в монашестве Савва), князь Петр, происхождение которого неизвестно, сын Мирослава князь Андрей, сын Стефана Первовенчанного Радослав, сын князя Мирослава Тольен,

¹¹⁵ «Князь бѣ в' земли Холмской» (Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, стр. 184).

затем сыновья князя Андрея Радослав, Богдан и Григорий. Из этого перечня правителей видно, что одна группа (Андрей, Тольен, Радослав, Богдан и Григорий) ведет свое происхождение от холмского князя Мирослава, а другая (Растко, Радослав) — от основателя правящей династии Стефана Немани. Обращает на себя внимание еще один любопытный факт: в период с 1214 по 1249 г. как управители Холма одновременно упоминаются князь Петр, князь Андрей и сын Стефана Первовенчанного Радослав.

Пытаясь объяснить факты одновременного управления Холмской областью при условии их зависимости от центральной власти, Ив. Божич высказывает следующее соображение.

По его мнению, после князя Мирослава очень недолго управлял Растко, затем его сменил Петр, которого Стефан Первовенчанный отеснил в северные районы Холма, расположенные между реками Неретвой и Цетиной, чтобы передать освободившуюся часть в управление своему сыну Радославу. В северных районах Петр передал власть сыну Мирослава Тольену, а южные районы (Попово Поле и Стон) были переданы Стефаном Первовенчанным другому сыну князя Мирослава — Андрею, который позднее, присоединив северные районы, стал именоваться (по крайней мере в 1247—1249 гг.) «великим князем Холмским»¹¹⁶. После смерти князя Андрея одновременно, но разными районами области управляли его сыновья: жупан Радослав управлял западными районами, Богдан — южными (в р-не Попова Поля), а Георгий — где-то в районе Неретвы. Из этого Ив. Божич делает заключение, что сразу же после смерти князя Мирослава «холмскими землями распоряжался сербский король»¹¹⁷. В то же время Ив. Божич допускает и наличие относительной самостоятельности, которой располагали холмские правители до середины XIII в.¹¹⁸ Однако сохранившийся материал в ряде случаев совершенно очевидно противоречит этой гипотезе и требует иного объяснения.

Аналогичная картина прослеживается и в соседней Требиньской области, которая была присоединена в конце 80-х годов XII в. С этого времени и до 40-х годов XIII в. эта область была под управлением старшего сына Стефана Немани Вукана, а затем сына Вукана Григория, которые одновременно управляли и Зетой. Несмотря на то, что Вукан был членом правящей династии, тем не менее он вел политику, аналогичную политике холмских князей. Он постоянно выступал против центральной власти, провозгласил себя королем, выступал защитником старых порядков и т. д. В данной связи Ив. Божич совершенно справедливо

¹¹⁶ Ив. Божич. Указ. соч., стр. 111.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ «Сербские короли, таким образом, сумели быстро ликвидировать относительную самостоятельность потомков Мирослава в Холме и сделали Холм частью своего государства, которой могли распоряжаться, как и всеми остальными частями» (там же).

указывал, что процессы, происходящие в этой области после ее включения в состав государства Неманичей до середины XIII в., были аналогичными тому, что происходило в этот же период в Холме. Однако и в данном случае при анализе конкретного материала автор изменяет своей правильной исходной позиции и ищет решение вопроса только в плоскости династических взаимоотношений. В результате Ив. Божич приходит к выводу, что разрешение династических противоречий определило всю дальнейшую судьбу областей, которыми управляли Вукан и его сын¹¹⁹.

Такой односторонний подход, как нам представляется, еще не может вскрыть всей специфики процессов, происходящих в рассматриваемых областях в период их включения в состав государства Неманичей. С нашей точки зрения, в данном случае мы сталкиваемся с фактами более глубокой перестройки как социально-экономических, так и внутриполитических отношений на территории данных областей. Более того, эта перестройка определяла политическую линию поведения не только центральной власти и отдельных управителей данных областей, но и вызвала вполне определенную реакцию со стороны местной феодальной знати и, возможно, всего населения данных областей. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют проследить во всех деталях ход этой перестройки, а лишь фиксируют наиболее общие ее результаты, получившие свое выражение в поведении отдельных групп феодальной знати, управителей этих областей и центральной власти.

Нам представляется, что сохранившийся материал сравнительно полнее отразил процесс перестройки органов местного управления данных областей, общие контуры и направление которого наиболее рельефно выступают на фоне аналогичного процесса, происходящего в других областях Сербского государства Неманичей, особенно в Рашке.

ОРГАНЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Первые самые общие сведения об организации управления на территории рассматриваемых областей сообщает Константин Багрянородный. Рассказывая о землях, на которых жили сербы, хорваты, захлумяне, травуняне, конавляне, дукляне и неретвяне (погане), он пишет, что «... эти племена, как говорят, не имеют архонтов,

¹¹⁹ Ив. Божич считает, что, вытеснив потомков Вукана из Зеты и Требинья, центральная власть тем самым сломила попытку создать в этих областях побочную династию, которая претендовала на самостоятельное управление в одной из частей Сербского государства. «Если бы потомки Вукана удерживались в Зете как параллельная правящая линия, мы должны были бы иначе смотреть на положение Зеты» (там же, стр. 144, 119).

а имеют только старейшин-жупанов»¹²⁰. Однако из описания им же событий середины IX в. (о крещении сербов, об архонтах Чеславе и Властимире и т. д.)¹²¹ хорошо видно, что уже к этому времени жупаны не были единственными представителями власти у южных славян. Об этом же свидетельствуют и другие источники данного времени: Закон судный людем¹²², болгарские надписи¹²³.

В данной связи наиболее показателен рассказ Константина Багрянородного о сербском архонте Властимире, который выдал замуж свою дочь за Краину — сына травунского жупана Белоя. «Желая прославить своего зятя, он именовал его архонтом, сделав его самостоятельным»¹²⁴. В данной связи привлекает внимание тот факт, что жупан Белое уже в 850 г. управлял не одним районом («жупой»), а целой Требиньской областью, где насчитывается не менее девяти таких районов. Затем, уже в середине IX в., прослеживается определенная зависимость более мелких правителей от более крупных. В частности, управлять Травунием подчинялся архонту Сербии, а управлять Конавлей в свою очередь зависел от управлятеля Травунии¹²⁵. В Дуклянской летописи об организации местного управления в этих районах ничего конкретного не сообщается, кроме уже отмеченного в первом разделе факта. Однако в грамоте 1164 г. сообщается, что господин Конавлей и Жрновницы (*Dominus terrae Canali et Seruanitie*) Девесий дает за своей дочерью в приданое Михачу землю, которая находилась в районе Жрновницы¹²⁶. Но, передавая эту землю, Девесийставил условие, что его зять должен дать за это доспехи с железным шлемом и 50 мер вина. Как свидетели под этим документом подписались: «Beleca iudex», «Utalez et casinizus», «Rasvat sednicus», «brazilo archipresbiter de Canalo» и другие лица без указания должностей¹²⁷.

Таким образом, грамота 1164 г. является первым документом, который позволяет составить самые общие представления об органах местного административного управления. Из нее видно, что в 60-х годах XII в. районы Конавли и Жрновница находились в управлении одного господина Девесия. В его подчинении были судья (iudex), казнац (casinizus), сотник (sednicus), а в районе Конавли был свой архиепископ (archipresbiter). Данные этой

¹²⁰ «... πλὴν ζουπάνους γέροντας» («Византијески извори . . .», т. II, стр. 14—15).

¹²¹ Там же, стр. 16, 56, 62.

¹²² «Закон судный людем (Краткая редакция)». М., 1961, стр. 36 (статьи 3 и 21).

¹²³ Ст. Л и ш е в. За генезиса на феодализма в България. София, 1963, стр. 132—133, 167.

¹²⁴ «Византијески извори . . .», т. II, стр. 62.

¹²⁵ Там же, стр. 61—62.

¹²⁶ T. Smičiklas. Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, II, 1904, стр. 99. Р. Г р у ј и Ы. Указ. соч., стр. 4.

¹²⁷ T. Smičiklas. Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, II. Zagreb, 1904, стр. 98, 99; Р. Г р у ј и Ы. Указ. соч., стр. 4.

грамоты в общих чертах вполне согласуются со свидетельствами Дуклянской летописи, которая дает более развернутую характеристику системы местного административного управления. Рассказывая о легендарном соборе в Далме, который продолжался 12 дней, летописец пишет, что «четыре дня речь шла о королевской власти, о воеводах, о князьях, о сотниках и о королевском положении»¹²⁸. В результате обсуждения этих вопросов собор принял решения, которыми, по мнению летописца, остались довольны король и весь народ. «В каждой из этих областей он поставил бана, т. е. воеводу, из числа своих братьев по крови и жупанов, то есть комесов, сотников, то есть центурионов из родовых людей этих провинций»¹²⁹. За основу административно-территориального деления летописец брал не районы, которые в редакциях XVII в. данной летописи определяются термином «жу́па», а провинции и округа. С другой стороны, из сообщений летописи видно, что жупаны управляли не отдельными территориально-географическими районами, а провинциями и округами. По этому поводу на соборе было принято следующее решение: «... пусть будут под управлением каждого из этих жупанов провинции и округа, и они отвечают только перед королем»¹³⁰. Из этой же главы летописи известно, что жупаны не подчинялись банам и что бану подчинялось семь сотников, а жупану — один сотник. Сотники выполняли обязанности судебных органов и собирали налоги, передавая их соответственно банам или жупанам. Баны передавали королю $\frac{1}{2}$ часть собранных налогов, а жупаны — $\frac{2}{3}$. Остальное они оставляли для своих нужд¹³¹. Приблизительно такая же система управления сохранялась в дуклянских областях вплоть до того периода, когда они вошли в состав нового государства Неманичей.

Наряду со свидетельствами общего характера в летописи встречается всего лишь два случая, когда речь идет о конкретных жупанах. Одно свидетельство о том, как дуклянский король Предимир «поставил ... жупаном в Оногосте» сына рашского жупана (70-е годы X в.). В данном случае следует обратить внимание на два обстоятельства: 1) жупан в 70-е годы X в. не выбирался, а назначался королем; 2) этот жупан был не из числа местной знати, а сыном рашского жупана.

¹²⁸ «Летопись попа Дукљанина», стр. 304; *Ljetopis popa Dukljanina*, стр. 52.

¹²⁹ Unaquaquae autem in provincia banum ordinavit, id est ducem, ex suis consanguineis fratribus et supanos, id est comites, et sednicos, id est centuriones, ex nobilioribus earundem provinciarum» (*Летопись попа Дукљанина*, стр. 307; *Ljetopis popa Dukljanina*, стр. 55).

¹³⁰ «... dominaretur supanis earundem provinciarum ac regionum, sed solo regi rationem redderent» (*Летопись попа Дукљанина*, стр. 308; *Ljetopis popa Dukljanina*, стр. 55—56).

¹³¹ «Летопись попа Дукљанина», стр. 307—308; *Ljetopis popa Dukljanina*, стр. 55—56.

Второе упоминание о жупане встречается в главе 30, в которой рассказывается о времени правления короля Владимира (конец X—начало XI в.). Когда царь Самуил, вторгшийся с войсками в пределы Дукли, послал своих людей к королю Владимиру, скрывавшемуся в горах, то «жупан этого места»¹³² изъявил желание выдать Владимира болгарскому царю. В этом случае летописец для определения сферы власти жупана не употребляет термин «жупа», а пользуется неопределенным выражением «место». Следовательно, дуклянский летописец при описании частных случаев довольно последовательно придерживается той общей схемы, которую он изложил в гл. IX летописи.

Таким образом, все свидетельства Дуклянской летописи не дают никаких оснований утверждать, что власть жупана в период с X до середины XII в. ограничивалась территорией одного района, который ошибочно определяется термином «жупа». Если даже и допустить такую возможность, то нужно будет признать, что такие случаи были очень редкими и не являлись определяющими для всей системы местного управления. Наоборот, все эти немногочисленные, но очень важные факты позволяют думать, что власть жупана в этот период распространялась на территорию, в которую входило одновременно несколько районов. Но размеры этой территории были неодинаковы и могли включать в себя различное число районов.. Более определенных выводов материал Дуклянской летописи не позволяет сделать.

Следующие упоминания о жупанах в рассматриваемых областях относятся к 1180 г., когда за эти области шла борьба между рапским правителем и последним дуклянским князем. Одна из надгробных надписей гласит, что здесь похоронен «жупан Грьдь Тръбински», а памятник ему поставил «жупан Радомир»¹³³. Сохранившиеся источники, к сожалению, не позволяют установить более конкретных данных ни о личности упомянутых жупанов, ни о характере их власти.

После вхождения интересующих нас районов в состав государства Неманичей в 80-е годы XII в. значительная часть юго-восточных (от Дубровника) районов Требиньской области, в том числе и часть Конавльского приморья, почти до 70-х годов XIV в. считались территорией, находящейся под властью сербских правителей¹³⁴. Но, к сожалению, конкретные сведения о жупанах на этой территории относятся только к 70-м годам XIII в.

В записях решений дубровницкого суда в период с 1278 по 1285 г. в районе Конавлей неоднократно упоминается жупан

¹³² «*Junanus autem eiusdem loci*» («Летопис попа Дукљанина», стр. 332; «Ljetopis popa Dukljjanina», стр. 79).

¹³³ «Прилози за книјевност, језик, историју и фолклор», XI. Београд, 1931, стр. 155–156.

¹³⁴ К. Јиречек. Српски цар Урош, краљ Вукашин и Дубровчани. «Зборник К. Јиречека». I. Београд, 1959, стр. 347.

Бодин¹³⁵. Однако эти фрагментарные свидетельства не позволяют восстановить ни сферы, ни характера власти жупана Бодина. После этого времени жупаны в районе Конавлей уже не упоминаются. В марте 1313 г. дубровчане направили своих послов к какому-то князю Конавлей (*ad comitem de Canali*) и одновременно по этому же делу было послано письмо сербскому королю Милутину¹³⁶.

Свидетельства о жупанах в районе Требинье относятся только к 1319 г. и связаны с именем жупана Младена. Жупан Младен впервые упоминается в недатированном письме, которое он направил дубровчанам¹³⁷. Затем, в протоколе решения дубровницкого суда от 20 августа 1319 г., сообщается, что жупан Младен вынес решение (*jubanus Mladen judicauit*), чтобы Петр, сын жупана Тольена, выплатил некоему Хлапену Валетичу 40 венецианских грошей¹³⁸. В данной связи особенно интересна другая запись протокола малого дубровницкого веча от 2 октября 1323 г., в которой Младен из Требинья назван воеводой¹³⁹. Из этой же записи видно, что под управлением Младена была территория, в которую входили районы Требинье, Конавли и Драчевица. Другие документы этого же периода свидетельствуют, что при разборе всех спорных дел дубровчане обращались к жителям одновременно всех трех упомянутых выше районов¹⁴⁰. В 1324—1325 гг. в районе Конавлей упоминается судья Познан со своими родственниками¹⁴¹.

Рассмотренный материал, к сожалению, не позволяет восстановить полностью всей картины эволюции органов местного управления в данных районах за сто лет. Он позволяет конста-

¹³⁵ 17 октября 1278 г. дубровчанин Павел Гижлич заявил в дубровницком суде, что он был у жупана Бодина и уладил какие-то дела о скоте (*bestiis*): «Ego fui presens in curia jupani Bodini» (А. Соловьев. Одабрани споменици српског права, Београд, 1926, стр. 52—53). По утверждению К. Иречека, жупан Богдан из района Конавлей упоминается также в архивных документах из Дубровника 7 февраля и 15 октября 1285 г. (С. Јигечек. Das Gesetzbuch des serbischen Caren St. Dušan. «Archiv für slavische Philologie», Bd. 22, Berlin, 1900, стр. 173—174).

¹³⁶ «Monumenta Ragusina», I, стр. 23. Относительно личности князя в историографии до сих пор нет единого мнения. Не исключено, что этим князем мог быть хорватский князь Константин Нелипич, который в этот период временно захватил часть соседних районов Холмской области. Подробнее см.: М. Дишић. Comes Constantinus, стр. 1—11.

¹³⁷ «Поклонение кнезу и кь опькине одь жупана Младена» (Љ. Стјановић. Старе српске новеље и писма, т. I, ч. 1. Београд, 1929, стр. 39).

¹³⁸ «Споменик СКА», XI, 1892, стр. 103; М. Нуцић. Споменици српски, II. Београд, 1862, стр. 45.

¹³⁹ Запись гласит, что в это время в дубровницких тюрьмах (*in carceribus*) сидели люди воеводы Младена (*pro complecendo Mladeno voivode*). «Monumenta Ragusina», I, стр. 96.

¹⁴⁰ «Scribatur hominibus de Canale, Trebigne et Dracivica» («Monumenta Ragusina», II, стр. 323, 325).

¹⁴¹ «... iudex Posnan et illi de domo sua et omnes ille de Canale» (там же, I, стр. 108; II, стр. 318).

тировать только наиболее общие результаты этих изменений. Из числа представителей местного управления исчез сотник. Но судьи и жупаны еще продолжали удерживаться до 20-х годов XIV в. Причем они, по всей вероятности, продолжали назначаться из числа представителей местной знати, на что указывают свидетельства о Познане. Наряду с этим есть основания предполагать и наличие значительных изменений в положении института жупанов, которые одновременно стали называться и воеводами. Однако характер и общее направление этих изменений более определенно проявляются в источниках второй половины XIV в.

В 1347 г. районами Требинья и Конавлей управлял Страхиня, которого дубровницкие акты данного периода называют «господином Требинья и Конавлей»¹⁴². Других сведений о Страхине не сохранилось. После него этими же районами в 1347—1348 гг. управлял его сын Ненад Страхинич, которого в дубровницких документах называют воеводой¹⁴³ и жупаном¹⁴⁴ одновременно.

Последующий материал, относящийся к 1358 г., свидетельствует, что в этих районах появился князь Воислав Войнович. Но под управлением этого князя были не только районы Требинье и Конавли — в его «державу» входили районы Гацко, Сеница, районы на Дрине и другие области¹⁴⁵. Более того, судя по дубровницким документам, князь Воислав в 1359 г. считал себя господином всей Холмской области. Районами Требинья и Конавлей в этот период управлял какой-то севаст, который непосредственно подчинялся князю Воиславу¹⁴⁶. С 1359 по 1361 г. управлятели Требинья и Конавлей называются кефалиями. Кефалия Мильман постоянно жил в районе Конавли. Он нападал на соседние владения дубровчан, грабил и захватывал дубровницких и венецианских купцов. В одном из таких набегов он был убит в 1361 г.¹⁴⁷

После смерти князя Воислава с 1363 по 1367 г. всей его «державой» управляла его жена Гоислава¹⁴⁸, а районами Требинье и Конавли — кефалия Павел¹⁴⁹.

¹⁴² 6 августа 1347 г. дубровчане послали ему подарок, адресуя его: «Strachine domino Trebigne et Canalis» («Monumenta Ragusina», I, стр. 271).

¹⁴³ «... Nenada Strachinich Vojvoda» (там же, стр. 5, 12—14).

¹⁴⁴ «... zuppanus Nenada Strachinich» (там же, стр. 50, 55).

¹⁴⁵ К. Јиречек. Српски цар Урош..., стр. 353. В рассматриваемых районах князь Воислав бывал редко. Известно, что 4 января 1359 г. он прибыл в Конавли и стал устанавливать новые порядки пользования дубровчанами землями данного района (Р. Гружић. Конавли..., стр. 11).

¹⁴⁶ В одном из протоколов дубровницкого вече от июля 1359 г. управитель этих районов назван «sevaste de Chanale o de Tribigne» («Monumenta Ragusina», II, стр. 277).

¹⁴⁷ Там же, т. II, стр. 289; т. III, стр. 60, 122.

¹⁴⁸ Дубровницкие документы называют ее «domina comitissa» (К. Јиречек. Српски цар Урош..., стр. 367).

¹⁴⁹ 29 марта 1367 г. малое вече Дубровника приняло решение уплатить деньги за пользование землями района Конавлей (так называемый свято-

Рассмотренный материал 50—60-х годов XIV в. достаточно определенно свидетельствует о коренной перестройке органов местного управления в данных районах. Жупаны-воеводы как представители местного управления были упразднены и заменены кефалиями. Некоторые из этих кефалий имели особые титулы (например, севаст) и назначались уже не из числа местной знати. В свою очередь районы Требинья и Конавлей были составной частью «державы» князя Воислава и его наследников.

В период распада государства Неманичей рассматриваемые районы были ареной борьбы обособившихся феодалов и неоднократно переходили из рук в руки. Уже осенью 1367 г. Требинье и Конавли наряду с другими частями «державы» князя Воислава были захвачены Николой Алтомановичем.

История этого крупного феодального собственника, который в ряде документов называется жупаном, в основном хорошо известна и неоднократно описана в специальной литературе¹⁵⁰. Его владения также были разбросаны в разных областях Сербского государства, но центр их, по всей вероятности, был в районе Рудника¹⁵¹. Уже в самом начале распада государства Неманичей жупан Никола Алтоманович располагал своим особым аппаратом административного управления. В частности, у него были свой логофет¹⁵², воевода и знаменоносец¹⁵³, а также ему подчинялись многие местные кефалии.

С начала 1371 г. районы Требинья и Конавлей управлял кефалия Обрад Зорка¹⁵⁴, феодальным господином (*patronus*) которого был жупан Санко¹⁵⁵.

В начале 1373 г. районы Требинья, Конавлей, Драчевицы и другие перешли под власть зетского правителя Георгия Балшича¹⁵⁶, который в некоторых документах (папских письмах) называется жупаном, а с 1377 г. отошли под власть боснийского бана Твртко¹⁵⁷.

В условиях Боснийского государства в рассматриваемых районах в первом десятилетии XV в. вновь появляются жупаны как

димитровский доход) кефалии Конавлей (*cephalia de Canali*) Павлу, посланнику Гоиславы (*comitisse condam comitis Voyslavi*): «Monumenta Ragusina», IV, стр. 86.

¹⁵⁰ К. Јиречек. Српски цар Урош...; М. Динић. О Николи Алтомановићу. Београд, 1932.

¹⁵¹ Подробнее см.: К. Јиречек. Српски цар Урош..., стр. 369.

¹⁵² Грамоту Николы Алтомановича от 1369 г. подписал его личный «логопетъ Неѧнъ» (Љ. Стојановић. Старе српске... I, ч. 1, стр. 115).

¹⁵³ Например, Радин Дубрович, которого дубровчане называли «vexilifer sive vojvoda» («Monumenta Ragusina», IV, стр. 120, 121).

¹⁵⁴ «Obrad Sercha cephalia de Tribigna et de Chanali» (там же, стр. 130; J. Тадић. Писма и упутства..., т. I, стр. 239).

¹⁵⁵ О жупане Санко см. ниже.

¹⁵⁶ Материал о зетских правителях — жупанах Балшичах будет рассмотрен особо.

¹⁵⁷ М. Динић. Дубровачки трибути, стр. 232.

представители местного управления. Они назначались боснийским правителем из числа местной знати этих же районов. Жупаны выполняли административные и судебные функции, а во время войны командовали войсками¹⁵⁸.

Рассмотренный материал, относящийся к районам Требиньской области, позволяет сделать следующие обобщения.

Уже самые первые свидетельства (середина IX в.) показывают, что под управлением жупана находилась вся Требиньская область, в пределах которой насчитывается не менее девяти районов, описано определяемых в рукописях XVII в. Дуклянской летописи термином «жупа». Позднее правитель Требиньской области стал называться архонтом. С одной стороны, он был зависим от правителя Сербии, а с другой стороны, ему подчинялся правитель (архонт) района Конавлей.

Намеченная К. Багрянородным картина административного управления в этой области скорее напоминает структуру органов управления раннефеодального государства, чем структуру так называемой жупной организации, как это пыталась представить домарксистская историография.

Данные середины XII в. также показывают, что власть жупанов не ограничивалась пределами одного района, а жупаны не были единственными представителями власти. В подчинении у жупанов были сотники, казначеи и судья.

В период вхождения районов области в состав государства Неманичей сохранившиеся источники, к сожалению, не позволяют проследить всех частностей в перестройке органов местного управления.

Однако материал середины XIV в., значительно полнее отражающий ход перестройки органов местного управления, дает некоторые основания восстановить их эволюцию в предшествующий период. С учетом этого материала можно предполагать, что уже в начальный период вхождения области в состав государства Неманичей были упразднены сотники и казначеи. Институт жупанов как орган местного управления продолжал сохраняться до 40-х годов XIV в. Но, судя по всему, за это время характер власти жупанов существенно изменился. Жупаны, подчинявшиеся наместникам центральной власти, назначались из числа представителей местной знати и выполняли функции воевод. В 50-х годах XIV в. прослеживается более радикальная перестройка органов местного управления: институт жупанов как орган местного управления был ликвидирован, а место жупанов заняли государственные чиновники — кефалии, некоторые из них имели особые титулы (севасты). Эти органы местного управления, введенные в период расцвета Сербского государства Неманичей, продол-

¹⁵⁸ Р. Грујић. Конавли..., стр. 14.

жали сохраняться некоторое время (до 80—90-х годов XIV в.) и после его распада, до тех пор, пока там не была введена система административного управления, господствовавшая в Боснийском государстве.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЖУПАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ХОЛМСКОЙ ОБЛАСТИ

Характеризуя общую политическую обстановку в Холмской области в первое время ее нахождения в составе государства Неманичей, мы уже отмечали, что там до 50-х годов XIII в. продолжали удерживаться потомки холмского князя Мирослава, которые пытались сохранить свою независимость от центральной власти и порой вели политику, направленную против нее. Последние достоверно известные нам представители династии холмского князя Мирослава — Радослав, Богдан и Георгий назывались жупанами и управляли разными частями Холмской области. Причем точные границы сферы их власти по сохранившимся источникам установить невозможно. Если принять гипотезу Ив. Божича, то Радослав управлял западными районами области, Богдан — южными (Попово Поле и др.), Георгий — где-то в районе р. Неретвы. В данной связи важно, что сфера власти этих жупанов далеко не совпадала с границами каждого района, которые в поздних редакциях Дуклянской летописи определяются термином «жула».

Документы второй половины XIII в. тоже не позволяют восстановить историю реорганизации органов местного управления во всех ее деталях. Однако отдельные свидетельства позволяют предполагать, что ломка старой системы местного управления проходила в обстановке острой борьбы между представителями центральной власти и местной феодальной знати, что отдельные районы Холмской области еще в 60-х годах XIII в. оставались за пределами сферы власти сербских правителей. Например, в одном из документов от 4 февраля 1264 г. упоминается какой-то «жупан Холма» (Стефан)¹⁵⁹. Комментируя это свидетельство, В. Чорович предполагает, что жупан Стефан управлял той частью Холма, которая в это время еще не принадлежала Сербии¹⁶⁰. В данной связи еще более показательно свидетельство конца 1278 г. В одном из протоколов дубровницкого суда записано: холмский казначай откровенно признал, что он не может принять никакого решения, так как Холмская земля осталась без господина¹⁶¹.

Источники XIII—XIV вв. позволяют восстановить более полную картину интересующего нас процесса, но они, к сожале-

¹⁵⁹ «Stephanus iuppanus de Chelmo» («Starine», XIII, 1881, стр. 243).

¹⁶⁰ В. Ћоровић. *Хисторија Босне*, I. Београд. 1940, стр. 230.

¹⁶¹ «... quia terra est sine domino» (К. Јиречек. *Историја Срба*, т. III. Београд, 1923, стр. 47).

нию, неравномерно освещают состояние института жупанов в разных районах области. Сравнительно лучше эволюция института жупанов прослеживается в южных (Попово и Стона) и западных (Загорье и Неретва) районах области.

Жупаны в районах Попова и Стона

Выше мы уже отмечали, что город Стон еще до вхождения области в состав государства Неманичей был столицей холмских князей. С оформлением государства Неманичей в Стоне в 1219 г. была учреждена Холмская епископия, которая получила в феодальное владение ряд земель и угодий, принадлежавших ранее двору холмских князей («кнезина вса и връть кнезъ»). Эти факты достаточно наглядно свидетельствуют о том, что центральная власть уже в начале XIII в. в этих районах начала проводить необходимую ей внутреннюю политику, которая в определенной мере была связана и с перестройкой органов местного управления.

Свидетельства о жупанах в этих районах относятся к концу 70-х—началу 80-х годов XIII в. С 1278 по 1280 г. здесь упоминается жупан Доброслав Топлич, сфера власти которого не поддается точному определению¹⁶². Несколько лучше прослеживается сфера власти жупана Тврдко, которая в 1282—1285 гг. распространялась одновременно на районы Попова¹⁶³ и Стона¹⁶⁴. В этот период жупаны этих районов подчинялись сербскому королю и выполняли его распоряжения¹⁶⁵.

В свою очередь у жупана Тврдко в 1284 г. был подчиненный ему знаменосец Славомир¹⁶⁶. Этот факт указывает, с одной стороны, на появление новых должностных лиц, зависящих от жупана, с другой стороны, свидетельствует о том, что на жупана были возложены функции воеводы, которые, судя по всему, стали основными в условиях государства Неманичей. Подтверждается это и аналогичными свидетельствами, относящимися к районам Требиньской области.

С 1312 г. в районе Попова упоминается жупан Богдан, а с 1319 г. — его сын жупан Тврдко¹⁶⁷. Сфера власти этих жупанов,

¹⁶² К. Јиречек. Историја Срба, т. II, стр. 16.

¹⁶³ Г. Чремошић. Канцелариски и нотарски списи, т. I. Београд, 1932, стр. 93, 123, 125, 138, 142.

¹⁶⁴ К. Јиречек. Тољен син кнеза Мирослава Хумског. «Зборник К. Јиречека», I. Београд, 1959, стр. 441.

¹⁶⁵ Об этом свидетельствует письмо Милутина (после 1282 г.) «любовному жупану Твртъке», (Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма, т. I, ч. 1, стр. 35).

¹⁶⁶ «Slavomir confolanarius Tuerdici» (К. Јиречек. Историја Срба, т. II, стр. 16).

¹⁶⁷ «Turtecho, filio de jupan Bođan, patrono de Popoa» (М. Дињић. Дубровачки трибути, стр. 124). Приимая во внимание чередование имен (Тврдко — Богдан — Тврдко), М. Дињић высказывает предположение, что

к сожалению, также не поддается точному определению. Вполне возможно, что она распространялась и на соседний район Стона. Выражение «*patron de Poroa*» в данном контексте не может быть определяющим для установления сферы их власти, так как оно относится к условиям уплаты дубровчанами налога за пользование землями района Попова господину или управляющему этой территории, которыми в данное время были жупаны Богдан и его сын Тврдко.

Дальнейшая судьба этих районов была неодинаковой и зависела от исхода борьбы между Сербией и Боснией, начавшейся еще где-то в начале XIV в.¹⁶⁸

Начиная со второго десятилетия XIV в. в районе Стона упоминаются братья Браницевичи. Однако подвластная им территория не ограничивалась только районом Стона — их владения находились в районе Сланого (с. Майковы) и в устье р. Неретвы¹⁶⁹. Ни один из Браницевичей не назывался жупаном. После разгрома и уничтожения Браницевичей район Стона и весь полуостров Пелешац в 1333 г. был окончательно передан Дубровнику, а сам факт этой передачи был оформлен грамотами сербского и боснийского правителей. Незадолго до передачи Стона Дубровнику этим районом, по мнению К. Иречека, управлял жупан Юрий Приянович, а после передачи — жупан Григорий. К. Иречеку были известны факты, которые свидетельствуют о том, что в 1334 г. жупану Григорию и его сыновьям в районе Вручицы дубровчане выделили земельный надел (*partes*)¹⁷⁰. После этого свидетельства о жупанах в районе Стона прекращаются.

С 20-х годов XIV в. район Попова оказался под властью боснийского бана. С 40-х годов XIV в. этот район оказался во владении жупанов из рода Николичей, которые удерживали его до конца XIV в. При этом сами Николичи находились в вассальной зависимости от крупнейшего феодального собственника жупана Санко. В мае 1398 г. воевода Радич, сын жупана Санко, отобрал

упомянутый в договоре 1247/49 г. сын холмского князя Андрея жупан Богдан был отцом жупана Тврдко, упомянутого в документах 1282—1285 гг. В результате такого предположения восстанавливается неразрывная цепь наследников холмского князя Мирослава: Мирослав — князь Андрей — жупан Богдан (1247/49) — жупан Тврдко (1282—1283) — жупан Богдан (1312) — жупан Тврдко (1319). Этой гипотезой М. Динич объясняет и факт получения в 1319 г. жупаном Тврдко от дубровчан денег за пользование землями, находящимися в районе Попова.

¹⁶⁸ Подробнее см. работы В. Трпковича: «Када је Степан II Котроманић први пут продро у Хум», стр. 151—154; «Око «уступања» Стона...», стр. 39—60; «Браницевићи», стр. 55—84; М. Динич. Comes Constantinus, стр. 1—11.

¹⁶⁹ К. Иречек. Историја Срба, т. I, стр. 200; В. Трпковић. Браницевићи, стр. 83.

¹⁷⁰ К. Иречек. Историја Срба, т. II, стр. 16.

у Николичей район Попова. С этого же времени управителем Попова стал жупан Божичко, который раньше подчинялся Николичам. Во время господства воеводы Радича жупан Божичко Брлич управлял не только районом Попова. Под его властью были и другие районы, которые простирались к югу в направлении Затона¹⁷¹.

Таким образом, из краткого обзора данных видно, что институт жупанов в районе Попова, который в середине 20-х годов XIV в. отошел под власть боснийских правителей, продолжал сохраняться вплоть до XV в. Его развитие в условиях боснийского государства не прекращалось, но это развитие шло своеобразным путем. В условиях Боснии продолжали сохраняться отдельные крупные семьи или роды местной знати, из которых выходили жупаны. С другой стороны, положение различных жупанов было не одинаковым. Одни жупаны были зависимы от других, которые в свою очередь были вассалами боснийского бана. Таким образом, к концу XIV в. установилась иерархическая лестница феодальной зависимости. А это, в свою очередь, позволяет думать, что институт жупанов, развиваясь в условиях Боснии, постепенно переродился в своеобразный институт феодальных собственников со свойственной ему лестницей феодальной иерархии. Своеобразие этих феодальных собственников заключалось в том, что владельцем земель был не один феодал, а целая семья или род местной знати, которая присваивала себе право ставить во главе местного управления жупанов из числа своих представителей.

Жупаны Загорья и Невесинья

В области, которую дубровницкие документы называют Загорьем, прямые упоминания о жупанах встречаются только с начала 20-х годов XIV в. Однако эти лица упоминаются в более ранних источниках, но в них они не называются жупанами. Одним из них был жупан Познан Пурчич.

В документе от 24 мая 1306 г., хранящемся в дубровницком архиве, сообщается, что Познан Пурчич и Дражен Богопенец со своими братьями, родственниками и двадцатью другими своими людьми из района Невесинья ограбили одного дубровчанина¹⁷². Это свидетельство важно прежде всего тем, что оно наглядно позволяет представить ту специфическую организацию местной знати, которая была в этот период в районе Невесинья. В данном случае Познан Пурчич и Дражен Богопенец возглавляют своих братьев, родственников по крови и каких-то других людей, принадлежащих к этому роду. С 1322 г. Познан Пурчич в дубровни-

¹⁷¹ Ј. Мијушковић. Хумска властеоска породица Санковићи. «Историски часопис», XI, 1961, стр. 52.

¹⁷² «...cum fratribus suis et cum consanguineis et hominibus suis XX» (С. Јигечек. Das Gesetzbuch..., стр. 174).

ких документах фигурирует как жупан, подвластный сербскому королю¹⁷³. Но с 13 июля 1327 г. жупан Познан Пурчич называется уже вельможей боснийского бана, который был в составе посольства боснийского бана¹⁷⁴. В ноябре 1330 г. Познан Пурчич вместе со своими сыновьями и женой упоминаются как пленники сербского короля, который 13 мая 1331 г. потребовал от дубровчан передать ему все денежные сбережения (депозит) Познана, хранящиеся в Дубровнике¹⁷⁵. Последний раз Познан Пурчич упоминается в 1344 г., когда в Дубровник прибыла его жена Нипонслава, чтобы забрать свои деньги¹⁷⁶.

Дражен Богопенец, по мнению И. Мишкович, был родонаучником известной семьи Санковичей. Но как жупаны представители этого феодального рода встречаются только с 1332 г., т. е. после исчезновения жупана Познана Пурчича с политической арены. И. Мишкович, использовавшая новые архивные материалы, пришла к убеждению, что семейные владения Санковичей в начале XIV в. располагались в районах Загорья и Невесинья, которые упоминаются Дуклянской летописью в составе старой области Подгоры¹⁷⁷.

В одном из договоров 1332 г. Степана Котроманича с дубровчанами впервые встречается жупан Милтен Драживоевич как сторонник боснийского бана¹⁷⁸. Жупан Милтен и его сын Санко и в 1335 г. оставались «homines domini bani de Bossena»¹⁷⁹. В этом же году дубровчане получили письмо «о жупане Милтена и Ружира», в котором предлагалось назначить встречу для урегулирования взаимоотношений¹⁸⁰. Но уже 5 июля 1336 г. жупан Милтен и воевода Ружир в дубровницких источниках называются «homines nunc domini Regis», т. е. людьми сербского короля¹⁸¹. А в другой записи в дубровницких книгах от 23 октября 1336 г. указывается, что сербский король выразил желание, чтобы дубровчане жили в дружбе со всеми его людьми «et specialiter cum Rugierio et Malteno suis baronibus»¹⁸². Последний раз жупан Милтен Драживоевич упоминается в ноябре 1343 г.¹⁸³

¹⁷³ 9 июля 1322 г. дубровчане требовали организовать встречу «cum iupan Posnan» («Monumenta Ragusina», II, стр. 63—64). 14 декабря 1325 г. «iuppanus Posnan de Purchie» получил от дубровчан подарок стоимостью в 60 перпер (там же, стр. 318).

¹⁷⁴ «In ambaxatam domini comitis Stepani de Bossina» (Р. Гружић. Конавли..., стр. 9).

¹⁷⁵ «Monumenta Ragusina», II, стр. 334.

¹⁷⁶ Там же, стр. 164—165.

¹⁷⁷ Ј. Мијушковић. Указ. соч., стр. 22.

¹⁷⁸ Ј. Стојановић. Старе српске повеље и писма, т. I, ч. 1, стр. 44.

¹⁷⁹ Ј. Мијушковић. Указ. соч., стр. 20.

¹⁸⁰ Ј. Стојановић. Старе српске повеље и писма, т. I, ч. 1, стр. 68.

¹⁸¹ «Зборник К. Јиречека», т. I, стр. 430—431.

¹⁸² «Monumenta Ragusina», т. II, стр. 369.

¹⁸³ Ј. Мијушковић. Указ. соч., стр. 21.

Период с 1343 по 1348 г. не освещен источниками. Однако известно, что у жупана Милтена было два сына: Санко и Градое. Санко упоминается в источниках с 1335 г., но в этот период он еще не был жупаном. Как управитель рассматриваемых районов он впервые упоминается 22 октября 1348 г., но к этому времени Санко был уже сторонником боснийского бана. В этот день малое вече Дубровника приняло решение считать Санка почетным гражданином города, в котором он был назван бароном боснийского бана¹⁸⁴. Позднее Санко довольно часто встречается в дубровницких документах¹⁸⁵. Например, 29 сентября 1361 г. он впервые упоминается как жупан («zupanus Senchus»), до этого в источниках указывалось только имя Санко. 5 ноября 1366 г. Санко именуется в документах казнацем («casnes Sencho»)¹⁸⁶. Этот титул он получил от боснийского бана. Известно также, что Санко Милтенович в этот период был влиятельной личностью при дворе боснийского бана. Его владения находились в различных районах Холма и за его пределами. Они захватывали левый берег Неретвы, по всей вероятности районы Попова, Невесинья, Дабарское Поле, Трусины, Курило и Слано в Приморье и другие районы¹⁸⁷.

В ноябре 1367 г. Санко, изменив боснийскому бану Твртко, заключил союз с жупаном Николой Алтомановичем. Позднее Санко вновь перешел на сторону Твртко.

О брате Санка Градое известно очень мало. Он не управлял никакой определенной территорией, но его люди упоминаются в районах Невесинья и Трусины¹⁸⁸. Из истории Боснии конца XIV в. известны и дети Санка: жупан Беляк и воевода Радич¹⁸⁹. Как уже отмечалось выше, в подчинении у Санка и воеводы Радича были более мелкие жупаны из района Попова и соседних районов, которые перешли под власть Боснии в 20-х годах XIV в. Органы местного управления в различных районах, входивших во владения Санковичей, были не одинаковы. В тех районах, которые вошли в состав Боснии в 20-х годах XIV в., во главе местного управления стояли жупаны, подчиняющиеся Санковичам, а в районе Конавлей, который был в составе Сербского государства вплоть до его распада, еще долгое время, вплоть до 70-х годов XIV в., продолжали удерживаться кефалии. Но позднее и в этих районах были вновь поставлены жупаны.

Итак, в этих районах, так же, как и в других районах Холма, вошедших в состав Боснии в 20-х годах XIV в., с начала 30-х годов XIV в. и вплоть до XV в. прослеживается непрерывная линия жупанов.

¹⁸⁴ «Sanco barono d. bani Bossine» («Monumenta Ragusina», II, стр. 48).

¹⁸⁵ Там же, III, стр. 121.

¹⁸⁶ Там же, IV, стр. 66.

¹⁸⁷ Ј. Мијушковић. Указ. соч., стр. 27, 32.

¹⁸⁸ Там же, стр. 34.

¹⁸⁹ «Зборник К. Јиречека», т. I, стр. 342.

В 30—40-х годах XIV в. жупаны этих районов обладали относительной независимостью и вели самостоятельную политику. Они по своему усмотрению переходили на сторону то одного, то другого правителя. Однако, судя по общему ходу событий, можно думать, что принципы государственного устройства Боснии больше устраивали холмских феодалов.

Владения жупанов из Загорья и Невесиня постепенно разрастались. К 60—70-м годам XIV в. они составляли обширные территории, располагающиеся в различных районах Холма и за его пределами. Феодальные владения носили семейный характер. В подчинении у Санковичей были более мелкие жупаны, которые к этому времени окончательно превратились в феодальных собственников, владения которых, как правило, имели также семейный характер. Отдельные представители феодального класса в то же время получали от боснийских правителей особые титулы и придворные должности. Например, Санко, получив титул казнача, стал влиятельным вельможей при дворе боснийского бана.

Подводя общий итог рассмотренному материалу, относящемуся к областям Холма и Загорья, которое в XIII и XIV вв. рассматривалось как составная часть Холма, можно сделать следующие выводы.

В период формирования государства Неманичей различные районы Холма не представляли органического единства с остальными районами формирующегося государства. Центральная власть с первых же шагов своей деятельности считала себя сувереном этих областей, а их — составной частью вновь образовавшегося государства. Эти области были переданы наместникам сербских правителей из числа родственников правящей династии. Неманя поставил наместником Холма своего сына Растика, а Стефан Первовенчанный — своего сына Радослава.

Однако до первой половины XIII в. эти наместники еще не имели достаточных сил, чтобы реально осуществить это право во всех районах Холма. Этому препятствовали наследники холмского князя Мирослава, которых поддерживала местная знать. В результате междуусобной борьбы Стефану Первовенчанному удалось вытеснить наследников холмского князя в северо-западные районы Холма и осуществлять контроль только в юго-восточных районах. Удерживающиеся в северо-западных районах потомки князя Мирослава, отражая интересы местной знати, продолжали придерживаться старых порядков, которые базировались на основах раннефеодальных отношений. В изданных ими документах совершенно определенно декларировалось, что они в своих действиях руководствуются старыми законами Холмского княжества. Эти заявления достаточно ясно подтверждаются формой издаваемых ими документов и сохранением в этих районах органов местного управления (сотников). Наследники холмских

князей вели активную борьбу с представителями центральной власти. С этой целью они заключали союзы с противниками сербских королей и с их помощью ликвидировали все результаты мероприятий по раздаче земельных владений церкви, которые проводила в Холмской области центральная власть, так как они подрывали экономические позиции местной знати. С помощью болгарских войск им удалось ликвидировать большую часть пожалований холмской епископии. Центральной власти приходилось вновь и вновь подтверждать эти пожалования.

Последние представители холмской династии были устраниены только после середины 50-х годов XIII в. В юго-восточных районах, которые оказались под контролем центральной власти, уже в начале XIII в. была проведена более существенная перестройка. Но эта перестройка в первую очередь коснулась старых органов центрального управления. Из Стона, столицы холмских князей, были изгнаны наследники холмского князя. Владения княжеского двора были переданы во владение холмской епископии, и в этих районах был поставлен наместник сербского правителя.

Однако и в этих районах деятельность центральной власти наталкивалась на сопротивление местной знати и, возможно, всего населения. Об этом может свидетельствовать факт переноса холмской епископии из Стона на Лим. Кроме того, об ограниченных действиях центральной власти во всех районах Холма говорит сохранение института жупанов в этих районах вплоть до 20-х годов XIV в. В районах Стона, Попова и Загорья институт жупанов был представлен членами из числа старых местных семей или родов знати, которые формально называли себя представителями всего населения названных районов, но фактически выступали уже в XIII в. как феодальные собственники этих территорий. Эта феодальная сущность местной знати прикрывалась наслоением традиционных форм родственных отношений, которые по традиции поддерживались всем населением жупы. Именно этот фактор и придавал особую силу местной знати и способствовал сохранению института жупанов в этих районах.

При таких отношениях большая часть доходов концентрировалась в руках местной знати, которая не желала уступать их представителям центральной власти.

Изменение форм местного управления, к которому стремилась центральная власть, подрывало экономические основы местной знати. Относительная сила местной знати и относительная слабость центральной власти способствовали тому, что институт жупанов в этих районах продолжал сохраняться дольше, чем в других районах государства.

Однако усиление центральной власти к 20-м годам XIV в. способствовало более решительному наступлению ее представителей на интересы местной знати. Но в ответ на эти мероприятия местная знать Холма ответила массовым переходом сначала на

сторону хорватского князя Константина Нелипича, а затем на сторону боснийского бана в 1326 г.

В этот период от сербского короля отошли жупаны из Попова и из Загорья. Управители Стона, Бранивоевичи, надеясь на свои силы, отошли от сербского короля, но не присоединились и к боснийскому бану. В результате этих событий управители Стона Бранивоевичи были физически уничтожены, а жупан из Невесинье Познан Пурчич был захвачен в плен и лишен власти. Но и эти решительные меры не привели к окончательной ликвидации института жупанов. Жупаны Загорья, из рода Санковичей, путем политики лавирования между боснийским баном и сербским королем сумели не только сохранить, но и значительно расширить свои родовые владения. Жупаны Попова окончательно перешли под власть Боснии. А Стон и соседние с ним районы Душан был вынужден добровольно передать Дубровнику. Только после этого в районе Стона в 1334 г. был окончательно ликвидирован институт жупанов. В остальных районах, которые окончательно перешли в состав Боснии, институт жупанов продолжал сохраняться вплоть до турецкого завоевания.

Рассмотренный в работе материал, к сожалению, не дает возможности полностью и всесторонне восстановить ни процесса развития органов местного («жупного») управления, ни этапов формирования единиц территориально-административного деления на территории рассматриваемых областей.

Однако отрывочные свидетельства X—XIII вв. с учетом материала более поздних источников XIV в. позволяют наметить общие контуры интересующих нас процессов. При этом важно подчеркнуть тот факт, что даже эти общие контуры явно не совпадают с той схемой «жупной» организации, которая была предложена домарксистской историографией середины XIX в.

Если придерживаться показаний оригинальных источников, то следует признать, что подавляющее большинство охарактеризованных выше районов не определяется термином «жупа» вообще, а их границы далеко не совпадали со сферой власти известных нам жупанов. Если отвлечься от этих наблюдений и принять за основу предложенную домарксистской историографией середины XIX в. схему «жупной» организации и представить ретроспективу развития «жупной» организации с позиций исторического материализма, то и в этом случае мы неизбежно будем вынуждены сделать совершенно иные выводы.

Уже самые ранние источники IX—X вв. свидетельствуют, что на территории рассматриваемых областей институт жупанов хоть и был одним из основных органов местного административного управления, но он не был единственным. В это время источники называют и других представителей власти: князей, воевод, банков, сотников, казначеев, судей и т. д. А это дает основание думать,

что институт жупанов в IX в. был лишь одним из звеньев в цепи уже развившейся системы раннефеодальной государственности.

Более поздние источники еще нагляднее показывают, что в период с X в. по 70-е годы XIV в. мы сталкиваемся не столько с распадом так называемой жупной организации, сколько с развитием и перестройкой форм управления раннефеодальной государственности в формы управления более развитого типа. При этом процесс такой перестройки протекал далеко не так, как это представляла домарксистская историография.

Все это позволяет заключить, что схема «жупной» организации у сербов, предложенная историографией середины XIX—начала XX в., представляет собой логическую конструкцию, построенную не столько на анализе фактического материала, сколько на основе общих теоретических представлений соответствующего периода¹⁹⁰.

---

¹⁹⁰ Эта сторона вопроса подробнее рассмотрена в нашей работе «К вопросу о жупах и жупанах» («Вопросы истории славян», вып. 2, Воронеж, 1966 и в одноименном сообщении, прочитанном на I конгрессе балканских исследований (София, 26.VIII—1.IX.1966) (см. В. П. Грачев. К вопросу о жупах и жупанах. М., 1966).

Г. Э. САНИЧУК

ПОЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛОВ И КРЕСТЬЯН ПО ЗАКОННИКУ ЧЕШСКОГО КОРОЛЯ КАРЛА I

Законник чешского короля Карла I (императора Карла IV) — «Majestas Carolina» — является важным источником для изучения расстановки классовых сил и классовой борьбы в феодальной Чехии в период, предшествующий гуситизму¹. В данной статье мы ставим своей задачей систематизировать материал, относящийся непосредственно к положению чешских феодалов и крестьян. В связи с этим напомним, что Majestas Carolina — Законник чешского земского права, т. е. «свободных жителей Чехии», или «земанов». Различные сословия феодальной Чехии подчинялись различному праву: духовенство — каноническому праву, подавляющая масса крестьянства — так называемому «патrimonиальному праву», и поэтому крестьянство, за малым исключением, не могло пользоваться земским правом. Города имели свое городское право. Поэтому по Законнику Карла мы можем составить себе представление прежде всего о положении чешских феодалов — панов и владык, а о других сословиях феодальной Чехии XIV в. — лишь постольку, поскольку некоторые представители их владели свободной недвижимой собственностью — так называемым статком (statek) на земском праве.

Так как представители других сословий могли владеть имуществом на «земском праве», то Законник земского права и касается положения этих сословий. Отсюда ряд статей Majestas Carolina посвящает духовенству, горожанам, крестьянам. О крестьянстве — основном производительном классе феодальной Чехии — Законник Карла говорит лишь в связи с определением прав

¹ Характеристику данному источнику см.: Г. Э. Санчук. Чешский земский Законник «Majestas Carolina» (1355) как исторический источник для изучения начала образования Чешского национального государства. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», № 2, 1951, стр. 102—109; он же. К вопросу о положении королевской власти в Чехии XIV в. «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XV, 1957, стр. 212—245. Там же, см. библиографию по вопросам датировки, обстоятельств возникновения и значения Законника Карла — Majestas Carolina (далее: М. С.).

феодала по отношению к зависимому населению, а также в связи с охраной феодальной королевской собственности.

В Законнике Карла неоднократно говорится о защите интересов «народа», «подданных»², однако под последними имеется в виду сословие господствующего феодального класса. Классовый характер законодательных мер выражен в стремлении укрепить основы феодального класса — «чешскую корону». Законодатель главное внимание обращает на укрепление ее «славы и силы»³.

Представители привилегированного феодального сословия выступают как «благородные», «князья», «бароны», «знатные», «nobili», «магнаты»⁴.

Паны и владыки — «слава и честь» королевской короны. Привилегии их находятся под особой защитой⁵. Процветание и благополучие феодального сословия рассматривается как залог процветания городов⁶. Королевская власть стоит на защите имущественных и личных прав феодалов⁷, на защите принципа, сформулированного еще в статутах Оттона (1222), начинавшихся с гарантии имущественных прав чешской шляхты⁸. Королевская власть только в особых случаях⁹ отчуждала имущество панов, владык или мещан.

² «...pro communi omnium populorum dicti regni evidenti compendio et securitate ac puce perpetuis accurendis...» (M. C., Proemium, § 7). Cp. M. C., XV.

³ «...ad honorem et gloriam diadematis regalis Boemiae rei publicae: judicii atque justitiae tuitionem, fortitudinem atque favorem, et totius universitatis dicti regni securitatem atque pacem» (M. C., VI, D). В другом месте говорится: «... jurent... at honorem et gloriam regiae majestatis Boemiae...» (M. C., XXII); «... ad honorem et statum regiae dignitatis... decrevimus» (M. C., XXXIII).

⁴ «... barones et nobiles...» (M. C., IX); «principum, praelatorum, baronum ceterorumque nobilium» (XII). Cp. M. C., XV, XXXIV, XXXVIII.

⁵ «Baronum nostrorum magnificis et honores, diadematis nostri regalis decus et gloriam, sicut intactas stabilesque perpetuo volumus permanere» (M. C., LXXXIV); «Regalis diadematis nostri nobilissimam partem, clarissimum principum regni nostri Boemiae lauda...» (XL).

⁶ «...tunc enim oppidanorum nostrorum numerum putamus augeri cum videmus baronum atque nobilium fidelium jura non minui (M. C., LXXVII).

⁷ Законодатель говорит, что королевская власть стремится прежде всего гарантировать безопасность личности и имущество подданных: «... subditos nostros, quos in personis et rebus volumus esse securos. ...» (M. C., XIV). В другом месте говорится, что слава князя прочна до тех пор, пока сохраняется имущество подданных: «Gloria principis propagatur, dum subditorum patrimonium augendo servatur. ...» (XXX).

⁸ «Omnes hereditatis quae viri tam minores quam maiores tempore ducis Conradi sine querela et pacifice huiusque possederunt, in bona tranquilitate pacis ammodo possideant». Jus Conradi, 1222, см: «Codex Juris Bohemici», II, 2. Praha, 1862, стр. 101 (далее: С. j. B.).

⁹ «...nullo... divisionem... seu fieri permissuros vel passuros, de limitibus seu terris... sive ad regium demanium, sive ad principes, sive ad barones vel nobiles sive etiam ad civitates aut alias quascunque personas vel loca spectantibus quoquomodo» (M. C., XVI).

Привилегированное положение панов и владык, их политические права гарантируются организацией земского суда¹⁰, представлением важнейших земских должностей этому сословию. Высшие земские служащие назначаются королем из панов¹¹. Исполнительные органы на местах — в областях (краях) — только из панов или из владык¹².

Важнейшая группа статей, определяющая положение чешских феодалов и их взаимоотношение с королевской властью, трактует вопрос о недвижимом имуществе.

Законодатель защищает имущественные права феодала, «свободного жителя», стремится оградить его имущество от расхищения и расточительства. Именно поэтому лицо, владеющее имуществом, может свободно распоряжаться им лишь в том случае, если оно приобретено лично. Семейное имущество, полученное по наследству, расточать запрещалось¹³. Против расточения частного имущества направлены статьи, запрещающие азартные игры. Играть, например, в кости разрешалось только на наличные деньги¹⁴. Ограничение азартных игр, игры в долг мотивировалось тем, что проигравшие и их семья впадают в нищенство, разоряются¹⁵. Одно из важнейших преступлений, подлежащих рассмотрению в земском суде, — грабежи и насилия по отношению к дому — *violentes invasores domorum*¹⁶, особое распространение которых Законник датирует со времени правления короля Яна¹⁷.

Имущество могло наследоваться законорожденными детьми, как сыновьями, так и дочерьми¹⁸. Гарантировались имущественные права наследников. Сын, достигший 15 лет, если желал, мог отделиться от родителей. В случае изъявления такого желания, родители должны были выделить ему часть имущества, полученного от своих родителей¹⁹. Такой порядок был закреплением земского обычая: записи земских книг свидетельствуют, что паны, заседавшие в земском суде, руководствовались таким правилом,

¹⁰ Г. Э. Санчук. Чешский Земский Законник..., гл. IV. Чешский земский суд, стр. 105.

¹¹ «... camerarius et judex ipsi supremi barones, seu baronis genere descendentes existant» (M. C., XXV).

¹² «Sancimus, quod barones, in singulis provinciis de more solito ordinandi, tres in numero in officio majorem scabinorum seu institiariorum vel corraptorum, et ceteri nobiles eodem numero, per loca singula (ut est moris) minores scabini praefigendi, non ordinentur vel statuantur ita, quod duo ex eis tribus fratres existant» (M. C., XX).

¹³ M. C., LXXI.

¹⁴ M. C., XXXI.

¹⁵ M. C., XXX.

¹⁶ M. C., CXXII.

¹⁷ «... latronam, furum et multiplices generis maleficorum sepes nefarias pullulare» (M. C., Proemium, § 2).

¹⁸ M. C., LXVI.

¹⁹ M. C., LXIX.

хотя соответствующая статья Законника Карла не принималась специально на сейме. Соответствующая запись имеется в земских книгах *Prima Mauritii* 1404—1406 гг.²⁰ Существенное значение имело подтверждение имущественных прав женщины, ее права наследовать имущество. Законник Карла подтверждал право дочери наследовать имущество родителей, оговаривая, что это право имеет незамужняя и неотделившаяся дочь²¹. Замужняя дочь или дочь-вдова не могут наследовать имущество умерших родителей²². Замужние женщины и вдовы исключаются также из числа наследников имущества своих братьев и сестер²³. В отношении прав наследования дочерей подтверждалась сила обычного права²⁴. Об этом древнем обычай земского права свидетельствуют древнейшие чешские источники. «Законы Конрада» записали обычай, согласно которому, если нет сыновей, то наследство переходит к дочерям²⁵. Согласно древнейшим записям земских книг так называемого «I Здислава», дочь имеет право наследовать после отца, если сыновья его умерли до того, как отделилась дочь, или если сыновья отделились, а дочь не отделилась²⁶. Такой земский обычай подтвердил и король Ян Люксембургский²⁷: дочь не могла наследовать, пока были живы неотделившиеся сыновья²⁸.

²⁰ «*Joannes filius Pelbzimov, habens annos aetatis legitime licet mutus adductus fuit ad praesentiam baronum ad plenum judicium. Ibi barones eo viso et amicis intellectis, invenerunt pro jura quod idem Joannes, cum habeat annos aetatis debitas, potest de hereditibus suis hereditariis, quas habet post patrem suum disponere, prout sibi placet, et unio super hereditibus suis data per regem Tamikoni non debet obstare, nec ei in aliquo nicera*». *Primi Mauritii* (C. j. B., II, 2, стр. 47).

²¹ «*Innuptas vero filias, a parentibus non divisas, in bonis et hereditatibus accedere omnino permittimus et jubemus*» (M. C., LXVIII).

²² «... filiae nuptae aut viduae in bonis et hereditatibus defunctorum parentum non succedunt» (M. C., LXVIII).

²³ M. C., LXX.

²⁴ «*De jure et consuetudine regni nostri...*», — говорит об этом постановлении законодатель (M. C., LXVIII).

²⁵ «*Si quis autem non habuerit filium et habuerit filias ad illas deveniant hereditas aequaliter*» (C. j. B., II, 2, стр. 10).

²⁶ «... dcera dědi, když ji otec samu ostavi bes synov, aneb kdyby i synové byli a zemřeli prvé nežby ji odybyli, annebo kdyby syny et sebe oddelil a dcera sama neodbyta při otci by zustala». I. Zdislai. B. 42. Jan z boží milosti (C. j. B., II, 2, стр. 20).

²⁷ «*Ioannes rex, protestatus est ibidem et tabulis terrae, studiose mandavit annotari, quod Margarethem orphanam, filiam Prockonis de Slavosova quondam dicti, postquam ibidem pater ejus mortuus esset, non relictus post se aliis suis pueris, sed tantum ipsam filiam, permisit eam gratiosa uti eo jure, quod barones, terrae invenerunt et de ipsius regis pleno statuerunt consensu: Quod quaelibet filia moriente patre et non relinquente post se filios, quadra debet de successione omnium bonorum et hereditatum patris, quo filius, eo jure etc.*» (C. j. B., II, стр. 200).

²⁸ Viktorina ze Všeherd «O pravich zeme česke Knihy devatery». Vydání nove, H. Ireček. Praha, 1874, IV, 6 (далее: Všeherd. . .).

Наряду с подтверждением старых земских обычаяев Законник Карла содержал новые постановления, призванные внести некоторые изменения.

Прежде всего устанавливается строгий порядок распоряжения имуществом-наследством со стороны частного лица. В случае несоблюдения установленного порядка передача наследства теряла силу²⁹. Согласно новому порядку, каждый, кто хотел сделать дарение, передачу имущества-наследства, должен получить разрешение короля или высших земских служащих на заседании сейма³⁰. В случае разрешения специальный пан-кмет извещает об этом высших земских служащих, которые в течение одного года на одном из четырех сеймов вносят соответствующую запись в земские книги³¹. Те же служащие назначают специальное лицо — «посла» (*specialis nuntius*) для «введения» нового владельца в новое владение. «Введение» должно последовать в течение одного года после записи в доски. В течение этого срока «посол» должен занести (записать) в доски состоявшуюся передачу и введение. Если эта запись в указанное время не сделана, передача имущества не имеет силы³². После выполнения всех условий передача имущества получает силу³³. Но и после состоявшейся законной передачи имущества-наследства новый владелец должен публично на торге оповестить в течение трех дней состоявшуюся передачу, имя и прозвище передающего и причину передачи³⁴. Лицо, имеющее претензии на передаваемое имущество, имеет право заявить о них в течение трех лет шести недель (срок земской давности)³⁵.

Получение согласия короля или высших земских служащих на передачу имущества, объявление об этом и запись передачи в доски практиковались уже в конце XIII в., о чем свидетельствует запись Пражских земских досок под 1287 г.³⁶ Об этом мы узнаем и в Книге Розенберга³⁷. О порядке передачи земского

²⁹ «... sancimus, donationes, eo sucesiones seu translationes hereditatum taliter non selemitate debita quibuscunque factas, superque beneficiario-rum hujusmodi testimonium stare volumus, nullius penitus esse vigeris...» (M. C., LX).

³⁰ M. C., LIX.

³¹ Там же.

³² Там же, LXI.

³³ Там же, LIX.

³⁴ Там же, LXI.

³⁵ Там же.

³⁶ С. j. B., II, 2, стр. 3. Согласно записи 1287 г., пан Гогерус из Ломпиниц объявил перед королем Вацлавом, высшим судьей, высшим писарем и другими пражскими служащими, что он заносит в доски запись о продаже имущества с согласия своей жены (там же, стр. 5).

³⁷ «Když kto chce, by jeho nepohnili, vlož we dsky přieteli swemu dědiny swe, nebo swym dětem, je jim davaš a satupujes...» Kniha Rožemberga, 96. См. «Archiv Český». Vydal F. Palacký. Dil I. Praha, 1840, стр. 451 (далее: Archiv Český).

недвижимого имущества и соблюдении срока земской давности согласно *jus consuetudo terrae* говорит также запись земских книг 1312 г.³⁸ Тем не менее порядок передачи земских имуществ не всегда был в интересах частных лиц, поэтому он часто нарушался. Об этом мы узнаем из Законника Карла. Правила передачи, дарения, продажи и прочее всячески обходились, часто это делалось тайно и тайно записывалось в земские книги³⁹. Уже само стремление Карла со строгой последовательностью восстановить старый обычай (*ut moris est*) и тем в значительной степени оградить имущественные интересы частных лиц феодального общества явилось большим событием. Подобного законодательного закрепления и строгого надзора за этим обычаем раньше не было. Еще более существенным стало постановление Законника Карла, ограничивающее права частных владельцев в пользу королевского домена. Согласно новому положению, при несоблюдении правил передачи имущества передача теряла силу, а само имущество переходило в королевскую казну⁴⁰. Такая мера призвана была материально усилить королевскую власть и в то же время ограничить свободу и бесконтрольность в распоряжении земскими имуществами, что стало столь характерно в период после прекращения династии Пржемыслов и во времена короля Яна Люксембургского.

Законником королевская власть стремилась ограничить в интересах королевского домена права наследования свободных жителей, панов, владык и во всех возможных случаях изымать свободное имущество в пользу королевской казны, что должно было содействовать укреплению королевской власти.

Важнейшим ограничением права наследования жителей на земском праве явилось решение о праве королевской казны на имущество умерших, не оставивших законных детей⁴¹. Земское имущество в таких случаях должно было переходить в королевскую казну. Это постановление касалось всех лиц, владеющих

³⁸ «Promitisque idem Johannes hunc venditionis contractum secundum jus provinciale imponi solemniter ad Pragensium beneficiariorum tabulas procurare, prout jus et consuetudo terras requirit. annos tres et abdomadas sex memorato domino praeposito suique fratribus de bonis hujusmodi plaenam' praestare varaudiam. . .» (C. j. B., II, 2, стр. 5).

³⁹ «Aliquando factum fuisse comparimus, quod quidam hereditates proprias in alios transferre volantes, illas occulte transferunt seu donant, et occulte ad tabulas scribi faciunt, nulla clementia regia petita licentia nec aliqua notoficatione supremis beneficiariis, ut moris est, facta» (M. C., LX).

⁴⁰ «Bona vero, quae taliter contra praesentis constitutionis seriem seu mentem translata reperirentur, vel de quibus transferro exstiterit ordinatum. licet nondum realiter translata fuerint, intelligentur ipse jure nostrae regiae camaerae confiscata» (M. C., XXXII).

⁴¹ «. . . quibus etiam a seculi hujus vita migrantibus. . . bona ipsa devolvi et devoluta teneri et administrari per regiam cameram sive curiam superscriptam» (M. C., XXXII); «. . . quae liberis alii ex dictis parentibus non extantibus, ad fiscum regium non est dubium pertinere» (LXVIII).

имуществом на земском праве. Оно имело силу как по отношению к свободному жителю-земанину (пану, владыке), так и по отношению к мещанину⁴². По чешскому земскому праву, как свидетельствуют об этом записи земских книг, выморочным имуществом (*odumrt*) в пользу королевской казны считалось имущество земского жителя после его смерти, если этот житель не оставил после себя законных наследников или в случае, если их не было, «не записал» своего имущества кому-либо. Древнейшие земские книги под законными наследниками имели в виду не только законных детей, но и всех «нераздельных друзей»⁴³. Об этом обычае земского права в Чехии говорит Корнелий Вшегрд⁴⁴. О том, что король свободно распоряжался выморочным имуществом, говорят многие записи земских книг (досок) периода до Карла⁴⁵.

Новое в вопросе о наследовании земского имущества состояло в сужении круга наследников имущества. Оставляя в силе те записи земских книг, которые говорили о правах наследования законных детей, Законник Карла ограничивал права наследования других земан в пользу королевской власти. До этого времени права наследования у шляхты были шире — свидетельство тому помимо вышеприведенных записей земских книг (о правах наследования «нераздельных друзей») и «Законы Конрада». О законных наследниках шляхетского имущества «Законы Конрада» говорят гораздо шире, чем Законник Карла. В случае отсутствия сыновей и дочерей наследство согласно *Jus Conradi* должно было переходить к ближайшим (*proximos*) наследникам: *heredes deviant ad proximos heredes*⁴⁶. По вопросу о круге наследников между чешской шляхтой и королевской властью шла борьба. Паны и владыки стремились увеличить круг законных наследников. Частично они этого добились в начале XIV в.: согласно грамоте Яна Люксембургского, если шляхтич не имел ни мужских, ни женских наследников и если он при жизни не сделал распоряжения о своем имуществе, его имущество наследовали

⁴² M. C., LXIV.

⁴³ «Ktož svého zbožie žádnému nezapiše, svobodu toho plnú majé a přítel žádných nedielnych nema: to zbožie prava a spravedlivě na Krále prieházi a J. Mst. tokovc zbožie spravedlivá dáva, komuž ráci». I. Zdislai A. (38. C. j. B., II, 2, str. 19).

⁴⁴ «Na Krále každé dědictví připadá, kteréž kte bez otporu a nárokov drží a toho žádnému nezapiše, v tom bez dedičov sejda; taková dědictví a zbožie na krále spravedlivě připadaje» (Vše hrd, I, 3).

⁴⁵ «Král muože dátí zbož: na J. Mst. spadlá, komuz ráci». VI. Zdislai A. 38. Nalezy, O nápadich. C. j. B. II, 2. str. 20. «Král muože dátí zbož: na J. Mst. spadlá, komuž raci». I Zdislai. Ibid. «Jan, Král, dědictví Jana z Kocnovic, kterýž bez dedičov sšel, jinému dal jest». I. Zdislai B. 21. Tam же.

⁴⁶ Полностью статья читается так: «Si quis autem non habuerit filium et habuerit filias ad illas deveniat hereditas aequaliter: et si non sint, hereditas deveniat ad proximos heredas». Statuta ducis Ottonis (*Jus Conradi*), 17.

мужские и женские родственники до четвертого колена⁴⁷. Если сравнить записи земских досок и приведенные решения о порядке наследования в *Jus Conradi* и в грамоте Яна, то можно заключить, что шляхта боролась за расширение своих прав наследования, а королевская власть — за ограничение последних. Используя ранние записи земских книг, Законник Карла вместе с тем вносил ясность в этот вопрос, при этом решая его в интересах королевского домена: отныне наследовать могли только законные дети: *liberes a suo corpore legitime*⁴⁸. В остальных случаях передача имущества и запись об этом в земские доски должны были следовать строго фиксированным правилам. Законник Карла, таким образом, отменял некоторые старые положения (например, соответствующие места из *Jus Conradi* и из грамоты Яна Люксембургского), в свое время также занесенные в земские доски.

Разобранные статьи и сравнение их с существующей практикой, отраженной в записях земских книг, дают основание заключить, что королевская власть в ряде случаев стремилась решить вопрос о взаимоотношении королевской власти с феодалами в свою пользу. Некоторые статьи задевали интересы и широкого круга феодалов, например, статьи о правах наследования. Нужно, однако, заметить, что существующая и остающаяся в силе практика пожалований земского имущества частным лицам (шляхтичам) из фонда тех имуществ, которые поступали в королевский домен в результате его прав наследования и конфискации, значительно могли компенсировать шляхту, ограниченную в правах наследства. Происходило перераспределение земского имущества между отдельными членами феодального класса. Новые источники притока земских имуществ в королевскую казну создавали для королевской власти материальную основу при пожаловании служилой знати. Помимо уже указанных выше случаев, имелись и другие, когда имущество считалось выморочным и поступало в распоряжение королевской казны. Это происходило, например, после смерти отделившихся детей⁴⁹, после смерти матери, вышедшей вторично замуж⁵⁰.

Для сохранения своего имущественного положения чешские феодалы держались за старый институт «недила» (*nedila*⁵¹), существование которого по чешскому земскому праву сводилось к следующему: разные люди, как находящиеся, так и не находящиеся

⁴⁷ «Si autem nec filios nec filias habens et nulla de bonis suis in vita vel in morte dispositione facta decebat proxemiores usque ad quartum consanguinitatis gradum masculini vel feminini sexus heredas in bonis suis omnibus et hereditate succendant». См. F. Palacký. Dějiny naroda českého v Čechách a v Moravě. Díl VI. Praha, 1898, s. 180.

⁴⁸ M. C., LVIII.

⁴⁹ Там же, LXVII.

⁵⁰ Там же, LXII.

⁵¹ J. Mařkov. Dědicka české právo. Praha, 1930, стр. 3 сл.

между собой в родственных отношениях, могли вступать в «недил» или в «общность» владения имуществом. Члены одного «недила» назывались «общинниками» (*společnici*). Книга Розенберга рассматривала этих общинников как одно юридическое лицо⁵². Как видно из земских книг, такие общинники являлись сонаследниками⁵³. Эта «нераздельность», «общность», или «nedil», называется в земских книгах также терминами «upio» или «spolec»⁵⁴. Главным признаком «недила» или «upio» являлись общность доходов и расходов, хотя лица могли жить в разных местах. Чешские феодалы (паны, владыки), вступая в имущественный «недил», стремились сохранить право на имущество в широком смысле: выступая в качестве членов «недила», они сохраняли равные права на все имущество в случае смерти кого-либо из членов «недила». Такая мера была средством борьбы против королевского права на выморочное имущество. В заключении «недила» были заинтересованы особенно лица, не имеющие законных наследников и желающие передать свое имущество дальним родственникам или знакомым. Институт «недила» призван был гарантировать имущество подобных лиц от притязаний королевской казны. Законник Карла вводил изменение в существующую практику⁵⁵. Он ограничивает возможность заключения «недила». Согласно новому положению, «общность имущества» должна была фиксироваться в земских досках, о чем следовало оповещать в таком же порядке, как и в случае передачи имущества⁵⁶. Позднейшие записи земских книг (конца XIV в.) неоднократно говорят о строгом соблюдении вновь введенного положения о занесении в земские доски факта вступления в «недил» с согласия короля или в присутствии панов в земском суде. Вступление в «недил» только на торге (как бывало раньше) объявлялось недействительным⁵⁷.

Законник Карла устанавливал также строгий порядок в отношении раздела имущества между родственниками. В этом отношении, очевидно, вводился совершенно новый порядок, так как соответствующие правила не встречаются ни в земских досках,

⁵² «Když z jedného výleba mnoho powodów na pôhon, komornici právo majú vzeti jakoby jeden pôvod byl, že jsiu společnici, proto jedno myto» («Archiv Český». Díl II, str. 51).

⁵³ «Ktož svého zboží žádnému nezapisa, svobodu toho plnu maje a přítel žadných nemá: to zbozic prava a spravedlivě na Krále přichazí». I. Zdislav. A. 38, C. j. B., II, 2, str. 35.

⁵⁴ Там же, стр. 32.

⁵⁵ «Si uniti in bonis eorum separati habitant, sumptusque quique separatos faciat et in diversis castris vel locis aliis: non propterea intelligantur unio fraudulenta vel simulata, dummodo probare possint, si necesse fuerit, per testes, idoneos. Coram baronibus, quod alias in damnis et emolumentia omnibus uniti pertificant et contribuunt» (M. C., CVIII).

⁵⁶ M. C., CVIII.

⁵⁷ «...jakož jest bylo prvé za právo, v knihach Primo Procopii U. B., že v jednom trhu když jest několiko osobcím kladenou bylo tzhem, že tim nejsú společnici a nápad» (C. j. B., II, 2, str. 34).

ни в других источниках. Родственники, желающие разделить имущество, должны были произвести раздел перед королем⁵⁸. В этом еще был отзвук старой практики. Так, например, дела об имуществе (например, о вступлении в «недил») разбирались в королевской курии. Новым явилось предоставление права раздела имущества не только перед королем, но и перед особыми королевскими служащими — «скабинами» или «юстициариями» (*scabines, iustitiarius*).

В случае раздела имущества панов указанные служащие, в числе трех, должны быть из панов⁵⁹. Если вопрос касался просто благородных (т. е. владык), служащие могли быть из владык⁶⁰. Такой порядок был новым. Нам представляется это свидетельством увеличения роли и значения специальных служащих — *iustitiarius*, которые в другом месте Законника выступают как «пооправцы» (*popravczones*)⁶¹, функции которых в областях распространяются теперь не только на уголовные, но и на имущественные дела. «Пооправцы» должны были стать более действенными органами королевской власти и содействовать ее укреплению.

Рассмотренные статьи Законника Карла направлены на материальное усиление королевского домена (вводились некоторые ограничения распоряжением имуществом, в наследовании и т. д.). Однако, задевая интересы частных лиц, королевская власть ни в коем случае не наносила этими мерами ущерба феодальному сословию в целом, ибо при изъятии имущества в пользу королевской казны королевская власть выдавала это имущество в виде вознаграждения представителям того же сословия. Важнейшим нововведением чешского короля Карла явилось расширение королевского имущества за счет конфискации «свободного имущества». Согласно Законнику Карла, к королевской курии должны были отходить:

1. Имущества незаконнорожденных (ст. I, VIII).
2. Имущества казненных преступников (ст. XII, XIII).
3. Все свободные имущества, приобретение которых произошло не по форме, предусмотренной Законником (ст. LIX).
4. Имущества, отданные в мертвую руку, т. е. духовным лицам или корпорациям (ст. XXXII, LIX).

⁵⁸ «... sancimus: quod fratres consobrini, aut alii quicumque sanguine vel affinitate conjuncti, vel prorsus extranei communem hereditatem habentes, volentes a communione recedere et partes quique proprias habere, divisionem hujusmodi solemniter debeant celebrare, videlicet principes vel barones coram regia majestate» (M. C., XXXVI).

⁵⁹ «... aut si praelegerint barones ipsi, coram tribus baronibus scabinis seu justitiariis vel tectoribus illius provinciae, infra cuius limites hereditas ipsa sita aut pars potior ipsius reparietur» (Там же).

⁶⁰ «Nobiles vero alii coram tribus nobilibus scabinis ejusdem provinciae situatae hereditatis» (Там же).

⁶¹ M. C., XI.

5. Духовные имущества, находящиеся в ведении вакантной должности (ст. XXXII).

6. Имущества духовного лица, переданные последним сожительнице или детям (ст. LXI).

7. Имущества женщин, имеющих детей от второго брака, но не сделавших распоряжения относительно дальнейшей судьбы имущества после своей смерти (ст. XI).

Нормализация внутренней жизни, экономические интересы страны требовали решительной борьбы с феодальной усобицей, кулачным правом, наведения порядка в стране. В этих условиях королевская власть выступает «представительницей порядка в беспорядке». Хроники Петра Житавского, Бенеша из Вайтмиля дают возможность судить о мерах, принимаемых в этом направлении королевской властью⁶².

Королевская власть стремилась законодательным порядком ввести в действие положения, гарантирующие внутренний порядок и мир в стране. С этой точки зрения представляют интерес статьи Законника Карла, систематизирующие наказания за особенно серьезные преступления. Содержание статей дает материал для характеристики взаимоотношений внутри феодального сословия, а также отношения феодалов с королевской властью.

Законник Карла выделяет: оскорбление чести⁶³, убийство в результате заговора⁶⁴, грабеж и кражा⁶⁵, насилие над женщиной⁶⁶, порча и поджог леса⁶⁷, незаконный брак женщины⁶⁸, азартная игра⁶⁹, дача денег в долг во время игры⁷⁰, союз со злумышленником⁷¹, применение ордалии⁷², членовредительство подданного⁷³. Характерно стремление королевской власти подчинить рассмотрение всех этих дел и установление наказания за них исключительно своей компетенции. В большинстве случаев говорится о том, что преступник «переходит лично с имуществом на милость короля»⁷⁴. Только в случае некоторых, менее важных преступлений предусматривалось возмещение частного лица, как, например, в случае незаконного долга, данного во время азартной игры. Характерно и то, что мерой наказания устана-

⁶² Г. Санчук. К вопросу о положении королевской власти в Чехии XIV в., стр. 222.

⁶³ М. С., С.

⁶⁴ Там же, XXXIV.

⁶⁵ Там же, CXXII.

⁶⁶ Там же, XCIV.

⁶⁷ Там же, L.

⁶⁸ Там же, XCVI.

⁶⁹ Там же, XXXI.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, XXIX.

⁷² Там же, XXX.

⁷³ Там же, LXXXVII.

⁷⁴ «Et si reperiatur culpabiles illo, cum bonis suis omnibus regis gratiae sit commissus» (M. С., LI).

вливалась конфискация имущества, причем в подавляющем большинстве в пользу королевской казны⁷⁵. Законник, наконец, выделял особую группу преступлений, наносивших ущерб непосредственно королевскому достоинству и жизни «королевской короны». Ими являлись: неповинение и сопротивление королю⁷⁶, заговор или запрещенный союз⁷⁷, признание короля, не давшего присяги в неотчуждаемости королевских имуществ⁷⁸, служба иностранному государю⁷⁹, расхищение королевских имуществ⁸⁰, вымогательство имущества и привилегий от короля⁸¹ и присваивание ископаемых богатств⁸². В качестве наказания за такие преступления устанавливалось: лишение чести, казнь и конфискация имущества в королевскую казну. Эти меры должны были обуздать сепаратизм чешских феодалов, магнатов, ограничить их политическую вольность, расцвет которой характерен для первой половины XIV в.⁸³

Выделение перечисленных видов преступлений, их дифференциация и установление особого наказания за преступления, наносящие материальный и политический ущерб королевскому домену и государству в целом, — все это должно было содействовать укреплению чешского феодального государства. В этом отношении обращает на себя внимание законодательный запрет службы иностранному государю.

Законник Карла препятствовал передаче имуществ и владений из королевской казны в руки частных лиц и прежде всего чешских панов. Как известно, уже Пржемысл II и Вацлав II пытались осуществить меры в том же направлении.

К сожалению, тексты Законников Пржемысла II и Вацлава II не сохранились, и об этом законодательстве мы можем судить лишь в самом общем виде⁸⁴. Законник Карла в этом вопросе вносил большое нововведение — он запрещал вышранивать привилегии у короля всем, независимо от их положения и звания в коро-

⁷⁵ «Bona seu hereditatibus delinquentium, quas quaeve propter diversa crimina in pluribus constitutionis nostris jussimus confiscari, modo subscripto debere intelligi declaramus: videlicet si bona hujusmodi sint libera, vel alias sub dominio nostro, vel emphytectosi teneantur, ea ad fiscum regium decernimus pertinere» (M. C., XCIX).

⁷⁶ M. C., XXIII.

⁷⁷ Там же, XXXIII.

⁷⁸ Там же, IX.

⁷⁹ Там же, XLIII.

⁸⁰ Там же, CVI.

⁸¹ Там же, XVIII.

⁸² Там же, LXIII.

⁸³ Г. Санчук. К вопросу о положении королевской власти в Чехии XIV в., стр. 215 и сл.

⁸⁴ F. Palacký. Dějiny národa českého v Čechach a v Moravě. Dil II. Praha, 1894, str. 58 и сл. Ср. V. Vaněček. Dějiny státu a práva v Československu. Praha, 1961, str. 99.

левстве⁸⁵. Любое лицо, получившее незаконным образом имущество или привилегию от короля, рассматривалось как нарушитель общественного порядка. Все паны, владыки и жители королевства обязаны были преследовать такое лицо как врага государства⁸⁶.

Новой, наконец, была попытка королевской власти законодательным путем усилить зависимость феодалов непосредственно от королевского домена. Особенностью феодальных отношений в Чехии было слабое развитие ленных отношений⁸⁷. Большая часть земельных собственников находилась на свободном земском праве. Лишь некоторая часть их находилась на ленном праве. Законник пытался внести существенное изменение в это положение: отношения земельных собственников к королевской власти должны были в значительной степени приобрести характер ленных отношений, хотя институты земского права и суда оставались в неприкосновенности. Об этом свидетельствует установление обязательной присяги королю или его наместнику со стороны князей, графов, вассалов и других знатных лиц королевства⁸⁸. Основные права панов и владык оставались без изменений.

За панами и владыками оставалось привилегированное право занимать высшие земские должности: должность кметов (или земских судей), четыре высшие должности (три — для панов и одна — для владык), должности поправцев в областях, наконец, феодалы получали право «шоправы» (т. е. суда) над своими подданными.

Характерно, однако, что Законник Карла больше обращает внимание на обязанности панов и владык перед королевской властью, чем на их права. Правда, мы получаем неодинаковую информацию о всех земских обязанностях панов и владык. Так, например, совсем ничего не сказано о порядке и размере сбора земской берны, хотя это было важнейшим вопросом во взаимоотношениях королевской власти с сословиями, что видно из решений Домажлицкого сейма и грамоты Яна 1310 г.⁸⁹ Зато вопросу другой важнейшей повинности шляхты — несению военной службы — Законник уделяет особое внимание. Он закрепляет существующий ранее порядок обязательной военной службы

⁸⁵ М. С., XV.

⁸⁶ «... ceterisque et barones seu nobiles ac universitates omnes regni nostri praedicti insurgere manu armata, bonaque ejus invadere et dissipere penitus possint et debeant, quem velut regni proditorem atque scissorem et laceratorem, reique publicas atque status pacifici fidelium regni omnium turbatores et invasorem manifestum, persequi et offendi impuna volumus et jubemus» (М. С., XV).

⁸⁷ K a p r a s. Přehled právních dějin. Praha, 1930; стр. 63; V. Vaňěček. Dějiny státu a práva v Československu. Praha, 1961, стр. 105.

⁸⁸ «Praesenti itaque lucide lege sancimus: quod quilibet princeps marchio, dux et vasallus, et quicunque alius inferior nobilis feudatarius regni nostri praedicti praestat personaliter fidelitatis debitae sacramentum» (М. С., XLI).

⁸⁹ Г. Э. Санчук. Чешский земский Законник, стр. 103 сл.

шляхты в случае нападения врага на страну. При этом в течение первых четырех недель служба должна нести за собственный счет. Если военные действия продолжались дольше, то содержание воина и его лошади шло за счет королевской казны.

Паны и владыки при нападении врага на границы королевства «должны явиться к этим границам вооруженными и в течение четырех недель за счет собственных издержек мужественно защищать отчество». Такая формулировка была большим нововведением, ибо она прямо отвергала старую шляхетскую привилегию, согласно которой «шляхта и паны не должны против своей воли идти в военный поход за пределы королевства»⁹⁰.

Особенное внимание уделяется обязанностям панов и шляхты в период войны. Каждый феодал обязан находиться в пределах государства и не может покинуть его без специального разрешения⁹¹ короля. Служба иностранному королю или князю, особенно во время войны, объявлялась вне закона⁹².

Можно, таким образом, сказать, что Законник Карла дает нам возможность составить представление о политике королевской власти в Чехии середины XIV в. по отношению к феодалам. Королевская власть, во-первых, защищала их личные и имущественные права как привилегированного феодального сословия; во-вторых, подтверждала основные политические права, которых добилась шляхта в конце XIII—первой половине XIV в.; в-третьих, королевская власть путем возобновления действия и подтверждения старых земских постановлений, путем их добавления и главным образом рядом новых постановлений проводила меры, направленные на прекращение феодальных усобиц, на борьбу с кулачным правом в феодальной Чехии XIV в., на укрепление положения королевской власти; с этой целью выделялась особая, перечисленная выше группа преступлений земских жителей, на которую должен был распространяться суд короля (это должно было усилить «особую область», так называемую «dominium speciale» короля⁹³); в-четвертых, королевская власть усиливала зависимость земельных собственников — панов и владык, находящихся на свободном земском праве и владеющих аллодиальной собственностью («единой»). Следует, наконец, заметить, что законодатель при кодификации чешского земского права как в своем отборе старых, уже ранее действовавших норм обычного права, так и при введении новых постановлений руководствовался, безусловно, идеей материального и политического усиления чешского феодального государства, идеей его централизации.

⁹⁰ F. Palacký. Dějiny..., II, стр. 201 сл.

⁹¹ M. C., XII.

⁹² Там же, XV.

⁹³ Об этом подробнее см.: Г. Э. Санчук. Чешский земский Законник..., стр. 105.

Законник Карла, к сожалению, говорит о чешском крестьянстве в неизмеримо меньшей степени, чем о феодалах. Уже это является выражением процесса подчинения крестьянства господствующим классом феодальной Чехии — чешскими феодалами: чешское крестьянство теряет права свободных жителей земли — так называемых *zemán* — и переходит под власть пана, владыки.

Законник Карла говорит о «подданных, крестьянах», находящихся на так называемом немецком праве. Такие люди — *homines villanis seu oppidanis* — могли переходить из владения землевладельца во владение королевского домена или владения другого землевладельца — пана или владыки — в праздник св. Мартина, при условии, если крестьянин, желающий перейти, был свободен от долгов и обязанностей по отношению к своему предшествующему владельцу. В другое время года подданный пана мог совершить переход лишь в том случае, если в виде ручательства или замены себя у прежнего землевладельца мог гарантировать последнему необходимый доход до праздника св. Мартина. В случае получения разрешения перехода, т. е. получения разрешения на свободу, подданный мог свободно продать право пользования владением⁹⁴.

Как видим, происходит ограничение так называемого права «выгоста», т. е. права отказа от арендного договора и выхода из числа поселенцев — *гостей*. Такая мера была в классовых интересах чешских землевладельцев. В условиях развития денежных отношений в Чехии чешские землевладельцы — паны и владыки стремились гарантировать себе определенный денежный платеж и ряд установленных повинностей с крестьян. Из Законника далее видно, что чешские феодалы добились права суда над крестьянами. О том, что королевская власть подтверждала основные права и власть земельного собственника-феодала над его крестьянином, ясно видно из следующего места статьи LXXXIV: «Итак, этим ясным установлением мы санкционируем: всякого рода власть... панов нашего чешского королевства над их людьми и имуществом этих людей пусть сохраняется, подобно тому, как это сохраняется с древних времен...» Вместе с тем можно говорить об определенном ограничении панской юрисдикции.

Отныне феодал — пан, владыка — не мог решать вопрос относительно своих подданных крестьян — *homines*, если дело касалось «больших дел», относимых к так называемым *justitias personales*, о которых речь шла выше. Такие дела относились к компетенции королевской власти. Законник Карла, кроме того, в ряде своих статей (XXXV, XXXVI, XXXVII) ограничивает крайности феодальной юрисдикции, суд и расправу чешского феодала над своим крестьянином. Панам и владыкам запрещается

⁹⁴ M. C., LXXVII.

выкальвать глаза⁹⁵, вырывать ноздри⁹⁶, отрывать руку или ногу⁹⁷ у своих или чужих крестьян, т. е. запрещается их увечить. Заувечье своего или чужого крестьянина феодал подвергался опале короля, сам он и его имущество переходили на милость короля: «se bonaque sua omnia, regiae gratiae sciat esse commissa»⁹⁸.

Как видим, требовались особые законодательные меры королевской власти, чтобы ограничить, очевидно, широко распространенную практику расправы чешского феодала над крестьянином. Чешские паны и владыки часто решали вопрос о жизни и смерти крестьян. Меры королевской власти объяснялись непосредственной ее заинтересованностью в сохранении достаточного количества производительных сил, необходимых для ведения хозяйства. Это тем более понятно, если учесть опустошение страны и убыль населения, постигшие феодальную Чехию в первой половине XIV в.⁹⁹ С другой стороны, ограждая крестьянина от произвола феодала, королевская власть стремилась поставить его в непосредственное подчинение себе.

Законник Карла оставлял за крестьянином право жалобы в земский суд. О такой мере короля Карла можно говорить и на основании сообщения хрониста Бенеша из Вайтмиля, согласно которому Карл добился этого на сейме¹⁰⁰.

Предоставление крестьянину права жалобы в суд было связано с тем же стремлением королевской власти ограничить власть феодала по отношению к крестьянину. Подобные меры королевской власти, направленные к относительному ограничению феодального своеволия и беззакония по отношению к крестьянину, были вызваны обострением классовой борьбы, реальной опасностью выступления крестьянства против феодалов. Об этом дает основание говорить разразившаяся вскоре крестьянская война в Чехии.

Чешские феодалы упорно добивались закрепощения крестьян. В рассматриваемый период это им еще не удалось. Лишь позднее — в 1479—1524 гг. — была узаконена личная несвобода крестьян¹⁰¹. Однако чешские феодалы уже в рассматриваемый период вели развернутое наступление на права крестьян. Это касалось прежде всего права крестьян апеллировать в земский чешский суд.

⁹⁵ «Non licet alicui baroni vel nobili suis vel alterius hominibus oculos eruere» (M. C., LXXXV).

⁹⁶ «... nasum, intermedio narium indidisse...» (M. C., LXXXVI).

⁹⁷ «... manum vel pendem truncō suppositum cuiquam abscindere...» (M. C., LXXXVII).

⁹⁸ «... eo ipso regis indignationem in bonis suis et rebus omnibus se noverit inneurisse...» (M. C., LXXXVI); «... se, bonaque sua omnia, regiae gratiae serat esse commissa...» (M. C., LXXXVI); «Qui contra fecerit, poena consimili feriatur». (M. C., LXXXVII).

⁹⁹ F. Palacký. Dějiny... II, стр. 256 и сл.

¹⁰⁰ «Fontes rerum Bohemicarum», IV, Praha, 1873, стр. 525.

¹⁰¹ «Archiv Český», t. XXII, 1905, стр. 30—39.

Свободная апелляция была одним из прав свободного жителя страны, ею крестьяне пользовались ранее наравне со всеми свободными жителями. Наступление феодалов на права крестьян, их стремление лишить крестьянина прав в суде имели реальный успех уже в XIV в. Законодателю потребовалось теперь специально оговаривать право крестьянина жаловаться на феодала.

На сейме 1355 г. королевской власти удалось утвердить положение Законника в этой его части¹⁰².

Успех королевской власти в этом вопросе был временным. В условиях развернутого наступления чешских феодалов, в канун гуситского движения эти важные положения Законника Карла уже утратили свою силу. В записях земских книг конца XIV в. (около 1396 г.) сформулировано положение: «*subditus censualis vel safár dominum suum citare non potest*»¹⁰³.

Вшегрд в своем произведении, которое он начал писать в 1495 г., отвечая на вопрос, могут или не могут подданные вызывать в суд своих панов, говорит, что об этом существуют разные мнения¹⁰⁴. Однако он встает на сторону тех, кто утверждает, что подданный не может вызывать в суд своего пана. В доказательство он ссылается на записи земских книг¹⁰⁵.

Одна из этих записей, как показал Калоусек, относится к 1402 г.¹⁰⁶ Из записей так называемых «Красных погонных книг» видно, что паны в начале XV в. (1402) приняли сеймовое решение, что подданный пана не может вызвать своего господина в суд: «*Beneficiarii majores et minores invenerunt pro jure, quod dictus citatus debet probare, ipses actores fuisse homines suos, bono testimonio vel per tabulas, et si probaverit, tunc invenerunt quod ipsum citare non possunt nec potuerunt*»¹⁰⁷.

Таким образом, в конце XIV—начале XV в. окончательно была сведена на нет законодательная мера Карла о праве крестьянина вызывать в суд своего пана.

Очень мало Законник Карла говорит об имуществе крестьянина. Об имущественных правах последнего дает возможность судить только статья о выморочном имуществе или так называемой «одумрти», согласно которой имущество преступника, если оно было на территории и под властью пана, после казни преступника должно поступать в распоряжение пана¹⁰⁸.

¹⁰² F. Palacký. Dějiny . . . , II, стр. 322 и сл.

¹⁰³ C. j. B., II, 2, стр. 255. Officium circa tabulas terrae, стр. 71.

¹⁰⁴ Vše hrd, стр. 149.

¹⁰⁵ Там же, стр. 150.

¹⁰⁶ «Archiv Česky», XXII, стр. 8.

¹⁰⁷ «Archiv Česky», IV, 1844, стр. 503, N 319.

¹⁰⁸ «. . . si vero emphyteotica vel censualia, aut alias in oppidis seu terris baronum nostrorum vel nobilium situata, ea dominis quibus ius emphyteuticum aut census debetur, vel in quorum terris seu dominio bona consistunt, intelligimus et volumus applicari» (M. C., XCIX).

Данное положение Законника Карла свидетельствует лишь о тенденции захвата чешскими феодалами права на «одумрть». Крестьяне, видимо, сохраняли это право. Во всяком случае, в Законнике оно не отменяется, и именно поэтому чешские феодалы повели наступление в этой области. Они стремятся узурпировать право крестьян на «одумрть», т. е. право родственников умершего бездетного крестьянина на его имущество.

Источники дают основание заключить, что уже во второй половине XIV в. чешские феодалы добились значительных успехов в присвоении себе права на крестьянскую «одумрть». В Моравии этому оказывала поддержку маркграфская область¹⁰⁹. В 1363 г. маркграф Ян выдал привилегию девяти монастырям, согласно которой эти монастыри и их подданные освобождались от юрисдикции земских служащих, при этом было оговорено, что «одумрть» после подданных должна отходить монастырю¹¹⁰.

Против права «одумрти» господина на имущество подданного выступил пражский архиепископ Ян из Енштейна, так как считал это несовместимым с религиозной заповедью. С согласия капитула он издал распоряжение, по которому подданные во владениях архиепископства не лишились имущества, после их смерти имущество переходило к их родственникам. Указанное решение архиепископа сохранилось в трактате Кунеша из Тржебовля, который выступил на защиту этого решения против Войтека Ранкова из Ежова¹¹¹. Против Войтека Ранкова издал трактат также архиепископ Ян из Енштейна¹¹². Однако это не приостановило решительного наступления феодалов на имущественные права крестьян во второй половине XIV и первой половине XV в.¹¹³, хотя упорная борьба сторонников и противников права чешских феодалов на «одумрть» продолжалась. В 1414 г. против права на «одумрть» выступил Ян Гус.

Можно, таким образом, сказать, что борьба вокруг этого вопроса, особенно обострившаяся во второй половине XIV в., нашла отражение в Законнике Карла. Не формулируя еще определенно своего отношения к этому вопросу, королевская власть, однако, решает вопрос о судьбе имущества подданного — преступника на земле феодала в пользу последнего.

Законник Карла, ограждая в известной мере чешского кре-

¹⁰⁹ На это указал Каюусек: «Archiv Česky», XXII, стр. 6.

¹¹⁰ «... decernentes virtute prescnicum, ut de bonis decodencium subditorum vestrorum nullus se presumat intromittere, sed ipsa debent ad vestram dispositionem perpetuo pertinere». Там же, стр. 6. См. также: «Archiv Česky», XIV, 1890, стр. 506, N 15.

¹¹¹ «Archiv Česky», XXII, стр. 6.

¹¹² Там же. Ср. А. И. Озолин. Спор об одумрти в Чехии конца XIV в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», Вильнюс, 1965, стр. 110 сл.

¹¹³ K. Křofta. Přehled dějin selského stavu. Praha, 1917, стр. 65 и сл.

стянина от феодального произвола, предоставляя ему известные права (право перехода, право апелляции в суд, право на одумрть), в целом, конечно, стоял на защите интересов феодалов и их государства. Об этом свидетельствует не только классовый характер всего Законника, но и те жестокие меры, которые законодатель санкционировал против крестьян. Например, согласно статьям о королевских лесах (ст. L, LIV—LVI), у крестьянина за порчу и кражу леса отрубали правую руку (как и за тайный сплав леса), за поджог леса его казнили. Все это говорит о классовом характере Законника, о юридическом закреплении того наступления феодального государства на крестьянство, которое происходило на протяжении всего рассматриваемого времени.

В заключение можно сказать, что материал Законника, касающийся положения крестьян, свидетельствует о стремлении королевской власти ограничить феодальный произвол над крестьянами и закрепить некоторые их права (имущественные и судебные). Объяснение этому следует искать в общей тенденции усиления королевской власти в тот период, что было одним из выражений процесса централизации чешского государства, в стремлении королевской власти приостановить нарастание социального протеста народных масс, сохранить производительные силы страны.

Эти меры королевской власти вносили относительное и непродолжительное улучшение в положение крестьян. Это на некоторое время располагало крестьян в пользу сильной королевской власти, которая в период централизации и своего усиления на известное время находила поддержку в крестьянстве. Это вызвано тем, что «все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним»¹¹⁴.

---

¹¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 21, стр. 411.

Л. В. ГОРИНА

ГОРОДА БОЛГАРСКОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В СЕРЕДИНЕ XIV в.
ПО ДНЕВНИКУ АНТОНА БАРБЕРИ

Вопросы социально-экономической истории Болгарии в период развитого феодализма (XIII—XIV вв.) в настоящее время изучены недостаточно, в особенности история болгарского средневекового города. Некоторые аспекты истории болгарского города эпохи развитого феодализма были, правда, разработаны в трудах болгарских¹ и советских² историков; значительный вклад в исследование этой проблемы внесли и болгарские археологи³ и нумизматы⁴. И все же следует признать, что о болгарском феодальном городе вообще и в период XIII—XIV вв. в частности известно немного. Это объясняется в первую очередь наличием очень небольшого материала по указанному вопросу. В имеющихся источниках, как болгарского, так и иностранного происхождения, содержатся лишь крупицы отрывочных, разнохарактерных и разновременных сведений.

Источники по истории болгарского феодального города также недостаточно изучены. Так, например, по признанию болгарских археологов, плохо систематизированы и изучены добытые археологические материалы, до сих пор нет полного описания всех найденных на территории Болгарии кладов средневековых монет. Наше представление о болгарском городе средневековья может быть пополнено всесторонним изучением имеющихся письменных

¹ Д. А н г е л о в. Към въпроса за средневековния български град. «Археология», 1960, кн. 3; С. Л и ш е в. За стоковото производство във феодална България. София, 1957; и др.

² «История Болгарии», т. I. М., 1954.

³ Г. Георгиев. Археологически данни за железодобиването в северо-източна България през средните векове. «Природа», 1955, кн. 5, стр. 65—73; С. Георгиева. За керамично производство в средневековен Преслав. «Исторически преглед», 1953, кн. 6; Я. Николова, Н. Ангелов. Средневековен квартал на хълма Момина крепост във В. Търново. «Археология», 1963, кн. 1; и др.

⁴ С. Цонев. Стоковото производство във феодална България в светлина на колективните монетни находки. «Трудове на Държавния университет в г. Варна», кн. 2. 1954; и др.

источников. К числу таких принадлежит дневник Антона Барбери, кассира графа Амадея VI Савойского, предпринявшего в 1366—1368 гг. поход против Болгарии⁵. Нельзя сказать, что об этом документе ничего не знали историки. В своей «Истории болгар» К. Иречек, кратко описав политический ход экспедиции Амадея Савойского, заметил, что «важнейшие данные об этой экспедиции представляет дневник казначея Антония Барбери»⁶, сославшись при этом на работу Ф. Бруна «Некоторые исторические соображения по поводу названия Добруджи»⁷. Ф. Брун, интересовавшийся в основном политической судьбой Добруджи, использовал некоторые сведения из дневника Барбери, относящиеся прежде всего к политической истории северо-восточной части Болгарии. Несколько неполным и неудовлетворительным было использование Бруном даже этих отрывочных сведений дневника, можно судить хотя бы по тому, что эти данные Ф. Брун получил не из первоисточника, а из письма, присланного ему неким г. Деммони, членом «Лигурийского общества истории», где и содержались использованные Ф. Бруном отрывки из дневника⁸.

Дневник Барбери несомненно был в руках болгарского историка С. Георгиева, интерес которого, однако, был прикован лишь к сообщениям, касающимся хода военных действий Амадея VI Савойского против болгарских городов Черноморского побережья⁹. Совсем недавно о дневнике Барбери упомянул историк С. Лишев, который в своей книге о товарном производстве в средневековой Болгарии сослался на некоторые параграфы дневника, относящиеся к истории социально-экономического развития Болгарии¹⁰. Но многие другие параграфы источника, также содержащие сведения по социально-экономической истории страны, им не были использованы.

Мы пользовались дневником в издании Ф. Боллати (1900 г.)¹¹, первая публикация дневника сделана в 1826 г. П. Датта¹². Полное название дневника: «Запись Антона Барбери, клирика Господина, о расходах, сделанных им во время морского похода Господина, включая 12 день месяца июня года 1366 со дня рождения Христа и до дня 22 месяца января года 1368 со дня рождения Христа, а именно: один год целиком и еще 32 недели»¹³.

⁵ F. Bollati. Illustrazioni della spedizione in Oriente di Amideo VI. Torino, 1900.

⁶ К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 427, прим. 29.

⁷ Статья напечатана в ЖМНП, 1877, СХСИ, отд. 2.

⁸ Там же, стр. 68.

⁹ С. Георгиев. Амдей VI Савойски—зеленият граф и походите му срещу черноморското ни крайбрежие. «Българска Историческа библиотека», 1929, кн. 4.

¹⁰ С. Лишев. Указ. соч., стр. 116 сл.

¹¹ F. Bollati. Указ. соч.

¹² P. Datta. Spedizione in Oriente di Amadeo VI. Torino, 1826.

¹³ F. Bollati. Указ. соч.

Дневник состоит из двух четко выделенных частей — приходной и расходной. В первой части, состоящей из 117 параграфов, примерно 43 параграфа содержат сведения по истории городов болгарского Причерноморья, в первую очередь Месемврии, Анхиала, Созополя и Варны. Вторая, расходная, часть состоит из 1257 параграфов, из которых более 100 параграфов относятся к истории болгарского города 60-х годов XIV в. Весьма скучная база, на которой вынужден строить свои выводы каждый, кто займется историей Второго Болгарского царства, пополняется благодаря сведениям дневника Барбери важнейшими данными по социальной и экономической истории болгарских городов второй половины XIV в. По этим данным становится возможным конкретное рассмотрение ряда важнейших социально-экономических проблем истории средневекового болгарского города, и в первую очередь состояния ремесла и торговли. Книга Барбери позволит сделать выводы по такому совершенно неисследованному вопросу, как организация монетных систем в Восточной Болгарии во второй половине XIV в.

Начнем с рассмотрения некоторых сторон ремесленного производства в Месемврии, Варне и Созополе в 60-х годах XIV в. Конечно, следует помнить, что записи Барбери отнюдь не охватывают всех сторон ремесленного производства в этих городах, так как внимание кассира привлекали в первую очередь те ремесла, изделия которых непосредственно интересовали рыцарей Амедея VI Савойского, например изделия ткачей. Примечательно, что у Барбери нет записей о ввозе в захваченные Амедеем города Болгарии изделий ткачества¹⁴. Отсюда напрашивается вывод, что более полутора лет, пока эти города находились в руках французских рыцарей, именно болгарские ткачи удовлетворяли прихотливые потребности завоевателей в шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканях, и болгарские портные шили для них капюшоны, камзолы, брюки, плащи, перчатки и пр. При этом нужно отказаться от предположения, что ткани, особенно шерстяные и шелковые, были ввезены в города болгарского Причерноморья до их захвата Амедеем и сосредоточены на городских складах. В этом случае было бы непонятно, почему ввоз прекратился внезапно после завоевания Амедеем Месемврии и других городов, так как иностранные купцы (в том числе генуэзцы и венецианцы) беспрепятственно торговали и в этот период, а капитаны итальянских кораблей получали вознаграждение от Амедея.

По данным дневника Барбери, на рынках Месемврии продавались разные ткани; их покупали приказчики Амедея, в первую

¹⁴ Одно упоминание о ввозе в Месемврию из Перы 150 пикв белой и красной шерсти (F. B o l l a t i. Указ. соч., стр. 107, § 420) не меняет картины, так как эта шерсть была погружена в Месемврию на корабли, видимо, для дальнейшей транспортировки, и в данном случае Месемврия выступает просто как транзитный пункт.

очередь для нужд самого графа и его двора. Так, для Амедея тальятор Аймон купил на городском рынке 24 пиквы зеленого сукна (р. 96, § 372), затем там же были приобретены еще 4 куска сукна (р. 106, § 418). Стараниями Аймона для Амедея и его сановника Гвильельмо были сшиты четыре пары брюк из купленных на рынке двух кусков шелковой ткани, плащ для Амедея и четыре двойных капюшона из двух кусков зеленого сукна, прошитых серым, а также выткано семь полотен (р. 110, § 429).

Для одежды покупались выделанные шкуры и кожи — изделия местных скорняков. В Варне были куплены, например, четыре лисьих шкуры, которыми были отделаны куртки из зеленого сукна для Амедея и Гвильельмо (р. 103, § 401).

Интересные данные находим в записях Барбери и о работе месемврийских каменщиков и строителей. Так, например, Амедей уплатил некоему Иоанну Форнери — распорядителю работ за разные услуги — крупную сумму (р. 100, § 393); к сожалению, из-за лакун нельзя указать точную цифру, но лишь в болгарской монете было выплачено 5 солидов, 10 денариев и 1 обол. Форнери нанял печников, штукатуров, которых спабдил известью, kleem, гвоздями и тканями. Эти ремесленники за 1 florin сложили два камина (в комнате Амедея и во дворе его дома в Месемврии), побелили их, заклеили окна и завесили их кусками ткани.

На рынках Месемврии торговали своими изделиями кузнецы и золотых дел мастера. Например, болты и замки для дома Амедея его привратник приобрел на рынке (р. 97, § 374). Иногда месемврийские ремесленники работали и по найму. Так, при постройке корабля в Месемврии были использованы железные части, сделанные кузнецом за 6 florинов (р. 103, § 400). В Месемврии же по приказу Амедея были позолочены серебряная солонка и две чаши (р. 100, § 391).

В дневнике Барбери есть сведения о торговле другими товарами. Так, в Варне некий Паоло, переводчик Амедея, купил для него две тетради бумаги (р. 98, § 383); лекарства же приобретались в Месемврии и, по неоднократному упоминанию Барбери, вероятно, в большом количестве (р. 97, § 377; р. 176, § 762).

Нам представляется возможным, по данным Барбери, сделать некоторые предположения об организациях болгарских ремесленников. Этот вопрос, как известно, остается пока еще неясным ввиду полного отсутствия каких бы то ни было сведений в сохранившихся источниках той поры. Высказанные в работах некоторых болгарских историков, например С. Липшева¹⁵ и Д. Ангелова¹⁶, интересные догадки о союзах болгарских ремесленников все же покоятся на источниках, прямо не относящихся к болгар-

¹⁵ С. Липшев. Указ. соч., стр. 126.

¹⁶ Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 16.

ской истории. Как сообщает Барбери, некий Иоанн де Монтеферрандо (*Johannis de Monteferando*), купив в Месемврии 200 кварт соли (*ducentarum quartarum salis*), роздал ее и 82,5 модия зерна большому числу городских булочников (*traditarum... pluribus forneriis Mesembrie pro forneagio quaterviginti duorum modiorum cum dimidio frumenti*)¹⁷, т. е. Иоанн Монтеферрандо вступил в контакт с каким-то объединением месемврийских пекарей, так как только союзу ремесленников, а не отдельным булочникам (заметим, что их было немало в столь большом городе, как Месемврия) можно было сделать подобное единовременное распоряжение с точным указанием количества потребного для выпечки зерна вплоть до 0,5 модия. К сожалению, это сообщение не дает возможности судить о характере этого объединения. Но здесь, как нам кажется, важен сам факт существования некоего союза ремесленников в болгарском средневековом городе.

По записям кассира Амедея воссоздается облик болгарских городов Причерноморья середины XIV в. как не только ремесленных, но и торговых центров. Эти записи образуют довольно прочное основание для вывода о преимущественном вывозе сырья из Болгарии и о традиционных и прочных связях Болгарии с Византией и итальянскими торговыми республиками — Венецией и Генуей. Сведения Барбери убеждают в том, что болгарские города Причерноморья были оживленными центрами в первую очередь зерновой торговли и что через руки торговых посредников проходили значительные количества болгарского зерна. Вполне понятно, что после вторжения и захвата этих городов ловкие рыцари Амедея VI сами занялись активной торговой деятельностью. Этому благоприятствовало наличие в Месемврии, Варне и других городах больших продовольственных запасов, складских и торговых помещений, пристаней, кораблей и пр. В этих условиях министериалам и торговым приказчикам графа Савойского не составило большого труда, пользуясь материальными ценностями, созданными руками болгарского народа, сбывать товары по традиционным путям, установленным задолго до их вторжения.

Только многократность и широта внешнеторговых сделок могли привести к установлению той разветвленной и относительно прочной системы цен, о которых столь подробно говорит Барбери. Системой этих цен была охвачена и Болгария. По данным Антона Барбери, цена одной кварты соли составляла от 0,5 до 0,8 золотых перпера «хорошего веса», 0,3 флорина «хорошего веса», 0,5 золотых перпера «месемврийского веса» и 0,5 золотых перпера «веса Перы»¹⁸. Квarta пшеницы стоила 1 перпер (*quali-*

¹⁷ F. *Bollati*. Указ. соч. стр. 11, § XLVI.

¹⁸ Эти данные удалось получить, используя многократно сообщаемые А. Барбери сведения о стоимости разного количества соли.

bet quarta uno parpero)¹⁹, 1 модий зерна — 7 золотых перперов по весу Византии (*quolibet modio septem parperis auri ad pondus Romanio*) или 6 золотых дукатов (р. 111, § 430) или же просто 4 перпера; за 1 модий ячменя платили 8 золотых перперов или 2 перпера и 18 кварат (р. 144—145, § 607). Одна пиква красной шерсти стоила 17 серебряных дукатов или примерно 2 перпера по весу Месемврии, а пиква персидской шерсти — 16 дукатов серебра (р. 95, § 366). За пикву зеленого сукна платили 11 дукатов серебра, а за либру воска — 2,5 дуката серебра (р. 96, § 372; р. 107, § 419).

Большие склады продовольствия (в том числе зерна) находились в Месемврии, Варне, Анхиале и Созополе. Их в первую очередь и стали опустошать завоеватели. Так, из одного месемврийского склада было продано 227 кварт зерна (за 227 золотых перперов «месемврийского веса»; р. 4, § VII) и впоследствии еще 600 кварт пшеницы (р. 4, § IX). На том же складе хранились 19 кожаных мешков с медом и воском (р. 9, § XXXVII). С другого склада, находившегося при доме, занятом Амедеем, продовольствие сбывалось в течение долгого времени. Сначала оттуда было взято 12 кварт соли (р. 8, § XXIX), проданных за 10 перперов золотом, затем еще 163,5 кварты соли были проданы за 50 флоринов (р. 9, § XXXII), потом еще 15 кварт — за 5 флоринов (р. 9, § XXXIII) и, наконец, еще 80 кварт (р. 9, § XXXIV); 16 кварт ячменя было продано за 24 перпера по месемврийскому весу (р. 10, § XLIV).

Предприимчивые рыцари не брезговали продажей и испорченного продовольствия. Так, Стефан, маршал де Понте Вале (*Marescalci de Ponte Vale*), продал 4 кварты зерна, как деликатно выразился Барбери, «от части поврежденного» (*alliquantulum putrefacti*) все с того же склада при амедеевом доме²⁰. В другой раз испорченное вино (*vini putrefacti*) продал рыцарь Панцерот де Серравалле (*Panceroti de Serravalle*)²¹. Всего за проданное в январе и феврале 1367 г. продольствие торговые приказчики Амедея получили только в месемврийской валюте 113 900 золотых перперов²². Вероятно, в своей безудержной жажде наживы рыцари настолько опустошили продовольственные запасы Месемврии, что потребовался ввоз зерна в город. О покупке зерна для Амедея есть несколько записей в дневнике Барбери. Однажды доставил зерно в Месемврию какой-то грек, за это ему было уплачено 15 флоринов «хорошего веса» (*librauit... cuidam homini greco patrono cuisadam panfulu suprequam portauit quandam frumenti Domini quantitatem... XV florenis boni ponderis*)²³.

¹⁹ F. Bollati. Указ. соч., стр. 4, § VIII.

²⁰ Там же, стр. 5, § XVIII.

²¹ Там же, стр. 11, § XLV.

²² Там же, стр. 25, § CXVIII.

²³ Там же, стр. 88, § 325.

Затем зерно было ввезено в Варну²⁴ и еще раз в Месемврию²⁵.

По записям Барбери отчетливо прослеживается тяготение к Месемврии соседних черноморских городов — Анхиала, Варны, Созополя и ближайших континентальных городов. Расчетные операции производились там месемврийскими деньгами, которые выступали то как средства платежа (тогда они названы «монеты Месемврии»), то как весовой масштаб для иноземных монет, которые принимались по «весу [монет] Месемврии» (*ponderis Mesembrie*). Например, по весу монет Месемврии был принят от коммуны подбалканского города Лемона (а *comunitate ville de Lemona*) денежный налог в размере 1100 золотых перперов²⁶. Месемврийские деньги имели хождение на рынках Варны. Ими расплатился некий Паоло из Венеции, покупая в Варне бумагу²⁷. Будучи в Созополе с 23 по 27 января 1367 г., Амедей истратил там в связи с различными своими делами — выплатой жалования сановникам, покупкой воска и свечей — 102 солида, 1 денарий серебряного дуката (с. i. *j solidos, i denar. ducati argenti*)²⁸.

По данным Барбери, можно установить и некоторые черты денежно-весовой системы, сложившейся в болгарском Причерноморье в середине XIV в. Поскольку дневник Барбери был вообще обделен вниманием исследователей, то, разумеется, и указанный вопрос остался неисследованным. Следует сразу же оговориться, что полное решение проблемы болгарской денежно-весовой системы находится, конечно, в руках нумизматов. Со своей стороны мы можем сделать лишь ряд предположений и нарисовать картину в том виде, в каком она имеется в дневнике кассира, преследуя лишь одну цель — показать чрезвычайную важность этих сведений.

Из данных Барбери следует, что в Месемврии, Варне и Анхиала применялись следующие весовые стандарты: кварта, модий, либра и квинтилий, причем кварта и модий служили для взвешивания зерна, либра — для воска, квинтилий — для меда и железных изделий, кварта — для взвешивания соли. В этой прочно сложившейся весовой системе, о чем свидетельствует употребление определенной меры веса для каждого продукта, прослеживается влияние как генуэзской, так и византийской весовых систем, что является доказательством прочных и традиционных торгово-экономических связей Болгарии с этими странами. В Константинополе и Пере на модии взвешивали зерно, на кварты — соль. В Генуе, Пере, Константинополе и болгарских

²⁴ F. Bollati. Указ. соч., стр. 93, § 355.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 5, § XII.

²⁷ Там же, стр. 98, § 383.

²⁸ Там же, стр. 107, § 419.

городах Причерноморья был в ходу один стандарт для измерения тканей — пиква²⁹.

Интересно отметить в системе весовых стандартов наличие и местных особенностей, так, например, многократно упоминаемый Барбери «кванталий» у Пеголотти не зафиксирован.

По данным Барбери можно составить впечатление и о денежных номиналах, обращавшихся в Месемврии, Варне, Анхиале и Созополе. Там в ходу были золотые перперы по весу (*ponderis*) Перы, Месемврии, Византии, Константинополя, перперы так называемого хорошего веса (*boni ponderis*) и просто перперы. Если принять за 100 изученные нами операции, в которых, по данным Бербери, принимали участие перперы, то в этих денежных операциях 46% составляют перперы «по весу Месемврии», 28% — «по весу Перы», 14% — «хорошего веса», 4% — «по весу Византии», 6% — просто перперы и 2% — «по весу Константинополя». В этих же местах обращались флорины «хорошего веса». Последними чаще всего и расплачивались, по крайней мере в два раза чаще, чем перперами любых достоинств. В болгарских городах Причерноморья в середине XIV в. были известны, согласно Барбери, также серебряные дукаты, денарии, солиды и золотые дукаты. Барбери приводит список масштабного соотношения этих монетных единиц, по которому:

120 золотых дукатов = 240 золотым перперам веса Перы.

1 флорин хорошего веса = 51 солиду, 5 денариям серебряного дуката монетами Болгарии к 18 денариям.

1 флорин хорошего веса = 50 либрам, 3 солидам, 1 денарию серебряного дуката монетами Месемврии к 17 денариям.

30 флоринов = 17 серебряным дукатам.

16 серебряных дукатов = 2 золотым перперам.

1 золотой дукат = 18 серебряным в монетах Болгарии.

17 серебряных дукатов в монетах Болгарии и 16 серебряных дукатов в той же монете = 2 золотым перперам.

1 золотой дукат = 18 серебряным в монетах Месемврии.

16 серебряных дукатов в монетах Месемврии = 2 золотым перперам³⁰.

Не ставя своей задачей выяснение абсолютного значения денежных единиц, зафиксированных в списке Барбери, мы хотим высказать лишь некоторые соображения, возникшие в связи с изучением этих данных. Можно с полной уверенностью сказать, что иностранные монеты принимались в Болгарии не только по счету, но и по весу, в этом убеждают сделанные Барбери многократные приписки: «флорин хорошего веса», «перперы по весу Месемврии», «перперы по весу Перы», «перперы по весу Константинополя».

²⁹ Все приведенные нами сравнительные данные взяты из книги Франческо Бальдуччи Пеголотти «Практика торговли» (F. Balduccci Pegolotti. La pratica della Mercatura. Cambridge, 1936).

³⁰ F. Bollati. Указ. соч.

Видимо, это делалось так же, как в Константинополе и Пере в 20-х годах XIV в., как подробно описано у Пеголотти, т. е. клали на весы золотую монету, которая соотносилась к первому³¹.

Но, возвращаясь к данным Барбери о месемврийской монете, отметим, что, говоря о ней, он обязательно упоминает серебряные дукаты и денарии — «17 серебряных дукатов в монетах Месемврии», «14 денарий серебряного дуката монетами Месемврии» и т. д. Платежи болгарской монетой Барбери также соотносит лишь к денариям и дукатам. Не предлагая никаких окончательных решений, позволим себе ряд догадок. Как известно, болгарские цари чеканили аспры и гроши, а не денарии и дукаты, кстати, аспры и гроши царствовавшего в рассматриваемый период (1366—1368) Ивана Александра найдены археологами в большом количестве. Следовательно, соотношение болгарской монеты к денариям и дукатам может иметь лишь тот смысл, что монеты Болгарии и Месемврии уравновешивались при сделках серебряными дукатами и денариями, т. е. на одну чашу весов клались денарии или дукаты, на другую же — соответственное по весу количество болгарских или месемврийских монет.

Но и при таком, наиболее вероятном, на наш взгляд, предположении не все проясняется в картине, созданной Барбери. Загадочными остаются сведения о серебряных дукатах; насколько нам удалось установить по нумизматической литературе, серебряный дукат — явление вообще более позднее, нежели XIV в. Так или иначе, пока нет оснований подвергать ревизии сведения Барбери о серебряных дукатах, которые определенным образом он связывает с болгарскими и месемврийскими монетами. Наиболее важный вывод из данных Барбери о монетах: в Месемврии была своя местная монета, вероятнее всего, чеканенная в этом городе, что вполне соответствовало положению Месемврии как крупного центра ремесла и торговли.

В целом, если судить о торговле в болгарских черноморских городах середины XIV в. по данным Антона Барбери, то напрашивается вывод, что в этих городах особенную активность развивало иностранное, а не местное купечество. Упомянутые Барбери генуэзские торговцы, видимо, и до вторжения Амедея в Болгарию имели туда доступ, поэтому их деятельность, описанная Барбери, имела там место и раньше. С 1366 по 1368 г. наиболее часто ведут свои торговые операции в Месемврии, Варне, Анхиале и Созополе Габриэль из Генуи (*Gabriel de Jenue*), Стефан из Понте Велле (*Stephano de Ponte Vele*), Барнабоне из монастыря св. Стефана в Пере (*Barnabone de Sancto Stephano de Pera*), Филипп де Маридо из Пере (*Philippo de Maridas de Pera*), Александр Пароди из Генуи (*Alexandro Parodi januensi*), Доминико Вейроли (*Domi-*

³¹ F. Balducci Pegolotti. Указ. соч., стр. 32.

nico Veyrolii), и только один раз Барбери говорит о купце Андрее Нихода из Месемврии (Andrea Nychodi de Mesembria)³², имя которого позволяет думать, что он был болгарином.

Данные Антона Барбери наполняют реальным содержанием предположения о значительном имущественном неравенстве различных социальных групп города. Это прослеживается по его сообщениям о талье — поголовном налоге с городского населения. В основу этого налога был положен подоходный принцип. Так, например, талья бывшего начальника месемврийского гарнизона Калояна составляла 2000 перперов (recepit a Coloiohanne Castrofilata de Mesembria in exoneracionem mille ducentorum parergorum auri. . . in quibus extit pro taillia memorata)³³. Некий Константин Октолин, вероятно состоятельный житель Месемврии, должен был выплатить 500 перперов в казну Амедея (recepit a Costandinos de Octolinis de Mesembria. . . de quinques centum parperis in quibus tailliatus extiterat)³⁴. Столь же большой была и талья жительницы Месемврии Кверы Федоры (recepit a Quera Theodora de Mesembria. . . de summa quinque centum parperorum in quibus taxata extit in taillia)³⁵. Суммы, которые могли уплатить в казну лица победнее, были не столь велики. Этих горожан Барбери не счел нужным назвать поименно и указать сумму, выплаченную каждым. В данном случае он ограничился одной записью, которая гласила, что налог был получен от многих и разных лиц Месемврии (a pluribus et diversis personis comunitatis Mesembrie) и вместе со взносом, собранным двумя доверенными лицами Амедея, и налогом, уплаченным обедневшими горожанами (et quos a pluribus pauperibus personis dicti loci reseperat pro eodem), составил 17 568, 5 перперов³⁶.

Весьма интересными являются сообщения Барбери о том, что и раньше, до завоевания, с жителей болгарских городов взимался подоходный налог. Амедеев кассир привычно для себя называет его «тальей» и отмечает при этом, что при Амедее эта талья была увеличена³⁷. Факты, приводимые Барбери, составляют прочное основание для выводов о чрезвычайном ухудшении положения болгарского населения в результате иноземного завоевания.

Чужеземный гнет ложился тяжелым бременем на плечи населения, прежде всего неимущего. Только крайней степенью обнищания городского населения можно объяснить тот факт, что при всей своей алчности и изворотливости амедеевы сборщики налогов не могли получить с жителей Анхиала установленную сумму.

³² F. Bollati. Указ. соч., стр. 4, § VIII.

³³ Там же, стр. 6, § XV.

³⁴ Там же, стр. 5, § XIV.

³⁵ Там же, стр. 6, § XVI.

³⁶ Там же, стр. 5, § XIII.

³⁷ Там же, стр. 106, § 412.

Впрочем, Барбери и сам не скрывает, что талья установленного размера не могла быть собрана из-за тяжелых условий, в которых оказались горожане в результате бесчинств гарнизона.

Однажды Барбери выплатил из казны 2 флорина некоему Иоанну де Субмонте (Johanni de Submonte) за то, что он держал под стражей многих месемврийцев, не уплативших талью (*dum vacauit custodiende plures homines Mesemri qui pro taillita per ipsos debita detenebantur*)³⁸. В другой раз флорин был выдан солдатам (*pluribus brigandis*), которые закрыли в церкви жителей Анхиала, не выплативших талью (*qui custodierunt uno sero quasdam gentes de Lassillo in quadam ecclesia dicti loci pro tailia*)³⁹. Можно легко представить, какие лишения претерпевало болгарское население, если даже зажиточная верхушка Месемврии была отчасти разорена. Ничем иным и нельзя объяснить факт уплаты кастрофилаком Калояном таллии путем нескольких взносов — сначала 800 перперов (из суммы 2000 перперов), затем 80 перперов, и то не деньгами, а продуктами питания⁴⁰. Зажиточная горожанка Квера Федора (ее налог составлял 500 перперов) внесла в казну сначала 200 перперов, а затем — только продовольствие на сумму всего лишь 50 перперов. Житель Месемврии Константин Октолин, который должен был уплатить 500 перперов, внес 400, а затем лишь 60.

На плечи горожан легли все расходы, связанные с содержанием многочисленного иноземного гарнизона; их деньги переходили в руки рыцарей, результатом чего явились многочисленные записи Барбери типа: . . . «заплатил 80 солдатам, которых Амедей распорядился оставить в гарнизоне Месемврии, 24 флорина по хорошему курсу»⁴¹, . . . «заплатил Николаю Кателлани — балистерию и его трем товарищам за время, в течение которого они находились в гарнизоне крепости Лемона, сверх продовольствия — 17 золотых перперов по весу Месемврии»⁴², «. . . заплатил 13 августа господину Берлиони де Форазио и господину Гвильельмо де Халомонте — капитанам Месемврии 106 флоринов хорошего веса»⁴³. Из денег горожан Амедей выплачивал содержание морским экипажам венецианских и генуэзских кораблей, находившихся в это время в черноморских портах Болгарии. Некоему Джулиану Нигри (Juliano Nigri), командиру венецианского корабля, было выплачено за 3 месяца и 17 дней 1120 золотых перперов по весу Перы⁴⁴, венецианцу Марини Николозо (Nycholoso Marini), капитану, было уплачено 1420 золотых пер-

³⁸ F. Bollati. Указ. соч., стр. 139, § 579.

³⁹ Там же, стр. 139, § 580.

⁴⁰ Там же, стр. 141, § 596.

⁴¹ Там же, стр. 142, § 598.

⁴² Там же, стр. 93, § 358.

⁴³ Там же, стр. 171, § 727.

⁴⁴ Там же, стр. 129, § 503.

перов⁴⁵. Марино Сoverени (Marino Soverani) положил в свой карман сначала 1120 золотых перперов, а затем еще 1320⁴⁶. За месяц и 14 дней Ричмонд Бонцани (Reigmondo Bonczani) получил 812,5 флоринов⁴⁷, соотечественник Амедея — француз Гейм Мартинус за такой же срок получил столько же, за следующие 2 месяца и 8 дней оба вышеупомянутых лица получили 5666 флоринов⁴⁸.

Некоторые заключения напрашиваются и в отношении социального состава болгарских городов Причерноморья. Нами уже были отмечены сведения Барбери о ремесленниках и купцах этих городов. Определенную социальную группу составляли ростовщики. В поисках денег рыцари Амедея Савойского закладывали и перезакладывали у городских ростовщиков свои вещи, а затем разными путями добывали деньги, чтобы выкупить залоги. Например, даже часть денег, которые император Византии уплачивал за оказанную ему Амедеем военную помощь против Болгарии, пошла на выкуп этих залогов. Об этом Барбери сделал соответствующие записи в своей книге. Например, о том, что 9 марта 1367 г. он получил от императора (*recepit ab eodem domino Imperatore*) через доверенное лицо последнего — некоего Бланквини, венецианца, 159,5 перперов по византийскому курсу для выкупа залогов (р. 10, § XLII). 15 марта того же года в казну снова поступили деньги, которые император Византии уплатил для выкупа каких-то закладов, заложенных соотечественниками Амедея,— всего 545 флоринов «хорошего веса» (р. 10, § XLII). В тот же день придворный Амедея господин Гвильельм де Грандиссон получил 445 флоринов «хорошего веса» для выкупа своих залогов в Месемврии (р. 119, § 442). К ростовщикам обращался и сам Амедей Савойский. Барбери записал, что через доверенное лицо за 5,5 золотых перперов по курсу Месемврии были выкуплены оставшиеся залоги Амедея (р. 120, § 446). 23 апреля 1367 г. доверенному лицу Амедея было выдано 240 золотых перперов «по весу Перы» для вызволения вещей, заложенных Амедеем в Месемврии. В данном случае Барбери даже сообщил национальность ростовщика: это был генуэзец (р. 122, § 457).

В заключение хотелось бы отметить, что извлеченные нами из дневника Антона Барбери сведения по истории болгарских городов Черноморского побережья позволяют сделать вывод, что в 60-х годах XIV в. эти города были оживленными центрами ремесла и торговли, о чем свидетельствует в первую очередь то обстоятельство, что там сложилась своя денежно-весовая система, охватившая и близлежащие континентальные районы Болгарии.

⁴⁵ Там же, стр. 139, § 579.

⁴⁶ Там же, стр. 141, § 595.

⁴⁷ Там же, стр. 143, § 600.

⁴⁸ Там же, стр. 10, § XLII.

Е. П. НАУМОВ

ВТОРАЯ АРХИЛЕВИЦКАЯ ГРАМОТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Оценивая значение Второй Архилевицкой грамоты (1379—1381), изданной феодальным правителем Восточной Македонии Константином афонскому Хиландарскому монастырю, нужно учитывать ее место в ряду других сохранившихся исторических источников, характеризующих политическую и социально-экономическую историю славянских областей сербского государства Неманичей накануне турецкого завоевания. Наиболее важной и, пожалуй, самой многочисленной среди них является большая группа жалованных грамот феодальных государей, которые правили на территории бывшего Сербо-Греческого царства Стефана (свыше 60 грамот).

Содержание этих жалованных грамот, находившихся преимущественно в различных монастырях (главным образом на Афоне), достаточно единообразно, даже однообразно: это пожалования тем или иным духовным феодалам — монастырям различных земельных владений, денежных доходов, определенных иммунитетных прав и привилегий. Ввиду этого данные источники содержат обильные сведения о размерах церковного и монастырского землевладения, а также освещают в известной мере (поскольку в этих грамотах говорится о прежних собственниках) отношения светских и духовных феодалов, категории светского землевладения, равно как и стремления светской знати захватить некоторые церковные и монастырские имения во второй половине XIV в.

Гораздо меньше, к сожалению, в этих церковных и монастырских грамотах мы находим материалов для характеристики структуры феодального вотчинного хозяйства, форм феодальной эксплуатации и положения крестьянства. Именно поэтому приобретают такую ценность сведения подобного характера, которые содержатся в Ливочской грамоте 1399—1402 гг., в грамоте Русскому монастырю (1396) и в особенности во II Архилевицкой грамоте, сохранившей подробный перечень крестьянских повинностей. Эти данные об организации хозяйства в церковных и мона-

стрыских имениях Сербии и Македонии исследователи вынуждены использовать также и для оценки положения крестьянства в рамках других категорий феодального землевладения, так как жалованые грамоты светским феодалам погибли почти полностью, а имеющиеся в нашем распоряжении частноправовые документы второй половины XIV в., относящиеся к церковным и монастырским владениям (Кончанский практик и др.), весьма немногочисленны и к тому же не предоставляют нам конкретных данных о величине крестьянских повинностей в этих славянских областях Балканского полуострова накануне турецкого завоевания.

В то же время даже сохранившиеся немногочисленные источники, названные выше, не получили надлежащей разработки и подробного анализа в исторической литературе и в их числе II Архилевицкая грамота, представляющая один из самых интересных и важных памятников этой эпохи. Как мы покажем ниже, ее значение для исследования социально-экономической истории центральных районов Балканского полуострова после распада Сербо-Греческого царства обусловлено тем, что она содержит не только данные о пожалованиях земель церкви феодальными правителями и о частичной секуляризации церковных и монастырских имений, но и единственный после издания Законника Стефана Душана «закон» о повинностях крестьян, по своему содержанию и конкретности изложения не уступающий широко известным грамотам XIII—первой половины XIV в. (Бистрицкой, Грачаницкой и др.), а также данные об имущественном положении местных крестьян и их категориях.

Между тем, данная грамота, несмотря на использование ее сведений в исторической литературе¹, до сих пор не стала предметом специального исследования, в особенности в плане показа важности ее материала для анализа аграрной истории славянских земель Балканского полуострова. Только этим можно объяснить, например, то поразительное обстоятельство, что известный медиевист А. В. Соловьев, совершенно игнорируя наличие крестьянского «закона» во II Архилевицкой грамоте, делал вывод, что после издания Законника Душана (1349—1354) в монастырских грамотах больше нет специальных «законников» с перечнем крестьянских повинностей, поскольку якобы появление этого общегосударственного кодекса сделало излишними все местные

¹ Ф. Ф. Зигель. Законник Стефана Душана, вып. 1. СПб, 1872, стр. 14; И. Руварац. О кнезу Лазару. Нови Сад, 1887, стр. 104; В. Марковин. Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији. Сремски Карловци, 1920, стр. 110; К. Јиречек. Историја Срба, т. II. Београд, 1952, стр. 166; М. Рајчић. Основно језгро државе Дејановића (Прилози нашој историској географији). «Историски часопис», кн. IV, 1954, стр. 230; Д. Ангелов. Аграрните отношения в северна и средна Македония през XIV век София, 1958, стр. 23, 24, 163, 201, 207 и др.

вотчинные «законники»². Ряд неточностей и ошибок был допущен в истолковании свидетельств этого источника и в современной югославской историографии,³ о чем подробнее мы скажем ниже.

* * *

Начиная рассмотрение II Архилевицкой грамоты (1379—1381)⁴, мы должны вкратце охарактеризовать обстоятельства ее издания и историю создания Архилевицкого монастыря.

Монастырь Богородицы в селе Архилевица (северо-западнее современного города Куманово) был построен видным сербским вельможей, придворным царя Стефана Душана севастократором Деяном. По просьбе Деяна, Душан грамотой (I Архилевицкая грамота 1355 г.)⁵ утвердил пожалование этому монастырю Деяном ряда его селений и одновременно даровал этому владению широкие иммунитетные права⁶. Наследники Деяна, правитель Восточной Македонии и Южной Сербии Константин и его мать, царица Евдокия, подчинив Архилевицкий монастырек афонскому Хиландарскому монастырю, закрешили этот дар своей, II Архилевицкой грамотой. К сожалению, до сих пор остается нерешенным вопрос о точной датировке этого документа.

Эта грамота была написана в 6887 г. от сотворения мира (индикт 4), однако нельзя точно указать время ее издания ввиду несогласованности года и индикта. Год 6887 соответствует периоду с 1 сентября 1378 по 31 августа 1379 г. н. э., поэтому Д. Аврамович, Фр. Миклошич, Ф. Ф. Зигель, К. Иречек, Б. Кораблев и В. Маркович датировали грамоту 1379 г. Между тем индикт 4 начинался 1 сентября 1380 и кончался 31 августа 1381 г., и на этом основании И. Руварац, предложивший без подробной аргументации датировку по индикту, а затем С. Новакович, С. Станоевич, М. Пуркович и Д. Ангелов относили данный источник к 1381 г. Трудность датировки усугубилась в этом случае еще и отсутствием в грамоте даже месяца и дня ее написания. К тому же не помогает точнее определить время ее издания и сопоставление

² А. Соловьев. Манастирское повеље старих српских владара. «Хришћанско дело». Скопље, 1938, св. 3, стр. 7.

³ Ср. в нашей статье «Об эволюции феодальной ренты в Сербии, Северной и Центральной Македонии и Зете в XIV в.» («Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», Минск, 1964, стр. 115).

⁴ Текст ее издан Д. Аврамовичем («Описание древностей србских у Светой Атонской горы». Београд, 1847, стр. 55—57), Фр. Миклошичем («Monumenta serbica». Vieппae, 1858, стр. 190—193), архимандритом Леонидом (Кавелиным) в его «Историческом описании сербской царской лавры Хиландаря и ее отношении к царствам сербскому и русскому» (ЧОИДР, 1867, кн. 4, стр. 76—78), Ст. Новаковичем («Законски споменици српских држава средњега века». Београд, 1912, стр. 446—448) и Б. Кораблевым («Византийский временик», т. XIX, Пг, 1915, стр. 535—537).

⁵ М. Райчић. Указ. соч., стр. 228 (и прим. 4).

⁶ Ст. Новакович. Указ. соч., стр. 738—740,

ее с другими грамотами Константина Деяновича⁷. Ввиду этого возможна и та, и другая ее датировка (1379 или 1381 г.), хотя, может быть, имело место и небрежное прочтение последней буквы года (т. е. если вместо ЏЗ было ЏӨ, что дает год, полностью совпадающий с индиктом).

Таким образом, вопросы датировки грамоты, равно как и наличие некоторых разнотечений в списке селений⁸ и в крестьянском «законе», о чем мы скажем ниже, требуют обращения к оригиналу ее и тщательного текстологического исследования. Однако это, по нашему мнению, не может ни в коей мере умалить значение данного источника и препятствовать использованию его материала современными историками.

Уже удалось локализовать значительную часть селений, принадлежавших некогда Архилевицкому монастырю (по II Архилевицкой грамоте владения монастыря включали 21 селение, а также церковь в г. Вельбужд с землями и половину «селища» Норча и земли в с. Прешево), и установить, что большинство селений (19 деревень, в том числе существующие поныне Извор, Ругинци, Глажня, Злокуяне и др.) расположены в Северо-Восточной Македонии (в пределах массива Скопская Черная Гора и района Жеглигово, близ г. Куманово и средневекового монастыря Матейче). В то же время Архилевицкий монастырь имел владения и в смежных районах юго-восточной Сербии (земли в Прешеве, селения Норча и Станчика — современное Станчич) и в современных границах Западной Болгарии (церковь и земли в г. Вельбужд — нынешнем Кюстендиле)⁹.

Правда, проведенную локализацию иногда, по-видимому, следует признать еще спорной и недостаточно аргументированной (так, по нашему мнению, обстоит дело с указанием М. Раичичем местонахождения самой Архилевицы¹⁰ и идентификацией селений Козница и Строиково, которые он располагает на левом берегу р. Струмы). Предлагаемая М. Раичичем локализация этих двух сел в Кюстендильской области, в бассейне верхнего течения Струмы, основана лишь на поверхностном отождествлении С. Новаковичем мало сходных по звучанию мест (Козница Кричановска и место Крджево) и ссылке Раичича на место этих селений в грамоте (они названы там после церкви в Вельбужде)¹¹.

⁷ Там же, стр. 453—457.

⁸ Как уже отмечал М. Раичич (указ. соч., стр. 230, прим. 14, 15), в издании Ст. Новаковича нет сел Гокшинци, Гояновици и Станчика. Эти села, однако, указаны в изданиях Д. Аврамовича, Фр. Миклошича и Б. Краблева.

⁹ М. Раичич. Указ. соч., стр. 231—235.

¹⁰ Ср. Ј. Алексић. Архилевица и Шупљи камен. «Гласник САН», књ. XII, св. 1, 1961, стр. 102—103.

¹¹ С. Новакович. Срби и Турци XIV и XV века. Београд, 1893, стр. 133 (заметим, кстати, что на стр. 132—133 он датирует II Архилевицкую грамоту 1379 г.); М. Раичич. Указ. соч., стр. 233.

По нашему мнению, этот последний аргумент не выдерживает никакой критики, поскольку такой порядок изложения в обеих Архилевицких грамотах вызван только тем, что царь Душан одновременно даровал Архилевицкому монастырьку и церковь в Вельбужде, и села Козницу и Строиково¹². Как нам представляется, именно в силу одновременности пожалования их могли случайно возникнуть и такая группировка, и порядок изложения в обеих Архилевицких грамотах. По-видимому, можно предположить, что в данном случае имеются в виду два сербских села в бассейне Ю. Моравы (южнее г. Лесковац — Страйковце и Козница)¹³, а не селения восточнее Кюстендила, за Струмой.

Во всяком случае, несмотря на эти спорные места в локализации и идентификации имений Архилевицкого монастыря, не представляет сомнений, что уже в силу столь своеобразного расположения на стыке Южной Сербии, Северной Македонии и даже Западной Болгарии данная вотчина представляет большой интерес для исследователей, так как нормы феодальной ренты и структура феодального хозяйства, существовавшего во владениях этого монастыря, могут характеризовать и организацию феодальной вотчины в других районах Южной Сербии и Северной Македонии.

В свою очередь сравнение обеих Архилевицких грамот позволяет сделать весьма любопытные наблюдения и выводы. В исторической литературе уже обращалось внимание на то, что сравнение списка сея Архилевицкого монастыря по первой и по второй жалованным грамотам позволяет судить о переходе во второй половине XIV в. в македонских областях части церковных и монастырских имений в руки местных феодальных династов или светской знати¹⁴. Вместе с тем данное сопоставление показывает, что, несмотря на наличие порою весьма сильных секуляризационных тенденций, македонские монастыри (в частности, Архилевицкий) получали новые большие земельные пожалования от феодальных государей той поры — в данном случае от Константина Деяновича.

Материалы II Архилевицкой грамоты свидетельствуют также о том, что в княжестве Константина Деяновича предоставлялись широкие права податного и административного иммунитета старым церковным владениям, и в том числе Архилевицкому и Лесновскому монастырям, которые в 1379—1381 гг. Константин подчинил Хиландарю. Этот вывод тем более важен, что и прежде, при царе Стефане Душане, названные духовные феодальные владения обладали полным налоговым и административным иммуни-

¹² Ст. Новаковић. Законски споменици..., стр. 739—740.

¹³ Ср. М. Рајчић. Указ. соч., стр. 233 (и прим. 36).

¹⁴ Д. Ангелов. Указ. соч. стр. 23—24; также в нашей статье «К истории церковного и монастырского землевладения в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в.» («Средние века», вып. ХХIII, 1963, стр. 146—147).

тетом. Подтверждая эти привилегии, II Архилевицкая грамота гласит, что «эти все дарования святому и божественному храму мы (Константин и царица Евдокия. — E. H.) освободили от всех работ и податей государевых», прибавляя неизменную формулу — «путь никто не обладает ими из чиновников...»¹⁵.

Таким образом, это сравнение источников позволяет судить о том, что в княжестве Иоанна Драгаша и Константина Деяновичей, включавшем Восточную и Центральную Македонию и Южную Сербию, в 70-х и 80-х годах XIV в. крупные духовные феодалы сохраняли обширные иммунитетные привилегии, чего, по-видимому, не наблюдалось в других частях бывшего Сербо-Греческого царства, например в княжестве Лазаря (Северная и Центральная Сербия)¹⁶. Это обстоятельство весьма важно и заслуживает внимания в связи с тем, что трактовка проблемы феодального иммунитета в Северной и Центральной Македонии после распада Сербского царства, которая содержится в исторической литературе последних лет, противоречива. Так, например, болгарский византинист Д. Ангелов замечает, что «с течением времени» (судя по контексту — уже со второй половины XIV в. — E. H.) финансово-административный иммунитет македонских монастырей претерпевает «значительные ограничения со стороны государства», но при этом ссылается лишь на свидетельства источников, относящиеся к Сербии, а не к македонским землям¹⁷. Более того, одновременно Д. Ангелов делает вывод о дальнейшем расширении и усилении судебного иммунитета македонских духовных феодалов во второй половине XIV в. (после 1355 г.)¹⁸.

В статье К. В. Хвостовой, напротив, указывается, что лишь «некоторые крупные македонские монастыри в Сербии обладали с конца 40-х годов XIV в. и до последней четверти этого столетия полным судебным, административным и податным (кроме повинностей, указанных выше) иммунитетом»¹⁹. Другие же монастыри, продолжает К. В. Хвостова, обладали ограниченным налоговым, судебным и административным иммунитетом; позднее же, по-видимому, во второй половине XIV в. (или в конце XIV в.), ввиду турецкой угрозы, с введением новых налогов и повинностей происходит ограничение податного иммунитета монастырей, некоторые из них, впрочем, получают определенные льготы и освобождение от новых поборов²⁰.

¹⁵ С. Новаковић. Законски споменици ..., стр. 448 (ср. стр. 455, 767—768).

¹⁶ Ср., например: «Историја народа Југославије», књ. I. Београд, 1953, стр. 428.

¹⁷ Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 131—133.

¹⁸ Там же, стр. 138—139.

¹⁹ К. В. Хвостова. Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот македонских монастырей в XIV в. «Византийский временник», т. XIX, 1961, стр. 55.

²⁰ Там же, стр. 54—56.

На основании II Архилевицкой грамоты в известной мере могут быть охарактеризованы и отрасли хозяйства феодальной вотчины в Северо-Восточной Македонии (в районе современного Куманова, в пределах горного массива Скопская Черная Гора) и в смежных областях Юго-Восточной Сербии (близ Прешева). Так, например, в грамоте упоминаются «нивы с виноградниками», мельницы, монастырский луг и подать с крестьянских овец и ульев²¹. Из этого следует, что в сельском хозяйстве этих областей важную роль играло земледелие (зерновое земледелие и виноградарство), дополнением которого было скотоводство (в частности, овцеводство) и пчеловодство. По-видимому, этим имениям Архилевицкого монастыря по своим отраслям были в общем близки и церковные и монастырские вотчины Северной Сербии, где также важной частью феодального домена («двора») были виноградники²² и мельницы.

Более подробные сведения в рассматриваемом нами источнике мы находим о феодальной ренте архилевицких крестьян. Эти данные, сведенные в особый «закон» для местных крестьян, тем более важны, что появление в середине XIV в. высоких норм отработочной ренты (два дня в неделю), общее усиление феодального гнета и прикрепление крестьян к земле (именно такова была цель многих статей Законника Стефана Душана) и, вероятно, в связи с этим повышение повинностей для некоторой части крестьянства — все это с особой остротой ставит вопрос о дальнейшем развитии феодального хозяйства в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в., после распада империи Душана.

Рассмотрение в данной связи материала II Архилевицкой грамоты необходимо потому, что в современной исторической литературе по этому вопросу мы находим лишь немногие, притом весьма беглые замечания и выводы. Если в Северной и Центральной Македонии в имениях Хиландаря (по грамоте 1355 г.) норма барщины была равна двум дням в неделю, то позднее, «при Деяновичах, — как писал современный македонский историк Т. Томоски, — барщина увеличивается до трех дней пахоты», помимо работ и по уборке урожая²³. Заметим, что этот же тезис о росте отработочной ренты в Македонии во второй половине XIV в. (по сравнению с предшествующим периодом) был в несколько более осторожной форме выдвинут и Б. Графенгаузером, который (имея, разумеется, в виду II Архилевицкую грамоту) заявил, что в Македонии «под конец сербской власти эта дополнительная барщина (т. е. уборочные работы. — Е. Н.) еще увеличилась», да и в целом, по его мнению, для периода сербской власти «харак-

²¹ С. Новаковић. Законски споменици. .., стр. 447—448 (ср. стр. 765—767).

²² Там же, стр. 769 (ср. стр. 763).

²³ «Историја народа Југославије», књ. 1, стр. 398.

терно, что, по сравнению с предыдущим периодом, барщина выросла»²⁴.

Хотя этот вывод Т. Томосского и Б. Графенауэра о дальнейшем росте крестьянской барщины в Македонии во второй половине XIV в. не нашел поддержки у Д. Ангелова²⁵, все же в современной историографии, несомненно, преобладают представления об увеличении отработочной ренты в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в., даже о росте недельной барщины (до трех и четырех дней в неделю). Черногорский историк Я. Йованович писал в своей «Истории Черногории», что «на феодах в Нижней Зете крепостные с середины XIV в. работали на помещика четыре дня в неделю. Мы не имеем доказательств того, что четырехдневная барщина (т. е. 4 дня в неделю. — *E. H.*) была введена и в феодах Рацки (собственно Сербии. — *E. H.*) в это время или позднее, но можем предположить, что так было и в Рацке»²⁶. Я. Йованович аргументировал этот вывод лишь указанием на то, что сербским феодалам в конце XIV—первой половине XV в. нужно было много средств для борьбы с турками. Между тем, поскольку данные II Архилевицкой грамоты, как мы отмечали выше, относятся в известной мере к феодальным имениям Южной Сербии, тезис Я. Йовановича, равно как и утверждения Т. Томосского и Б. Графенауэра, нуждается в проверке на основании самого текста грамоты и ее крестьянского «закона», который ввиду его большого значения мы приведем ниже полностью.

«Людям церковным, — гласит грамота, — мы (Константин и царица Евдокия. — *E. H.*) установили закон, да будет сей [закон] для них: пусть дает (т. е. отработает) каждый из них в год три дня пахоты, а летом пусть это (урожай с барской запашки) собирает в житницу, как это в обычae и в прочих метохиях; и виноградники церковные пусть обрабатывают; по селам же те, кто является примикюрами (старостами и старшинами), пусть последуют с конями²⁷ за игумном, если он хочет, а прочие [крестьяне] пусть для церкви перевозят грузы до Струмы; дело же церковное примикюры пусть исполняют [верхом] на конях, а все пусть дают церкви десятину от овец и ульев и пусть дают на зевгарь (т. е. с одного зевгаря) по четыре къбла (меры) зерна, а другой работы и подати пусть не имеют»²⁸.

²⁴ «Enciklopedija Jugoslavije», t. 3, 1958, стр. 312.

²⁵ Ср. Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 164, 195, 241—250.

²⁶ Ј. Јовановић. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црне Горе од почетка VIII века до 1918 год. Цетиње, 1948, стр. 21 (ср. стр. 56).

²⁷ В данном месте в изданиях текста имеется небольшое разнотечение: у Новаковича «с коними»; у Аврамовича (стр. 56) «с коньми», а у Кораблева (стр. 536) «с конъми». В конце грамоты дан термин «нос» (в издании Аврамовича, стр. 57, у Новаковича, стр. 448), обозначающий, видимо, гужевую повинность «понос».

²⁸ С. Новаковић. Законски споменици..., стр. 447—448.

Таким образом, в имениях Архилевицкой церкви отработочная рента была тогда сравнительно невелика: основная барщина была равна трем дням пахоты в год («оу годици три дни орания») для каждого крестьянского двора, но вовсе не три дня барщины в неделю (как можно судить по словам Т. Томосского). Кроме того, крестьяне должны были убирать урожай на барской запашке (эта отработочная рента, как видим, ненормирована) и обрабатывать виноградники монастырского домена. Возможно, что эти дополнительные отработки были не столь велики и поэтому не регламентировались. Наконец, крестьяне должны были выполнять гужевую повинность, перевозя монастырские грузы до реки Струмы. Правда, эту повинность выполняли не все крестьяне, так как сельские старосты и старшины обязаны были сопровождать в случае надобности монастырского игумена, являясь его свитой и охраной.

Гужевая повинность, несомненно, была установлена в архилевицких имениях после подчинения Хиландарю, который получал, согласно рассматриваемому нами документу, ежегодно половину урожая и доходов с деревень Архилевицкого монастыря²⁹. В грамоте точно указано, что крестьяне должны вести зерно и другие церковные грузы «на Струму», т. е. вероятнее всего, до реки Струмы близ Вельбужда (ныне г. Кюстендил), где река, видимо, уже была судоходной и откуда, как можно думать, эти грузы на хиландарских баржах перевозились на Афон. Данное предположение представляется нам наиболее вероятным, поскольку Хиландарь не владел, насколько нам известно, какими-то крупными имениями в бассейне Струмы, требовавшими доставки больших масс продовольственных продуктов, а в то же время продавать зерно из Архилевицкой метохии было гораздо выгоднее не в Вельбужде, а на побережье Средиземного моря, где существовал большой спрос на зерно со стороны, например, дубровницких купцов.

Далеко не случайно, что правители Дубровника именно в эти годы (в частности, в 1377 г.) выражали готовность купить зерно у Иоанна Драгаша и Константина Деяновичей (если они «доставят зерно к морю») или у каких-либо других феодалов из окрестностей Салоник³⁰. Это указание рагузского документа, недвусмысленно говорящего о том, что Деяновичи вели торговлю зерном, доставляя его на Средиземноморское побережье (несомненно, по р. Струме), полностью согласуется с рассмотренными выше данными II Архилевицкой грамоты.

Естественно, что для общего представления о формах и размерах феодальной эксплуатации крестьян Архилевицкого мона-

²⁹ С. Новаков Ћ. Законски споменици..., стр. 448.

³⁰ Ј. Тадић. Писма и упутства Дубровачке републике. књ. 1. Београд, 1935, стр. 348, ср. Б. Крекић. Дубровник и Левант (1280—1460) Београд, 1956, стр. 66.

стыря следовало бы дать примерное определение величины названной выше гужевой повинности. По-видимому, путь этого церковного обоза пролегал от села Архилевицы и окрестных селений (близ г. Куманово) вдоль р. Крива, по ее правому берегу, к Кюстендилу, приблизительно по трассе нынешней дороги Куманово—Кюстендил. В таком случае длина его составляла около 150 км, а поскольку тогда средняя скорость передвижения по гористым и обильным лесами землям Балканского полуострова была равна около 30—35 км в день³¹, доставка архилевицкого обоза требовала примерно 5—6 дней в один конец. Иными словами, подводная повинность архилевицких крестьян составляла, по нашим подсчетам, около 10—12 дней, разумеется, если монастырские грузы перевозились только раз в год.

Итак, общий объем отработочной ренты в архилевицких имениях, согласно данной грамоте, был не слишком велик, если его мы сравним с нормами недельной барщины, зафиксированными источниками 1349—1355 гг. (2 дня барщины в неделю, кроме других отработочных повинностей и натуральных поборов)³². В целом, по нашему мнению, крестьяне Архилевицкого монастыря должны были выполнить за год не более 15—20 дней барщины, а именно: 3 дня пахоты, далее уборочные работы и отработки на господских виноградниках и, наконец, гужевую повинность (а для старост — сопровождение феодального землевладельца).

Незначительность основной барщины (т. е. пахоты на домениальных землях — всего 3 дня в год) позволяет судить, как нам представляется, о небольших размерах господской запашки во владениях Архилевицкого монастыря. Вместе с тем мы, разумеется, можем указать, что тезис Т. Томосского о росте отработочной ренты (с двух дней до трех дней в неделю) является совершенно беспочвенным и ни в коей мере не основан на материале II Архилевицкой грамоты. Более того, если принять распространенный в литературе (но между тем мало аргументированный) тезис об унификации барщины Законником Стефана Душана и введении единых норм недельной отработочной ренты (2 дня в неделю) в 1349—1355 гг.³³, следовало бы говорить не о росте барщины, а о ее снижении (с двух дней в неделю до трех дней в год).

В свою очередь тот факт, что все архилевицкие крестьяне несли одинаковую по своим размерам барщину (как гласит грамота, «дает каждый из них в год три дня пахоты» и т. д.), опровергает

³¹ См., например: «Зборник К. Јиречека», т. 1. Београд, стр. 156 (ср. стр. 107, 143, 147—148, 154). Мы при исчислении средней скорости опирались прежде всего на описания путешествий Н. Григоры из Византии в Сербию (1326), Берtrandона де ля Брокьера по Сербии (1433) и В. Вратислава (1591).

³² См. в нашей статье «Об эволюции феодальной ренты в Сербии, Северной и Центральной Македонии...» (стр. 112—114).

³³ Там же, стр. 113.

возможное предположение, будто в архилевицких имениях основная барщина была невысока потому, что велики были отработочные повинности дворовых, холопов, «отроков», возделывавших большую часть господского домена. Напротив, эти данные говорят о значительной нивелировке крестьянских категорий, о чем мы подробнее скажем ниже.

Свидетельства и выводы о наличии невысокой барщины и, вероятно, сравнительно небольших размерах господской запашки в Архилевицкой метохии (1379—1381) по целому ряду причин приобретают особое значение для воссоздания процессов аграрной истории Сербии и Македонии не только во второй половине XIV в., но и на протяжении всего этого столетия. Мы можем говорить об этом прежде всего потому, что рассматриваемая грамота, как отмечалось, не является источником узколокального характера в силу расположения имений Архилевицкого монастыря не только в Северо-Восточной Македонии, но и в Южной Сербии и даже в Западной Болгарии. Более того, имеются некоторые основания полагать, что архилевицкий «закон» о крестьянских повинностях в известной мере отражал систему феодальной ренты и в других церковных и монастырских имениях Македонии и Сербии. Так, в тексте закона при определении отработочных повинностей делается ссылка на нормы барщины в других владениях духовных феодалов: пусть летом, гласит грамота, крестьяне собирают урожай в житницу, «как это в обычae и в прочих метохиях». Несомненно, что под «прочими метохиями» здесь подразумеваются все церковные и монастырские владения на территории княжества Деяновичей либо, это нам кажется более вероятным, другие хиландарские имения в Северо-Восточной Македонии и Южной Сербии.

В этой связи напомним, что в данных районах и ранее, до распада Сербо-Греческого царства, существовали сравнительно низкие нормы барщины, сходные с нормами II Архилевицкой грамоты (так, например, 3 дня отработочной ренты в год по грамотам Георгиевского монастыря близ г. Скопье от 1299—1300 гг. и Хиандарского монастыря — для имений у г. Штип, около 1332 г.³⁴, далее — 8 дней для отроков во Вранянской вотчине Хиандаря по грамоте 1343—1345 гг.³⁵, наконец, 6 дней пахоты в год для крестьян Добруштской церкви южнее г. Призрен, согласно грамоте 1355 г.).³⁶

Таким образом, учитывая эту значительную устойчивость норм барщины (преимущественно от трех до восьми дней в год), мы могли бы предположить, что в 70-х и 80-х годах XIV в. в Северной Македонии и Южной Сербии невысокая отработочная рента (за год примерно три дня основной барщины — пахотной) существовала не только в селениях Архилевицкого монастыря,

³⁴ С. Новаковић. Законски споменици . . . , стр. 613, 619, 402.

³⁵ Там же, стр. 414.

³⁶ Там же, стр. 719.

но и в других церковных и монастырских имениях (прежде всего, видимо, во владениях Хиландаря).

Рассматривая данные II Архилевицкой грамоты об отработочной ренте, мы должны остановиться и на выдвинутом Б. Графенгаузером тезисе об увеличении (по сравнению с Хиландарской грамотой 1355 г.) «дополнительной» барщины в период уборочных работ. Как гласит грамота Хиландарского монастыря (1355), каждый крестьянин должен был отработать два дня в неделю, а кроме того, еще два дня на осенней пахоте, день на весенней, день на сенокосе и также работать на винограднике, и далее: «что вспашет и скосит, пусть все уберет и смолотит и засыплет» (в житницы)³⁷. Между тем в архилевицком «законе» сказано только, что крестьяне должны собрать монастырский урожай в житницы. Следовательно, и утверждение Б. Графенгаузера, равно как и тезис Т. Томосского о росте барщины, следует признать совершенно необоснованным.

Напротив, именно в нормировке уборочных работ источники 1349—1355 гг., фиксирующие недельную барщину (как, впрочем, и памятники предшествующего периода), вполне согласуются со II Архилевицкой грамотой, хотя в целом она (по своей системе крестьянских повинностей) резко от них отличается, как мы уже отмечали ранее, и это различие норм архилевицкого «закона» и грамот периода введения необычайно высоких для Сербии и Македонии отработочных повинностей (в середине XIV в.) усиливается еще более, когда мы переходим к рассмотрению данных о натуральной ренте архилевицких крестьян.

Эту натуральную ренту, как видно из приведенного нами выше текста грамоты, составляла десятина от овец, десятина с ульев, а также 4 меры («къбыль», т. е. кадка, современный сербский «каба») зерна с одного «зевгаря». Десятину с ульев монастырь, возможно, взимал воском и медом. К сожалению, трудно установить, какую приблизительно долю урожая с крестьянского надела составляли эти четыре меры зерна: нам неизвестны точный вес данной средневековой сербской меры, размеры надела (если «зевгарь» во II Архилевицкой грамоте обозначает земельный надел, а не упряжку волов) и средняя урожайность зерновых в данных районах той поры. К тому же, если и считать, что «зевгарь» тогда был обозначением именно земельного надела, необходимо учитывать, что уже в поздней Византии, включавшей до конца XIII в. эти македонские области, размеры «зевгаря»-надела были неодинаковы и колебались в зависимости от качества земли³⁸.

Правда, сопоставляя сведения II Архилевицкой грамоты со свидетельствами поздневизантийских источников, относящихся

³⁷ Там же, стр. 431.

³⁸ А. П. Каждан. Аграрные отнoшения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 141—142.

к македонским областям, мы считаем возможным предполагать, что зерновая подать с архилевицких крестьян была обычной десятиной с урожая. Укажем, в частности, что в поздневизантийской деревне «подать, взыскиваемая с зевгарей, не была поземельной податью; это была дополнительная пошлина (десятина) . . .»³⁹ Этот вывод находит подтверждение в одном византийском документе (1420 г.), где фигурирует «десятина зевгарей»⁴⁰.

В этом плане весьма интересны и данные Ливоцкой грамоты, изданной в 1399—1402 гг. Пиргу св. Василия, который тогда, как и Архилевицкий монастырек, находился в подчинении у Хиландаря. Так, в частности, монахи Пирга обратились к правителям Сербии, княгине Евгении и ее сыновьям, Стефану и Вуку Лазаревичам, с жалобой по поводу «межи Конюшской», т. е. границ села Конюхи в Южной Сербии; по поручению княгини Евгении, наместник Приштинской области и местные «старинники» (крестьяне, знавшие старину, т. е. старые межи) провели границы по-старому. При этом в грамоте сказано: «Старину вел (т. е. показывал) прежнюю межу. — Е. Н.) липлянский эконом Никодим и Августин десечар и Павлец десечар. И также с этой земли мы взяли десетак (т. е. десятину)»⁴¹.

Таким образом, после проведения старой межи Пиргу св. Василия была возвращена земля возле с. Конюхи, с которой сразу же монастырскими управляющими (экономом Липлянской экономии Пирга или Хиландаря и его «десечарами») была взята десятина. Упоминание этих специальных сборщиков десятин («десечаров») Пирга и Хиландаря в Ливоцкой грамоте, равно как и одновременное взимание десятин после передачи земли монастырю, говорит, по нашему мнению, о том, что в этот период, в конце XIV или в первые годы XV в., десятина играла весьма важную роль как одна из главных форм феодальной эксплуатации в имениях Хиландаря и Пирга св. Василия в Южной Сербии.

Сопоставляя эти данные II Архилевицкой и Ливоцкой грамот со сведениями о десятине в монастырских имениях Зеты в начале XV в. (в метохии св. Михаила и владениях Вранинского монастыря), мы можем сделать предположение о появлении к концу XIV в. в имениях духовных феодалов Южной Сербии, Северной Македонии и Зеты новой натуральной подати — десятины, которой мы не находим в жалованных монастырских грамотах Неманичей (XIII—первая половина XIV в.).

Во всяком случае, можно считать несомненным, что размеры этой подати зерном с крестьян архилевицких селений, независимо от того, была ли она в действительности десятиной или нет, представляются весьма значительными, поскольку такая большая зерновая подать не зафиксирована ни в какой другой средневеко-

³⁹ А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 144.

⁴⁰ Там же, стр. 143.

⁴¹ С. Новаковић. Законски споменици . . . , стр. 490.

вой сербской грамоте. Как известно, во владениях монастыря Богородицы на Бистрице (притоке р. Лима) такой зерновой взнос с крестьянского двора был равен только одной мере («къбъль») по грамоте 1234—1243 гг., а в имениях Святостеванского монастыря в Баньской (примерно в 1314—1316 гг.) — трем мерам⁴².

Таким образом, анализ этих данных II Архилевицкой грамоты о феодальной ренте, как нам кажется, позволяет сделать вывод, что в архилевицких имениях рента продуктами играла весьма важную роль, пожалуй, даже преобладала в системе феодальной эксплуатации крестьянства. Отработочная рента, как мы показали выше, была здесь не столь велика, она играла второстепенную роль, а денежная рента отсутствовала (возможно, правда, что десятину от овец и пчел крестьяне здесь уплачивали деньгами, как это обычно было в поздневизантийской деревне в XIII—XIV вв)⁴³.

Вместе с тем данные этой грамоты, по нашему мнению, дают возможность также судить о росте натуральной ренты в Северной Македонии и Южной Сербии во второй половине XIV в. (точнее — в 60—70-х годах), что, видимо, иногда было связано с сокращением барщины. О том, что после распада Сербо-Греческого царства феодальные землевладельцы, по-видимому, заменили в отдельных случаях барщину (частично или полностью) натуральным оброком, достаточно убедительно свидетельствует сопоставление II Архилевицкой грамоты с источниками первой половины XIV в.

В особенности наглядно сравнение в этом плане II Архилевицкой грамоты с теми источниками 1349—1355 гг., где зафиксирована недельная барщина. Как известно, в середине XIV в. крестьяне в ряде церковных и монастырских имений и во владениях светских феодалов-прониаров должны были выполнять чрезвычайно высокую барщину (2 дня в неделю, помимо других работ и повинностей) при полном отсутствии натуральной ренты или же при наличии небольших оброков, вроде десятины с ульев и подати вином во владениях церкви св. Николая на р. Пчине (т. е. опять-таки в Северной Македонии, в районе расположения архилевицких метохий) по грамоте 1353 г.⁴⁴

В то же время в селах Архилевицкого монастыря удельный вес натуральной ренты (по сравнению с отработочной) гораздо выше, чем даже в тех феодальных владениях Северной Македонии и Южной Сербии, где в первой половине XIV в. существовали сходные нормы барщины (например, от трех до восьми или девяти

⁴² Подробнее см. в нашей статье «К вопросу об эволюции феодальной ренты в Сербии, Северной и Центральной Македонии и Зете в первой половине XIV в.» («Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XXIV, 1962, стр. 263, 273—274).

⁴³ А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 125.

⁴⁴ С. Новаковић. Законски споменици..., стр. 704.

дней в год). Так, в селах Георгиевского монастыря (близ Скопье), Хиландаря (в районе Штипа), в хиландарской вотчине в области Вране, в имениях Добруштской церкви (южнее Призрена) натуральная рента вовсе отсутствовала или же ее размеры были невелики. Ни в одной из этих грамот, относящихся к периоду до распада Сербского государства Неманичей, не предусмотрена подать зерном с зависимых крестьян. Лишь за арендованные участки домениальной земли крестьянин был обязан вносить феодальному землевладельцу часть урожая (десятину или четвертую часть)⁴⁵.

Следовательно, у нас имеются основания предполагать, что во второй половине XIV в., после раз渲ла Сербо-Греческого царства, в обстановке ожесточенных феодальных междоусобиц и повсеместного перераспределения земельной собственности, в Северной Македонии и Южной Сербии (возможно, и в Центральной Македонии) происходит увеличение ренты продуктами там, где она уже существовала ранее, или установление новых натуральных податей в тех имениях, где их не было в первой половине XIV в. Это возрастание натуральной ренты, по-видимому, имело место прежде всего в тех вотчинах, где барщина была невелика (примерно 3—9 дней в год).

Весьма любопытно, что II Архилевицкая грамота свидетельствует и о сохранении в Северной Македонии характерных черт византийского аграрного строя даже в конце XIV в., накануне турецкого завоевания. Так, например, взимание доли урожая с крестьянского «зевгаря», являвшегося здесь податной единицей, служит самым ярким признаком устойчивости византийских аграрных институтов в Македонии по истечении девяти десятилетий сербской власти; к тому же взимавшиеся с архилевицких крестьян десятины с овец и пчел известны и в поздневизантийской деревне.

Сохранение «зевгаря» в качестве единицы феодального обложения, независимо от того, обозначал ли он во II Архилевицкой грамоте пахотную упряжку или земельный надел, было связано, без сомнения, с взиманием землевладельцем натуральной ренты соразмерно имуществу зависимых крестьян, а не в соответствии с их принадлежностью к известным нам по памятникам первой половины XIV в. категориям сельского населения (пáрики, меропхи, отроки и т. п.).

Данный факт, вероятно, можно расценить как указание на процесс нивелировки прежних категорий зависимого крестьянства, а также на определенные имущественные различия среди крестьян этих районов Северной Македонии и Южной Сербии: по-видимому, здесь были крестьяне, имевшие полный земельный надел (или упряжену), а наряду с ними малоземельные сельчане и т. д. Несомненно, к числу зажиточных, крепких дворов⁴⁶ относились

⁴⁵ С. Новаковић. Законски споменици..., стр. 613, 618.

⁴⁶ Там же, стр. 525.

сельские старости и старшины, а равным образом и другие представители общинной верхушки (кнезы, примикюры, войники, претстойники, чельники и пр.). Эта сельская верхушка пользовалась, как видно, некоторыми податными льготами в рамках феодальной вотчины: в имениях Архилевицкого монастыря, например, примикюры не выполняли гужевой повинности, а сопровождали игумена в качестве его свиты и охраны.

К сожалению, при освещении данного вопроса в современной югославской литературе были допущены серьезные ошибки. Так, македонский историк Т. Томоски утверждает, что «влахи» из Архилевицы давали десятину овец, возили грузы на Струму, а их (т. е. власские. — Е. Н.) примикюры должны были посыпать коней для церковных надобностей и сопровождать игумена⁴⁷. Иными словами, согласно Томоскому, в имениях Архилевицкого монастыря имелись «влахи» (скотоводы), выполнявшие специфически власские повинности (подать со скота и т. д.) и имевшие своих, власских старшин — примикюров; если следовать этой мысли, было и славянское земледельческое население, исполнявшее особые повинности (если, разумеется, не считать, что Томоски причисляет к влахам всех архилевицких крестьян).

Между тем ни в рассматриваемой нами II Архилевицкой грамоте, ни даже в I Архилевицкой грамоте (1355) нигде не встречается термин «влахи» (или хотя бы «катун» — власская община — для обозначения селений Архилевицкого монастыря)⁴⁸. В самом же тексте крестьянского «закона», как мы видели выше, нет разделения феодальных повинностей на скотоводческие и земледельческие. Таким образом, и в данном случае утверждения Томоского (о наличии в архилевицких имениях влахов и власских старшин) совершенно безосновательны и могут быть лишь отнесены за счет некритического использования им выводов К. Иречека, в частности истолкования Иречеком «примикюров» только как власских старшин⁴⁹.

Напротив, именно материал II Архилевицкой грамоты, говорящей о «примикюрах в селах» (а не «катунах» влахов), наглядно показывает, насколько методологически порочно и неверно разделение терминов «примикюры», «чельники» и т. д. Так, например, и Н. Радойич (вслед за К. Иречеком) ставит «примикюров» и «чельников» во главе лишь скотоводов (влахов и албанцев), тогда как поселения земледельцев, по его мнению, возглавлялись только «владальцами»⁵⁰. Несомненно, что в данном случае необходимо проводить совсем иное разграничение всех этих терминов («кнезы»,

⁴⁷ «Историја народа Југославије», књ. 1, стр. 399.

⁴⁸ С. Новаковић. Законски споменици..., стр. 446—448, 738—740.

⁴⁹ К. Иречек. Историја Срба, т. II, стр. 97.

⁵⁰ Н. Радојчић. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354. Београд, 1960, стр. 129.

«примикюры» и пр.), служивших одинаково для обозначения сельской верхушки у скотоводов и земледельцев (например, в ст. 146 Законника Стефана Душана).

Представляется наиболее правдоподобным, что греческий термин «примикюри», как это уже отмечал С. Новакович, употреблялся для обозначения сельской верхушки в областях, находившихся ранее под властью Византии или же смежных с ними, тогда как в самой Сербии и Зете сельские старости и старшины обычно именовались «кнезами», «челниками», «претстойниками» или «владальцами»⁵¹.

Итак, и разобранный нами последний пример показывает, что II Архилевицкая грамота представляет собой ценнейший исторический источник как в силу своего содержания, так и вследствие расположения имений Архилевицкого монастыря в центральной части Балканского полуострова, на стыке Юго-Восточной Сербии, Северо-Восточной Македонии и Западной Болгарии. Данные этой грамоты, как мы указывали выше, позволяют сделать ряд важных выводов о структуре феодальной вотчины во второй половине XIV в., о методах ведения домениального хозяйства, о путях развития феодального хозяйства вообще на протяжении XIV в., а в сравнении с другими источниками первой половины XIV в. — еще некоторые немаловажные наблюдения и заключения о социально-экономической истории славянских областей Сербского государства Неманичей.

---

⁵¹ С. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898, стр. 233.

ОЛЬГА НЕДЕЛЬКОВИЧ

ЗНАКИ УДАРЕНИЙ
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕРБСКИХ РУКОПИСЯХ
(XII—XIV вв.)

Начиная от В. Ягича, П. Сырку и С. Новаковича считалось, а в научно-популярных обзорах и сейчас повторяется, что реформа сербского правописания, отраженная «ресавскими» текстами XV столетия, в рамках которой фиксирована и система расстановки ударений, создана Константином Философом, автором известного грамматического трактата «Сказание о письменех». Между тем уже давно доказано, что особенности правописания, характеризующие ресавскую школу, появляются в сербских текстах задолго до появления «Сказания» (оно не могло быть написано ранее 1423 г., когда еще был жив митрополит Исидор, которого Константин упоминает как «прежде бывшего»). Так, Ю. Трифонов в работах 1940 и 1943 гг. с очевидностью показал ошибочность отождествления ресавского правописания с орфографической системой Константина Философа, а также и то, что сам Константин был недостаточно знаком с реформой правописания, проведенной в Болгарии патриархом Евфимием: в разделе о *юсах* он не затронул вопроса носовых гласных в болгарском языке; в главе о знаках *ер* и *ерь* не остановился на орфографическом принципе различения их в связи с тогдашним произношением глухого; в главах о знаках ударения приписывает Евфимиевским текстам такие особенности, которых они в то время не имели¹.

Вопрос отношения ресавских текстов и ресавского правописания к орфографической системе Константина Философа был недавно по-новому освещен в статье В. А. Мошина о «Революциях в истории старого сербского правописания»². Наличие большого числа сербских рукописей последней четверти XIV в. с система-

¹ Ю. Трифонов. Сръбско-българска безюсова редакция в старата книжнина на южните славяни. «Македонски преглед», XII, 1940; он же. Живот и дейност на Константина Костенецки. «Списание на БАН», т. 66, 1943, стр. 223—292.

² В. Мощин. Революције у историји српског правописа. «Библиотекар», № 6, 1963, стр. 465—475.

тической расстановкой ударений и с последовательным этимологическим употреблением *ера* свидетельствует о том, что ресавское правописание в данный период уже было урегулировано; употребление *ера* на базе болгарского произношения отражает связь сербской реформы со школой патриарха Евфимия и привлекает внимание к личности сербского патриарха Ефрема, болгарины по происхождению, современника и друга патриарха Евфимия.

Массовая эмиграция представителей культурного слоя болгарского общества в Сербию после падения Болгарии вызвала потребность выработки нового правописания, более доступного для обоих народов. Естественная несистематичность, явившаяся результатом приспособления орфографической системы патриарха Евфимия к сербскому правописанию, по-видимому, побудила деспота Стефана Лазаревича поручить младшему представителю болгарской эмиграции Константину Костенчскому (Философу) заняться вопросом создавшегося «растления письмен». Ресавское правописание не было правоописанием Константина и не было сформировано на базе Константинова «Сказания». «Сказание» было написано на базе существовавшего уже ресавского правописания и имело целью представить его систематическое изложение и оправдание.

Труд Константина Философа не был переработан, как ему хотелось, в систематическую сербскую грамматику, но как единственный теоретический трактат по сербской орфографии оказал влияние на последующее правописание. Кое-что из него вошло в обиход: буквы из греческого алфавита; различие зело и земля согласно болгарскому произношению; употребление разных форм омеги, «очного» о и др.; знаки препинания; греческие знаки ударений и их комбинации с приыханиями, но без функциональных оснований, на которых настаивал Константи^ц. Совсем отпало Константиново правило о «совершительном» ъ (на конце слов), так же, как и функциональное различие ъ и паерка. Это практическое ресавское правоописание не приобрело ни единообразия, ни систематичности, и тексты последующей эпохи представляют различные градации большего или меньшего влияния ресавского правописания, сформировавшегося в третьей четверти XIV в.

В рамках этой системы правоописания получила свое полное оформление и система надстрочных знаков, зачатки которой мы находим уже в древнейших сербских текстах и которая постепенно слагалась в течение XIII и XIV вв. в связи с аналогичным процессом в Болгарии и не без влияния греческого правоописания.

Дж. Даничич, первый уделивший серьезное внимание вопросу о знаках ударений в древних рукописях и старопечатных изданиях как источнике для истории сербско-хорватской акцентуации, указывал, с одной стороны, на стремление древних писцов к обозначению специфических свойств тоники сербско-хорватского языка, параллелизма долготы и ударения, а с другой стороны,

на наличие у них двух способов для обозначения слога, выделяющегося в произношении: путем удвоения гласной или согласной и с помощью трех видов надстрочных знаков. Анализируя их употребление, Даничич пришел к заключению, что можно удовлетвориться констатацией главной мысли наших предков: любым из пяти приведенных способов отметить слог, который выделялся среди других, или, как им казалось, выделялся; а каким образом выделялся — долготой (и какой) или краткостью (и какой) — это устанавливать современникам³. В дальнейшем Даничич распределил примеры слов с обозначенным ударением на пять категорий в соответствии с теперешней системой ударения и открыл ступень более древней, общей сербско-хорватской акцентуации, которая предшествовала формированию систем ударения в штокавском и чакавском диалектах. Продолжая труды своего учителя, Стоян Новакович вскрыл в сербских памятниках XV в. разработанную систему знаков ударения, заимствованную из греческой орфографии и своеобразно примененную для обозначения особенностей славянского ударения. Указывая на соответствие системы ресавских ударений с системой акцентуации болгаро-румынских книг, Новакович возводил ресавское правописание к болгарскому источнику, а для ресавской системы ударений находил обоснование в главе «О силах гласоу» в «Сказании» Константина Философа⁴. В ряду проблем, оставленных Новаковичем для будущих исследований, вопрос о соответствии ударений в текстах конца XIV в. с тогдашним живым произношением и с теперешним произношением был поднят и освещен С. М. Кульбакиным в 1904 г.⁵ Но вопросы генезиса системы просодических знаков в сербских текстах как в смысле отношения к предполагаемой системе ударений в старославянских памятниках, так и в смысле раскрытия основных этапов в формировании этой системы, еще не были предметом специального изучения.

* * *

Исследователи, видевшие в надстрочных знаках Киевских листков акценты (начиная с Каринского, Грунского и Вондрака), уделили особое внимание знаку, отмечающему долготу слогов в отличие от ударений. Это существенное специфическое свойство сербско-хорватского произношения находим зафиксированным и в самых древних сербских рукописях. Древнейшим способом этого обозначения, как указал Даничич, было удвоение гласных и согласных: *имаа*, *пооđь* *власть*, *разории*; *селла* — в сербских

³ Ђ. Даничић. Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske. «Rad JAZU», t. XX, 1872, стр. 155.

⁴ С. Новаковић. Акценти штампаних српско-словенских књига. ГСУД, XLIV, 1877, стр. 6—9, 149—151.

⁵ С. М. Кульбакин. Материалы и заметки по славяноведению. ЖМНП, т. VII, 1904, стр. 18—47.

грамотах от XIII до XV в. Две одинаковые гласные, стоящие рядом в случаях, когда это не требовалось этимологией, обозначают долготу данной гласной, как это было констатировано уже Фаустом Вранчичем в 1606 г. в «Живот николико изабраних дивиц»: *aa, ee, ij, oo, uu* (hac vocales designant sillabas longas)⁶.

В противоположность этому две согласные стоят обычно после краткой гласной, хотя и не всегда. Как показал Новакович на примерах Торговицкого евангелия, позднее для обозначения удвоения гласной употребляется надстрочный знак “— двойная вария или «кендема», указывавшая на долготу данного слога при чтении.

Двойные гласные, обозначавшие долготу слога, привлекли к себе внимание Соболевского в 1897 г., который призывал исследователей изучать употребление двойных гласных, «так как оно часто совпадает с древним или современным ударением»⁷.

Наблюдения Соболевского продолжил С. М. Кульбакин. Если в статье 1898 г. Кульбакин ограничился замечанием о неопределенности двойных гласных⁸, то позднее, в 1904 г., он присоединился к толкованию Новаковича, что двойные гласные несомненно обозначают долготу слога и представляют первобытный способ выделения ударяемого слога⁹. Таким образом, не подлежит сомнению, что обозначение долгого слога с помощью двойной гласной представляет наследие старославянских памятников, откуда этот способ перешел в древнейшие русские списки старославянских оригиналов и в болгарские и сербские рукописи. В юнославянских памятниках первой половины XIII в. это явление не было широко распространено, хотя и встречается. Так, в древнейшем списке Хиландарского типика, который считают современной копией оригинала св. Саввы, находим форму *сшиаютъ*¹⁰. Чаще появляются двойные гласные в текстах второй половины XIII в., в огромном большинстве в традиционных этимологических формах. Так, в Иловичской кормчей 1262 г.: *послѣдовавшихъ, светыихъ, благочьстивааго*¹¹; очень часто в Хиландарском шестодневе 1263 г.: *хоудааго, подавленааго, богоузнааго, троудившааго се, самоблагоюмоу*¹²; в Тодорове апостоле 1277 г.: *плодовнааго, троудившааго се, вѣкоушающимъ*¹³; в Поучениях Константина Пресвитера 1286 г.: *благочьстивааго,*

⁶ Д. Дапіć і с. Указ. соч., стр. 155

⁷ ЖМНП, 1897, май, стр. 57—58.

⁸ С. М. Кульбакин. Заметки о языке и правописании Волканова евангелия. — «Изв. Отделения русского языка и словесности АН», т. III, 1898, кн. 4, стр. 1159.

⁹ ЖМНП, ч. CCCLIV, 1904, стр. 18—47.

¹⁰ В. Ђоровић. Списи св. Саве. Београд, 1928, стр. 15, строка 20.

¹¹ Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, т. I. Београд, 1902, № 19, стр. 7—8.

¹² Там же, № 20, 21, стр. 8—11.

¹³ Там же, № 24, стр. 11—12.

самодръжавнааго, благовѣрнааго¹⁴; в Евангелии Гильфердинга 1284 г.: *Вараауы*¹⁵ и т. д.

Как уже говорилось, долгий гласный обозначался в рукописях и с помощью надстрочного знака двойной варии [‘], параллельно с которой часто встречаем и двойную оксию [”]. Оба эти знака перешли в славянские рукописи в древнейшую эпоху в системе греческой так называемой экфонетической нотации, нормировавшей тонику чтения Евангелия и Апостола при богослужении, а также и текстов, предназначенных для декламации, в частности стихов. Греческая ὄξεια διπλή по форме несколько отличается от соответствующего славянского знака, поскольку в греческом знаке верхний край первой черточки чуть-чуть загнут вправо, *βαρεῖα διπλή* перешла в славянские тексты в точной греческой форме. Наряду с другими экфонетическими знаками оба эти знака стоят над текстом, отличаясь от знаков ударения тем, что написаны красными чернилами. Таковы, например, греческие рукописи XI—XII вв. с экфонетической нотацией в собрании Национального музея в Охриде (№№ 55, 73 и 78¹⁶). Между тем имеются греческие рукописи, в которых не находим целой системы экфонетической нотации, а только знаки двойной оксии и двойной варии вместе со знаками ударения. К числу таких принадлежит знаменитое греческое Евангелие 844 г. (Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

В этом памятнике, написанном за несколько лет до создания славянского письма, встречаем, например, фразу: ἔξτιν δὲ καὶ ἄλλα πολλὰ ὅςα ἐποίησεν ὁ Ἰη. ἀτίνα ἑάν γράφητε καθ' Ἑν. ὃὐδὲ αὐτὸν τὸν δίμαι τὸν χόρησαι. Τὰ γραφόμενα: βιβλία; ἀμήν +¹⁷. В данном тексте так же, как знак «кентемата», три точки над первым* и последним слогами в слове *βιβλία*, также и двойная вария в словах *ἀτίνα*, *Ἑν*, *ὅδε*, *χωρῆσαι*, *Τὰ γραφόμενα*, стоят рядом со знаками ударений, при том не на ударяемом слоге, а на слове под логическим ударением во фразе, большей частью над последним слогом и даже над конечной согласной. Очевидно, что данный знак служит для того, чтобы оттенить интонацию при чтении евангельского текста и этим выделить слова, имевшие центральное значение для смысла фразы. В древнейшем сербском евангелии князя Мирослава конца XII в. приведенный греческий текст передан так: съть же йна мънога ѡже

¹⁴ Там же, № 27, стр. 13—14.

¹⁵ П. А. Лавров. Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916, № 205.

¹⁶ V. Mošin. Les manuscrits du Musée national d'Ochrid. «Recueil de travaux. Musée national d'Ochrid», 1961, стр. 163—243, № 4, 5 и 11.

¹⁷ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. «Энциклопедия славянской филологии», 4, вып. 1. XI—XIV вв. Пг., 1915, стр. 17.

* Знак *i* с тремя точками передан *ї*.

створій ёсь. Ȣко аце поедіномъ пісана бываѣтъ. иї самомъ мню всемъ міроу. въмѣстій пішемыхъ кнігъ¹⁸. Двойная оксия в данном тексте, очевидно, уже не имеет значения упомянутого греческого логического ударения, а ставится в функции двух точек над каждым *i* и *ю*.

Двойная вария в древних греческих рукописях встречается и в ряде текстов, не подлежащих чтению во время богослужения. Так, например, в Беседах Иоанна Златоуста на первое послание апостола Павла к коринфянам в рукописи Синодальной библиотеки 990 г. находим: Ἡ Κόρινθος. ἔστι μὲν πόλις τῆς Ἑλλάδος ἡ πρώτη и т. д.¹⁹ Во всем данном отрывке не встречаем больше ни одного э фонетического знака; в этой рукописи конца X в. двойная вария уже не имеет мелодической функции э фонетического знака параллельно с системой просодических знаков, а включена в последнюю систему как особый знак для выделения слова под логическим ударением. В данном месте она стоит над словом *μὲν* — 'действительно, ибо' (анalogичная картина с союзом *бо* в южнославянских рукописях).

В противоположность формальной графической функции, которую в приведенном тексте из Мирославова евангелия имеет двойная оксия, в Хиландарском типике св. Саввы (памятнике того же периода) знак двойной варии фигурирует в несколько особых функциях (следует подчеркнуть, что, кроме титла, вария здесь единственный надстрочный знак).

а) Как особый графический знак над некоторыми долгими гласными, например, регулярно над омегой: ω̄ прѣттаа мати!; ω̄ Господѣ; ω̄ть; ω̄нь, ω̄ного; ω̄льтарь; ω̄тца; ω̄ци; Симѣона; ω̄ставлѣти, ω̄бѣца, ω̄бѣтовани, ω̄дръжть, ω̄правди се, ω̄брѣцемъ, не-ω̄скоудѣмоу и т. д. Во всех этих случаях знак стоит независимо от места ударения, лишь в качестве графического приатка к данной букве. Весьма часто двойная вария в этой же функции стоит над Ȣ*: къ полѣѣ, прѣподобни, нѣсть, оутѣхоу, злобѣ, Ȣко; впрочем, в отдельных случаях можно думать и о логическом ударении на слове, как, например, во фразе «нѣсть мене достоинъ», а в других случаях имеется совпадение и с местом ударения — оутѣхоу. Те же возможности нужно предполагать и при появлении двойной варии над *i*: — чистаго, чиста, любвий, и над *ou*: — лоубеи, дроўгъ (2 раза), оудараемоу; может быть и: напісахъ, мніха, хотя в данном случае можно предполагать и обозначение ударения; регулярно над словами братиїа, брата и т. п.

¹⁸ Ј. Стојановић. Мирослављево јеванђеље. Београд, 1897, л. 56.

¹⁹ Савва еп. Можайский. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1863, табл. 7.

* Далее двойная вария (как и оксия) над ятем обозначается простым ударением.

б) Регулярно употребляется двойная вария и в значении паерка между двумя соседними согласными: в[”]сь, ч[”]то, в[”]са, Сав[”]ва, к[”]рвь, ск[”]връныхъ, зем[”]ли, зем[”]льни, въ с[”]лѣдъ, боаз[”]нь, з[”]лобою, с[”]лоучи се, въс[”]писати, навык[”]ше, оуказав[”]ше, рек[”]шаго, бес[”]мрътномоу, ч[”]тьци, тас[”]нѣшие, страж[”]-доуть, закълавъшоумоу са. Как видно в последнем примере, этот знак появляется и над глухим в слабом положении: алъчба, младѣнѣствоуи та.

в) Особого внимания заслуживают случаи появления двойной варии в специальной функции над конечным глухим в род. п. мн. ч.: молитвъ, от дѣлъ оправда се; вероятно, и «троудъ плодъ своихъ».

Наконец, двойная вария появляется в своей традиционной роли над короткими словами под логическим ударением: оувѣдѣти вамъ; штвѣть ѿнь оуслышимъ; добродѣтель сї; сїй въ цркви творити; мы же; нѣ наставника всемѣ имѣти; оубѣ; пачѣ и, и т. д.

Поскольку этот памятник возник в Хиландаре, с одной стороны, на базе перевода греческого типика, а с другой стороны, под влиянием каких-то старославянских текстов, которые побудили писца к частичному употреблению юсов, можно предполагать, что именно эти оригиналы, и в первую очередь древние греческие рукописи, могли послужить источником, из которого была заимствована двойная вария в приведенных функциях. В рукописях следующего периода эти функции быстро дифференцировались и графически: как точки над омегой, и и лигатурными гласными, как паерок вместо выпавшего глухого и как двойная вария или двойная оксия для обозначения долгого слога вместо двойной гласной и в традиционной функции логического ударения во фразе. Интересно, что в период, предшествовавший возрождению системы ударений, в эпоху графической путаницы надстрочных знаков, двойная вария на славянской почве переменила свое имя на кенденму, которая раньше принадлежала экфонетическим точкам. Впрочем, двойная вария — кенденма и в последующую эпоху не была вполне фиксирована в своем употреблении, смешиваясь функционально с варией — грависом и иногда с оксией — акутом, а графически — с двойной оксией, которая первоначально так же, как и двойная вария, обозначала долгий слог, преимущественно в случаях стяжения.

В качестве примера употребления двойной оксии в функциях кенденмы можно привести Кормчую рашского епископа Григория 1305 г., где она употребляется:

а) в значении двух точек над лигатурными и над долгими гласными, особенно в начале слова, где этот знак походит на комбинацию ударения с придыханием: ѿце, ієпископъ*, ієсть,

* Двойная оксия над ѹтизованными гласными обозначается іє и іѡ.

о́богихъ, і́ако, а́постоль, и́же, предлог ѿ; в середине слова: тайна́мъ, дѣ́лани, сло́жецихъ; чловѣ́колюбиа́, книгы́; б) для обозначения контракции: смѣ́реи, рашкы́, Григорій (рядом с Григоріи), прочій; в) для обозначения логического ударения: съ же сты́ сборь; г) по-видимому, на месте ударения: пра́вило²⁰.

В текстах ресавского периода кендема, иногда мешаясь с двойной оксиеи, а иногда параллельно с ней, употребляется постоянно и регулярно и как таковая не могла оставаться не отмеченной в орфографическом сочинении Константина Философа. Он останавливается на этом знаке в XVII главе «Сказания», которая не посвящена акцентам («тоносу» или «силам гласу»), а говорит о знаках препинания²¹.

Перед параграфом о запятой находим весьма туманный отрывок об употреблении двойной варии в функции знака препинания, который можно истолковать так, что, во-первых, двойная вария отделяет короткое слово от предшествующего и последующего, т. е. является логическим ударением в предложении. Константин считает, что ошибочная постановка этого знака над частицей се (възвесёлюсё) создает во фразе ненужное претыкание, т. е. излишнюю остановку мысли. Во-вторых, отмечается функция кендемы (или в середине слова двойной оксии) при выделении группы многих или парных понятий (роўкъ, нôгъ). По-видимому, и здесь создается впечатление о каком-то нюансе интерпункции, т. е. остановке потока речи на слове, носящем этот знак. Следует упомянуть, что сам Константин в тексте своего трактата постоянно пользуется этим знаком и притом не только в приведенных функциях, а и в других: в частности, в слове «злö», регулярно над конечным глухим в род. п. мн. ч. — а́постоль, ѿтъцъ и т. п., что довольно типично для сербских рукописей XIV в. и для более ранних.

Двойная оксия в отличие от двойной варии, по-видимому, употребляется с тем же различием, которое существует в отношении простой оксии и варии. Последняя почти всегда стоит на последнем слоге или на конечном глухом, двойная оксия ставится в середине слова, как, например: вїдѣ, въздвїженie и рѣкы*.

В болгарских рукописях XIII—XIV вв. оба эти знака, связанные с явлением долготы, встречаются значительно реже, чем в сербских, что имеет естественное объяснение в потере долготы в болгарском языке. В ряде болгарских рукописей, особенно воз-

²⁰ П. А. Л а в р о в. Альбом снимков..., № 50.

²¹ См. «Knjiga Konstantina filosofa o pravopisu». — «Starine», т. 1, 1869, стр. 29; И. В. Я г и ч. Рассуждения старины о церковно-славянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895, стр. 428—431

* Двойная оксия над юсом обозначена ударением.

никших на Афоне, употребление кендемы легко может быть объяснено наличием сербского оригинала.

Можно предполагать, что надстрочные знаки для обозначения ударений могли появиться в сербских текстах во второй трети XIII в. под влиянием практики, введенной в то время при дворе болгарского царя Иоанна Асена II, влияние которого, как известно, сказывалось в политической жизни Сербии при зяте Асена, короле Владиславе I. Знаменитая Тырновская надпись 1230 г. является древнейшим болгарским памятником, где систематически расставлены просодические знаки, и болгарские рукописи следующего периода говорят о постепенном проникновении этой системы в книжные тексты²². В Сербии в юридических текстах, вышедших из королевской канцелярии, знаки ударений, как правило, не употребляются, но в отдельных грамотах, особенно писанных уставными буквами книжного типа, изредка встречаем акут, а чаще кендему на месте специфического логического ударения во фразе.

Так, в договоре короля Уроша I (брата и наследника Владислава) с Дубровником от 1254 г., написанном уставом, наряду со знаком придыхания на начальной гласной и с паерком постоянно употребляются по две черточки над буквами *и*, *ы*, *и* и *ю*, но кроме того, встречаем: *найде*, *прибегне*, *къ вা�мъ*, *върошь*; обозначено особым знаком и отрицание *нъ* *ако*²³. На дубровницком экземпляре этого договора, который написан канцелярским минускулом, постоянно употребляются две черточки над буквами *и* и *и*, кавычка над *е* после гласной (нико²⁴) и один раз акут (*нікимъре*)²⁵.

В грамотах следующего государя, короля Драгутина, Дубровнику знаков ударения не встречаем²⁶. Нет ударений и в первых грамотах короля Милутина²⁷. Лишь в грамоте 1289 г., кроме точки над гласными (всакомъ, створи, дбровъчъкомъ, светопочивше, Жѣръжи), встречаем забави²⁸. В писанной уставными буквами грамоте Милутина Хиландарю 1302 г. о постройке крепости на морском берегу встретилось Куріакоу²⁹, в грамоте Милутина Дубровнику 1320 г.: за вашъ драгъ любовъ³⁰.

²² См. об этом в нашей статье в журн. «Български език».

²³ Ј. Стојановић. Старе српске повеље и писма, т. I. Београд—Срп. Карловци, 1929, № 21, стр. 18—19.

²⁴ Там же, № 22, стр. 20—21.

²⁵ Там же, № 33, 5 и 6; стр. 32—33, 3—4; две последние грамоты ошибочно приписывались Стефану Первовенчанному.

²⁶ Там же, № 34—36, стр. 33—35.

²⁷ Там же, № 38, стр. 36.

²⁸ Fr. Miklosich. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Viennae, 1858, стр. 63; В. Когаблев. Actes de Chilandar. II. Actes Slaves. «Византийский временник», XIX. Пг., 1915, прил. 10, стр. 404—405.

²⁹ Л. Стојановић. Старе српске повеље..., т. I, № 43, стр. 39.

При том же короле Милутине (1282—1321), когда, по всей вероятности, в хилендарском кружке «книголюбцев» была разработана реформа сербского правописания³⁰, появляются знаки ударения и в рукописях. Сначала, как и в современных им болгарских текстах, они проникают в качестве нового элемента в старую систему кавычек-спиритусов и паерков, позднее постепенно принимают характер формирующейся орфографической системы.

Так, в Беседах Константина Пресвитера 1286 г.³¹ постоянно употребляются кавычки-спиритусы над гласной в начале слова и в поствокальной позиции: ёко, ёдиноу, ЁГуфътѣ, ѹже, ѿбитаётъ, ѿна ѹ великаа; хотѣаше, нѣкојёго, слышатиа, своїю силою, Йюдеѡмъ; паерок — дѣв'ство, кан'дило, д'вѣ, виш'нєю, съдр'же. Но встречаем и: ІЕуга, ѹцѣлѣныхъ, чоудеса. Двойной акут в значении кенденмы: равночислены съ пслм, и не съ же єдинъ.

В Цетињском евангелии № 11, писанном на пергаменте в конце XIII — в начале XIV в., сравнительно часто встречаются черточки над ѹ, ю, оу, іа, особенно над поствокальной гласной: живѣаше (также и по две точечки); между тем находим: ѿстрѣ ѿ поути гладъкѣй³².

Похожее на орфографию Кормчей епископа Григория Рашского 1305 г. правописание встречаем в евангельских листках анагноста Радина из второго периода правления Уроша II³³, а также в Карейском евангелии, писанном в 1316 г. по заказу Уроша II дьяком Радославом³⁴. В Типике архиепископа Никодима 1319 г. находим в отдельных местах черточку, похожую на акут над поствокальными гласными, но, по всей вероятности, она здесь вместо крючка³⁵.

Во второй четверти XIV в. знаки ударений в рукописях начинают появляться все чаще и чаще. В Лесновском прологе 1330 г. (САН № 83/53)* акценты не часты, но все же имеются: и въздоста на горѣ нѣкою ѹ прѣбываста рѣзно въ монастыри...³⁶

³⁰ См. «Библиотекар», № 6, 1963, стр. 470.

³¹ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма..., стр. 219—224; он же. Палеографические снимки с югославских рукописей болгарского и сербского письма, вып. 1. XI—XIV вв. СПб., 1905, № 44.

³² Д. Вуксан. Рукописи Цетињского монастыря. «Зборник за историју Јужне Србије и суседних области». Скопље, 1936, № 11, стр. 196; В. Мощ и н. Ђирилски рукописи Цетињского монастыря. «Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», knj. 61, 1956, № 11, стр. 281.

³³ П. А. Лавров. Альбом снимков..., № 51; он же. Палеографические снимки..., № 48.

³⁴ В. Мощ и н. Акти братског сабора из Хилендара. — «Годишњак Скопског филозофског факултета», IV, 1940, стр. 179.

³⁵ П. А. Лавров. Альбом снимков..., № 52; он же. Палеографические снимки..., № 50.

* Здесь и далее после названия рукописей стоит их шифр.

³⁶ П. А. Лавров. Альбом снимков..., № 53.

В Печской псалтыри (№ 68, первой половины XIV в.) на пергаменте знаки ударений редки: Хвалите и́ме Гнє, хвалите раби Га; в'са іёлика высхотѣ Гъ с'твори; ѩ скрёвищь своих, и т. п.³⁷ В сборнике сербских житий, писанном дьяком Михом в Хиландаре, вероятно во второй четверти XIV в., встречается: Житије приѣнаго ѿца нашего Сумефна; и того стго йзволиеніем'; въ Стѣни Горѣ; съврѣшил' се дбъмь; не оуже дары једины, и ѿ ѩ землѣ своею оўлоучивъ да³⁸; ёклї ар'ху³⁹. В сборнике епископа Порфирия на листе Публичной библиотеки в Ленинграде 1344 г. (F и I 89) знаков ударений почти нет; встречаем: богатство бо ѿ стыхих книгъ; съзыждемъ и мѣ храминѣ свої на камены вѣры; прѣмоудрѣ Соломонъ⁴⁰.

В Октоихе Ленинградской Публичной библиотеки 1346 г. (F и I 62) знаки ударений редки, но привлекает внимание различие в употреблении акута и грависа: љ намъ оўбѡ свѣта разоум'наго Саво ѿчѣ; врѣха добродѣтелии Саво достиглъ юси, благородиеніемъ высѣкъ⁴¹.

Приблизительно к тому же времени относится Хиландарское евангелие, писанное монахом Феоктистом по заказу великого воеводы Николы Станишича. На листе Ленинградской Публичной библиотеки (F и I 86) почти нет знаков ударений; встречаем только: въсъ народъ странѣ Гадариньскіе ѿйти отъ нихъ; родъ съ лоукавъ; црца южьскѣ въстанетъ⁴². Очень мало знаков находим и в Словах св. Ефрема Сириня 1353 г. из Слепченского монастыря⁴³, в Гильфердинговом апостоле Ленинградской Публичной библиотеки № 13 середины XIV в.⁴⁴, в Кормчей книге в Старой церкви в Сараеве № 222, писанной на пергаменте в середине XIV в., в которой преобладают точечки и крючки, а только изредка появляется знак акута⁴⁵. В Сараевском отрывке из апостольских и евангельских чтений середины XIV в. (№ 221а) нерегулярно встречается горизонтальная черточка, напоминающая часто гравис,

³⁷ В описании Вуксаны («Рукописи манастира Пећке патриаршије». «Зборник за историју...» Скопље, 1936) данные перепутаны под № 75 и 71 (стр. 216—217); ср. В. Мощин. Ђирилски рукописи Пећке патриаршије, № 32. «Старине Косова и Метохије», IV (в печати).

³⁸ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение..., № 249—252.

³⁹ П. А. Лавров. Альбом снимков..., № 55; он же. Палеографические снимки..., № 51.

⁴⁰ П. А. Лавров. Альбом снимков..., № 56.

⁴¹ Там же, № 61.

⁴² П. А. Лавров. Палеографическое обозрение..., № 233.

⁴³ Там же, № 244—246.

⁴⁴ В. Мощин и С. Трајан и ђ. Ђирилски споменици у Босни и Херцеговини. «Наше старине», VI. Сарајево, 1954, № 25; снимок см. у С. Троицкого в «Споменике САН», СПИ, 1952, таблицы.

в функции знака ударения: ёгоже не достойть въ соубо́тоу т'воритъ⁴⁵.

Наряду с этими примерами неустановившейся системы в этот же период находим и ряд памятников с достаточно последовательным и частым употреблением знаков ударения.

В этом отношении очень интересен текст Литургии св. Василия середины XIV в. (бывшая Белградская Народная библиотека, № 116 (298), предназначенный для чтения вслух, нараспев. Надо предполагать, что знаки ударений здесь представляли тогдашнее живое церковно-сербское произношение. Так, например: зáстоупи, сиси, помилоуи ѹ съхрани ны Бé тв бóёю блгодтию; сé всéми стми поменоув'ше сáми ѿ себé ѹ за дроугъ, ѹ въсь живо́ть нашь...⁴⁶. Аналогичные примеры дает Хиландарский свиток служебника того же времени (снимок в собрании В. Мошина) и Евангелие Ленинградской Публичной библиотеки (F и I 100) середины XIV в.⁴⁷.

К разряду текстов, читающихся нараспев на литургии, принаследжат апостолы и евангелия (потому они в Византии первыми получили экфонетическую нотацию).

Все же в сербских апостолах того периода знаки ударений появляются спорадически; например, в Апостоле св. Троицы в Плевлях (№ 82) середины XIV в.⁴⁸, в Апостоле Печской патриархии (№ 21), из третьей четверти XIV в.⁴⁹; в Апостоле Софийской Народной библиотеки № 88 (52)⁵⁰; в Апостоле Цетиньского монастыря (№ 16) 1370—1380 гг.⁵¹.

В евангельских текстах этого периода знаки ударений употребляются непоследовательно, хотя иногда и часто. Например, в Четвероевангелии Софийской Народной библиотеки № 31 (82)⁵² или в Довезенском евангелии (JAZY III с 5), писанном на пергаменте в третьей четверти XIV в.⁵³

Среди всех этих текстов выделяется своим регулярным и последовательным употреблением знаков ударения Хиландарское евангелие монаха Дионисия 1356 г. Текст на листе, хранящемся в Ленинградской Публичной библиотеке (F и I 85), содержит

⁴⁵ В. М о ш и н и С. Т р а л ь и ѯ. Ћирилски споменици..., № 8, стр. 71.

⁴⁶ П. А. Л а в р о в. Палеографический обзор..., № 247.

⁴⁷ Там же, № 238—243.

⁴⁸ В. М о ш и н и. Ћирилски рукописи манастира св. Троице код Плевалja. «Историски записис», 1958, XV, стр. 241, № 19.

⁴⁹ Там же, № 24 (ср. Д. В у к с а н. Рукописи манастира Пећке..., № 28).

⁵⁰ П. А. Л а в р о в. Альбом снимков..., № 59.

⁵¹ В. М о ш и н и. Ћирилски рукописи Цетињског..., № 16; Д. В у к с а н. Рукописи Цетињског..., № 16; стр. 198.

⁵² П. А. Л а в р о в. Альбом снимков..., № 58.

⁵³ V. M o š i n . Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I. Opis. Zagreb, 1955, N 72; II. Reprodukcije. Zagreb, 1952, N 36.

знаки ударений почти на каждом слове, так же, как и приыхания над каждым словом, начинающимся с гласной, например: Й гла́ймь Гс, прынескте ѿ рыбъю юже юесте пнна. вълкъ же Симо́нъ Пётръ, й... великихъ рыбъ, рнг. и тбликоу соуцю не прорыже се мрѣжа. гла́ймь Гс', прыдкте ѿбѣдоутѣ. ник'то же бо смѣште ѿ ученикъ истезати юго тѣ кто юси. вѣдоуце та́ко Гъ ю*. Приде же Гс', и приетъ хлѣбъ и да* ймь. и рыбоу та́кожде. сё юже трётие та́ви се Гс' оученикъмъ свбимъ въстावъ ѿ мрѣтыи*. ёгда же ѿбѣдоваше. гла. Симо́ну Пётроу Гс'... Симо́не Йоинъ любиши лі мё паче сихъ. гла юмоу. ёи Ги. тѣ вѣси та́ко люблю те. гла юмоу па́си ўгнъде моё и т. п. В словах, встречающихся в одной и той же форме в нескольких местах, ударения стоят одинаково и, очевидно, отвечают произношению. Акут последовательно стоит на месте ударения (как в греческом и на односложных словах); редкий циркумфлекс над омегой в конечном слоге; кендема для обозначения долгой гласной, главным образом стяженной, и над конечным глухим в род. п. мн. ч.: прыде, рыбъ, оученикъ, так же, как и над местоимениями под логическим ударением: сё юже трётие та́ви се; Тѣ вѣси та́ко люблю те. Кроме того, появляются и прежние точки и кавычки над лигатурами j+гласная, особенно в поствокальном положении⁵⁴.

Из других лингвистических текстов данного периода интересна Псалтырь Печской патриархии (№ 69) на пергаменте середины XIV в.⁵⁵ И здесь знаки ударений появляются последовательно в тех же функциях, как в Хиландарском евангелии 1356 г. Например, л. 7: тоу падошѣ всї творецей безаконіе, ѹзриновеній бышѣ и не могоутъ стати; и та́кѣ зеліе злака скорѣ отпадоутъ. Оуповай на Га и твори блѣтню, и населій землю...; на л. 8: Наслади се Гві и дастъ тѣ прощеніе срѣца твоего... и оуповай на нь, и тѣ створитъ. И ѹзвѣетъ та́ко свѣтъ пра́в'дѣ твою. и соуд'боу твою та́ко полуудн. Повійни се Гві и оумли ёго. Не рев'ноуи спѣющому поутѣмъ своймъ... Назираеть грѣш'пній пра́веднаго... на л. 36: Положите срѣца въ силоу ёго, и раздѣлитѣ домъ ёго та́ко да повѣсте въ родѣ йномъ; на л. 52: всь днъ словесъ моихъ гноушахоу се.

Эти примеры, наряду с другими на лл. 1', 5, 6, 7', 8, 9, 10', 11, 13, 35', 36, 37, 51', 52', 53, 72', 75, 75' и 76, дают следующие данные.

⁵⁴ П. А. Лавров. Альбом снимков..., № 56; он же. Палеографические снимки..., № 52.

⁵⁵ Д. Вуксан. Рукописи монастыря Пећке..., № 71 и 75 (с ошибочными данными); В. Мощина. Ћирилски рукописи Пећке..., № 33.

Придыхание (реже в комбинации с акутом) постоянно стоит над начальной гласной, непоследовательно — над поствокальной гласной, но всегда над конечной гласной и над ь (оұслыша, стáты, твоёгб, боúдеть).

Акут обозначает ударение: безаконіé, зéліе, зéмлю, пльти, пристоупіте, послоúшаите, съвýше и т. п.; в большинстве примеров он стоит на месте старого ударения, сохранявшегося по традиции в церковном чтении нараспев и пении. Есть примеры и с перенесенным ударением: кóстехъ, живóтъ, соúд'боу, възвá, пáдоше (аор.), ствóрить (фут.), прóсещáи, вáрише (аор.) и т. п.

Гравис как знак ударения употребляется редко, например: из'влéкóше, спéюющíмоу (вероятно, обозначает долготу вместо кендемы); Ѽ (несколько раз), живóтъ.

Кендема чаще всего стоит над долгими гласными, особенно над ы: възýскáхъ, постыдëт'se, възýскáющí, правýе, сирýхъ и т. п.; над стяженными гласными: грéшнý, прáведnáго, дñй, повíйнí се, грéшнýци и т. п.; в род. п. мн. ч.: словесъ, соуд'бъ, в'dовицъ, вéкъ, врагъ, дéвъ, п'съ, истóчникъ, власъ; являющимися вариантами форм с двойным глухим: грéхъ, тим'пан'ницеъ; над односложными под ударением: ктó, тоù, тъ, съ, съ, наряду со съ, тъ. На месте грависа: оутроудí се, как и над словами с долгой гласной под ударением: стрáхоù, злáка и т. п.

Один раз встретился двойной акут (над ятем): състрéллáти, также в значении долготы.

К литургическим книгам принадлежит и Минея за сентябрь—октябрь Печской патриархии (№ 49, 1350—1360 гг.)⁵⁶. Тут находим, например, л. 43': Стá Соломónы прék лицéмъ жрéтвъника Гéнта, прék всéмъ сборóмъ Гéлвдомъ... и ре^... Нéкако же ты на нбсí горé, и на землí дólk, ѿще бó нбо, и нбо нбсí не довлéютъ тебé, кáко хráмъ съ, єго же съзáхъ именí твоемоу. ѕбáче... рабъ твой млит' се прék тобdю к тебé дн^ъ, да боúдетâ бчи твой ѿврéстк на храмb съ дн^ю и пощю на мfсто сё єже ре^... Бросается в глаза сходство правописания, особенно системы знаков ударений, этой рукописи с предыдущей, того же времени и из той же местности (Печская патриархия). Знак придыхания (крючок, черточка, точка), наряду с обычным употреблением на начальной гласной и часто в поствокальной позиции, появляется над конечной гласной и в середине слова (землí, създáхъ, свéтлость, пльтию и т. п.).

Акут употреблен как знак ударения: пáметь, Ибáне, слóво, лицéмъ, славослбвию, Соломónъ, жрéтвъника, хráмъ, ѕчи, мfсто;

⁵⁶ Д. В у к с а н. Рукописи манастира Пеñке..., № 37, стр. 153—154. Водянные знаки см.: V. Mošin et S. T galjić. Filigranes des XIIIe et XIVe siècles, I—II. Zagreb, 1957, N 249, 1974, 2850, 4341, 4372, 5172, 5952, 6227.

фнь, ёже; ста', боудета, послушати, създахъ; доль, яко, како, ѿще. Кроме этих случаев, где акут стоит на месте старого ударения, приведем примеры с перенесенным ударением: заре (род. п. ед. ч.), безначелною, ёго. Форма тв. п. ед. ч. *сборомъ* имеет аналогию в болгарских рукописях; необычная форма *слова* (род. п. ед. ч.), где акут, может быть, обозначает долготу, как и в: сърывающими, бжествънаго, свѣтоноснаго.

Гравис появляется раз на месте, аналогичном *сборомъ*: *Іславомъ* (Исаилевомъ).

По-видимому, в ряде примеров ударение обозначено кендемой: тоббѹ, отврѣстъ, положй (имп.). Регулярно кендема употребляется: а) над конечным глухим в род. п. мн. ч.: бѣдъ, чудесь (в обоих случаях наряду с двойным ѿ); б) для обозначения долготы на месте двойной гласной, иногда и при ее наличии: трѣсан'ныю, оукрѣпиви, зачыниши, рождиши, фчёе; характерным является ста', где кендема стоит над словом, имеющим акут как знак ударения; в) над односложными словами под логическим ударением: сё, ты, съ, съ.

В литературных текстах поучительного, аскетического и исторического содержания знаки ударений не являются такой необходимостью, как в литургических текстах, поэтому они ставятся здесь с меньшей последовательностью, но все же свидетельствуют о наличии существующей системы. В этом отношении интересно сравнить с вышеупомянутыми печскими литургическими текстами три литературных текста из того же рукописного собрания.

В Лествице Иоанна Синайского из Печи (№ 97), по водяным знакам относящейся к 1365—1370 гг.⁵⁷, знак придохания часто пропущен (иногда является над начальным и); знаков ударений нет, кроме кендемы, стоящей кое-где на месте ударения (бѣвпоу) наряду со своими обычными функциями. Например, на л. 4^у находим: . . . Лоукавы иѣцъ члвци завистиу пострѣкаемъ . . .; все же вѣдь о оукрѣпляющими; иѣ много паче мльчаниемъ и ѿже вѣдѣ жеце обучениа. . .

Приведенные примеры показывают, что кендема последовательно стоит над стяженными гласными: лоукавы, иѣцъ, вѣдь; над конечным ѿ в род. п. мн. ч.: дѣлъ, доуховъ; над односложными словами под логическим ударением: иѣ, мы, и т. п.

В поучениях св. Феодора Студита и др. Печской патриархии (№ 92, 1360—1370 г.)⁵⁸ первые три писца употребляют знаки ударений спорадически, но в тексте четвертой руки они очень часты. Например, л. 151: . . . ты же чѣо глѣши о сѣбе. Съ же пророка єго проповѣдоуѣт, ёже оубб и вѣнѣхъ бѣше чѣтичиши.

⁵⁷ Д. Вуксан. Рукописи манастира Нѣке . . . , стр. 182, № 105.

⁵⁸ Там же, стр. 185—186, № 110 и 111.

фны же пакы не вѣроууть, яко слѣпоу соущоу цел'боу Хс дарова. Оубб и рдителю єго призываютъ...

Придыхание почти регулярно стоит над начальной гласной; часто и над поствокальной (радостио); иногда над конечной гласной и глухим (радостнѣ, дарь); кавычка встречается и для обозначения мягкости согласной (ївлѣно, за нѣ).

Акут на месте ударенія: Іѡаннъ, вбѣвбоды, соуббтѣ, оученѣкъ, ѿчи; слѣпоу, чѣтичиши, ёдйно; ймъ, ты, ѿнѣхъ, ѿны, ѿнъ, за нѣ; вѣдѣти, покрѣти, фавиты, хощеши, глыши, вѣроууть, не вѣроууще, вѣмъ, ѵсповѣда, быти, бѣше, соущоу, паче, тѣм'же. Перенесенное ударение: ѿци, брѣни, рдителю, соусѣдомъ; проповѣдоут, раздроуашасть, призываютъ, тврѣть, дарова, рдише се, хотеще; множаѣ, хоте, рбженоу; тайну, избѣвлѣни.

Гравис всегда на последнем слоге; в нескольких случаях стоит на месте ударения: цел'боу, никто; в значении кендемы: съ, оубб. Иногда встречается как второй знак вместе с акутом: множаѣ, хотещѣ.

Кендема: а) над односложными словами: нѣ, тѣ, сё, вѣ, тѣ, бѣ; б) над долгим конечным слогом: рбженоу, сиѣ; в) над конечным глухим в род. п. мн. ч.: члкъ; параллельно с этим встречаем и двойной глухой с кавычкой над вторым ь: доушъ, моужъ, женъ.

Схожую систему с обильным употреблением кендемы находим в аскетическом сборнике Печской патриархии (№ 85), написанном около 1370 г.⁵⁹ Например: ѹ не вѣстѣ яко єдинѣ вѣт'ръ ѹще придетѣ низложитѣ ѹ долоу. єдина бо стоитѣ не ѹйтѣ съзвезы ѹнѣхъ стѣнѣ, ни покрова можетъ ктѣ сътворити себѣ ѹт єдиное стѣны, 旂нажен'на бо ѹє⁶⁰ ѿ⁶¹ в'сѣхъ ѹнѣхъ странъ.

Знак придыхания употребляется так же, как в предыдущей рукописи.

Для акута характерно употребление на первом слоге вместе с придыханием: ѹнѣхъ, ѹже, ѿтиде, ѹако, ѹще, соуз ѹ, ѿцъ, оўгод'нъ, 旂нажен'на; редко — в середине слова: помысли (аор.), чесо. Интересно появление акута на конечном слоге: навычѣ, нієй, ѹгодитѣ, без'врѣмен'наго.

Гравис в этом тексте не встретился.

Кендема: а) для обозначения долготы, преимущественно над стяженными гласными: большіхъ, немощ'ніхъ, ѹакъчайшій, приснѣший, боримъ, таковыи, възвѣшающімоу, без'врѣмен'наго, придетѣ; б) над ь в род. п. мн. ч.: стѣнѣ, странѣ; в) над односложными под ударением: ктѣ, съ, сиѣ, нѣ, кѣ, сё, нѣчто, сиѣ.

⁵⁹ Д. Вуксан. Рукописи манастира Пећке..., стр. 178, № 98.

В сборнике поучений Цетинского монастыря (№ 70, 1360—1370 гг.)⁶⁰ знаки ударений встречаются редко, например: и видѣвъ юго старцъ въ бесчестіи, ѿ немъ плака, и рече юмоу. Како фстави честь фноу... Придыхания — нерегулярно. Акут — редко: женоу, Егуптъ, спирьдоу, ноуждны, видѣвъ, хощемъ, и рече; юмоу. Гравис — над последним слогом, а иногда над омегой и в начале слова: фдеждоу, фстави. Кендема — над стяженными (оутѣшаше) и вообще долгими гласными и над односложными словами.

В другом цетинском сборнике поучений (№ 69, 1360—1370 гг.⁶¹) ударения и придыхания употребляются аналогично с предыдущим сборником, например: Сицф ю⁷ ипъст'ви⁸ йноку єлико ю⁷ въ животъ семъ ф⁹ бстрбва въ бстрбвъ прѣходитъ си-рѣчъ ф⁹ разоумъ въ разоумъ, и въ прѣмѣни¹⁰ бстрбвъ рекше разоумовъ дондѣ же възыдеть ф⁹ моръ и къ градоу ѹистин'номоу...

Совершенно тождественная система в Панегирике (сборнике поучений на праздники) Цетиньского монастыря (№ 64) того же периода⁶², например, в житии св. мученика Евстафия: тако та юеста сна юю ... хвалеще Ба ѿ славнѣмъ обрѣтеніи и¹¹ ... праз¹²нство же велико створї Еустаѳије ѿ познанї их... и глеъ похвалнї въсилаше Х¹³оу; обѣть многъ несъ; Елинъ сїй тѣ такожде. лѹчшии всѣ¹⁴ прѣ дрѣвныи¹⁵ юго; и от юлинъ мнози хотѣще видѣти...

Другую картину находим в цетиньской хронике Амартола (№ 83, 1350—1360 г.⁶³). Учитывая, что это одна из древнейших сербских рукописей Амартола и принимая во внимание развитую систему знаков ударений, схожую с Евангелием 1356 г., можно предполагать, что эта рукопись написана на Афоне. Например: Сё ѡзъ възвигну злѣ на те ф¹⁶ дому твоего, и прѣбѣа коблика оуббъ польз'на, скрѣбъ и сѣтобованіе и печаль, и ф¹⁷ сегѡ оуббъ наоучаймъ се. Гонимъ оуббо ф¹⁸ Саула бж¹⁹твьныи съ прѣркъ Двдь, въсакою исправи любомбудріе, и не рѣднємъ оуббъ и печал'ми брации оупрѣжнѧе мысль, по сщен'нъмъ хождапе законбъ, бѣс печалі юже оулочъ малоб, попльзеніе фнѣ постра²⁰. Бы²¹ бѣ рече въ врѣме раз'горѣніа...

⁶⁰ Д. Вуксан. Рукописи Цетињског., стр. 216, № 70; В. Мощин. Ћирилски рукописи Цетињског., № 70, стр. 284.

⁶¹ Д. Вуксан. Рукописи Цетињског., стр. 215—216, № 69; В. Мощин. Ћирилски рукописи Цетињског., № 69.

⁶² Д. Вуксан. Рукописи Цетињског., стр. 214—215, № 64; В. Мощин. Ћирилски рукописи Цетињског., стр. 284, № 69.

⁶³ Д. Вуксан. Рукописи Цетињског., стр. 220, № 83 (с датировкой XV в.); В. Мощин. Ћирилски рукописи Цетињског., № 83; водянные знаки см.: V. Mošin et S. Tgaljić. Filigranes..., N 4348—4352.

Приведенный отрывок вместе со значительными кусками предшествующего и последующего текста при подсчете знаков показали, что отношение примеров с ударениями к неакцентированным словам — 4:3, причем последние охватывают слова под титлом или выносным словом, предлоги, отрицания, возвратное местоимение и неударяемые частицы.

Придыхание регулярно стоит на начальной гласной и обычно — над поствокальной; над глухим в конце слова и иногда в середине (блгочбстю, сбть).

Акут на месте акцента: Адáмъ, Сíёа, Енóсь, моúжь, взráсть, страдáльць, грáдѣ, лбнѣ, дóмоу, мýсль, бráни (род. п. мн. ч.); прáвед'ныи, прáвед'нâа, прóчâа, мнóгомô; малб; ѿ вышніхъ, по сщепнымъ, по семь; вíдѣ (аор.), вíдѣвъ, оўкráшень, оўлоúчъ; іакоже, пâкы, рâди.

Наряду с этими примерами старого ударения, перешедшего в новую акцентацию, большая часть примеров отражает новую систему с перенесенным ударением: Авраамли, Сáоула, нáдежда, нéчаль, прéданіе, смотрениe, побоище, побéдитель, ббгатъст'во, вýны, лýца (род. п. ед. ч.), лéпбтоу, нашъст'віа, жéлапію, побеланію, прбрененію, ражденіем', раз'горѣніа; нольз'на, ббгатаа́го, безакон'нымъ; кóлика, пйкблїже; тóго, ёго; почюдівше се, побéждше; хбждаше, пострада, гбнимъ, проповѣданъ.

Следует отметить появление двух знаков в составных словах, в которых каждая составная часть сохраняет свое ударение. Обращает на себя внимание: бтроби и чéдбмъ, вероятно, отражающие неуверенность писца.

Гравис встретился только раз над союзом бò (вместо кендемы), но несколько раз в середине слова обозначает ударение: Лазáромъ, начéло и чéдбмъ (оба раза после ч); скръбь и мръз'кымъ (оба раза в группе ръ).

Кендема: а) на долгом закрытом слоге: бýвъ, звѣздáмъ, оўзрить; б) над односложными и двусложными словами, особенно местоимениями: сё, съвъ, бô, здё, злâ; фнô, сегô и сёго, йбô, оўбô и оубô.

Трудно определить, где циркумфлекс является знаком ударения, где — знаком придыхания, а где обозначает долготу, так как графически эти знаки смешиваются. Наверно, знак ударения представлен в слове Мфóсею (ср. толкование Константина Философа), а, может быть, и в случаях: лбдіи, соуды и соудіи, нéчалі (наряду с пéчаль), прѣмоудрбмоу и лббомоудріе, рéче (наряду с рéче), йспрâви, жйтъ, боудеть, слвиши, зáкондмъ, нíк'то; на те; оўпрак'нâа, оўчитêла, наоучим' се; знак долготы: прóчâа, прáвед'нâа; вместо кендемы: нб, кб.

Определенную систему знаков ударений показывает и Диоптра Михаила Пселла (св. Троицы в Плевлях, № 72, 1355—

1370 гг.)⁶⁴. Например: Сътвори члка въ ёже ѿблáдати ѹмъ, и др^ттвовати на^х нýмъ іако же волить и хощеть, и ёже къ пýщи въсе вýды прѣуготовавъ, въведéна послѣжди твóрити ѿбѣдника, нѣ и паства прѣвѣю, послѣжде скоти. Отношение акцентованных слов к неакцентованным — приблизительно 3 : 2.

Приыхание дается аналогично с предшествующей рукописью.

Акут стоит на месте ударения: Аристотель, Ўппокrать; стъблъ, паства, ѿбилье, ѿгли, ѿгломъ, вýды, листвиe, плача, пýщи, ѿце, оўчитеle; краcна (им. п. ед. ч. ж. р.), велїкою; ёдино (им. п. ед. ч. ср. р.); ѿлгорѡднѣ, ѿпаснѣ, йстин'но; прѣвѣю (наречия); бубо, сїце; приносити, ѿблáдати, твóрити; ѿйти се, въпрашáешi, ѿсправиши, хощеть, волить, възможешi; можешi; оўщедрїте, ѿставите (имп.), паде, сътвори (аор.); ѿготоvавъ, въведéна; оўслышi (имп.); сéмъ, нýмъ, ѹмъ, свойхъ, чþo.

Гравис всегда на последнем слоге: вънмъ, твоюe, же.

Кендема: тõ, сё, нѣ, бõ, злѣ, здѣ, пакы.

Циркумфлекс на месте акцента — аналогично с предшествующей рукописью: моўдры.

К этому же периоду относится Пролог Радослава Скопчика 1370 г. (Архив ЮАЗУ, IIIб 19)⁶⁵. Вторая часть этого Пролога находится в коллекции Хлудова (№ 188) в Московском Историческом музее. На л. 67^г находим: в'сакымъ бô видомъ прошъи наказаниемъ..., и тóго ради бговидѣниемъ соущи^т на п'рѣстъблъ ѿхиерейский възвѣнь бы^т; т'врьдою моудростию и неоуст'рашно ѿпар'ха ѿужасивъ, и слобеса йзрѣкъ; іако и громомъ оударивъ, и ѿбычнаа оўстав'лениа наказавъ... и в'сакой добродѣтели Х^твоу паствоу наоучивъ къ Гоу ѿтиде. Бѣше же... соухѡнавъ и чрънь въ ѿбрѣзѣ... На л. 81^в: высокий^т горѣ врхбъвы дѣстигъ...

Данный текст ясно обнаруживает какие-то местные черты, в частности особую разновидность орфографической традиции: регулярно употребляется паерок между каждыми двумя соседними согласными; очень часто встречаются двойные гласные, регулярно — в нестыженных формах в прилагательных и глаголах, так же как двойной глухой и в род. п. мн. ч.: женъ, ѿцъ.

Знак приыхания — регулярно над начальной гласной, часто над поствокальной, иногда в комбинации с акутом для обозна-

⁶⁴ В. М о ш и н. Ћирилски рукописи манастира св. Тројице..., стр. 255, № 96 (водяные знаки см. у Мошина и Тралича, № 1980, 3590, 3927, 4317, 4318, 5652, 5931, 5932).

⁶⁵ V. Mošin. Ćirilski rukopisi..., I, № 144; II, № 39.

чения долготы (бýваâхоу); над ь в конце слов (часть и т. п.), а иногда и в середине слова (кýпръскаâ).

Акут на месте ударения: грáдъ, бráка, грóзда, грóмомъ, твóрмъ, фгню, фг'немъ, влáси, кбсти; видóмъ; Ёл'лини, прfстóль, вár'вари, вéн'цъ, пóкой, ёпар'хъ; ёпар'ха; Ішáн'ноу, Ђандриáнь, прéз'вiterб, диаkономъ, бгослóвоу, йкбнобóр'ца (составное слово), лихбáм'це, побéдоносце; бráдоу, глáвы (род. п. ед. ч.), глáвоу, лóза, зéм'ли, гóръ, жéнк, вóдами, бáню, Йринк, бтрóковица, дльгóтоу, йкóнь (род. п. мн. ч.); степéнь, тéплости; моудрость, п'рфмоудрость, моудростию; добродéтель, добродéтели, добр'роддтелию, добродdтелиехъ; юностию, іарфостию; лíце, лíцемъ, блáго, мóре; слóвеса, слóвесех'; лéтэмб; жýтие, вýдфниeмъ. бговидфниeмъ, побечениe, побечениeмъ; Ђан'нинь, сýнадьский, кíп'ръскаâ, пér'сид'скаго; млáдь, нáга, мáлоу, соурóви, блáженый, йнбвfkный; йнбчьский, йнбчьскою, йнбчьствоую; бнь, јéгд, ёмоу, сéгд, тóго, тóмоу, свойма; пéторо, пéтнадесетымъ, фсмынадесетою, оўбити, прогнати, положити, положиш; вýждоу, жýвоу, жýвет'; быти, бýваётъ, бýвъ, бýваâхоу; съвхóдить и съхдещоу; погыбнетъ; дóстиже, покáза (но пбказаше), побвлk; приде, прýиде (но йзыде); хóткше, хóтешомоу; жýвей, оўжасивъ, оўдаривъ, начрýтав'шомоу; съвыше, въмáлk, тóлико, тóг'dа, пótомъ; оўгоднk; п'рьвk; съ миромъ, нá челk, нá оум', нá главоу, съ небесе, пбд нимъ, нá стые-гóр'ци, по посéчени, нá нь.

Приведенные примеры как бы указывают на какую-то особую разговорную среду в рамках сербской редакции. С одной стороны, здесь находим явления чисто сербской акцентуации, как, например, в переносе ударения на предлог; с другой стороны, встречаем чуждое сербскому языку фиксирование ударения на корне, не меняющееся в зависимости от грамматической формы. По-видимому, прозвище писца «Скопчик», указывающее на его происхождение из Скопье (откуда, вероятно, Миханович вместе с Иловичской кормчей вывез и этот пролог), позволяет предполагать в данном явлении результат двухсотлетнего пребывания сербского элемента в Македонии.

Наряду с этим встречаем и много примеров очевидного употребления акута для обозначения долготы: великаóго, ѿштвоваáше, бýваâхоу. Последние примеры, где знак акута является в двух местах на одном слове, несомненно в одном месте указывают на ударение, а в другом — на долготу. Писец и то и другое ощущал как выделение тех или иных слогов путем усиления звука или с помощью долготы и обозначал это общим знаком ударения. Многочисленные примеры несомненного обозначения долготы отдельных слогов позволяют по аналогии с ними в соответствующих позициях трактовать акут как знак долготы и в ряде при-

меров, где рядом с ним мы не встречаем знака удараения. В таких случаях долготу писец чувствовал сильнее, чем ударение, и опускал второе, подобно тому, как обычно опускал обозначение долготы, где она не выделялась отчетливо.

В нескольких случаях появляется и знак двойного акута: тѣзойменитныи, ёгўптьсций, трїдесете, бгооѓод'но, оубѡ.

Гравис регулярно стоит на конечном слоге, часто наряду с акутом, обозначающим ударение: жè, ѹ, єй, ёгò, єгѡ, єгѡ, сéгò, нєгò; сличнагò; жýвей, женò; самѡвлáст'но (составное слово); в середине слова: съхòдешоу — вместо ударения; ѕкроу-жёно.

Кендема: а) над долгими гласными ы, и и др.: м'нихы, м'ногыхъ, съз'рѣвый; Маڇсиймиꙗнѣ, Ѐлеڇан'дръ, Ѐлеڇан'дрии; в словах: фї, двѣ, двѣстѣ, двѣдесетоѣ; злѣ, злочьстиво, злобѣ-совыѣ; десетиоѣ; б) над конечным ь в род. п. мн. ч.: горѣ, стхъ, ст'ранъ, градовъ, слбвесь; в) над односложными словами и краткими мостоимениями: нъ, бѡ, тѣ, тѣ, тѣ, тѣ, тѣ, тѣ, съй, съй, сїа, ѹ, єю, єю, всоѹ, сёмоу, себѣ; ѹбѡ.

С этим памятником сближается Октоих грамматика Синадина (бывшая Белградская Народная библиотека, № 221 (66), относящийся к 1371 г.⁶⁶ На фотоснимке находим: буста затворен'на, дръз'новлениемъ славнимъ, въспоймъ, ємоуже, іакоже тѣбѣ, оутв'рьдиль єси на каменій Хѣ мчнки твої люб'ве.

Приведенные тексты третьей четверти XIV в. свидетельствуют, что знаки ударения, появляющиеся в первой половине этого столетия в сербских рукописях спорадически, в середине XIV в. уже подчиняются определенной системе. При наличии некоторого неединообразия, зависящего от местных традиций и различий в произношении, эта система видна в рукописях, писанных на Афоне, в Печской патриархии, в герцеговинских Плевлях, в черногорском Цетинье. Хиландарское евангелие Дионисия 1356 г. наиболее полно отражает эту систему и заставляет предполагать, что именно сербский Хиландарь представлял главный центр сербской литературной и переводческой деятельности и вместе с тем являлся центром, откуда исходила регламентация сербского правописания. В то время при царе Стефане Душане сербы чрезвычайно усилили свое влияние на Афоне. Сербские монахи стояли не только во главе церковной власти, в качестве афонских протов, но занимали игуменские места и в греческих монастырях, подписываясь по-славянски на греческих документах. Древние греческие акты для представления в сербский трибунал в судебных процессах о границах имений переводятся на сербский язык. В условиях славянских взаимосвязей вопросы реформирования славянского правописания и в рамках

⁶⁶ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение. . . , № 235.

этого регулирования системы надстрочных знаков становятся общим вопросом сербов, болгар и русских. В эти же годы появляются болгарские рукописи с ударениями, так же, как и русские, в частности Евангелие, митрополита Алексея⁶⁷.

* * *

Последняя четверть XIV столетия — это эпоха патриарха Евфимия в Болгарии и его реформы, наложившей свой отпечаток на правописание сербских, румынских, русских рукописей на три столетия. В рамках евфимиевского правописания были регламентированы и правила употребления надстрочных знаков, в частности ударений, отраженные и в «Сказании о письменех» Константина Философа, написанном в последние годы первой четверти XV в. Установленный факт регулирования системы ударения в сербском правописании уже в середине XIV в. чрезвычайно усложняет вопрос о взаимоотношении ресавского и евфимиевского правописания в данной области. С этой точки зрения особый интерес представляют сербские рукописи последней четверти XIV в. Отражают ли они в области знаков ударения уже какое-нибудь влияние евфимиевской реформы или органически продолжают сербскую традицию третьей четверти XIV в.? При этом приходится учитывать явление, обнаруженное нами при анализе Пролога Радослава Скопчика: возможность существования в то время особого типа сербского говора на македонской территории, входившей в состав Сербского государства с конца XIII в. Существенным признаком влияния евфимиевской реформы в сербских текстах ресавского периода следует считать этимологическое употребление ъ в предлогах и корнях слов в противоположность ь на месте редуцированного глухого в конце слов.

Древнейший сербский текст XIV в., где удалось найти употребление ъ, — Афонский служебник, который Карский (см. сн. 48) датирует XIII—XIV вв., но который по правописанию и по палеографическим данным нужно датировать третьей четвертью XIV в.: различие ъ и ь нерегулировано. Вообще же этимологическое употребление ъ в сербских рукописях характерно для третьей четверти XIV в., но редко, а как орфографическая норма указанное различие проводится лишь со второй четверти XV в.: например, в части хиландарского Метафраста (JAZU), написанной около 1430 г.⁶⁸ и позднее.

⁶⁷ В. М о ш и н. Св. патриарх Калист и списка цркви. — «Шеста стогодишињица Српске патријаршије» («Гласник српске православне цркве»), № 9, 1946, стр. 192—206); он же. Светогорски протат. «Starine», № 43, 1951, стр. 91—92; он же. Акти из светогорских архива. «Споменик СКА», 91, 1939, стр. 170—185.

⁶⁸ V. M o š i n. Cirilski rukopisi . . . , II, N 62.

Было изучено нами 26 сербских текстов последней четверти XIV в.; лишь один из них — Грачаницкая минае 1388 г. (собрание Хлудова) — использована по фотоснимку; все остальные — по оригиналам, хранящимся в собраниях Сербской Академии наук, в Старой церкви в Сараеве, в монастырях Печской патриархии, Плевальской св. Троицы, Грачаницы и в Цетињском монастыре. Четыре текста точно датированы записями, остальные — на основании водяных знаков в связи с данными палеографии и правописания.

Как и в рукописях предшествующего периода, система знаков ударения проведена здесь не везде одинаково. Наряду с памятниками, где эти знаки стоят почти на каждом слове, имеются рукописи с редким употреблением ударений, а большинство рукописей отличается несистематичностью в той или иной степени, что находит свое объяснение, с одной стороны, в недостаточной грамотности писца, а с другой стороны — в пережитках местных традиций.

Как пример последовательного употребления знаков ударения нужно привести Хиландарский апостол 1383 г. (в собрании Цетињского монастыря, № 14)⁶⁹. В начале л. 82 находим: Се ты, Іоúдєи, йменоујёши се, й почивајёши на законѣ, и хвалиши се ѿ Бзе, и разоумѣёши вобљу, и йскоушајёши лоуč'шад, наоучајёмеъ ω^x закона, надѣје же се себѣ вож'дь быти слѣпымъ, свѣтъ соушїймъ въ т'мѣ... оўчитель млѣнцемъ, ймоуща бразъ разоума и йстинѣ, ... глеј: не ... скаредоујёй се йдѡль, стаја крадеши.

Знак приданых — в форме дуги, обернутой влево, вверх или вниз, или в виде точки — стоит над начальной и постпозиционной гласной, всего раз над конечным ь — нашъ.

Акут в большинстве примеров стоит на первом слоге, или представляя древнее ударение, или новое — перенесенное: Ѣр'хiereјe, свѣтъ, бразъ, бтрока, съоўзъ, оўчитель, въ ѿци, чйн'ми, Іоудєи, Сіфна, вобљу, йстинѣ, стрáна, йме, оўсты (тв. п. мн. ч.), Ёвреш^м, йдѡль; лоуč'шад, нобоу; ѡлика; йже, ѵаже, ёни, вамъ, симъ, ёго, ёмоу, сеbѣ; союзы ѵжко, јще, ѿбб; быти, рѣше, възвеселит' се, ёси, изволи, ѡблѣпте, ймоуша, ѿмръшејe, съёдинаемај, бутрббоуше (колебание писца) и т. п.

Гравис встречается только в слове *кѣд*.

Кендема: а) над стяженными гласными: придоста, рѣкы, с'творивш, спасенїй, несъливајема, слѣпымъ, в'сачьскы; б) над ь в род. п. мн. ч.: мчнкъ, прѣркъ, йдѡль; в) над местоимениями: ты, вы.

⁶⁹ Д. Вуксан. Рукописи Цетињског. . . , стр. 197, № 14; В. Мощ и Н. Ђирилски рукописи Цетињског. . . , № 14, стр. 281.

В Четвероевангелии монастыря Грачаницы (№ 2, из восьмого десятилетия XIV в.⁷⁰) знаки ударения стоят часто. Например, см. л. 3: Пи^{но} је^с: Не ḥ хлѣбѣ ёдиномъ жи́въ боудеть члѣкъ, нѣ ѿ всакомъ глѣкъ исходещимъ изъ оусть бжїхъ... Аще снѣ ёси бжїки, врѣзи се низъ ... яко ѿгломъ своймъ заповѣтъ ḥ тебѣ съхранити тѣ, и на роукахъ възмоутъ те, да некогдѣ прѣтъкнеши о камень ногы твои... Пакъ поють и діаволь на гороу високоу зѣлѡ...

Придыхание ^и ^ стоит над начальной гласной и последовательно — над поствокальной (показаний, пойми, велико), часто над ы — от вѣдѣ, вльхѣ; над согласными — для обозначения мягкости: на нѣ, царѣ.

Акут — на месте ударения: плѣдь, ѿвѣтъ, гѣлоубъ, діаволь, Ірбѣдъ и Ірдоу, гнѣва, ḥ хлѣбѣ, ѿглы и ѿгломъ; вльсви, на вѣстобѣ, ѿвѣстобѣ, гороу, праѣдou, храминоу, скрѣвища, оусть; перенесенное ударение: єгуптъ, рѣжтва, царѣ, бтроче, бтроче и бтрочети; звѣздѣ и звѣздоу: ѿвѣды, дарѣ, поутемъ, на роукахъ, Сатана; богоизвѣніе, просвѣщеніе; жи́въ, вѣликого, високоу, ёдиномъ, ёдиному; таѣ, томъ, инѣмъ, вамъ, наамъ, юже, своймъ, юмоу, томоу; боуди, приходить, исходещь, исходещимъ, ѹдобше, прїодише, прѣшьдие; вѣдѣ, вѣдѣхъ, вѣдѣше, вѣдѣвше; дамъ (1 л. ед. ч.), ёси, рѣкоу; ізви се (аор.), испыта (аор.), ѿставы (аор.) и ѿстѣви (имп.), врѣзи се (имп.); ствѣрите, испытайте, възвѣстете (имп.); послѣвъ, вѣстѣвъ; принесоше, ѿврѣзаше се, вѣзвѣтише се (!); грѣдующъ и грѣдущаго; съхранити, исплѣнити (!); слоуожахоу — старое ударение с долготой; єзвѣстно, дондѣже, ѹбіе, таѣ, іажко, ѹще, оубѣ, тогда, когда; и сё, вѣ Вуѣле, ѿвакомъ, на нѣ;

Гравис: а) над односложными и многосложными местоимениями с ударением на конечном слоге: мї, тѣ, іє, таѣ ѹѓро, твои; б) в императиве на конечном слоге (їдѣ) и в других словах: зѣлѡ, тогдѣ, пакъ, оубѣ, дарѣ, звѣздѣ (два знака ударения на одном слове в данных случаях, вероятно, указывают на колебание писца между старым и новым ударением).

Кендема: а) для обозначения долготы над стяженными и вообще долгими; б) над односложными словами под логическим ударением: ста, бѣ, тої, тѣ, сё, сїа, ктѣ, нѣ.

Силоаново евангелие Старой церкви в Сараеве (№ 218, конца XIV в., каллиграфического письма с миниатюрами, роскошно орнаментировано⁷¹). Здесь в евангелии от Луки, зач. 66: Глю

⁷⁰ В. Мощин. Рукописи манастира Грачанице. «Старине Косова и Метохије», т. I, Приштина, 1961, стр. 24—25, списка 4а.

⁷¹ В. Мощин и С. Трајић. Ђирилски споменици у Босни и Херцеговини. «Наше старине», т. VI. Сараево, 1959, № 1, стр. 67—68.

вáмъ: ни Сфломóнъ въ всéи слáвѣ своéи облéче се я́ко ёдýнь
ѡт сíх...; Бъ тáко одfеть, кóлми пáче ва мáловѣри. Й вý не ѹщите
что я́сте ѹлї что пиéте, ѹ не възносите се, всѣ бò сíхъ єзыци
мира сего ѹшоутъ... ѹ сию всà прилóжет се вám'.

Акут: глáдь, съвѣть, глаголь, нарфдь, оученикъ, оученици,
оученикомъ, єзыкомъ, єзыци, мáловѣри, настáвниче; Симонъ,
Пéтра, б҃ца, ѿцемъ, лíцемѣри; пра́вды, книгъ, млтýнью, смоков-
ницеу, ловитвоу; вýна, горы (род. п. ед. ч.), слáвѣ, слáвою,
Марія, мѣзы, на нбсѣхъ, невѣрствie, женоу, вýдѣніе, силою;
стáрь, юнь, великъ, широκъ, блаженіи, съвршёны, ииці,
Сифон'скою; єгó, єи, йма, вáше, вáшоу, вáшего, твойхъ, своймъ,
своёю, свойми, никтó; іестъ, іесте; поносеть (3 л. мн. ч.),
насыт' се (3 л. мн. ч.), сиа́еть, исплѣнит се, поса́дить, възносет се,
прилóжет се, исходеть, прославить, боудете, разбристе, вýдѣ,
рече, заключи се, облéче, насади, помаза, въсѣде, нациса,
пойдоста; прохóждаше, хóждаше, позобаше, нoшаше, іадѣхоу,
хотѣаше; люби, радите, разоумѣйте, ѹзгнáти, оуготовати,
займствовати, твóрити, погоубити, сѣати; исцѣле (прич. н. вр.),
исходеще, просещомоу, възрѣвъ, оуэрѣвъ, веден, писано, посланъ.

Двойной акут: тóи, злáа, злб, злѣ (всакъ злѣ глаголь).

Гравис: над односложными: нѣ, бд, є (вин. п. мн. ч.), что,
ю, же, бѣ, вса; над двух- и многосложными: єгó, єю, сию,
ѡнъ, твою, себѣ, сиа, ѹлї, тогда, всегда; роукà, землй, бслѣ,
добрò, женоу, възыдѣ (аор.), връзай (имп.);

Циркумфлекс на месте ударения: мнѣзи, желѣ, добрѣ, нѣ, іа!

Кендема: а) над односложными тѣ, сѣ, тѣ, мы, сё, вѣ, сї,
двѣ, бѣ, где смешивается с грависом, являющимся на тех же
словах; над местоимениями во мн. ч.: тѣи, тїи, сиа; б) в функции
грависа — женї.

В данном памятнике видим последовательное применение
всей системы знаков ударений при некоторой неуверенности
в фиксировании старого и нового ударения и долготы, так же,
как и в различии специфических функций грависа и кендемы.

Четвероевангелие св. Троицы в Плевлях (№ 75, последнее
двадцатилетие XIV в.⁷²), евангелие от Марка, зач. 13: Й вышъ
гла ймъ: Чтò мльвите ѹ плачete се, отроче не оўмрѣть,
нѣ спійтъ. Й рбóгахоу се ємоў... Й вънїде ѹ иже бѣхоу съ нимъ,
ѹ вънїде идeже бѣ отрóквица лежещї, ѹ іемъ за рбóкоу
отрóквицоу, гла єи... Двице, тебѣ глю, въстáни. Й абіе въста
двца ѹ хóждаше, бѣ бѣ лѣтомъ. ВІ. — мъ. Й оужасоше се оужасомъ
веліемъ. Й запрѣти ймъ мнѣ да никтóже оувѣсть сего. И ре
дати єи іасти. Й избѣде оттоудо...

⁷² В. Мопшин. Тирилски рукописи манастира св. Троице..., стр. 239—240, № 10.

Акут: дōмъ, крōвъ, рāбъ, соúдъ, сéтникъ, конéцъ, ёзыкъ, сщéнникомъ, жéно, рбóкоу (вин. п. ед. ч.), въ моúкахъ, знáменіа и знамéніа, мльвоу, лíцемъ, соусéды, пóрфíроу, рбдитела; богатыи, богатаго; ёдýнь, ёдýного; никтóже; іасти;йтý, идеши, идеть, идоутъ; прииде, приидóше; ѹдкашe; идкe; приходеце; принескe, сътворите, молите се (имп.); очистише се, оужáсоше се, възлюбише, въпросише, фвръзбста се (аор.); слышавъ, възвéдъ, възглáшъ, насоúщъ;

Гравис: а) над одно- и двусложными местоимениями: что, кто, мнk, съи, фнò, сià, твоа, тебk; б) над односложными: фи, нъ, бò; в) над глагольными формами: бk, би, просё, послà, оузрk,йтý, особенно в императиве: ѹдй, рьци, приидй, ходй, оставй, възлезй; г) над отдельными словами: съ селà, тогдà.

Кендема: а) для обозначения стяженных и долгих гласных: тоù, съ, нй, нѣкъ; б) над местоимениями: тъ, съ, сè, тъ; иногда вместо грависа: бk, нъ.

Циркумфлекс на месте ударения: мнфго, въ мîръ, възнесбше; вместо грависа: поменй, нб.

В Апостоле Печской патриархии (№ 20, 1370—1380 гг.)⁷³ ударения стоят непоследовательно, например, л. 18v: Съ ѿ⁷⁴ быві въ цркви въ поустыни съ аглфмъ, главшпмъ іемоу въ горѣ Синай ѹ ѿцемъ нашимъ, иже приють словеса жива дати памъ, іего же не въсхотѣше послушати ѿци наши, нъ френоуше и обратише се срѣцемъ своймъ въ Египтъ... Мфиси бѡ съ, иже изведе нась ф землје Ёгиптъскїе. Не вѣмы чтоб бы⁷⁵ іемоу. И тел'ци с'творише въ днi ѿни и възнесоше жрѣт'вуоу ѹдбою...

Акут не стоит над каждым словом, но там, где имеется, обозначает ударение, перенесенное к началу слова, в огромном большинстве случаев — на первом слоге: ѿци, ѿцемъ, словеса (и слово), оученикъ и оученикомъ, въ горѣ; ѿни, іего, іемоу; оумножив'шем се, фставльшемъ, обратише се, оуподобити сë; неоѹгодно.

Гравис как ударение — над долгим слогом: Мfиси, дѡмъ, слово, слѹжити, над нъ вместо кендемы.

Кендема: а) над стяженными и долгими гласными; б) над ь в род. п. мн. ч.; в) над местоимениями под логическим ударением.

Приведенные примеры из текстов св. писания свидетельствуют, что в последней четверти XIV в. в разных краях Сербии система знаков ударения была одна и та же. Что касается места акцента, в ряде случаев видим колебание между старым и новым произ-

⁷³ Д. Вуксан. Рукописи манастира Пећке..., стр. 150—151, № 26; В. Мoshин. Рукописи Пећке..., № 25 (водяные знаки см. у Мoshина и Тралича, № 2447, 5509, 5576, 6044).

ношением, причем старое ударение часто можно объяснить привычными нормами традиционного литургического выговора.

Ту же систему находим в Часослове Печской патриархии (№ 75, 1375—1390 гг.⁷⁴). Например, см. л. 21^в: *ѡ^т ліца гнѣва твоєго и юности твоєї. яко възнесъ низвръже ме. Дниѣ мои яко сѣнь бу́клонишъ се, и ѿль ѹако сѣно ѹыхохъ. Ты же Ги въ вѣки прѣбываюши...; оубоите'се ѹезыци имени Гига...* На л. 235^в: *ѡ^т ѿггль оукрѣпляюши и съмръть желаю. и прѣстоющій и въпиюющій ти...*

В Октоихе монастыря Св. Троицы в Плевлях (№ 97, последней четверти XIV в.⁷⁵) знаки ударения стоят достаточно последовательно. Например, см. л. 11: Стѣны бѣсѣвскыи и храмы разбрісте мѣници болѣзньми же и моужьствоъ... Въпіаше горѣко чѣтаа въскліцающи: Оувѣ мнѣ, како стрѣждеши сне *ѡ^т стрѣтей всѣхъ хотей избавити...; ѹыхыти тѣхъ фзлобленія...; крѣпость наѧ и стѣнь непоколѣбимъ...; мѣслныхъ врагъ плькъ ѿ насъ възбрѣнающи...*

На фотоснимке минеи монастыря Грачаницы 1388 г. из собрания Хлудова⁷⁶ имеется всего 12 строк одного столбца: ... Хѣвы ѿпѣлы. имѣ же мѣръ *ѡ^т листи м'ного обрѣзаніи избавии. яви се прѣмоущіи херѹвымъ прѣпѣтіи. ибо сѣдещаго сімъ на рамо у херѹвымъ и серафімъ. прѣтѣа отрѹвѹице, на роукоу своєю носила єси. и млѣнца млькомъ възойла єси. Ёгоже прилежно мли ѿ наѣ. поюціихъ те Бѣлу въстїноу.*

Акут — на месте ударения: мѣръ, херѹвымъ, серафімъ, на роукоу, м'ного обрѣзаніи, ѿ наѣ; перенесенное ударение — херѹвымъ, отрѹвѹице, єго.

Гравис — в приведенном примере: отрѹвѹице.

Кендема: а) над долгими гласными: м'ного обрѣзаніи, имѣ; б) над возвратным местоимением сѣ в записи: писа сѣ сиа.

Двойной акут — в значении кендемы: сімъ.

Минея за август Цетињского монастыря (№ 36, около 1400 г.)⁷⁷. Например, из службы 26 августа седален: Нечѣтств запаленіе блгочѣтств бротеніемъ оугасиль єси, стрѣтич. съкрѹшеніемъ твоих оудовъ йдблскю крѣпость ѹстьниль єси съпрѣжници обрѣть помѣщникоу къ в'сѣмъ лѣтымъ, м'ниче, опльченіемъ,

⁷⁴ Д. Вуксан. Рукописи манастира Пећке..., стр. 175, № 89; В. Мощин. Рукописи Пећке..., № 85.

⁷⁵ В. Мощин. Ћирилски рукописи манастира св. Троицие..., стр. 249, № 62 (водяные знаки см. у Мощина и Тралича, № 1387, 1857, 2070, 3928).

⁷⁶ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение..., № 236.

⁷⁷ Д. Вуксан. Рукописи Цетињског..., стр. 204, № 36; В. Мощин. Ћирилски рукописи Цетињског..., № 36.

съ вію же въ вишию въсели се прѣтво, Анд'ріа́не крѣпкодшнѣ, Хѣви млы се дароваті се в'сѣмь ч'твѣщимъ тѣ веліа млѣть.

В данном тексте встречаем ъ в предлогах и в середине слова, но непоследовательно. Знаки ударений сходны с другими рукописями.

Июльская миная Плевальской Св. Троицы (№ 57, около 1380 г.)⁷⁸. В службе 13 июля читаем: Съборъ архаггла Гаврїла и памѧт приѣб'нааго бца нашего Стефа Саваитина. Умъ прѣвѣчніи свѣтъ постѣви те в'тории Гаврїле, прѣчестии бж҃тв'ніими просвѣщающа в'соу въсѣленоую, и вѣже фѣка фѣркыивающаа наимъ бж҃твъною и вѣликою вѣстиноу тайствѣ въ ложеснахъ въпльщаюма двѣ скака бѣсплыт'нааго... трѣслнчнаго бж҃тва.

Праздничная миная Печской патриархии (№ 41, 1380—1390 гг.)⁷⁹. Л. 67: Жъзль бж҃твънію сїй съ вѣсѣты іави сё, въ Сіонѣ наимъ посланъ крѣть. прѣблистаю блгѣтию свѣтомъ безмѣрни, на Краинѣвѣ мѣстѣ въсїа нѣни крѣть въ кон'ци, распнышаго сё Ба нашего проповѣдають в'сѣмъ... юмо же покланяюще сё, въспомъ немльч'но, и вѣрою просимъ оумирити миръ и просвѣтии дще наше.

Приыхание здесь дано как дуга кверху или книзу, черточка или как акут на начальной и поствокальной гласной и над конечным ь; над конечной гласной обычно в виде акута (нашего, мировї, сёг҃о; покланяюще сё).

Акут обычно на месте ударения, но не везде; для обозначения долготы: распнышаго сё, вышиаго. Гравис не встречается; вместо него часто стоит знак приыхания или кендема.

Кендема фигурирует особенно часто: а) над стяженными долгими гласными; б) над ь в род. п. мн. ч. и в других случаях над конечным ь: непрѣмѣнъ; в) над конечной гласной в значении грависа: испѣтоите; г) над односложными сї, тъ, нъ, тоу и т. д.; д) в функции паерка: съсѣщна, безлѣтнъ и т. п.

Праздничная миная Печской патриархии (№ 53, 1380—1395 гг.⁸⁰). Л. 189v: Рѣ Даніиль Навъхоносфроу: Ты, прю, вѣдѣаше и сё тѣло єдино вѣлие, обрѣзъ и обличение єго ѣкроулод, прѣдстою прѣ лицемъ твоймъ, и видѣниe єго стрѣшно... ймъ же обрѣзовъ видѣль єси тако фѣрѣ горѣ фѣрѣ се камень безъ роукъ...

⁷⁸ В. Мощин. Кирилски рукописи манастира св. Троице..., стр. 247—248, № 54.

⁷⁹ Д. Вуксан. Рукописи манастира Пећке..., стр. 161—162, № 53 (водянные знаки см. у Мощина и Тралича, № 3766, 3767, 5023, 5024, 5455).

⁸⁰ Д. Вуксан. Рукописи манастира Пећке..., стр. 163, № 57; В. Мощин. Рукописи Пећке..., № 65.

В противоположность приведенным лингвистическим текстам с более или менее фиксированным местом ударения, местами, возможно, и условным, нужно поставить тексты литературного содержания, которые должны были более свободно относиться к традиции и лучше отражать живую речь. Сюда относятся:

Патерик Печской патриархии (№ 96, 1389 г.⁸¹). Знаки ударений встречаются сравнительно редко и непоследовательно, например, л. 16: Й гла юмоу старцъ: Сътвори намъ млтвоу, ѿче. Й ре⁸² юмоу юв'ноухъ: Азъ паче потрѣбоу ймамъ м'ногыхъ молитвы въ ча⁸³ съ. Й гла старцъ юмоу: Хотѣхъ ѿ тебѣ помолити се, ѿще бы⁸⁴ прѣвариль ча⁸⁵ съ...

Цетиньский патерик № 54 писал «грешный Никита» около 1390 г.⁸⁶ Здесь похожее употребление знаков ударения: акут — редко, часто — кендема. Например: Повѣда намъ ав'ва Серапионъ: Соущоу ми въ въноутр'ни поустынъ Ег҃уп'та, глаг., яко въ с'нѣ спещоу ми, идо⁸⁷ къ ѿкоу 'Ішан'ноу, великоу стар'цу. Й прилоучиста се два ѿшыл'ника ѵ благословиста се ѿ него. Рѣсте же: Ав'ва Сѣрапионъ ю⁸⁸ съ. Й ре⁸⁹ юдинъ къ ютеръ: Ей, нѣ выстав'ше благословим' се ѿ него...

Третий патерик — Плевальской Св. Троицы (№ 36, последнего десятилетия XIV в.⁹⁰). Знаки ударений употребляются часто; акут главным образом на месте перенесенного ударения и часто для обозначения долготы: слобѣ, братіе, разбойникомъ и др.; нередко гравис стоит на месте акута; кендема употребляется обычно; циркумфлекс — над долгими гласными: ѿумилив'се, въпросихъ.

Несистематичное употребление знаков ударения находим и в двух книгах Цетиньского пролога (№ 18 и № 26, 1375—1385 гг.)⁹¹. Например, 1 января св. Василия Великого:... нѣ и вѣтха прѣда всакымъ бѣ відо⁹² пропшъ ѵ наказаніемъ, на коемждо дрѣжавъ стѣжавъ, не тобико рѣди стежавъ дѣйствія възраjkавъ мѣдролюбіе. Й тога ради бговидѣніем соуціимъ на прѣстоль архіерейскы възвѣхъ бы⁹³.

В Цетиньском прологе за летиоу половину года (№ 30, 1375—1385 гг.), в которомъ ѿ употребляется сходно правилам ресавской системы, знаки ударений употребляются сходно с предыдущим прологом, но реже^{94а}.

⁸¹ Д. Вуксан. Рукописи манастира Пећке..., стр. 177, № 94 (водяные знаки № 502, 503, 1371, 6661).

⁸² Там же, стр. 162, № 54 (водяные знаки см. у Мошина и Тралича, № 1883, 4240, 6140).

⁸³ В. Мощин. Ћирилски рукописи манастира св. Троице..., стр. 254, № 90.

⁸⁴ Д. Вуксан. Рукописи Цетиньског...., стр. 198, 201 (№ 18 и 26).

^{84а} Там же, стр. 201, № 30 (как и прежние, сшибочно названа «Микей»).

В Прологе Печской патриархии (№ 57, за январь—апрель, из 1390—1400 г.⁸⁵) знаки ударений употребляются систематично. Например, л. 25^у: ... къ ніемоу же въсій прихбждахъ хóтеще съ німъ бывати. Съй пѣкогда скозъ пѣстъню проходе, й змиа веліка! фбрѣть, й тогъ крѣтнімъ знаменіемъ расѣсти се сътвори, й отроче жеждею исчезающе ω^t съмрти ѹзбави, й млитвою источ'никъ вбдъ ѹзвѣде й къ бустомъ єгò принесе...

В эту же категорию литературных текстов следует поставить Амартолову хронику собрания Шафарика в Праге (IX Д 32, из 1389 г.)⁸⁶. Здесь: За τ лѣтъ писца Георгія инока. Адамъ оубѣ по прѣмоудримъ и бжествънімоу и сщенімоу Мѡусею. бывъ лѣтъ. сл. роди Сіеа. и по семь житъ. ф. лѣтъ. и оумрѣть. жиивъ всѣ τ лѣтъ. ц. л. иже глюетъ се пръвѣ въ земли ω^t ніе же възеть бы τ погрести се. Й погребъ єгѡ близъ Іеромъльскыи быти землі єврейское пишетъ прѣдание яко же ре τ Йхуипъ...

В смысле правописания и стиля сходны с рассмотренными канонические и юридические тексты. Таков, например, канонический сборник Цетиньского монастыря (№ 74, 1380—1390 гг.⁸⁷). В чипе « $\ddot{\text{о}}$ глашениѣ малого образа иже єсть мантия»... Прѣщедрыи оубѣ Бѣ и многомлѣтівый, иже прѣчистыи оутрѣбы своєї неислѣдимої блгостію отвръзаиѣ всакому прихбдешомоу к ніемоу желаніемъ и любовио тѣплою, рѣкый, яко забоудеть жена рождениѣ своє, лій азъ забоудоу тебе...

Акут стоит на месте ударения, в основном нового типа; иногда на месте долготы; гравис — на последнем слоге; кандема — над долгими и стяженными, а также над двойными гласными: маляаго, жиивымъ; над односложными: жѣ, лій, всѣ и т. п.

Синодик православия в сборнике Плевальской Св. Троицы (№ 73, 1380—1395 гг.⁸⁸) особенно интересен благодаря редкому употреблению знаков ударений: знаки старого типа, очевидно, перенесены из оригинала первой половины XIV в. Например, л. 6: Раз'боинническоу д'визаше боуроу и метежъ, или телес'на въз'доуха чювьст'ва прѣмѣненіа зіммоу оск'рьб'лающи. Бы τ 8бо и на нас зима не мала, и по истинѣ великий з'лобій из'ливающи соуровьство. Ни процвѣте намъ бжиие блгъти прѣжде сій на на τ , въ нюже и блгодръствъноую о б'лагіихъ Боу с'нидохомъ се сътворити жетвоу.

На против, в «Главизнах о Латинах» Плевальской Св. Троицы

⁸⁵ Д. Вуксан. Рукописи манастира Пећке..., стр. 173, № 86.

⁸⁶ П. А. Лавров. Палеографические снимки..., № 58.

⁸⁷ Д. Вуксан. Рукописи Цетиньског..., стр. 216—217, № 74.

⁸⁸ В. Мощин. Сербская редакция Синодика. «Византийский временнік», т. XVII. М., 1960, стр. 278—348. В. Мощин. Ђирилски рукописи манастира св. Троицце..., стр. 253—254, № 88.

(№ 41, около 1400 г.⁸⁹) знаки ударения очень часты. Интересно, что в основном акут обозначает старое ударение, что, возможно, объясняется многочисленными цитатами из св. писания, сохранившими старую традицию. Например, л. 30:... и пакъ ёкоже ѿтъ ѡгнѧ въживають се свѣтылници мнози и соуть свѣще гореще ѿтъ ёдінаго ютства, ... та́ко и христіане... Христы соуше, и тъ и ти, глятъ бо: сего ради помаза те Ёе Ёь твои, ёлеомъ радости паче причестникъ твойхъ: Хъ бо парече се, ёже ютъ помазанникъ...

Регулярно и систематически расставлены знаки ударений в сборнике полемических и аскетических статей Печской патриархии (№ 83, 1370—1380 гг.)⁹⁰. Например, см. л. 83^v:... тѣ бу́же доколѣ, Ги, не помлоуи́ши; доколѣ, Ги, не мѣстши, доколѣ не прѣзри́ши, доколѣ дльготръи́ши, доколѣ не покажеши, доколѣ не призри́ши, доколѣ не избáвиши; ѿще бѣ и ѿзвѣ недѣстойнъ єсмъ всако..., сїа и таковѣ къ Бѹ прѣрѣкъ ѿунынѣа изглати помышль, оудрѣжа сїебѣ, да не ѻвйтъ се съ Бгомъ...

Менее регулярно ставятся знаки ударений в сборниках поучений. Так, в Панегирике или Четвѣхъ-Минеях за октябрь Цетиньского монастыря (№ 20, 1370—1380 гг.⁹¹) в одной части рукописи ударения почти совсем отсутствуют; в другой части встречаются часто. Например, 12 октября: ... ёгда же и тъ прѣста, Максимъ кнѣзъ ре^т: Како се нарицаеши? ѿвѣщавъ: Аnderбникъ. Кнезъ рече: Всакого оумышленна словесъ избивъ, въсходи послоушати мѣне яко и ѿца... Никоюєже пользы себѣ ствѣриста...

Акут обычно ставится по новому произношению; гравис нам не встретился; кендема — в обычных функциях.

Очень редко встречаются ударения в аскетическом сборнике Печской патриархии (№ 90, 1390—1400 гг.⁹²): И ѿще въ чювьстві днѣ искрѣнѣго въсемь прѣмѣти на^т мним' ... и т. п.

Между тем в Беседах св. отцов Цетиньского монастыря (№ 75, написанном в монастыре Пиве в тех же годах⁹³) знаки ударений расставлены регулярно. Так, в Златоустовом слове о покаянии: ... при^тно бу́бо помыннати ба добро, и зѣлѣ добро. И что бу́бо боудет сего добрѣишее, ѿще бѣ соудѣбъ ёгдѣ память много подае^т оутѣшніе, ёкоже прѣрѣкъ: Поменоухъ соудбы...

⁸⁹ В. М о ш и н. Ђирилски рукописи манастира св. Троице..., стр. 253, № 86.

⁹⁰ Д. В у к с а н. Рукописи манастира Пећке..., стр. 185, № 109.

⁹¹ Д. В у к с а н. Рукописи Цетиньског..., стр. 199, № 20; В. М о ш и н. Ђирилски рукописи Цетињског..., № 20.

⁹² Д. В у к с а н. Рукописи манастира Пећке..., стр. 184—185, № 108.

⁹³ Д. В у к с а н. Рукописи Цетињског..., стр. 217, № 75.

Рядом с акутом, который обозначает ударение и иногда долготу, выделяется частое употребление грависа: а) над односложными: чò, нась, мòи, бò, и т. н.; б) на месте старого ударения на последнем слоге в двусложных: сià, ёгò, сегò, твоё, добрò, зéлѡ; в) как интонация на последнем слоге в двусложных словах при акуте на первом слоге: óубò, ѫестè, ѕрочеё, особенно в императиве — ѡугáсй, Ѣспльни; г) иногда на месте ударения в середине слова: дръзвовлјенiâ; д) в предлоге на конечном ъ — къ.

Наконец, рассмотрим Поучения Иоанна Златоуста (Сербская Академия наук, 88 (62), 1370—1385 гг.)⁹⁴, л. 242: ... Ђаше бо свѣта ѿного споѣши се, сiа ѹзриши, ѻ прѣмѣниши се гѣёны. и чрѣвiа љадовитаго, ѻ скрьжета зоўбнаго, ѻ оузъ болѣз'нъных, ѻ тѣсноти ѻ скрьбы, ѻ т'мы несвѣтлыи, ѻ юже растесаноу бáги, ѻ рѣкы ѿгњиные ѻ клѣты ѻ болѣз'нъных мѣстъ. Ђ ѿтидеши идёже ѿбѣже въсацаа болѣз'и ѻ печаль и въздыханiе, ѻдёже радостi миръ ѻ любовь, и пiща и веселiе... ѻ слава нeизрѣнна... .

Знаки ударений здесь употребляются в согласии с общей схемой.

Приведенные тексты последней четверти XIV в. в сравнении с 28 текстами третьей четверти столетия свидетельствуют, что сербское правописание в данной области представляет непрерывную линию органического развития без каких-либо следов внешнего влияния евфимиевской реформы. Все рукописи данного периода снабжены знаками ударения, хотя и в различной мере и в различной степени систематичности.

Греческие знаки придыхания в различных формах дуги, повернутой вправо или влево, вверх или вниз, не вытесняют вполне старых точек, крючков и черточек, которые исчезают из рукописей лишь со второй четверти XV в. В отдельных текстах можно заметить стремление к спецификации употребления той или другой формы придыхания в зависимости от качества начальной гласной, что впоследствии нашло известное отражение в искусственных правилах Константина Философа.

Знаки ударения целиком заимствованы из греческого правописания: оксия — акут; вария — гравис и периспомена — циркумфлекс, хотя введение двух последних знаков не имело оправдания в специфических свойствах сербской акцентуации и навсегда осталось формальным правилом.

Оксия — акут регулярно ставится над ударяемым слогом, в соответствии с греческим правописанием в начале или в середине

⁹⁴ Ј. Стојановић. Каталог рукописа и старих штампаних књига. Београд, 1901, № 88 (62) — с неточной датой «конец XIV или начало XV в.» (водяные знаки рукописи — в альбоме Мошина и Тралича, № 405, 1854, 3003, 3005, 4738, 5049, 5572 и 5539).

слова, тогда как ударение на последнем слоге не в конце фразы следовало бы обозначать грависом. Практически для сербского языка это не имело значения, поскольку ударения на последнем слоге в конце средневековья на территории, где формировался литературный язык, уже не существовало. Поэтому писцы не считаются в достаточной мере с данным правилом греческого правописания и иногда обозначают традиционное ударение на последнем слоге акутом. Наряду с этим акут появляется и над слогами, очевидно неударяемыми, и в большинстве этих случаев обозначает долготу слога. Это особенно ясно в примерах, где находим по два акута на одном слове.

Вария-гравис по правилу стоит на конечном слоге; в двухсложных и многосложных словах обычно стоит на конечном открытом слоге, часто как второй знак формального значения, тогда как настояще ударение обозначено акутом. Изредка гравис появляется и в середине, и даже в начале слова, по-видимому, в связи с особым характером долгой гласной (ученика). В таких случаях гравис употребляется параллельно с двойной варией или двойной оксией (власти).

Периспомена⁴—циркумфлекс не вошла в систематическое употребление. В текстах, где ее встречаем, она обычно стоит над долгой гласной, особенно над омегой, дублируя гравис и кендему.

Кендема — двойная вария, перешедшая в древности в славянские тексты из греческой эфонетической нотации, находится в сербских текстах до появления греческих просодических знаков. Как это показано, она прежде всего обозначает долготу двойных гласных в стяженной форме. Постоянно употребляется параллельно с двойным ъ над конечным глухим в род. п. мн. ч., где этот глухой, очевидно, еще не потерял фонетического значения, и где в позднейших текстах находим *a*: ученикъ — ученикъ — ученикѣ. Вероятно, в той же связи с процессом вокализации конечного глухого стоит употребление кендемы над конечным ъ в указательных местоимениях съ — съ (сей) и тъ — тъ (сх. тайрус. тот), а также над союзом нѣ (но). Логическое ударение, часто стоящее над этими местоимениями и союзом, вызвало распространение употребления кендемы и над рядом других кратких слов, имеющих значение для смысла фразы. Нельзя не отметить и употребление кендемы в функции паерка, по-видимому, в связи с каким-то ощущением неполной утери фонетического значения в выпавшем глухом. Двойная оксия, обозначая долготу слогов и связанныя функционально с двойной варией, употребляется в текстах неизмеримо реже, чем последняя.

Рассмотренные тексты XIV в., преимущественно из собраний Печской патриархии, Цетинья, герцеговинских Плевлей и афонского Хиландаря, не оставляют впечатления о наличии в тот период особых местных школ с различными системами расстановки надстрочных знаков. Создается впечатление о существова-

нии двух параллельных традиций: реформированного рапского правописания (вне болгарского влияния) и орфографической школы, находившейся под влиянием реформы патриарха Евфимия, — при различной степени последовательности в одной и в другой традициях, что зависело от грамотности писца. Следует отметить, что попытки упорядочить сербское правописание в литературном центре (Манасии) при деспотах Стефане Лазаревиче и Георгии Бранковиче сводились, в основном, к систематическому применению правил, выработанных на Афоне в рамках орфографической реформы середины XIV в. В этом смысле позднейшие тексты говорят о ресавских изводах как об образцовых текстах в отношении правописания и каллиграфии.

Б. Н. ФЛОРИЯ

О «ЛЕТОПИСЦЕ БЫХОВЦА»

Хотя рассматриваемый памятник является одним из первых произведений белорусско-литовского летописания, ставших уже в первой половине XIX в. известным исследователям, он до настоящего времени изучен еще недостаточно¹. Очень сложный состав памятника и дефекты (в частности, отсутствие конца) единственного 'сохранившегося списка, оригинал которого к тому же утрачен, создают большие трудности для работы исследователя.

До сих пор неясна в точности датировка памятника. Поскольку отсутствует конец памятника, невозможно определить, до каких событий доводилось в нем изложение. Можно лишь утверждать, что он сложился уже в XVI в., поскольку последнее из описанных в нем событий относится к 1506 г. *Terminus ante quem* дает сравнение «Летописца Быховца» с «Хроникой» Матея Стрыйковского, напечатанной в 1582 г. в Кенигсберге. Как показано в работах ряда исследователей, в своей «Хронике» Стрыйковский использовал известный ему в большом количестве списков летописный источник, очень близкий к «Летописцу Быховца»². В 70-х годах XVI в., когда Стрыйковский писал свой труд, памятник типа «Летописца Быховца», следовательно, уже существовал³.

Для понимания среды, в которой возник памятник, большое значение имеют наблюдения Н. Н. Улащика над его заключитель-

¹ Интересный очерк открытия, издания и изучения «Летописца Быховца» дан во вступительной статье Н. Н. Улащика к русскому переводу этого источника (см. «Хроника Быховца». Пред., комм. и перевод Н. Н. Улащика. М., 1966, стр. 6—10, 18—24).

² Соотношение между «Летописцем Быховца» и «Хроникой» Стрыйковского подробно рассматривается в работе А. И. Рогова «Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника)». М., 1966, гл. III.

³ К 70-м годам XVI в., судя по данному издателем описанию филиграней, относится и единственный известный нам список «Летописца» (см. «Хроника Быховца», стр. 29).

ной частью (записи второй половины XV—начала XVI в.). Н. Н. Улащик убедительно показал, что составителем этой части текста был православный житель Великого княжества Литовского, приближенный слуцких князей — потомков киевского князя Олелька Владимиевича⁴.

Однако, поскольку состав памятника до сих пор еще достаточно не изучен, неясно, можно относить наблюдения Н. Н. Улащика ко всему памятнику в целом или лишь к одной из его частей.

Выделить в тексте «Летописца Быховца» отдельные разнородные части позволяет произведенное Т. Сушицким текстологическое сопоставление этого памятника с другими произведениями белорусско-литовского летописания.

Т. Сушицкий установил, что по составу использованных источников «Летописец» можно поделить как бы на две части (последние записи «Летописца», связанные с деятельностью Слуцких князей и не имеющие параллелей в других памятниках, он, естественно, не рассматривал). В первой части, охватывающей период до смерти Гедимина, помещена сложная компиляция, состоящая из текстов, извлеченных из Ипатьевской летописи и какой-то белорусско-литовской летописи, близкой к летописи по Евреиновскому списку, но явно более поздней. Начиная со смерти Гедимина, в «Летописце Быховца» отразился текст наиболее раннего памятника белорусско-литовского летописания — «Летописца великих князей Литовских» первой редакции середины XV в. (Супрасльский и Никифоровский списки)⁵.

Текст «Летописца» в списке Быховца осложнен рядом крупных вставок⁶. Одна из них — рассказ о походе Ольгерда на Москву — совпадает с соответствующим рассказом Евреиновского списка и заимствована, несомненно, из того же источника, который отразился в первой части свода. Все остальные вставки, содержащие подробные описания событий второй половины XIV в. и первой половины XV в., никакого соответствия в других летописях не находят.

Поскольку летопись по Евреиновскому списку, отразившаяся в «Летописце Быховца», представляет собой одну из наиболее поздних белорусско-литовских летописей, сложившуюся не ранее 50-х годов XVI в.⁷, то на этом основании Т. Сушицкий датировал «Летописец Быховца» 50—60-ми годами XVI в.⁸

⁴ «Хроника Быховца», стр. 26—28.

⁵ Т. Сушицкий. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури, ч. 1. Київ, 1921, стр. 83 и далее.

⁶ Сопоставление «Летописца Быховца» с «Летописцем великих князей Литовских» см: И. А. Тихомиров. О составе западнорусских летописей. ЖМНП, 1901, март—май.

⁷ Изложение событий в Евреиновском списке доведено до 1548 г.

⁸ Т. Сушицкий. Указ. соч., стр. 99—100.

По отношению к летописной компиляции, помещенной в первой части «Летописца», и по отношению ко всему памятнику в целом⁹ датировку Т. Сушицкого следует считать, по-видимому, правильной.

Со второй частью «Летописца» дело обстоит сложнее. Раннее происхождение использованного в ней источника позволяет ставить вопрос, не являлась ли эта часть свода самостоятельным сочинением, лишь впоследствии соединенным с повествованием о ранней истории Литвы¹⁰.

Тот или иной ответ на этот вопрос можно дать лишь в том случае, если удастся установить, где и когда были сделаны те уникальные вставки, которые читаются в этом варианте «Летописца великих князей Литовских».

Сопоставляя эти вставки между собой, можно констатировать, что большая часть их проникнута одной определенной тенденцией — обосновать древнее происхождение литовской знати и ее превосходство над польской и равноправие Великого княжества Литовского с Польским королевством в рамках объединившей оба эти государства династической унии.

Так, уже в рассказе о последней женитьбе Ягайлы специально указывается, что король от своих первых жен, «ляховицы» и «немки», не имел детей и поэтому пожелал взять новую жену из «поколения русского», и от этого брака у него родились дети, Владислав и Казимир¹¹. В рассказе о Грюнвальдской битве подчеркивается, что всю битву выиграли литовцы, а поляки, за исключением небольшого отряда, «ничего им не помогали, только на то смотрели»¹².

В пересказ акта Городельской унии 1413 г. вставлено отсутствующее в оригинале обязательство поляков избрать на польский престол в случае бездетной смерти Ягайлы одного из сыновей Витовта, чем договору между обоими государствами был придан равноправный характер¹³.

Целый ряд антипольских выпадов встречается и в рассказе о попытке Витовта принять королевский титул. Сама инициатива постановки этого вопроса в «Летописце Быховца» приписывается Ягайле (а не Витовту, как было в действительности). В дальнейшем рассказывается о посещении императором Витовта и Ягайлы в Луцке. Император, желая установить полную дружбу между Литвой и Польшей, предложил якобы, чтобы литовские феодалы

⁹ Наличие вставки из Евреиновского списка во второй части «Летописца» ясно показывает, что этот источник привлекался при составлении свода в целом.

¹⁰ Как известно, именно в этом направлении шла вообще эволюция белорусско-литовского летописания.

¹¹ ПСРЛ, т. XVII, стлб. 518—519.

¹² Там же, стлб. 522—523.

¹³ Там же, т. XVII, стлб. 523—524. Подробнее об этой вставке см.: А. И. Рогов. Указ. соч., стр. 200.

приняли от поляков шляхетские гербы, как те в свое время приняли свои гербы от чехов. Литовские феодалы, однако, заявили императору, что, если поляки были люди незнатные, гербов своих не имели и вынуждены были за большие дары поэтому вышращивать гербы у чехов, то литовские паны — это «старая шляхта римская», которая свои гербы принесла из Рима и в других не нуждается.

Характерно, что, согласно «Летописцу», император полностью согласился с генеалогическими притязаниями литовских феодалов. Хотя литовцы в конце концов приняли польские гербы, но сделали они это, как подчеркивается в «Летописце», лишь по личной просьбе Витовта, чтобы не помешать его коронации. Наконец, в заключение всего этого эпизода сообщается, как поляки отняли у литовских послов королевскую корону, которую папа послал Витовту¹⁴.

Другая тема, которая отчетливо прослеживается во вставках, — это тема принятия и распространения католической религии в Великом княжестве Литовском.

Так, в описание правления Ольгерда вставлен рассказ об основании в Вильне францисканского монастыря, о «мученичестве» его монахов, убитых виленскими горожанами, и о восстановлении монастыря, который стал «первым клаштором христианского римского закону» в Великом княжестве Литовском¹⁵. Далее находим подробный рассказ о принятии католичества Литвой при Ягайле, в котором особо говорится об основании Ягайлой костела св. Станислава и епископской кафедры в Вильно¹⁶. В рассказе о присоединении Жемайтии к Великому княжеству Литовскому также особо говорится, что Витовт обратил жемайтов в католическую веру, основал костел св. Петра в Медниках и епископскую кафедру, поэтому в «Летописце» он даже назван «вторым апостолом божиим»¹⁷. Эти особенности вставок наиболее ярко выступают на фоне текста ранней редакции «Летописца великих князей Литовских», в которой вероисповедные вопросы почти вовсе не затрагивались.

Отмеченные черты позволяют утверждать, что вставки возникли в среде католической части литовской знати, стремившейся защитить права Великого княжества Литовского от притязаний Короны. Этим, однако, отнюдь не решается вопрос о времени появления этих вставок, так как сепаратистские идеи постоянно пользовались большой популярностью среди литовской знати (как католической, так и православной) на протяжении и XV, и XVI вв. Вместе с тем очевидно, что эти вставки не могли быть

¹⁴ НСРЛ, т. XVII, стлб. 525—528.

¹⁵ Там же, стлб. 497—498 и 500.

¹⁶ Там же, стлб. 506—510.

¹⁷ Там же, стлб. 524.

сделаны православным приближенным слуцких князей, а были внесены в «Летописец великих князей Литовских» либо до, либо после того, как этот «Летописец» был продолжен в конце XV—начале XVI в. летописными записями, сделанными при дворе Олельковичей.

Установить возможное время появления этих вставок позволяет одно обстоятельство, на которое в свое время обратил внимание М. К. Любавский. Отметив тенденциозность высказываний «Полной литовской летописи», как он называл «Летописец Быховца», исследователь указывал, что, «по некоторым данным, она составлена лицом, близким к Гаштольдам», и поэтому уделяет мало внимания истории других фамилий литовской знати. «Впрочем, обо всем этом, — писал М. К. Любавский, — подробнее надеемся сказать в другом месте»¹⁸. На эту интересовавшую его тему М. К. Любавскому написать, к сожалению, по-видимому, ничего не удалось. Между тем изучение «Летописца Быховца» полностью подтверждает его тезис о том, что в тексте этого памятника нашли свое отражение интересы рода Гаштольдов — одной из самых крупных фамилий литовской знати.

Действительно, уже в первой вставке — легенде о «мученичестве» францисканцев в Вильно — особо подчеркивается важная роль, которую сыграл в этих событиях Гаштольд Гаштольдович, приближенный Ольгерда. Еще будучи наместником Каменца-Подольского, он принял католичество под именем Петра. Затем, когда Гаштольд стал виленским воеводой, он пригласил в Вильно францисканских монахов и основал для них монастырь на своем дворе. Гаштольдом же этот монастырь был восстановлен после мученической смерти францисканцев.

«И тот Петр Гаштольт найпервой принял веру римскую и до Литвы принес»¹⁹, — подытоживает «Летописец» заслуги этого литовского магната в деле христианизации Великого княжества. Однако, как установилпольский исследователь Вл. Семкович²⁰, хотя рассказ о мученичестве францисканцев известен уже источникам ХІV в., Гаштольды в нем не упоминаются. Основателем монастыря, как видно из привилея короля Сигизмунда (Зигмунта) I, был войт немецкой общины в Вильно Ганулон.

¹⁸ М. К. Любавский. Литовско-русский сейм. М., 1900, стр. 127.

¹⁹ ПСРЛ, т. XVII, стлб. 498.

²⁰ W. Semkowicz. O litewskich rodach bojarskich zbratanych z szlachtą polską w Horodle 1413. Rod Awdańców (Gasztoldów). «Rocznik Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie», t. VI. Kraków, 1923, стр. 117—118. Характерно, что в XV в. Гаштольды были тесно связаны с францисканцами. В 1468 г. один из них дал францисканскому монастырю в Вильно право сбора доходов со своего села Ольшова (там же, стр. 118). Дочь Яна Гаштольда Александра была послушницей этого же монастыря; в «Помяннике» виленских францисканцев XV в. записаны несколько представителей рода Гаштольдов (там же, стр. 123).

Перед нами, таким образом, типичная генеалогическая легенда, возвеличивавшая роль Гаштольдов в распространении католичества в Литве.

В рассказе о принятии Литвой католичества особо подчеркивается большая роль, которую сыграла при этом некая польская панна из герба «Хабданку», т. е., по-видимому, из известного польского рода Авданцев, герб какового Гаштольды приняли в 1413 г. на Городельском сейме и к которому, возможно, принадлежали по женской линии²¹.

В рассказе о Грюнвальдской битве также находим сообщение, что после того, как польский гетман Сокол Чех и литовский князь Иван Жедевид погибли в ямах, вырытых крестоносцами, литовскую армию возглавил «дворный» гетман Ян Гаштольд²². Между тем, не говоря уже о том, что чешский рыцарь Сокол умер уже после Грюнвальда, совершенно невероятно, чтобы такой молодой и не занимавший видного поста человек, как Ян Гаштольд (умер в 1458 г.), мог возглавить в Грюнвальдской битве литовское войско. Еще в 1421 г. он занимал скромный пост наместника Дорсунишской волости, в перечне литовских панов, присутствовавших в том же году при заключении договора с орденом, его имя стоит на одном из последних мест²³.

Таким образом, и в данном случае мы имеем дело с легендой, возвеличивающей род Гаштольдов. Такое внимание к этому роду позволяет связать с разобранными вставками обширный текст «Летописца Быховца», описывающий политическую борьбу в Великом княжестве Литовском в 40-х и начале 50-х годов XV в. после убийства великого князя Сигизмунда Кейстутовича. В этом тексте постоянно подчеркивается и выделяется роль Яна Гаштольда в происходящих событиях. В рассказе аккуратно отмечается возвышение Гаштольда: назначение его «дядькой» малолетнего Казимира Ягеллончика, затем троцким воеводой, потом — виленским²⁴. Особенно подробно перечисляются заслуги Яна Гаштольда перед великим князем (затем королем) Казимиром: Гаштольд был инициатором съезда панов в Гольшанах, на котором была выдвинута кандидатура Казимира на великолепный литовский стол²⁵, он возглавлял походы против Михаила Сигизмундовича и его сторонников на Мельник и Дорогичин, а затем на Киев²⁶, вернув эти города Великому княжеству. Подробно рассказывается также о том, как Ян Гаштольд и его сын Андрей спасли Казимира от покушения сторонников Сигизмунда Кейстутовича, и о том, как благодаря мудрым советам

²¹ W. Semkowicz. Указ соч., стр. 118.

²² ПСРЛ, т. XVII, стлб. 522.

²³ М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 55.

²⁴ ПСРЛ, т. XVII, стлб. 537, 542.

²⁵ Там же, стлб. 535.

²⁶ Там же, стлб. 537, 542.

Яна Гаштольда было прекращено восстание в Жемайтии²⁷. Встречаются в этом рассказе и характерные для вставок антипольские выпады: в записи о Парчовском съезде польских и литовских панов в 1453 г. говорится, что поляки хотели перебить литовских панов и присоединить Великое княжество к Короне и лишь случайно их злодейский замысел стал известен Яну Гаштольду и старосте жмудскому Кезгайлу²⁸.

Этот текст и «вставки», очевидно, следует рассматривать как одно целое: вставки играют как бы роль пролога к рассказу о политической деятельности Яна Гаштольда.

Прослеженная выше связь «вставок», с интересами рода Гаштольдов позволяет сделать принципиально важный вывод. Поскольку последний представитель этого рода — Станислав Альбрехтович умер в 1542 г.²⁹, то вставки, прославляющие его род, могли быть сделаны только ранее и, следовательно, до составления «Летописца Быховца» в целом (50—60-е годы XVI в.).

Тем самым тезис о самостоятельном существовании особого источника, предшествовавшего «Летописцу Быховца», получает еще одно убедительное подтверждение.

Судя по антипольской политической тенденции «вставок», можно было бы предполагать, что они были внесены в летопись по инициативе Альбрехта Мартиновича Гаштольда, явившегося в 20—30-х годах XVI в. воцдем литовских сенатористов. Но принятию такого предположения препятствует то обстоятельство, что в записях «Летописца Быховца» второй половины XV—начала XVI в. нет никаких упоминаний о Гаштольдах, между тем, если бы над летописным текстом во второй четверти XVI в. производилась соответствующая работа, то она должна была бы больше всего отразиться на последней, наиболее близкой к современности части текста. Но этого нет. Кроме того, судя по всему, в «Летописце Быховца», в том месте, где при описании событий начала 70-х годов в сохранившемся списке были утрачены листы, читался рассказ о том, как после смерти киевского князя Семена Олельковича в 1471 г. Казимир IV ликвидировал Киевское княжество и послал воеводой в Киев пана Мартина Гаштольда. Киевляне, однако, отказались принять его и добивались у Казимира, чтобы Киев был передан брату покойного Михаилу Олельковичу или какому-либо другому князю греческой или даже римской веры, а не Гаштольду, не являвшемуся князем, и Гаштольд был водворен в Киеве с помощью вооруженной силы³⁰. Этот рассказ, внесенный в летопись, несомненно, по инициативе князей Слуцких —

²⁷ Там же, стлб. 538.

²⁸ Там же, стлб. 544—545.

²⁹ W. P o c i e c h a. Gasztold Stanisław. «Polski słownik biograficzny» Kraków, 1949, str. 303.

³⁰ M. S t r y j k o w s k i. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi, t. II. Warszawa, 1846, str. 272.

потомков Семена Олельковича, лишившихся своей вотчины, был явно направлен против короля и Мартина Гаштольда. Если бы вставки делались по инициативе сына Мартина, Альбрехта, то этот рассказ был бы исключен. Этого, по-видимому, также не было.

Все это заставляет принять другое решение вопроса и предполагать, что вставки в «Летописец великих князей Литовских» были сделаны до того, как Слуцкие князья пополнили его своими записями. Вставки, следовательно, были сделаны где-то в середине XV в., в период острой политической борьбы между Польшей и Литвой.

Несмотря на существование между ними династической унии, интересы Польши и Великого княжества Литовского резко сталкивались по целому ряду вопросов. Главным из них был вопрос о правах на Волынь и Подолию и о государственном суверенитете Великого княжества. Попытки литовских феодалов окончательно утвердить за собой спорные территории и добиться признания полной юридической самостоятельности своего государства наталкивались на резкое сопротивление поляков. Парчовский съезд 1453 г. не привел к каким-либо результатам.

Начиная с 1454 г., когда Польша вступила в войну с Тевтонским орденом и ее внешнеполитическая активность на востоке упала, резко усилилась сепаратистская деятельность литовских феодалов.

Уже под 1455 г. современник событий Дlugosz отмечает, что всю весну Казимир провел в Литве, где «усмирил тамошние беспорядки, поднятые Гаштольдом»³¹. В чем заключались эти «беспорядки», можно узнать из записи Дlugosza под следующим, 1456 г., о литовском посольстве к Казимиру. Литовские послы требовали, чтобы король вернулся в Литву и передал Великому княжеству Подолию, как он обязался это сделать перед коронацией. Недовольство литовских феодалов политикой короля было очень значительным. Однако среди них, как подчеркивает Dlugosz, не было единства. Если одна часть литовских феодалов сохраняла лояльность по отношению к королю и на более решительные действия не шла, то другая часть, во главе которой стоял Ян Гаштольд, угрожала избрать новым правителем Литвы киевского князя Семена Олельковича, зятя Гаштольда³². Эта часть литовских феодалов была готова, следовательно, на самые решительные действия, вплоть до разрыва династической унии, если король не удовлетворил бы ее требования.

Отсутствие среди литовских феодалов единства во многом определило дальнейший ход событий. Когда зимой 1457 г. Кази-

³¹ «Jana Długosza kanonika krakowskiego dziejów polskich ksiąg dwanaście» (далее: Długosz), t. V, ks. XII. Kraków, 1870, стр. 184.

³² Długosz, t. V, стр. 212.

мир IV прибыл в Литву, созвал сейм в Вильне и на нем стал резко упрекать литовских феодалов в измене, литовские паны не решились выступить против короля, объявив одного Гаштольда виновным в происшедших событиях³³. Вскоре после этого Ян Гаштольд умер³⁴. Выдвинутая им программа действий продолжала, однако, оставаться актуальной и популярной среди господствующего класса Великого княжества и в последующие годы. Характерно, что на сейме 1461 г. литовские феодалы единогласно (*uniformi sententia*) просили Казимира либо постоянно пребывать в Литве, либо поставить «великим князем» Семена Олельковича (как ранее Ягайло Витовта)³⁵. Лишь удачное окончание войны Польши с Орденом временно разрядило напряженность в литовско-польских отношениях.

В обстановке политической борьбы 50—60-х годов появление такого памятника, в котором, с одной стороны, обосновывались самостоятельность Великого княжества Литовского и древнее происхождение литовской знати, а с другой стороны, особо выделялись и подчеркивались заслуги представителей рода Гаштольдов, в особенности виленского воеводы Яна, являвшегося руководителем литовских феодалов в борьбе за самостоятельность Великого княжества, является вполне естественным. Ход политической борьбы в эти годы хорошо объясняет также, почему летописец, созданный в кругах близких к Гаштольдам, попал в распоряжение Олельковичей. В 50—60-х годах они были связаны родственными узами и боролись за общие политические цели. С 1471 г., после посылки в Киев Мартина Гаштольда, этим дружеским отношениям, по-видимому, пришел конец.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что в основе «Летописца Быховца» лежит «Летописец великих князей Литовских» редакции 40-х годов XV в., осложненный вставками, внесенными в него в конце 50-х—начале 60-х годов, в кругах, близких к роду Гаштольдов, и продолженный затем летописными записями второй половины XV—начала XVI в., сделанными при дворе Слуцких князей.

Вопрос о том, где и когда этот источник был соединен со сложной комиляцией о начальной истории Литвы, образовав тем самым «Летописец Быховца» в его нынешнем виде, должен быть предметом особого исследования. В заключение следует заметить, что

³³ Długosz, t. V, стр. 223. Вероятно, именно тогда Казимир IV конфисковал центр владений Яна Гаштольда — Гераноны, возвращенные его сыну Мартину Яновичу лишь после смерти короля (W. Semkowicz. Указ. соч., стр. 126).

³⁴ Краткая запись о смерти Гаштольда имеется в «Летописце Быховца» (ПСРЛ, т. XVII, стлб. 549). Там она помещена среди таких же коротких записей о смерти различных членов семьи Олельковичей: Олелька (6963 г.), его жены Анастасии (6978 г.), сына Семена (6979 г.). Возможно, что эта запись сделана уже летописцем Олельковичей.

³⁵ Długosz, t. V, стр. 294.

«Летописец Быховца» был, по-видимому, не единственным памятником белорусско-литовского летописания, в котором отразились интересы рода Гаштольдов.

Известно, что «Летописец великих князей Литовских» был впоследствии дополнен рассказом о так называемом «мифологическом» периоде истории Литвы. Во всех списках и редакциях белорусско-литовских летописей, содержащих данное повествование, имеются сообщения о том, что «найстаршим» гетманом Гедимина был Гаштольд. Основав Вильно, Гедимин сделал его первым виленским воеводой. Гаштольд, как специально указывается в летописи, был из рода Колюмнов, к которому принадлежали и сами литовские великие князья³⁶. Если учесть, что во всем рассказе о княжении Гедимина ни разу не упоминается кто-либо из его приближенных, то представляется возможность поставить следующий вопрос: не сыграли ли свою роль при сложении этого интересного памятника с характерной для него легендой о римском происхождении литовцев интересы мощного магнатского рода Гаштольдов, упорно боровшегося за самостоятельность Великого княжества Литовского.

---

³⁶ ПСРЛ, т. XVII, стлб. 257, 261—262, 310, 314, 372, 375, 437, 440, 491, 494.

А. И. РОГОВ

СТРЫЙКОВСКИЙ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

«Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» Мацея Стрыйковского была в XVII в. одним из самых популярных зарубежных исторических трудов на Украине и в России. Никакое другое сочинение не оказало столь заметного влияния на все развитие украинской историографии XVII в.¹, не привлекало в такой степени внимания русских переводчиков того времени (только с 1668 по 1692 г. они обращались к «Хронике» 4 раза)². До нас дошло около 30 списков переводов как всего памятника, так и отдельных его глав. Русские исторические сочинения XVII в. также сохранили заметные следы по меньшей мере знакомства их авторов с сочинением Стрыйковского. Написанная на основе огромного количества самых разнообразных источников, как письменных (русских, польских, белорусских, украинских, литовских, западноевропейских и восточных), так и устных, археологических, оживленная множеством автобиографических воспоминаний автора, «Хроника» Стрыйковского воспринималась как ценный источник по истории Восточной Европы, и особенно России, Украины, Белоруссии и Литвы. В то же время «Хроника» представляла несомненное достижение польской историографии эпохи Возрождения по методу (элементы критики источников, сопоставление их между собой) и самой манере изложения, которой следовал не один русский и украинский историк XVII столетия. Русских и украинских историков привлекала и та неизменная симпатия к Руси, которой проникнуты многие страницы труда Стрыйковского.

Русская историография первой половины XVIII в. сделала значительный шаг вперед по сравнению с историографией предшествующего столетия. Историки стали искать объяснение историческим событиям в их связи, все в большей мере оставляя

¹ A. Rogow. Maciej Stryjkowski i historiografia ukraińska XVII w. «Slavia orientalis», rocz. XIV (1965), N 3, str. 311—329.

² А. И. Рогов. Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского. «Археографический ежегодник за 1962 г.». М., 1963, стр. 206—214.

провиденциалистскую точку зрения на ход развития исторического процесса. Следствием этого было последовательное применение исторической критики, привлечение более широкого круга источников, учет достижений западноевропейской науки в области всеобщей истории³. Среди важнейших источников и памятников зарубежной историографии, полученных в наследство от XVII в., этим новым требованиям русской историографии первой половины XVIII в. в значительной мере отвечала именно «Хроника» Стрыйковского. Ее источниковедческая ценность была отмечена еще историками XVII в. В XVIII столетии Стрыйковский не мог не обратить на себя внимания русских историков своим эмпиризмом, стремлением найти рационально-логическую мотивировку в объяснении описываемых событий, наконец, тем, что церковно-религиозную точку зрения на исторический процесс в его сочинении заменили государственно-национальные интересы⁴. Вот почему в первой половине XVIII в. интерес русской историографии к «Хронике» Стрыйковского продолжает сохраняться. Это видно из рассмотрения таких важнейших трудов историков этого периода, как «Ядро российской истории» А. И. Манкиева и «Российская история» В. Н. Татищева.

«Ядро российской истории» было написано в 1715 г. секретарем русского посольства в Швеции, пробывшим многие годы в шведском пленау, А. И. Манкиевым. Г. Ф. Миллер, издавший в 1770 г. «Ядро Российской истории», ошибочно приписал его князю Хилкову. Сочинение Манкиева получило высокую оценку в трудах, посвященных русской историографии⁵. Исследователями отмечается новый подход Манкиева к вопросам периодизации русской истории, определенная критика источников, элементы рационализма, стремление представить события русской истории на фоне всеобщей истории. Что же касается источников, использованных Манкиевым, то этому уделено недостаточно внимания. Правда, уже С. М. Соловьев указал, что основным (почти исключительным) источником Манкиеву служил Стрыйковский⁶. С. Л. Пештич, отмечая использование Манкиевым труда Стрыйковского, более склонен видеть основной источник Манкиева в «Кройнике» Фео-

³ М. Н. Тихомиров. Развитие исторических знаний в России периода дворянской империи первой половины XVIII в. В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 178.

⁴ Этим важным особенностям «Хроники» посвящена специальная статья литовского историка В. Заборскайтэ. См.: V. Zaborinskaitė. Renesanso kultūros apraiškos M. Strijkovskio «Kronikoje». «Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai», 2 (19), 1965, стр. 73—89.

⁵ Первым высоко оценил «Ядро» С. М. Соловьев («Писатели русской истории XVIII в.». В кн.: «Собр. соч. С. М. Соловьева». СПб., б. г., стр. 1317, 1328). Из последних трудов см.: «Очерки по истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 172—175; Л. В. Чепенин. Русская историография. Курс лекций. М., 1957, стр. 141—146; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, стр. 105—107.

⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 1322.

досия Сафоновича, через которую, а не непосредственно, Манкиев пользовался и известиями Стрыйковского⁷. В подтверждение своей мысли Пештич приводит пример текстуального совпадения некоторых мест «Ядра» с «Кройникой» Сафоновича.

С мнением Пештича можно было бы согласиться, если бы все случаи обращения Манкиева к Стрыйковскому не выходили за пределы использования Стрыйковского Сафоновичем и при этом в сочинении Манкиева имелись бы какие-либо известия или особые редакции известий, являющиеся спецификой «Кройники» Сафоновича. В противном случае никакая текстуальная близость не может служить доказательством и легко может объясняться передачей обоими авторами текста общего источника, а именно «Хроники» Стрыйковского.

Конечно, нельзя отрицать, что Манкиев был знаком с «Кройникой» Сафоновича. Приведенный С. Л. Пештичем пример совпадения текстов того и другого сочинения (объяснение, почему русские не сохранили письменных свидетельств об именах древнерусских князей) убедительно показывает это. Известно даже, каким списком пользовался Манкиев (этот список хранится в Ветеросской библиотеке в Швеции). И все же едва ли можно считать, что Сафонович, а не Стрыйковский был для Манкиева более важным, определяющим источником. Это видно уже хотя бы из того, что у Манкиева больше, чем у Сафоновича, ссылок на других авторов, упоминаемых Стрыйковским. Характерно в этом отношении, что Манкиев повторяет за Стрыйковским (и именно в такой же форме, как он) ссылки на литовские и русские летописи при упоминании о Палемонте: «все летописцы русские и литовские, хотя бы их кто тысячу одни с другими свести хотел, объявляют»⁸. В рассказе о Холопьем городке ссылка также дословно взята из Стрыйковского: «В старых русских летописцах видим писано и Герберштейн на листе 75»⁹.

У Стрыйковского Манкиев заимствует не только факты и ссылки на третьих авторов, но и оценки некоторых исторических деятелей. Иван III охарактеризован Манкиевым по Стрыйковскому (Стрыйковский заимствует оценку у Кромера).

Манкиев

...с великим оным Владимиром Святославичем, всея России монархом, по справедливости сравниться достоин, зане из-под неволи и ига татарского, под которым прежние русские князи стенали, себя и Русь

Стрыйковский

...был счастливейшим монархом после Владимира по сравнению с другими, ибо из татарской неволи, которую его предки издавна терпели, их освободил своим старанием и покорил самих татар несколько орд;

⁷ С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 107.

⁸ А. Манкиев. Ядро российской истории. М., 1770, стр. 32.

⁹ Там же, стр. 60; ср. M. S t r y j k o w s k i. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846, т. II, стр. 130 (далее: S t r y j k o w s k i).

всю, попечением и промыслом своим высвободил, а воздаятельно Золотую Орду под свою послушание покорил, Казань, Пермь, Лаппонию, Югорию, Болгары на Волге, заволжские страны на восток солнца, даже до моря Хвалынского себе часть под послушание, часть — под власть привел, с шведами, а особенно с лифляндцами и финами щастливую войну вел, от Литовского княжества 70 городов великих и малых возвратил под Русскую державу и завоевал Великий Новгород и прочия русских княжения в одно монархии Российской тело.

(Манкиев, стр. 180—181)

Сопоставив эти две оценки, трудно согласиться с С. Л. Пештичем, который, ставя в заслугу Манкиеву «четкость характеристики отдельных событий и целых эпох», в качестве примера предлагает блестящую характеристику именно деятельности Ивана III¹⁰.

Оценка деятельности Ивана III в полном соответствии со Стрыйковским содержится и в труде Сафоновича, однако в ней имеются некоторые сокращения, не отразившиеся в сочинении Манкиева, что свидетельствует об использовании Манкиевым самой «Хроники» Стрыйковского. К названным сокращениям относятся: 1) упоминание о том, что Иван III часть татар полностью покорил, а часть обложил данью; 2) указание, что Иван III отнял у Литвы 70 городов, больших и малых¹¹.

Уже вне всякой связи с Сафоновичем находятся и те многочисленные случаи в труде Манкиева, когда он обращается к Стрыйковскому по поводу событий русско-литовских войн конца XV—XVI в. (битва под Оршей¹², отъезд из Литвы в Москву Симеона Бельского и Ивана Лядского¹³) или московских событий (например, набег на Москву крымских татар в 1571 г.¹⁴, о которых Феодосий Сафонович не упоминает).

А. И. Манкиев перенял у Стрыйковского в какой-то мере и сам метод изложения. Как и Стрыйковский, Манкиев всюду, где возможно, дает описание исторических достопримечательностей;

¹⁰ С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 109.

¹¹ Ср. приведенные тексты с соответствующим местом в «Кройнике» Сафоновича (ЦГАДА, ф. 181, № 93, лл. 162 об.—163 и 163 об.—164).

¹² Ср. А. Манкиев. Указ. соч., стр. 60, и Strujkowski, II, стр. 378—384.

¹³ Ср. А. Манкиев. Указ. соч., стр. 188—189, и Strujkowski, I, стр. 398.

¹⁴ Ср. А. Манкиев. Указ. соч., стр. 199, и Strujkowski, II, стр. 419.

Казанские, Пермские, Сибирские, Ляпонские, Угорские, откуда венгры вышли, и Болгарские, Астраханские, Заволжские земли в Азии на восток, вплоть до Каспийского моря, по-московски называемого Хвалынским, часть обложил данью, а частью покорил; со шведами, лифляндами и финами счастливо вел войны; у Литовского княжества отнял 70 замков и городов с Великим Новгородом отнял и был страшен все соседним народам; в Москве запретил пьянство.

(Strujkowski, т. II, стр. 323)

например, сигтуных врат в Новгороде¹⁵, новгородских свечей с надписями, виденных им «в деревне графа Пиура, зовомой Эгшию, 2 мили от Вестерова, в церкви тамошней . . . в году от р. х. 1714»¹⁶.

У Манкиева видим и такой характерный для Стрыйковского прием изложения, как включение родословных материалов при упоминании родоначальника одной или нескольких фамилий: например, о происхождении от смоленского князя Ростислава Мстиславовича ярославских князей, а от них Троекуровых, Курбских, Романовичей, Шестуновых и т. д.¹⁷, или о происхождении от смоленских князей Жижемских, Дашковых, Порховских и Кропоткиных¹⁸.

Все вышесказанное, однако, не означает, что Манкиев лишь пассивно воспроизводил в тех или иных случаях текст Стрыйковского, без всякого активного, творческого отношения к нему. Чрезвычайно характерна в этом отношении та незначительная, но очень важная поправка, которую Манкиев делает в вышеприведенном тексте Стрыйковского, посвященном характеристике Ивана III. Если для Стрыйковского присоединение Новгорода к Москве было «отнятием» его от Литовского княжества, то Манкиев, точно воспроизводя во всем остальном текст Стрыйковского, расценил это событие как собирание русских земель в «одно монархии Российской тело».

Далее Манкиев, в противоположность Стрыйковскому, считал, что не литовские князья являлись родоначальниками полоцких (а это один из существенных моментов в «Хронике» Стрыйковского), а наоборот, литовские князья Тройден и Миндовг происходят от полоцких, он даже в соответствующем месте помещает подзаголовок «Литовские князи от полоцких»¹⁹.

Каменец-Подольский, по Манкиеву, основан сыном Даниила Галицкого Романом Даниловичем, а о Кориатовичах — строителях Каменца, согласно Стрыйковскому, Манкиев вообще не упоминает²⁰.

Битву под Оршей Манкиев не считает, как Стрыйковский, поражением русских войск, хотя Стрыйковский и был одним из источников Манкиева в этой части его сочинения. «На обе стороны сомнительное было преодоление, зане ни та, ни другая сторона победу не выиграла», — считает Манкиев²¹.

О взятии русскими войсками Полоцка Манкиев пишет по Стрыйковскому, но по поводу убийства бернардинцев делает

¹⁵ А. Манкиев. Указ. соч., стр. 16.

¹⁶ Там же, стр. 296.

¹⁷ Там же, стр. 89.

¹⁸ Там же, стр. 87.

¹⁹ А. Манкиев. Указ. соч., стр. 64; ср. S t r y j k o w s k i , т. I, стр. 239—249.

²⁰ А. Манкиев. Указ. соч., стр. 89.

²¹ Там же, стр. 111.

следующее добавление к Стрыйковскому: «без ведома царского от татар»²², желая, таким образом, снять с русских войск обвинения в бесчинствах во взятом городе.

О творческом использовании Манкиевым Стрыйковского говорит и то обстоятельство, что Манкиев нигде не принимает хронологии Стрыйковского, столь расходящейся с хронологией русских летописей, хотя еще прямо Манкиев и не опровергает ее. Так, о датировке Стрыйковским битвы на Калке Манкиев пишет: «Надлежит ведать, что литовские летописцы бои на Калке в 1212 г. полагают»²³.

Значительное внимание труду Стрыйковского как историческому источнику было уделено В. Н. Татищевым. Из русских историков Татищев был едва ли не последним, кто широко привлекал Стрыйковского как источник, и в то же время один из первых, кто наряду с высокой оценкой его указал и на ряд недостоверных известий и противоречий.

Татищев ценил в Стрыйковском прежде всего то, что он использовал ряд таких источников, которые в самой России неизвестны. «Стрыйковский, который пред 170 леты прилежно в русской и литовской истории трудясь, из русских 15 разных летописцев собрал, и хотя он порядок переменил и во многом сокрасчал, однако ж у него много таких обстоятельств находится, каких в собранных мною нет. А наипаче дела такие, каковых ему, как чужеземцу и в вёре с нами противному, к чести руской вымыслия прибавить нужды не было», — писал Татищев²⁴. И ниже: «Правда, что сей так трудолюбивый каноник немалой похвалы за его собрание достоин, что в сей книге его находим»²⁵.

Татищев совершенно определенно отдавал предпочтение Стрыйковскому перед всеми остальными польскими историками за объективность его сведений о Руси. Стрыйковский, по мнению Татищева, «основательно русскую историю описал и Кромера во многих местах исправнее, наипаче, что он, полякам не миня, правду показал»²⁶. Стрыйковский, как замечает В. Н. Татищев, более других польских историков «подсчился» в русской географии и «многие народы в Литве и на Руси упоминает»²⁷. Последний отзыв Татищева, много занимавшегося географией, особенно примечателен. Действительно, Стрыйковский всегда сообщает сведения о том или ином упоминаемом им географическом пункте, дает описание городов с их достопримечательностями, по возможности указывает расстояния от одного пункта до другого, поль-

²² А. Манкиев. Указ. соч., стр. 183.

²³ Там же, стр. 197.

²⁴ В. Н. Татищев. История российская, т. 1. М.—Л., 1962, стр. 121 (далее: Татищев).

²⁵ Татищев, т. I, стр. 312.

²⁶ Там же, стр. 16.

²⁷ Там же, стр. 250.

зуюсь при этом как собственными наблюдениями, так и данными различных источников.

«В Истории российской» Татищев не раз отмечает, что Стрыйковский поправил или уточнил данные своих польских предшественников в отношении Руси. Так, например, Татищев соглашается со Стрыйковским, отвергающим мнение Длугоша и Меховского о том, что название «Русь» происходит от имени легендарного князя Руся²⁸. В противоположность «папежским писателям Баронию и Кромеру», старавшимся изобразить Кирилла и Мефодия посланцами папы, Татищев приводит мнение Стрыйковского, который «сказывает, что Михаил император, учиня с болгарами мир, оных в крещение привел и буквы им дал»²⁹.

В. Н. Татищев считал ложью рассказ польских хронистов о поражении, нанесенном польским королем Владиславом киевскому князю Всеволоду и в связи с этим писал: «Стрыйковский правильно ложь ту обличает, что они, не имея своих историй, писали по-русски, а в русских того нет»³⁰.

Особо отмечает Татищев выступление Стрыйковского против «басней» Кромера о том, что «якобы русские Польше подвластны были». Эти «басни», по выражению Татищева, «Стрыйковский без зазрения за ложь поставляет»³¹.

Татищев даже видит большие заслуги Стрыйковского в хронологии событий русской истории³², хотя по существу Стрыйковский ничем не выделялся в этом отношении среди других польских авторов; правда, он иногда воспроизводил даты в соответствии со своими русскими источниками по летосчислению от сотворения мира. Впрочем, Стрыйковский не умел их переводить на летосчисление от рождества Христова и потому лишил свою «Хронику» единой хронологической сетки, внеся в нее определенную путаницу. Однако для Татищева важно было это воспроизведение Стрыйковским дат русских источников, что составляло, по мнению русского историка, одно из важных достоинств труда Стрыйковского.

Стрыйковский для Татищева являлся не только историком, труд которого он мог использовать как источник: Стрыйковский — большой авторитет в историографии, методам использования материала и характеру изложения которого Татищев следовал. Очень показательно в этом отношении замечание Татищева по поводу использования им в качестве исторического источника песен. Татищев ссылается на то, что «Стрыйковский в недостатке истории литовской, сказывает, из песен брал»³³. Знаменательно и то, что,

²⁸ Там же, стр. 287.

²⁹ Там же, т. II. М.—Л., 1963, стр. 210.

³⁰ Татищев, т. II, стр. 249.

³¹ Там же, т. I, стр. 226.

³² Там же, стр. 128.

³³ Татищев, т. I, стр. 115. Это справедливо отметил в только что вышедшей статье «Польские хронисты в летописании и старой русской исто-

указав на расхождения в разных списках русских летописей, Татищев снова ссылается на опыт Стрыйковского, который по этой же причине свои сведения «из русских 15 разных летописцев собрал»³⁴. Таким образом, в известной мере свою работу по сопоставлению русских летописей, в особенности Иоакимовской летописи и Повести временных лет («Нестора»), Татищев рассматривал как следование приемам Стрыйковского.

Быть может, не без влияния Стрыйковского Татищев вводит в ткань исторического повествования описание мест, связанных с историческими событиями, которые довелось ему видеть. Так, в связи с упоминанием о древлянском городе Искорostenе Татищев пишет: «При городе Коростене есть холм великой на ровном месте близь речки и доднесь так называется, который и я в 1710 г., из Киева с командою, осматривал»³⁵. Иногда при описании исторических памятников Татищев использует сочинения других авторов. В связи с рассказом о походах Святослава и о разорении им городов по Днестру, Дунаю, Бугу и Днепру Татищев замечает: «То свидетельствуют многия тамо запустелыя городища, а особенно на Ингуле немалой город, камнями великими строеной, которой тайный советник Неплюев при размежевании с турками в 1740 г. описал»³⁶.

Обращает на себя внимание, что Татищев, как и Стрыйковский, отмечает дату, когда он или кто-либо другой видел ту или иную достопримечательность.

Широкое использование Татищевым в качестве источника «Хроники» Стрыйковского и высокая оценка ее как исторического труда не мешали ему видеть и недостатки этого сочинения, в тех или иных случаях критически относиться к «Хронике», отделять в ней оригинальное от заимствованного у других авторов. Татищев сравнивал «Хронику» Стрыйковского с другими памятниками польской историографии и видел, что в ней заимствовано из них, что переходит из одного сочинения в другое. Именно с этой точки зрения он рассматривает известия Стрыйковского «О начале пруссов и Литвы»: «выписывая един с другого, яко Кромер из Длugoша и Бельский, . . . Стрыйковский о начале пруссов и Литвы согласно с прочими своими пишет»³⁷. Сведения Стрыйковского о приходе татар заимствованы им, по мнению Татищева, и, Кадлубка и Кромера³⁸. Рассказ о Петре Власовиче «произнес»,

риографии» польский историк Ф. Селицкий (*«Slavia orientalis»*, гoscz. XIV, 1965, № 2, стр. 166), однако он, сопоставляя в своем обзоре труды Стрыйковского и Татищева, ограничился этим единственным указанием на сходство их метода.

³⁴ Татищев, т. I, стр. 44.

³⁵ Там же, т. II, стр. 222, прим. 125.

³⁶ Татищев, т. II, стр. 224, прим. 137.

³⁷ Татищев, кн. II, М., 1774, стр. 509.

³⁸ Татищев, кн. III, стр. 520.

по выражению Татищева, Кромер, «а по нем Стрыйковский»³⁹. Для Татищева Стрыйковский представлял интерес в первую очередь не как историк, передающий известия других польских авторов, доступных Татищеву, а как историк, пользовавшийся русскими летописями, в том числе и недошедшими. Именно поэтому использование Татищевым Стрыйковского значительно сокращается, когда он переходит к событиям после XII в. Именно с этого времени сведения Стрыйковского становятся все менее оригинальными, и Татищев начинает чаще обращаться к Кромеру и Бельскому. Впрочем, это относится только к собственно русским известиям. Там, где речь идет о Литве, Стрыйковский для Татищева наибольший авторитет, ибо «наиболее о Литве прилежал»⁴⁰.

Независимо от значительности для Татищева той или иной части «Хроники» Стрыйковского, того или иного его известия, Татищев всегда сохранял критическое отношение к нему. В примечаниях к соответствующим книгам «Истории российской» мы найдем немало критических замечаний по поводу тех или иных известий Стрыйковского.

Неоднократно Татищев возвращается к рассказу Стрыйковского о Палемоне. Татищев называет этот рассказ «басней»⁴¹. Он указывает на внутренние противоречия и сбивчивость рассказа Стрыйковского. Во-первых, как пишет Татищев, Стрыйковский «ово Палемона, ово Публия Либана, иногда обоих кладет»; во-вторых, он сообщает, что «пришествие» Палемона было «во время войны Иулия с Помпеем, паки при Тиберию, наконец, при Нероне», в-третьих, «наследие или родословие производя наизусть, так ошибся, что лет до 300 на колено приходит»⁴². При таком родословии Живибунд Довсирунгович должен был бы иметь около 600 лет, поскольку он упомянут в 1205 г., «что мню, — писал Татищев, — и сам бы Стрыйковский рассмотря за басню причел»⁴³.

По поводу сообщения Стрыйковского о том, что Святослав воевал с византийскими императорами Василием и Константином, Татищев замечает: «но тогда был Иоанн Цымисхий»⁴⁴.

Большой интерес представляют соображения Татищева относительно недостоверности известия Стрыйковского о происхождении полоцких князей от литовского князя Гингвила, который якобы был женат на княжне Тверской. Татищев считает, что об этом Стрыйковский написал «весьма неправильно»⁴⁵. И далее: «Тогда Твери и литовских князей по русским так верным источ-

³⁹ Татищев, т. II, стр. 266, прим. 397.

⁴⁰ Татищев, кн. III, стр. 526, прим. 633.

⁴¹ Татищев, т. I, стр. 215.

⁴² Татищев, кн. I, стр. 229.

⁴³ Татищев, кн. III, стр. 526.

⁴⁴ Татищев, т. II, стр. 225, прим. 142.

⁴⁵ Там же, стр. 264, прим. 380.

никам не было; в Литве же тогда письма, кроме у русских, не было, следственно, тех времен, кроме Русской истории, не осталось». Иными словами, Татищев считал, что рассказ о полоцких князьях — легенда, записанная в более позднее время, поскольку в то время, когда происходили события, их некому было записывать. Поэтому русские летописи, имеющие в конечном счете, как полагал Татищев, современные событиям записи, несравненно достовернее устных преданий, попавших лишь через значительное время на страницы литовских летописей.

Татищев не ограничился только конкретными замечаниями относительно труда Стрыйковского. На основании отдельных наблюдений Татищев приходит к выводу, что Стрыйковский «в годах много грешит тем, что часто два или три дела разных времен в одно слагает». Это общее замечание Татищев делает в связи с упоминанием Стрыйковского о том, что заключение брака между Марией Владимировной, младшей сестрой Ярослава Мудрого, и польским королем Болеславом относится в 1041 г. По мнению Татищева, это событие в действительности относится к 1043 г.⁴⁶ В 1041 г. происходила коронация Казимира, которую Стрыйковский неправильно соединил со свадьбой. Никаких других подобных ошибок Стрыйковского Татищев не указывает. Анализ же русских известий «Хроники» показывает скорее обратное: разные известия об одном и том же событии подчас представлены как разные события.

Не осталась не замеченной Татищевым и такая черта труда Стрыйковского, как восхваление Польши и Литвы, впрочем, без умаления Руси. Последнее обстоятельство так же, как это было уже сказано, в глазах Татищева выделяло труд Стрыйковского из числа других польских хроник. «Что же произвождения Стрыйковского принадлежит, то надлежит рассмотреть, нет ли в том от любви к отечеству каково самомнения, как то у многих народов находим», — отмечал Татищев⁴⁷.

В каком виде Татищеву была известна «Хроника» Стрыйковского: в печатном издании 1582 г. на польском языке или в списке одного из древнерусских переводов? О печатном издании Стрыйковского Татищев писал: «Сей печатной Стрыйковского Гистории, почитай, отыскать уже не можно»⁴⁸. По-видимому, печатное издание «Хроники» так и осталось недоступным Татищеву. Во всяком случае, все ссылки Татищева на Стрыйковского ограничиваются указаниями книги и главы его «Хроники»; страницы нигде не указаны.

К сожалению, нельзя определить, каким именно переводом и тем более списком перевода пользовался Татищев. В «Истории

⁴⁶ Татищев, т. II, стр. 242, прим. 245.

⁴⁷ Татищев, т. I, стр. 313.

⁴⁸ Там же, стр. 312—313.

российской» имеется несколько цитат из «Хроники», довольно значительных по объему, однако ни одна из них не совпадает с известными нам переводами Стрыйковского.

Сравним цитату из Стрыйковского, приведенную Татищевым, с переводами соответствующих фрагментов «Хроники» Стрыйковского 1673—1679 гг. и 1688 г.

Стрыйковский в передаче Татищева

... Понеже русские море, обливающее Прусы, Ливонию и Лифляндию, Варяжским именовали, убо князине из Швеции, Дании или соседства ради обских границ из Прусов над Русью владели.

(Татищев, кн. II, стр. 90)

Половцы недолго мир соблюдаше, непрестанно на русские краи нападали и разоряли.

(Татищев, кн. II, стр. 453)

Перевод 1673 г.

Балтийское море, еже Прусы, Свею Датчан, Лифлянты, Финляндию и часть Московских стран обливает, Варяжское море нарицают, тогда видится вещь быти явленна, яко или свейские или датские и прусские князи для смежества общих рубежей ими обладаху.

(ГИМ, Муз. 1391, л. 175 об.)

Обаче половцы недолго тишины соблюдаше, зане руские всегдашними нашествии находаста, добычю и плен неприятельским подобием отгоняя во свое жилище.

(ГИМ, Муз. 1391, л. 217 об.)

Сопоставляя приведенные отрывки переводов, мы видим у Татищева совершенно самостоятельный перевод. Чем объясняется столь значительное расхождение переводов? Причины могут быть различными: либо Татищев видоизменил переводы, несколько перефразируя их, подновляя их язык, либо он располагал каким-то особым, несохранившимся переводом «Хроники», либо, наконец, имело место и то, и другое.

Изучение ссылок Татищева на Стрыйковского и сопоставление их с тем, что находится как в печатном польском тексте, так и

Перевод 1668 г.

... Балтийское море, кое Прусы, Свею Дацкую, Лифляндскую, Финляндию и часть Московских стран обливает, и то дело мнится быть подобно, яко свейские или датские и прусские князи прилегости ради общих границ у них владевше.

(ГИМ, Ув., в 1°, № 4, л. 216)

Обаче половцы недолго тишины соблюдаше, зане руские страны всегдашними нашествии находаста, добычю и плен неприятельским подобием отгоняя во своей жилище.

(ГИМ, Ув., в 1°, № 4, л. 340)

Польский печатный текст

Ale ponieważ Moskwa, Wielko-Nowogradzanie i Pskowianie, Bałtyckie morze, które Pruszy, Świecie, Finlandią i część Moskiewskich krajów oblewają, Wareckoje morie albo Wareckim morzem nazywają tedy się rzecz zda byc podobna iz albo Swedckie ablo Dunskie i Pruskie xiązeta dla przyleglosci spólnych granic u nich panowali. (Стрыйковский, т. I, стр. 113)

Wsakże Polowcy nie dlu go pooko zahowali bo Ruskie państwa ustawicznymi wtarczkami najezdzali lupy i polony nieprzyjacielskim obyczajem wyganiając do swoich namiotów. (Стрыйковский, т. I, стр. 180)

в известных списках переводов, показывает, что Татищев располагал каким-то особым, переработанным, дополненным и даже довольно значительно видоизмененным переводом «Хроники».

Текст Стрыйковского, цитируемый Татищевым, имеет изменения и сокращения: ряд ссылок Татищева на Стрыйковского не находит в его тексте соответствия. Так, Татищев указывает, что Стрыйковский сообщает о крещении князя Оскольда, тогда как ни в печатном тексте, ни в одном из списков переводов мы этого не найдем⁴⁹. То же относится к примечанию Татищева, где он опровергает мнение якобы Стрыйковского о том, что землю Судам он «неправомнит прусы бысть»⁵⁰. Напомним, что Стрыйковский о земле Судам пишет: «Какая это была тогда земля, мы не знаем»⁵¹. Первым киевским митрополитом, согласно Татищеву, Стрыйковский считал Михаила, полагая при этом, что это и был тот философ, который приходил к Владимиру⁵². Между тем Стрыйковский вообще не упоминает Михаила, ни митрополита, ни философа. Философа, пришедшего к Владимиру, Стрыйковский называет Кир⁵³. Далее, в связи с рассказом о корсунском походе, Татищев замечает: «Стрыйковский пишет, что Анастасия был протопопом в Кафе»⁵⁴. Однако у Стрыйковского мы нигде не найдем такого утверждения. В соответствии с летописью он просто говорит о том, что Анастас был корсунянином.

Все перечисленные особенности текста Стрыйковского, имевшегося у Татищева, видимо, являются следами той переработки «Хроники» в переводе, которым располагал Татищев. Некоторые из них представляют собой своеобразные переделки (перевод IV книги «Хроники», произведенный в 1668 г., или Карамзинский список — особую редакцию перевода 1688 г.). Правда, там изменения авторского текста сводились обычно к небольшим пропускам текста, перестановке глав, замене заголовков, увеличению подзаголовков и самое большое — к некоторому видоизменению терминов («наши русские летописцы» вместо «русские хроники»⁵⁵ и т. п.). Здесь же мы имеем дело с принципиально иным явлением — изменением самих известий. Когда и как были сделаны эти изменения, сказать очень трудно, так как, помимо ссылок Татищева, мы не располагаем никакими другими сведениями об этом особом виде перевода.

В росписи русских книг библиотеки Упсальского университета в Швеции, составленной Татищевым в 1725 г., упоминается

⁴⁹ Татищев, т. II, стр. 205, прим. 56.

⁵⁰ Там же, стр. 228, прим. 116.

⁵¹ Татищев, т. I, стр. 152.

⁵² Там же, т. II, стр. 231, прим. 177.

⁵³ Там же, т. I, стр. 129.

⁵⁴ Там же, т. II, стр. 232, прим. 183.

⁵⁵ S t r y j k o w s k i , т. I, стр. 129. Подробнее см. А. И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, стр. 270—272, 285—287.

«Стрыйковского Кроника, переведена с польского, письменная, писан три книги»⁵⁶. Однако сомнительно, что именно этим списком перевода пользовался Татищев при написании своей «Истории», поскольку основная его работа по собиранию источников для своего труда развертывается в 30-х годах XVIII в. Характерно, что и в 1734 г. Татищев сообщал в Академию, что он не располагает текстом Стрыйковского, который в то время был ему необходим для составления комментария к переводу «Хроники» Кромера, исполненному К. А. Кондратовичем⁵⁷.

Таким образом, видные русские историки первой половины XVIII в. довольно широко пользовались «Хроникой» Стрыйковского, ценили и даже в отдельных случаях заимствовали сильные стороны его метода изучения источников, приемов изложения исторических фактов. Вместе с тем, вооруженные приемами исторической критики (пусть еще во многом элементарной), русские историки этого нового этапа в развитии русской культуры отмечали и недостатки труда Стрыйковского, его неточности, ошибки, а подчас и допускаемое им смешение разных исторических событий. В русской историографии первой половины XVIII в. неизменно сохранялось глубокое уважение к «столь трудолюбивому» и таких широких взглядов историку, каким был М. Стрыйковский. Все это являлось немаловажным моментом в развитии интенсивных культурных связей между Польшей и Россией, связей, укрепившихся еще в XVII столетии.

---

⁵⁶ П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, стр. 20, прим. 1.

⁵⁷ А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 16.

ОБЗОРЫ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ХОРВАТИИ (1948—1965)

Архивы Социалистической Республики Хорватии, особенно архивы далматинских городов, содержат богатейшие собрания средневековых документов¹. Во время второй мировой войны, когда Далмация была оккупирована итальянскими войсками, эти архивные сокровища были вывезены в Италию и стали возвращаться в югославские хранилища только после заключения мирного договора с Италией в 1947 г. Поэтому только с этого времени появилась возможность приступить к их систематической обработке; к 1948—1949 гг. относится первая волна их публикаций.

В настоящее время публикация архивных материалов, в том числе и средневековых, осуществляется на страницах нескольких изданий. Ведущим являются «Старине», издаваемые Югославянской Академией наук и искусств в Загребе²; на местах выходят «Вестник государственного архива в Риеке» (с 1959 г. — «исторического архива»)³, издания исторических архивов в Сплите и Задаре⁴, «Ядрански зборник».

¹ В одном только Историческом архиве г. Задара, по подсчетам М. Зячича, хранится 505 томов нотариальных актов, относящихся к 1279—1825 гг. (M. Zjačić. Spisi zadarskih bilježnika Henrika i Creste Tarallo 1279—1308. Zadar, 1959, стр. IX). И. Гргич называет цифру в 460 томов (I. Grgić. Historijski arhiv u Žadru. Zb. «Zadar». Zagreb, 1964, стр. 666).

² Основаны в конце прошлого столетия, возобновлены в 1948 г. С 1948 по 1962 г. вышло 11 книг (41—51), с 1951 г. (кн. 53) редактор акад. Новак.

³ «Vjesnik državnog (historijskog) arhiva u Rijeci» (далее: VDAR). Rijeka, sv. I (1953); sv. II (1954); sv. III (1955—1956); sv. IV (1957); sv. V (1959).

⁴ Особенно систематически выпускает в свет свои издания Сплитский исторический архив: «Izdanja historijskog arhiva», Split, sv. I: D. Begić. Arhivi otoka Visa, 1958; sv. 2: «Četiri priloga», 1960; sv. 3: «Tri priloga», 1961; sv. IV: D. Zelić - B. Čaplin. Bosančica u srednjovekovnoj Dalmaciji, 1961 (о выпусках 1—4 см.: В. В. Захаров, В. М. Пovaljev. Издание Сплитского городского музея и Сплитского исторического архива. «Вопросы истории славян», вып. 1. Воронеж, 1963, стр. 184—186). sv. 5, 1965. Задарский архив опубликовал в 1949—1952 гг. два тома сборника «Miscellanea» (т. I, 1949; т. II—IV, 1952, под ред. Ст. Антоляка) и сборник нотариальных актов из Задара («Spisi zadarskih bilježnika 1279—1308»).

Охарактеризовать в одной статье все, что опубликовано более чем за 15 лет этими изданиями, — задача более чем сложная. Поэтому ряд публикаций мы можем только упомянуть, другие будут затронуты кратко; к этому методу самоограничения мы вынуждены прибегнуть для того, чтобы хоть сколько-нибудь подробно остановиться на публикациях, представляющих, с нашей точки зрения, преимущественный интерес, т. е. на тех, которые освещают внутреннюю жизнь города и деревни в XI—XV вв. В обзоре выделено несколько ведущих тем, вокруг которых можно объединить опубликованные документы. Прежде всего это основные проблемы внутреннего развития страны: история города в Далмации и Славонии; история поземельных отношений; характеристика городских корпораций, так называемых братовщин, и общепопулярных организаций в деревне — лиг. Документы приходится группировать и по их характеру, выделяя, например, так называемые матицы и матрикулы, написанные нередко глаголицей. Самые ранние документы — XI—XII вв. — мы выделяем особо.

ПАМЯТНИКИ РАННЕЙ ИСТОРИИ (XI—XII вв.)

Важнейшими источниками для характеристики социально-экономического развития Хорватии XI—XII вв. являются картулии монастырей: Супетарского⁵, св. Марии в Задаре, св. Иоанна Евангелиста в Биограде Приморском (так называемого Роговского аббатства), изданные впервые Ф. Рачким в 1877 г. Потребность в их критической публикации была столь велика, что Югославская Академия наук и искусств выпустила новые издания первых двух картуляриев⁶. Значение Супетарского картулярия для реконструкции общественных отношений и политической истории Хорватии хорошо известно⁷.

В нашу задачу не входит оценка той концепции социально-экономического развития раннефеодальной Хорватии, с которой выступил В. Новак в своем предисловии к Супетарскому картулярию. Известно, что его идея сохранения рабовладельческих отношений в Хорватии XI—XII вв. (стр. 25—114, особенно стр. 78 и сл.) была подвергнута критике и в югославской, и в советской литературе⁸. Нам важно отметить, что в своем издании В. Новак и П. Скок

⁵ Ср. М. Вагада. Prilozi kronologiji hrvatske povijesti. «Rad JAZU», knj. 311, 1957, стр. 202, прим. 59.

⁶ V. Novak i P. Škok. Supetarski kartular. Zagreb, 1952; V. Novak. Zadarski kartular. Zagreb, 1959.

⁷ Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. (К изучению процесса классообразования у славян.) М., 1964, стр. 39—40; и др.

⁸ См. рецензию И. Лучича: HZ, god. VI (1953), стр. 84; Е. А. Ефремова. Земельные отношения и сельская община в Далматинской Хорватии в X—XI вв. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXIV, 1962, стр. 283;

стремились дать *всестороннюю* характеристику памятника. С этой целью П. Скок выделяет романизмы и славянизмы в языке картулярия, анализирует его ономастику и топонимику, а В. Новак стремится локализовать все упомянутые в нем географические названия и датировать входящие в его состав акты. Все это придает изданию характер не только щательного исследования, но и первоклассного справочника. Вот почему оно в целом получило высокую оценку в печати⁹.

Издание картулярия задарского монастыря св. Марии носит уже несколько иной характер. Второй картулярий много меньшее по объему, в нем только 36 актов (в Супетарском — 105), он дошел до нас не в виде цельного памятника, а составлен издателем из порознь публиковавшихся документов; наконец, в нем нет таких ценных свидетельств, как «раздел о рабах» или сведения о разорении крестьянства в Супетарском источнике. Поэтому его появление и вызвало к себе относительно меньший интерес¹⁰. Кроме того, его издание выполнено В. Новаком по несколько иному принципу. Построение издания внешне не изменилось: по-прежнему книга завершается фотоснимками всего документа, к ним приложены фотографии аббатства. Как и прежде, комментарий распадается на *Notae historicae* (стр. 17—85), *paleographicae* (87—117), *diplomaticae et chronologicae* (119—215), *topographiciae* (217—232), разве что прибавилась еще и *Nota musica* (стр. 232—237); в особую главу выделена и историография вопроса. Но содержание этих разделов изменилось: исчезла характеристика социально-экономического содержания картулярия, исчез один из самых важных индексов — предметный. Ведущей частью книги (сто страниц из двухсот с небольшим) стал анализ дипломатической формулы, по которой составлялись вошедшие в картулярий акты. Некоторые из наблюдений автора (например, о принципах составления актов в далматинских городах, стр. 128—129) очень интересны, но в целом создается впечатление, что публикация задарского картулярия формальнее и суще, чем издание Супетарского картулярия¹¹.

М. М. Фрейденберг. О многозначности понятия «servus» в Далматинской Хорватии XI в. «Уч. зап. Великолукского пед. ин-та», вып. 20, 1962, стр. 93—102.

⁹ Если не считать замечаний И. Лучича (*HZ*, god. VI, стр. 83—89) и В. Гортана (*V. G o r t a n. Nekoliko parotomena uz izdanje Supetarskog kartulara*. *HZ*, god. IX (1956), стр. 220—222); см. L. K a t i c. *Jura Sancti Perti de Gomaj. «Starohrvatska prosvjeta»* (далее: *SP*), ser. III, sv. 4 (1955), стр. 183—195); D. Š v o b. *Pripis Supetarskog kartulara o izboru starohrvatskog kralja i popis onodobnih banova*. *HZ*, god. IX (1956), стр. 101—117.

¹⁰ См. рецензию В. Пескарского в *«Mogućnosti»*, № 6, Split, 1961, стр. 534—536.

¹¹ Третий и, пожалуй, самый богатый для истории феодальных отношений картулярий — Роговского аббатства, изданный вначале Ф. Рачким, а затем отдельно Ш. Любичем (*S. L j u b i c. Libellus Polichorion, qui*

Фонд памятников раннего средневековья пополнился в 1951 г. еще одним интересным документом. М. Хорват опубликовал завещание приора Петра из Сплита, которое он датировал концом VIII—началом IX в.¹² Завещание представляет перечень имущества, оставленного после смерти знатным горожанином: домов, пахотных земель, виноградников, выпасов; форма документа очень напоминает известное завещание приора Андрея 918 г. Впрочем, анализ еще одной найденной им рукописи завещания позволил Я. Стипишичу пересмотреть предложенную М. Хорватом датировку и отнести документ к концу XI в.¹³ Интересную находку сделал в семейном архиве графов Гаранин-Фанфонья Х. Морович, отыскав отрывок из анонимной хроники, повествующий о смерти короля Звонимира в 1089 г. и о последующих событиях¹⁴. Отрывок, сохранившийся в рукописи XVII в., частично был опубликован Ф. Шишичем (*Priručnik izvora hrvatske istorije*, Zagreb, 1914), но текст, обнаруженный Х. Моровичем, содержит ряд интересных дополнительных сведений (о насильственной смерти короля Звонимира; об имениях хорватских феодалов, посланных к Ладиславу; о прибытии Коломана в Хорватию и т. д.).

К числу раннесредневековых памятников, изданных в последние годы, следует отнести и рукопись, найденную в соборной ризнице на о. Корчула, которой ее издатель В. Форетич дал название «Корчуланский кодекс»¹⁵. Документ представляет собой пергаментный манускрипт XII в., содержащий множество отрывочных данных: упоминание об Иосифе Флавии, отрывки из церковной истории Евтропия, родословную франкских королей; самая же обширная и важная для хорватской истории часть рукописи — это *Liber pontificalis* — история римских пап, уже неоднократно издававшаяся. В данном отрывке из *Liber pontificalis* мы и находим несколько упоминаний о Далмации, которые позволяют уточнить несколько важных фактов хорватской истории X—XI вв. Так, кодекс подтверждает известный историкам факт установления церковной зависимости Далмации от римской церкви: «... Chroatii sancto Petro effecti sunt tributarii», где термин «tributarii», по мнению В. Форетича, означает не выплату государственной подати, а церковное подчинение. Второй отрывок содержит неизвестное доселе сообщение об убийстве королем Петром Крешимиром своего брата Гоислава, для расследования чего папа от-

Tipicus vocatur. «Starine», knj. XIII, 1900, стр. 154—243), еще ждет своего комментированного издания.

¹² M. Horvat. Oporuka splitskog priora Petra. «Rad JAZU», knj. 283 (1951), стр. 130 сл.

¹³ J. Stipić. Oporuka priora Petra. ZHI, sv. 2 (1959), стр. 173—182.

¹⁴ H. M o r o v i c Ć. Anonimna splitska kronika. «Izd. muzeja grada Splita», sv. 10 (1962), стр. 1—20.

¹⁵ V. F o r e t i c Ć. Korčulanski kodeks 12. stoljeća i vijesti iz doba hrvatske narodne dinastije u njemu. «Starine», knj. 46 (1950), стр. 23—44.

правил в Далмацию кардинала Майнарда, перед которым король должен был оправдаться (стр. 30—31). Убитый брат короля известен в ряде документов XI в. под именем бана Гойчо (*Goyzo bano*), и эти грамоты Ф. Рачки датировал то 1065, то 1069 г. А между тем, как устанавливает В. Форетич, смерть бана Гойчо относится к 1062 г. (стр. 41—42), что является важным хронологическим определителем для грамот № 48 и 56 из собрания Ф. Рачкого¹⁶. В Корчуланском кодексе есть упоминание о легатах римской курии кардинала Майнарда и Теузо, связанных с крупным церковным собором в Сплите, который обычно датируют 1059—1060 гг.¹⁷ Сопоставляя сведения Фомы Сплитского и Корчуланского кодекса, В. Форетич приходит к выводу, что в Сплите состоялся не один, а *три* собора: 1060 г., на котором присутствовал Майнард, 1061 — начала 1062 г., где был Теузо, и 1063 г., где в качестве легата присутствовал еще один папский посланец, кардинал Иоанн¹⁸.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ АКТЫ

Самым ранним поземельным документом из опубликованных в последние годы является книга доходов соборного капитула в Пуле (Южная Истрия) 1349—1371 гг.¹⁹ М. Зячич нашел ее в архиве Риеки, где она числилась под названием «*Quaternus fictuum sive dasionum domorum et aliarum possessionum Polensis capituli (1349—1371)*». Рукопись написана плохой латынью, стереотипными и очень краткими формулами вроде следующей: *Magistre Petrus barberius tenetur soluera annuatim capitulo Polensi nomine dacionis pro duabus chasalia posita in Porta Ministerio, solidos XXXII. Terminus in primo die mensis Ianuarij.*

Первая часть книги содержит описание рент, подобных только что приведенной, которые уплачивают горожане, живущие то в одном, то в другом районе города (*Porta Novo*, *Porta Domo*). Их повинности зафиксированы в денежном выражении (сольди, либры, гроши) — это арендная плата за пользование домами, принадлежащими капитулу. Во второй части книги описаны ренты крестьян из окрестных деревень, они вносятся за пользование пахотной землей и пастбищными угодьями (*pastini*) и выражены в натуре (*frumento*). Доходы во второй части описаны учтены по деревням, где капитулу принадлежат лишь отдельные участки; в каждой из

¹⁶ Этот вывод делает М. Барада в уже упоминавшейся работе (стр. 200), первая часть которой посвящена разбору свидетельств Корчуланского кодекса.

¹⁷ «*Historija naroda Jugoslavije*», knj. 1. Zagreb, 1953, стр. 204.

¹⁸ М. Барада предложил свою хронологию событий: он полагает, что Майнард был в Далмации в 1063 г., а кардинал Теузо — даже в 1064 г. (М. Вагада. Указ. соч., стр. 198). См. рецензию Н. Клаич: *NZ*, XIII (1960), стр. 244—246.

¹⁹ М. Zjačić. *Knjiga podavanja i prihoda posjeda katedralnog kaptola u Puli. VDAR*, sv. IV (1957), стр. 59—85.

деревень насчитывается не более десятка держателей. На полях документа рукой его составителя эконома Никола ди Каприа есть пометки об уплате ренты: «получаем» или «исправно получаем» (*habemus, bene habemus*), но есть и «отказался», а еще чаще «не уплатил» (*non solvit*), «не уплатил за два года». Интересные наблюдения можно сделать по поводу уровня ренты. До нас дошла поzemельная опись аббатства св. Марии Прекрасной (*Formosa*) из той же Пулы, датированная концом XII в.²⁰, где повинности держателей описаны в тех же выражениях, что и в описи XIV в.; характерно, однако, что уровень рент остался примерно на том же уровне: он равняется в среднем 2—4 модиям хлеба, а паныческая норма — 12 модиям. Видимо, рентные отношения в этом районе не испытывали за полтора столетия сколько-нибудь серьезных изменений.

Другая опись поземельных рент дошла до нас из вотчин графов Девинских в районе Восточной Истрии и Риеки²¹. Опись-урбариий находится в музейном архиве г. Линца (Австрия) и сохранилась лишь в списке, сделанном уже в XX в., причем переписчик датировал ее 1424 г. М. Кос подвергает сомнению эту дату, он приходит к выводу, что урбариий был составлен в 1390—1405 гг. (вероятнее всего, в 1400 г.), после смерти последнего владельца из династии графов Девинских, в связи с переходом их вотчин к новым господам, графам Вальсе (стр. 7—8). Вотчины включали в свой состав Риеку с ее сельской округой, а также те земли, которые позднее именовались «Каставской господствией»²². Урбариий, составленный на старонемецком языке, состоит из описи основных рент, вносимых как крестьянами, так и жителями Риеки и «градов» Вепринац, Кастав и т. д.; несомненно, что эти «грады» сохранили аграрный характер, а Риека еще не освободилась от власти феодального сеньора. Каждый домохозяин (*wirt*) или владелец «дьма» (*gancze feuerstat*) должен был вносить определенную ренту в натуре или в денежном выражении (например, 14 шиллингов в Риеке, 6 — в Вепринце). Урбариий не дает списка обязанных рентой домохозяйств, а приводит лишь ее высоту для каждой общины; это объясняет небольшой размер документа — всего 7 стр. — и исключает возможность подсчетов.

Помимо оброка с каждого двора, держатели обязаны еще и повинностями со всей общины, сходными с теми, которые вносились зависимыми крестьянами по Вепринацкому статуту. Можно

²⁰ C. de Francesc i. L'antica abbazia di S. Maria del Canneto in Pola e un suo registro censuario del secolo XIII. «Atti e memorie delle Società istriana del archeologia e storia patria», vol. 39. Pula, 1927, стр. 326—343.

²¹ M. K o s. Jedan urbar iz vremena oko 1400. o imanju Devinskih i Walseeovaca na Kvarneru. VDAR, sv. III (1955—1956), стр. 3—20.

²² О Каставской господствии см.: O. Mandić. Neki pravni običaji na području bivše Kastavske gospoštije. «Jadranski zbornik» (далее: JZ), god. I (1956). Rijeka—Pula, стр. 119—142.

судить о составе натураций: они вносятся пшеницей, овсом, ягнями, свиньями, кожами, воском, перцем; феодалу принадлежит также право собирать судебные штрафы. Обо всем этом можно судить по содержательной вводной статье М. Коса (стр. 7—11). Но в Девинском урбарию есть особенность, которая прошла мимо внимания издателя: это *полное отсутствие отработочных рент*, во всех вотчинах упомянуты лишь четыре господских виноградника. Остались ли барщины вне поля зрения составителей урбария? Или их не было вовсе и, таким образом, здесь в конце XIV в. еще не было и в зачатке того барщинного хозяйства, рост которого отмечается исследователями в XV в. на территории Посавской Хорватии?²³ На этот вопрос в какой-то степени ответ дает работа О. Мандича²⁴, в которой автор подвергает сравнительному исследованию опубликованный М. Косом урбарий и статуты общин, расположенных на территории Каставской гospоšтии — Кастава, Вепринца и Мощенич²⁵. О. Мандич приходит к выводу, что в положении здешних крестьян в XVI—XVII вв. вообще наступает известное облегчение: ослабляется личная зависимость, за исключением десятины исчезают повинности отдельных держателей, которые заменяются взносами целых общин — 100 марок с каставской общины, 21 марка — с вепринацкой. Эти перемены объясняются, по мнению О. Мандича, тем, что Габсбурги, в собственность которых в XVI—XVII вв. перешли эти земли, вели постоянную борьбу с Венецией и были заинтересованы в том, чтобы крестьяне этих близких к Венеции областей сохраняли бы нейтралитет в этой борьбе²⁶. Таким образом, публикация Девинского урбария способствует решению вопроса о смене форм эксплуатации хорватского крестьянства в XV—XVII вв.

Знаменательно, что такое же отсутствие барщины мы находим и в Момянском катастике из северо-западной Истрии, опубликованном М. Шамшаловичем²⁷. Катастик был в основном составлен в 1584—1591 гг., он является безусловно крупнейшим документом по истории хорватской деревни, изданным за последнее десятилетие. Документ состоит из 180 рубрик, каждая из которых является

²³ Ю. В. Бромлей. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959, стр. 162 и сл.

²⁴ O. Mandić. Devinski urbar i zakoni Kastavske gospoštije. JZ, god. 3 (1958), стр. 245—257.

²⁵ Первые два были опубликованы Ф. Рачким, И. Чрничем и В. Ягичем («Monumenta historico-juridica Slavorum Meridionalium», далее — MHJSM, vol. IV, 1890).

²⁶ O. Mandić. Devinski urbar . . . , стр. 252—560. О. Мандич считает, что облегчение в положении каставских крестьян является проявлением исторической закономерности, в силу которой жители пограничных областей всегда находятся в привилегированном состоянии (см. также: O. Mandić. Slobodni seljaci Kastavske gospoštije. «Riječka revija», 1953, sv. 1—2, стр. 31—36).

²⁷ M. Šamšalović. Momjanski katastik. VDAR, sv. V (1959), стр. 121—254.

отдельным актом и содержит описание состава надела и повинностей одного держателя. Для ясности мы воспроизводим здесь одну из самых коротких: «2 августа 1584. Матвей Лучетич, по прозвищу Новак из Брега, сказал, что обязан давать каждый год в замок за нижепоименованное имущество два купленика пшеницы в качестве «правды», половину купленика овса, одиннадцать жбанов вина, таким образом, пшеницы — купленика 2, овса — $\frac{1}{2}$, вина жбанов 11. Имущество: полей для посева, числом пять, вблизи своего дома, по соседству с Павлом Ковачичем и другими; один виноградник под домом в округе Брег, по соседству с Матвеем Лисяком, Матвеем Мокоричем и другими; один виноградник в округе Забуковье по соседству с упомянутым Матвеем Лисяком и другими; один виноградник в округе Спего по соседству с Биасио Густичем и другими»²⁸.

Упоминаемые здесь меры М. Шамшалович объясняет следующим образом: «купленник» равняется $\frac{1}{6}$ венецианского «стара», или 14 литрам; «жбан» (*ciuane*) равен 4 литрам (стр. 141—142). «Правда», или основная поземельная повинность крестьян, как правило, уплачивается хлебом и вином. Иногда упоминается денежная рента — «прошня» в размере от 2 до 46 сольди (ее уплачивают всего 33 держателя из 180). Таким образом, может быть, можно оспорить мнение М. Шамшаловича в том, что в районе Момяна преобладало «натуральное хозяйство» (стр. 140), ибо натуральный характер ренты еще не признак натурального характера хозяйства, но несомненно, что феодальная рента в этих краях еще не знает коммутации. О барщине же катастрих полностью умалчивает, и только исследование Томазини²⁹ дают автору основания полагать, что отработочная рента равнялась здесь 2 дням в неделю (стр. 140). Этот уровень барщины исключает наличие развитого господского хозяйства.

Крестьяне, чьи повинности описаны в Момянском катастике, были объединены в общины: источник упоминает альменду в общем пользовании (*il comunale*) и разделенную между односельчанами (*i beni sopra comunale*); *contestabile* М. Шамшалович рассматривает как сельского старосту — «жупана» (стр. 136), других выборных лиц общинного самоуправления Момянский катастик не знает. Наделы держателей, как можно убедиться из приведенного выше примера, расположены в разных полях, т. е. здесь существует хорошо известная Центральной Европе система «колов» (*Gewanne*), сопутствующая общенному землепользованию. Крестьянские наделы в катастике редко выступают разделенными на половинные, четвертные доли, но это происходит не потому, что деревня не знает дробления наделов: оно происходит уже давно,

²⁸ Там же, стр. 159.

²⁹ G. F. Tommasini. De commentarii storici-geografici della provincia dell'Istria (книга написана в 1650 г., а издана в «Archeografo Triestino» в 1837 г.).

а вследствие того, что уже утрачено понятие о целом наделе (стр. 139).

Даже этот беглый обзор содержания памятника свидетельствует о его исторической ценности; М. Шамшалович правильно делает, предпосылая изданию источника характеристику моминской вотчины и историю его феодальных владельцев (стр. 121—132); интересен вывод издателя о чисто хорватском населении этого края (стр. 142—143), но, на наш взгляд, он напрасно ограничился лишь именным указателем в конце работы. Хотелось бы видеть и предметный индекс этого содержательного памятника. Изданием Моминского катастиха с его обширным, носящим исследовательский характер введением, сделан шаг вперед на пути изучения феодальной деревни в Истрии позднего средневековья.

Земельные тяжбы породили в средневековой деревне частые акты размежевания, а переход владений из рук в руки вызвал необходимость в появлении актов ввода во владение. И те и другие в источниках XIV—XVI вв. обозначаются одним и тем же понятием «развод». Самым известным из подобного рода документов является так называемый «Истарский развод», восходящий, как принято полагать, к первой четверти XIV в., но дошедший до нас в более поздних списках³⁰. Это первоклассный памятник средневековой истории Истрийского полуострова, позволяющий восстановить картину не только поземельных, но и политических отношений XIV в. Трудность его использования заключается, однако, в том, что не совсем ясна его датировка, да и вопрос о степени его достоверности является достаточно спорным. Исследователь «Истарского развода» М. Кос вначале полагал, что памятник является фальсификатом, составленным скорее всего в 1457 г. на основе множества небольших актов о размежевании середины XIV в. (времени правления пазинского князя Альбрехта IV — 1342—1374 гг.).³¹ Позднее М. Кос уточнил свою точку зрения; признавая, что в основу «Развода» легли вполне достоверные, но не дошедшие до нас источники на хорватском, немецком и латинском языках. М. Кос высказал мысль, что первая редакция «Развода» возникла уже в середине XIV в., но позднее, в XV и XVI вв., подверглась переработке и фальсификации³².

Вопрос о достоверности «Истарского развода» важен также и потому, что документ хранит убедительные доказательства преобладания хорватского населения в Истрии. В связи с этим итальянская историография XIX и XX вв. выдвинула тезис о том, что «Развод» был фальсифицирован в антивенецианских целях. Опро-

³⁰ Опубликован Дж. Шурминским (Д. Šurminski. Hrvatski spomenici. MHJSM, vol. IV, 1890, стр. 10—74).

³¹ M. Kos. Studija o Istarskom razvodu. «Rad JAZU», knj. 240. 1931, стр. 105—203.

³² M. Kos. Pet istarskih razvoda iz XV. stoljeća. JZ, god. I (1956), стр. 189—190.

вержению этой идеи посвящает Б. Стулли свой анализ отрывка «Истарского развода» из г. Лабина³³. Отрывок, датированный 1515—1521 гг. и дошедший до нас в списке 1590 г., найден автором в книге общинных привилегий г. Лабина и написан по-итальянски; он приводится автором параллельно с другими сохранившимися отрывками «Развода» (стр. 101—103). Б. Стулли приходит к важному выводу: по его мнению, и лабинский отрывок, и более ранний фрагмент из г. Барбана (1325 г.) были составлены в эпоху венецианского господства, а следовательно, никак нельзя говорить об антивенецианской направленности этих списков «Истарского развода». Впечатление искусственности, дополнительных переработок и интерполяций, которое производил «Истарский развод», было вызвано тем, что поздние списки XVI в. составлялись венецианскими нотариями по свободной и нешаблонной форме. Б. Стулли в противовес М. Косу полагает, что следует отказаться от мысли, что «Истарский развод» является поздним фальсификатом, мысли, порожденной неточностями и произвольным характером его формы (стр. 109—110).

Упомянутая выше публикация М. Коса содержит пять небольших «разводов» из Истрии, она интересна тем, что позволяет установить различные категории пограничных знаков: 1) природные рубежи (холмы, долины, поля, источники), 2) растущие на межах деревья, 3) искусственные знаки (дороги, колеи, камни). Эти пять «разводов», находящиеся в архиве в Вене, датированы 1405, 1423, 1434, 1440 и 1472 гг. и относятся к областям Северо-Восточной Истрии. Четыре из них написаны по-немецки и один — по-латыни, автор приводит их в пересказе на хорватский. Помимо данных, связанных с размежеванием, здесь можно почерпнуть сведения и о характере деревенских угодий, об общинной и вотчинной администрации, о судебных штрафах и взносах за пользование деревенскими выпасами (стр. 200—202).

Д. Клен издал недавно фрагменты урбания, фиксирующего повинности крестьян в Рашпорской «госпоштии» (в Северной Истрии) и составленного, по мнению издателя, между 1420 и 1440 гг.³⁴ Д. Клен нашел эти отрывки в Историческом архиве в Риеке, он публикует их текст (по-латыни) и факсимile одной страницы памятника, сопровождая эту публикацию обстоятельной вводной статьей. Судя по наблюдениям Д. Клена, отрывки из Рашпорского урбания позволяют судить о том, что, помимо двух известных систем управления, которые использовала Венеция на подвластных ей землях в Истрии (в городские коммуны республика назначала своих подеста, феодальные же вотчины раздавались в держания венецианским патрициям), существовала еще одна:

³³ B. Stulli. Labinski fragment Istarskog razvoda. JZ, god. II (1957), стр. 95—112.

³⁴ D. Klen. Fragmenti Rašorskog urbara iz prve polovine XV. stoljeća. JZ, god. IV (1959—1960), стр. 155—182.

зависимые крестьяне в Рашпоре были непосредственно подчинены венецианскому сенату, а их феодальные платежи поступали в казну (стр. 158). Д. Клен отмечает структуру вотчинного землевладения, характеризует состав населения, его занятия (стр. 167) и ренту, которая фиксируется в так называемых книгах «прав» (стр. 162). Издатель памятника задерживается особенно внимательно на характеристике системы управления рашпорских деревень; помимо «вальпута», осуществлявшего типично вотчинную функцию сбора ренты³⁵, и военного управителя — «капетана», здесь существуют и жупаны («хирропус villicorum»), т. е. сохраняются элементы общинной организации крестьянства. Любопытно, что в рашпорских деревнях существуют также «mansi» или «селища», являющиеся, на наш взгляд, свидетельством сохранения системы общинных наделов в деревнях Северной Истрии³⁶.

Общинный быт хорватского крестьянства характеризует еще один источник, относящийся к истории так называемых «лиг», — это опубликованный И. Грличемstatut Primorskog lige³⁷. Лигами назывались в XV—XVII вв. организации далматинского крестьянства, созданные в целях поддержания порядка; до сих пор были известны только два устава подобных объединений — Статут лиги нинского котара конца XV в. и Краишский статут 1655 г.³⁸ Статуты лиг в основном заполнены перечнем взысканий за уголовные преступления, и этот их характер давал некоторым исследователям основания считать их искусственными объединениями, созданными в чисто полицейских целях³⁹. По нашему же мнению, юридические нормы, записанные в статутах лиг, восходят к нормам обычного права, а сами лиги представляют одну из модификаций общинной организации, разновидность сельской общины, в которой возобладала функция охраны порядка.

³⁵ D. Klen. Valput i Istri. ZHI, sv. 3 (1961), стр. 297—329.

³⁶ Д. Кленом опубликован еще ряд исследований, относящихся к истории феодального землевладения в округах Барбан и Ракаль (Истрия) и содержащих доселе неизвестные в науке тексты (*Ustanova «satnika» i «čete» s načitim obzirom na te ustanove u Barbanu*. JZ, god. III (1958), стр. 259—272; «Barbarski statut» u odnosu na ranija pravna vreda Barbana i Raklja. «Analji Jadran skog instituta», sv. III (1961), стр. 363—388; *Barbarski kapitulari iz 1548 godine*. JZ, god. V (1962), стр. 101—115). Публикация же «Dopune objavljenim kodeksima Loredanovih terminacija za Barban i Rakalj» заслуживает специального рассмотрения. На солидном архивном материале основана и работа Д. Клена «Mletačka eksploracija istarskih šuma i obvezan prevoz drveta do luke kao specifičan porez u Istri od 15. do kraja 18. stoljeća» («Problemi sjevernog Jadra», sv. I. Rijeka, 1963, стр. 199—280).

³⁷ I. Grlić. Statut Primorske lige. «Zadarska revija», god. IV (1955), стр. 192—203.

³⁸ P. Karlić. Statut lige kotara ninskog. «Vjesnik hrvatskog arheološkog društva» (далее: VHAD), sv. XIII (1912), стр. 287—298.

³⁹ Đ. Ljubić. Lige i posobe u starom hrvatskom pravu i njihov odhos prema Poljičkom statutu. «Rad JAZU», knj. 240 (1931).

Приморская лига, чей статут И. Гргич опубликовал в «Задарской ревии», находилась в отличие от двух доселе известных не в северной Далмации, а в районе Полици; ее статут, состоящий из 21 статьи, был записан в 1551 г. В нем находим любопытное свидетельство социального расслоения — наличие «веча сиромашского» и «веча племичей»⁴⁰. В целом статут Приморской лиги, как и остальные подобные уставы, посвящен регламентации взысканий за уголовные преступления, но сверх этого в нем есть и указания на организацию сельского управления — сердаров, чаушей. Хотя выборные лица деревенского самоуправления выступают с турецкими названиями, но несомненно, что система этой сельской администрации не насаждена сверху, а восходит к старинному деревенскому быту.

Наконец, к истории аграрных отношений относится и опись земель в Задарской округе. Этот документ был составлен в первой половине XV в. венецианскими властями с целью описать все приобретенные республикой земли в районе Задара, Нина, Враны и Новиграда. В 1949 г. С. Антоляк полностью издал документ, сопроводив кратким введением, примечаниями и дав ему название «Задарский катастих»⁴¹. Издатель отмечает, что, захватив далматинские города, и в их числе Задар, Венеция позаботилась о том, чтобы сломить сопротивление со стороны оппозиционно настроенного нобилитета, конфисковав его земельные владения. В руках у венецианского правительства оказался обширный земельный фонд, который оно частично раздавало своим держателям. Так родилась опись земельных владений в Задарской округе и перечень рент, которые должны были вносить держатели этих земель.

Таким образом, «Задарский катастих» приобретает характер важного источника по истории феодальной деревни, тем более ценного, что эта деревня уже несколько столетий находилась в сфере воздействия городского рынка и развитых товарно-денежных отношений.

В катастике отражена аренда городских земель и зданий: венецианская власть сдает в аренду здания, отобранные у городской знати, их бывших владельцев компенсируют сдачей им в аренду островов у городского побережья. Первая часть катастиха, где перечислены крупные домовладения и острова, сравнительно невелика; основной массив городской собственности состоял не из отнятых у патрициев городских земель, а из небольших участков, на которых возведены деревянные дома (*edificia de*

⁴⁰ Ср. ст. 282 Полицкого статута о «сиромашском вече»: Б. Д. Грееков. Полица. М., 1951, стр. 59.

⁴¹ St. Antoljaka. Zadarski katastik 15. stoljeća. «Starine», knj. 42 (1949), стр. 371—417.

lignamine); за каждый такой участок горожанин вносил арендную плату в размере 1—5 либр⁴². В первой части катастиха описаны 63 таких участка, входящих в состав городского предместья Bevarum и в значительной своей части заселенных ремесленниками.

Другие части документа содержат описания земель, расположенных за пределами городских стен: земельные комплексы, конфискованные у мятеежного патриция Филиппа де Георгис и сданные в аренду из $\frac{1}{4}$ урожая; острова (*scopuli*) из Задарского архипелага, находящиеся в держании задарских нобилей, в основном за денежный чинш. Особый раздел составляют земли, расположенные вокруг крепости Врана и сгруппированные по деревням (*villae*); характерно, что эти земли измерены как в гоняях⁴³, так и в *sortes* — общинах наделах, таким образом, мы получаем доказательство существования в Далматинской Хорватии XV в. надельной системы, неотъемлемой части общинного землепользования⁴⁴.

Наконец, особый интерес представляют содержащиеся в «Задарском катастихе» сведения о мелких феодалах-рыцарях (*feudatarii*), находящихся на службе у республики и наделенных держаниями по 4—6 *sortes* каждый, и данные о крестьянских повинностях. Именно катастих дает возможность познакомиться с рентой не одних только арендаторов-издольщиков, столь свойственных далматинской деревне, но и крестьян, обязанных баршиной и натуральным чиншем. Данные о налоговых поступлениях

⁴² Вот, например: «Item unus locus terra, super quo habet edificium de lignamine Dimitrius piscator, positus Jadre in confinio Bevarum, infra hos confines: undique sunt loci communis, et respondet omni anno in dicto festo sancti Michaelis libras 3 parvorum» (*Zadarski katalogik*, стр. 381).

⁴³ Гоняй — мера измерения земельной площади, принятая в Задаре, и на некоторых островах в Задарском округе, равнялась 2369,5 кв. м (см. М. Влајнац. Речник наших старых мера у току векова, св. II. Београд, 1964, стр. 231—234); Ю. В. Бромлей в работе «Становление феодализма в Хорватии» (стр. 209) ошибочно определил размер задарского гоняя в 784 или 864 кв. м. Причина этой ошибки заключалась в том, что Ю. В. Бромлей считал *passus*, лежащий в основе гоняя («в гоняе 20 *passus*'ов в длину и в ширину» — это старинное свидетельство приводит С. Антољак в своем комментарии к «Задарскому катастиху», стр. 407, прим. 120), приблизительно равным римскому шагу — 140—147 см. А между тем *passus* — это не шаг, а сажень, *hvat* (М. Миткович. *Ekonomski odnosi u Trogiru u XIII. stoljeću*. HZ, god. IV (1951), стр. 47) и равняется он 243 см. Проверить это легко на примере не только задарского, но ишибеникского гоняя. Статут Шибеника гласит, что в гоняе 12 *passus*'ов в длину и в ширину (*Volumen legum et statutorum civitatis Sibenici*. Venetiis, 1608, lib. V, cap. 41); перемножив (243 см×12), получим те самые 850 кв. м, на которые ссылается сам Ю. В. Бромлей в своей книге (стр. 209, прим. 45).

⁴⁴ М. М. Фрейденберг. Далматинская деревня в сфере влияния города в XIII—XIV вв. «Тезисы докладов и сообщений Восьмой (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М., 1965, стр. 16—19.

в венецианскую казну и о характере садоводства дополняют этот перечень ценных свидетельств.

К проблеме феодальной ренты непосредственное отношение имеет и отрывок, найденный С. Антоляком в задарском архиве и характеризующий сбор церковной десятины, военной подати (*vojšćina*) и так называемой мартурины⁴⁵. Важность этого отрывка заключается не только в том, что он содержит редкое упоминание о «войщие», но и в том, что он пополняет фонд свидетельств о мартурипе, или подати, которую вносили куньими шкурами. Опубликованный С. Антоляком отрывок меняет доселе существовавшие представления о мартурине в двух отношениях: он свидетельствует о ее существовании и на территории Далматинской Хорватии, а не только в Посавской Хорватии (Славонии), а с другой стороны, позволяет судить о том, что мартурина, или «куновина», являлась частновладельческой рентой, в то время как В. Клаич видел в ней лишь королевскую регалию⁴⁶.

Ряд поземельных актов сохранился в семейных архивах далматинских аристократов. Х. Морович обследовал на этот предмет архив патрицианского семейства Гаранин-Фанфонья из Трогира, известный в научных кругах не только своими богатыми коллекциями, но и своей отличной библиотекой⁴⁷. Он извлек из архива 79 рукописей XVI—XVIII вв., написанных глаголицей и относящихся к земельным владениям графов Фанфонья в окрестностях Задара. Эти владения разбросаны по материевой округе Задара, впрочем, па сравнительно небольшом удалении от города (села Бибинье, Сукошан, Дикло, Бокањац — это старый район задарского патрицианского землевладения), и в большом количестве встречаются на островах Задарского архипелага, куда они были перемещены из-за страха перед турками. Документы представляют юридическую защиту этих владений: они содержат распоряжения венецианских властей в Задаре местным судьям с запретом пасти скот, рубить лес на землях графов Фанфонья. Акты написаны на сербско-хорватском языке, и, хотя этот язык наполнен итальянismами, сам факт оформления актов глаголицей свидетельствует о прочности славянской культуры в Задаре и его ближайшей округе.

Интерес представляет не только текст грамот, которые Х. Морович дает в латинской транскрипции, но и вводная статья, в которой издатель помещает описание имеющихся в архиве глаголических текстов.

⁴⁵ S. Antoljak. Pobiranje marturine, crkvene desetine i vojšćine u zadarskom distriktu (1435). «Starine», knj. 49 (1951), str. 227—234.

⁴⁶ V. Klaić. Marturina. Slavonska dača u srednjem vijeku. «Rad JAZU», knj. 157 (1904), str. 114—213.

⁴⁷ H. Mroović. Glagoljski spisi arhiva obitelji Garanjin-Fanfonja u Trogiru. «Izdanja Historijskog arhiva u Splitu», sv. 5 (1965), str. 65—112.

МАТИЦЫ И МАТРИКУЛЫ

Ряд глаголических текстов носит церковный характер, одни из них характеризуют деятельность монашеских орденов⁴⁸, другие являются церковноприходскими книгами, третьи фиксируют права и обязанности членов полурелигиозных объединений — «братовщин». Две последние категории особенно многочисленны в архиве задарской архиепископии, где группа историков, в первую очередь В. Цвitanович, провела обследование глаголических текстов, описав несколько сот рукописей⁴⁹. Описанные кодексы в массе своей представляют так называемые матицы, т. е. церковноприходские книги, в которых записывались акты крещения, бракосочетания и похорон (*matice krštenih, vjenčanih i umrlih*). Большая часть матиц относится к XVII—XVIII вв. и дошла до нас в хорошем состоянии, это источник настолько массовый, что полностью издавать его было бы излишним; видимо, поэтому исследователи ограничились лишь краткой описью каждой книги. Описи совершенно идентичны, они строятся по единому шаблону: сообщается дата составления книги, внешняя характеристика, имя составителя. Трудно извлечь что-либо существенное из такого краткого перечня, поэтому описания глаголических матиц являются, на наш взгляд, лишь подготовительным этапом работы по исследованию этих документов, хотя сами матицы, как мы надеемся показать далее, могут явиться первоклассным историческим источником.

В описаниях глаголических текстов изредка встречаются и поземельные документы; таковы, например, книга земельных владений монастыря св. Михаила на Заглаве (самый древний документ — 1577 г.⁵⁰) или решения венецианских властей по поводу споров роговских кметов с их аббатом. Но, безусловно, самыми интересными в задарском церковном архиве являются «матрикулы братовщин». «Братовщины» назывались в средневековой Хорватии корпорации как городского, так и сельского населения. Их основной целью являлась организация взаимопомощи и содержание в порядке приходских церквей, в городах же братовщины объединяли людей и по производственному признаку, являясь своеобразным эквивалентом цехов. Многие братовщины пережили средние века и сохранились в XIX в., но это были преимущественно сельские религиозные общины, объединявшие кре-

⁴⁸ Таковы, например, архивные акты из Копра в Северной Истрии, характеризующие деятельность францисканцев, издавна известных «глаголяшней», т. е. пользующихся глаголической письменностью. См.: V. Štefanić. *Glagoljaši u Koru* (g. 1467—1806). *«Starine»*, knj. 46 (1950), стр. 203—329.

⁴⁹ V. Cvitanović. *Popis glagoljskih kodeksa u zadarskoj biskupiji*. *«Starine»*, knj. 42 (1949), стр. 349—370; V. Cvitanović. A.-R. Filipi, P. Vlasanović. A. Strgacić. *Popis glagoljskih kodeksa u zadarskoj nadbiskupiji*. *«Starine»*, knj. 47 (1957), стр. 197—224.

⁵⁰ *«Starine»*, knj. 43 (1948), стр. 287.

стяян. Именно такими предстают перед нами братовщины в описях задарского архива⁵¹. Их уставы, «матрикулы», относятся главным образом к XVII—XIX вв., данных о XVI в. очень мало; в них помимо решений о постройке и охране церквей, сведений о приходском имуществе, хранящемся в ризницах, и правил благочестия нередко встречаются и более важные сведения о жизни сельского населения. Так, устав «братьев» св. Марии в с. Сали (Длинный остров) содержит указания о том, как выбирать сельского судью, о рыболовстве, бывшем важным занятием населения, об общинной организации — «пособие»⁵². Матрикулы сельских братовщин, может быть, и не дают представления об общественном весе, участии их в жизни страны, но позволяют судить о степени их распространенности⁵³.

Если обратиться к матрикулам городских братовщин, картина несколько изменится. В. Цвитанович опубликовал в 45-й книге «Старин» документы, относящиеся к деятельности трех братовщин из Задара XVII в.⁵⁴ Городские братовщины обладали правом выкупа заключенных из тюрем и с галер, и деньги, полученные в порядке благодарности (*elemosina* — «милостыня»), обращали на церковные нужды. Документы, изданные В. Цвитановичем, — это распоряжения венецианских властей в Задаре о помиловании преступников (1649—1773 гг.). В небольшой вводной статье В. Цвитанович сообщает сведения о том, каких категорий людей коснулось помилование (101 акт содержит отпуск на волю 104 человек), как совершалась эта процедура, и приходит к выводу о том, что самое право прощений со стороны братовщин является своеобразным показателем их участия в общественной жизни города (стр. 173). Остается добавить, что братовщины, о которых идет речь и которые активнее других пользовались этим правом участия в общественной жизни, были не чисто религиозными, а также и производственными объединениями (в Задаре существовало 23 ремесленных и 41 религиозная корпорации)⁵⁵. Это братовщины рыбаков (св. Андрея), деревообделочников (Богородицы Явленной — *Gospa od navještenja*) и крестьян — жителей предместья Варош (Богородицы Снежной).

Церковноприходские книги и уставы братовщин — матрицы и матрикулы — неоднократно анализировались. Однако, когда дело касалось книг из сельской местности, эти попытки в лучшем случае приводили к выяснению списка имен рожденных или взя-

⁵¹ Там же, стр. 261—284, № 123—129, 141, 144—146, 189—191.

⁵² Там же, стр. 284, № 191.

⁵³ Ср. мысль В. Штефанича о гипертрофии братовщин в средневековой Далмации («Enciklopedija Jugoslavije», t. 2, стр. 188).

⁵⁴ V. Cvitanović. Privilegij pomilovanja bratovština Gospa od snjega, Gospa od navještenja i sv. Andrije u Zadru. «Starine», knj. 45 (1955), стр. 173—255.

⁵⁵ Более подробно о братовщинах см.: V. Cvitanović. Bratovštine grada Zadra. Zb. «Zadar», Zagreb, 1964, стр. 457—470.

тых в кумовья при крещении⁵⁶ или завершались лингвистическим анализом памятника⁵⁷. Исключением является лишь публикация В. Штефаничем документов⁵⁸, относящихся к истории поселения Драгуч в Центральной Истрии. Ныне Драгуч — небольшое село, но еще в начале нынешнего столетия оно было довольно крупным поселением, а от XVI—XVII вв. сохранился архив частноправовых актов из Драгуча, составленных местным нотарием Андреем Матковичем. В. Штефанич останавливается на описании церковно-приходской книги из Драгуча (стр. 85—87), но основное внимание уделяет характеристике 105 нотариальных актов преимущественно завещаний. Это богатейший источник по истории хорватской деревни в Истрии, своеобразная параллель Момянскому катастиху, дополняющая его массой бытовых подробностей. Мы полагаем, что будущий исследователь аграрной истории полуострова должен будет использовать оба источника в самой тесной связи.

Но вернемся к матицам из города, рассмотрение которых может оказаться на редкость плодотворным. Работу подобного рода проделал Р. Елич, исследовавший состав городского населения Задара в конце XVI—начале XVII в. на материале записей о бракосочетании (*matice vjenčanih*)⁵⁹. Автор выполнил свою задачу с большой обстоятельностью: он называет церкви, в которых заключались браки, подсчитывает, что за период с 1576 по 1613 г. было совершено 2022 венчания, т. е. около 0,9% в год, что примерно равно современному уровню, что браки чаще всего заключались в январе, а реже всего — в марте (в пост) и в сентябре (во время сбора урожая); характеризует историческую обстановку, к которой относится составление книг. Конец XVI—начало XVII в. — это время, когда после Кипрской войны (1570—1573) к Турции отошел ряд мест в непосредственной близости от Задара, и город с окрестой стал испытывать постоянный недостаток продовольствия (стр. 355—367). В это время патрициат окончательно утрачивает былую власть над городом, она сосредоточивается в руках венецианских властей (капитана, камерленго, каштеляна). Усиливаются противоречия между нобилитетом и остальным населением города, искусно раздуваемые венецианцами.

В вводной статье Р. Елич излагает результаты своих демографических наблюдений. Так, из 5 тысяч имён, подсчитанных юм

⁵⁶ A. Jutronić. Najstarija sačuvana knjiga rođenih Sutivana (1622—1694). «Starine», knj. 47 (1957), стр. 223—236.

⁵⁷ B. Finka. Novigradska madrikula skule blažene divice Marije od svetoga Luzarija iz 17. stoljeća. «Starine», knj. 48 (1958), стр. 169—187.

⁵⁸ V. Štefanić. Glagoljski notarski protokol iz Draguča u Istri. «Radovi Staroslavenskog instituta» (далее: RSI), knj. 1 (1952), стр. 73—174.

⁵⁹ R. Jelić. Stanovništvo Zadra u drugoj polovici XVI. i početkom XVII. st. gledano kroz matice vjenčanih. «Starine», knj. 49 (1959), стр. 349—509.

во всех трех обследованных книгах, 3700 хорватских; в их числе около 1000 переселенцев из разных районов побережья (больше всего из Шибеника, Ульциня, Пага, Трогира, Котора и Нина). Таким образом, даже многолетнее господство венецианцев в городе не могло сколько-нибудь серьезно изменить этнический характер его населения. Автор приводит подробные данные о том, откуда приезжают в город итальянцы (около 20%), сколько албанцев (3,2%) и греков (2,4%, стр. 360—361). Если приезжие хорваты — это в основном ремесленники, моряки, рыбаки или землевладельцы и домашняя прислуга, то иностранцы составляют военный гарнизон города, его чиновную и церковную верхушку (стр. 361—364) ⁶⁰.

Сама публикация Р. Елича распадается на несколько частей. Вначале автор помечает список сокращений в тексте матиц, затем словарь сословных и профессиональных терминов (например, alfier — прапорщик; varoter — кожевник). Далее следует основная часть публикации — алфавитный список более чем двух тысяч лиц, заключавших браки между 1576 и 1613 гг. с указанием на род занятий, список тех же лиц, но уже распределенных по профессиям. Этот разбор дает автору возможность написать важную главу, посвященную характеристике профессионального состава города. Оказывается, книги чаще всего упоминают ремесленников — около 600 человек, среди них — 70 сапожников, 69 портных, 33 кузнеца, 26 кожевников, 24 бондаря, 19 брадобреев, 18 кораблестроителей, 14 столяров, 10 каменщиков и др. Очень много домашней прислуги (217 человек), около сотни моряков, гребцов, рыболовов; примерно столько же крестьян — zappa-dori, težaki и сравнительно мало купцов: сказывается вековая монополия Венеции на торговлю в Далмации.

Заключая свою публикацию, Р. Елич возвращается к проблеме борьбы с турецкой опасностью и утверждает, что именно эта борьба до известной степени укрепляла позиции католиков-венецианцев в христианской Далмации и позволила им удержать здесь свое господство в течение столетий. Большая статья Р. Елича вводит нас, таким образом, в проблематику средневекового хорватского города.

ГОРОД

В последние годы опубликовано немало источников по истории хорватского, преимущественно далматинского города. Ряд документов по истории Задара вошел в двухтомный сборник «Miscellanea» ⁶¹; особенно значительной оказалась публикация задарских документов в уже упоминавшемся сборнике «Spisi zadarskih

⁶⁰ См. об этом же работу: N. Čola k. Nacionalni i socialni karakter stanovništva Zadra i okolice u prošlosti. ZR, III (1954), стр. 350—361.

⁶¹ «Miscellanea», I, Zadar, 1949; II—IV, 1952.

bilježnika. Впрочем, говорить о последней публикации как о новинке не приходится: акты нотариев Кресте Тарабалло, самые древние нотариальные акты из Задара, уже издавались по частям Лукою Еличем в начале прошлого столетия⁶² и в значительной мере введены в научный оборот. Менее известны в литературе нотариальные акты из Сплита, причем порядок издания некоторых из них дает возможность поставить вопрос о принципах публикации источников.

В. Рисмондо, например, издает нотариальные акты XIV в. из сплитского архива выборочным порядком — он подчиняет свою публикацию задаче доказательства развитого характера торговли и мореходства в Сплите. Отыскав среди множества нотариальных актов 177 документов (подавляющее большинство из них — 170 актов — относится к периоду 1362—1373 гг.), характеризующих сделки аренды судов, найма моряков на службу, кредита на торговые цели, участия купцов, моряков и судостроителей в деловой жизни города, он публикует эти акты под общим заголовком «Морской Сплит второй половины XIV в.»⁶³ Публикация подобного рода, несомненно, достигает своей цели — она опровергает мнение о том, что Сплит «был городом без мореходных традиций» (стр. 8), но, с другой стороны, она рисует одностороннюю картину городской жизни, ибо трудно быть уверенным в правильности статистических подсчетов, произведенных на этой со специальной целью подобранный основе⁶⁴.

Иной характер носит публикация «имбревиатур» сплитского нотариуса Андрея де Саландис (1514—1518 гг.), проделанная Ловре Катичем⁶⁵. Содержание их очень интересно.

Ряд записей содержит упоминание о доходах сплитского архиепископа, о способе их взимания путем сдачи на откуп (№ 1), о разделе десятины между архиепископом и соборным капитулом (№ 2); приводятся денежные обязательства (№ 26), описание иму-

⁶² «Vjesnik zemaljskog arkiva u Zagrebu», god. I—III, 1899—1901. О ценности этой публикации, в частности для изучения социальной структуры городов, см.: М. М. Фрейденберг. Патрициат далматинских городов XIII—XIV вв. Сб. «Славянские исследования». Л., 1966, стр. 13—14.

⁶³ V. Rismundo. Pomorski Split druge polovine XIV st. Notarske imbrrevijature. «Izd. muzeja grada Splita», sv. 5. Split, 1954.

⁶⁴ Отметим попутно, что историю Сплита в том же XIV в. посвящена еще одна публикация В. Рисмондо (V. Rismundo. Markulin Slovetić i svjetlu nekoliko notarskih spisa. «Četiri priloga», Split, 1960, стр. 69—79). Она содержит 14 документов, характеризующих деятельность Маркулина Словетича, руководителя антипатрицианского восстания в Сплите 1398 г. Словетич выступает как крупный торговец, связанный с венецианским и флорентийским купечеством, ведущий солидные рыночные и кредитные операции с Боснией. Таким образом, очень характерно, что во главе широкого народного движения оказывается богатейший представитель сплитского купечества.

⁶⁵ L. Katić. Imbrrevijature splitskog notara de Salandis. «Starine», knj. 47 (1957), стр. 155—196.

щества аббатисы (№ 36), акты раздела приданого (№ 42 и 46). Сравнительно мало актов, которые позволили бы рассмотреть ремесленное производство города и социальные отношения в нем, так как имеются лишь упоминания об отдельных профессиях. Ремесленники, упомянутые в памятнике, чаще всего выступают в роли собственников или арендаторов земли. Так, викарий сплитского архиепископа сдает в держание 35 «вретен» (около 3000 кв. м) земли бондарю (в другом месте он назван брадобреем — tonsor) Ивану Перлабетичу, сдача совершается из пятой доли урожая, она обставляется не как аренда, а как бенефиций (№ 58). Брадобрей Доминик Буратович арендует землю архиепископа, обязуясь вносить $\frac{1}{3}$ урожая и при этом ежегодно вывозить на 11 сотых га земли 40 корзин навоза, — один из редких примеров того, как удобрялись поля в это время (№ 59). Вдова мастера Петра Марангонича (marangon — плотник) Дракица продала свой виноградник вопреки воле своего сына, бедного священника, который возбудил против матери тяжбу, утверждая, что ему нечем кормиться. Характерно, что покойный муж Дракицы был не только ремесленником, но в то же время обрабатывал землю (№ 5). В записях упоминаются крестьяне — villici — окрестных деревень Жрновице и Вранице, платящие десятину в пользу архиепископа (№ 8, 9). Сельское хозяйство Сплита постоянно страдает от не прекращающихся набегов турок: в полон уводятся люди и скот, иногда подолгу не обрабатываются поля, в соглашениях об использовании мельниц предусматривается случай, что они могут быть сожжены неприятелем (стр. 194).

Можно привести ряд других не менее интересных свидетельств памятника, но характерно, что издатель (Л. Катич) публикует его не полностью, кое-что приводя в собственном пересказе. Этот пересказ достаточно подробен и, на наш взгляд, не затрудняет почти всестороннее использование источника. Поэтому такой метод, несмотря на его известную необычность (остается, в частности, непонятным, по какому принципу издатель разделил документы, пересказывая одни и оставляя в оригинале другие), приемлем для публикации массовых источников XVI—XVII вв.

Этот метод Л. Катич применяет и в других своих публикациях. Так, в архиве сплитского капитула он нашел несколько десятков завещаний, составленных в пользу одной из крупных сплитских братовщин — братовщины Пресвятого таинства⁶⁶. И здесь Л. Катич счел излишним публиковать полностью составленные по единому шаблону документы, он ограничился пересказом их содержания, только в самых интересных случаях приводя текст. Завещания состоят из двух томов; в первом находится 30 актов, охватывающих период от 1516 до 1693 г. Отдельные акты пере-

⁶⁶ L. Katić. Iz knjige oporuka splitskog kaptola. «Starine», knj. 49 (1959), стр. 81—104.

сказываются очень подробно (завещание Бернардина Наталиса — стр. 81—82), пересказ других занимает всего несколько строк (завещание Ивана Транквилио — стр. 87), иногда среди актов встречаются запродажные сделки (стр. 88). Второй том описан Л. Катичем менее последовательно, содержание многих документов вообще не передается, приведены целиком только самые интересные документы, например опись дарений сплитскому капитулу — это целый маленький картулярий (стр. 100—102, 104).

Результаты своих наблюдений Л. Катич сводит в общую характеристику Сплита XVI—XVII вв., где отмечено преимущественно хозяйственное и общественное состояние города. Он повторяет уже высказывавшееся им ранее мнение об отсутствии разделения труда между ремеслом и земледелием в Сплите, называя жизнь города «патриархальной» (стр. 102), касается аренды: в ее втянуты не только мелкие собственники, строящие на снимаемой земле свои покрытые камышом хижины, но и крупные церковные собственники. Перечень одежд и утвари, встречающийся в завещаниях, позволяет создать картину городского быта тяжелого военного времени, когда у ворот города стояли турки. Труднее воссоздать картину социального строя в городе, интерес представляет в этом отношении повторенное в трех актах запрещение сдавать дома какому-либо нобилю («властелину»); это указание исходит от рядовых горожан, основных авторов завещаний.

Коснемся формы публикации памятника. Правомерно ли поступать так, как поступил Л. Катич в данном случае, отказавшись, за малым исключением, от публикации документов, т. е. от публикации их полностью, и перейдя к их пересказу? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся лишь к одному акту, который сам издатель называет наиболее интересным, — к завещанию аббата Иеронима Цельсия (1693 г.). Л. Катич излагает его содержание совсем сухо, даже суще, чем остальные акты, но эта сухость особого рода. Он ограничивается перечислением завещанного имущества, однако этот перечень обладает настоящим богатством содержания: он занимает целых 5 страниц (стр. 90—95) и позволяет полностью восстановить картину жизни богатого горожанина. Здесь перечислены столы, кровати, скамьи, ларцы, множество резных столиков, ножи, мечи, перстни, покрывала, жаровни, портреты, картины и даже географическая карта; бочки с вином, закрома, кухонная посуда, 20 серебряных лир, 190 итальянских «скудо» и 550 венецианских цехинов, спрятанных в ларцах и мешочках. Все это выписано в столбцы, удобно расположено и легко поддается подсчету; таким образом, метод, используемый Л. Катичем, в известной мере представляет собой шаг на пути исследования документа, не закрывая в то же время возможностей последующего, более углубленного анализа.

Особой формой публикации архивных данных следует считать и способ, использованный акад. Ц. Фисковичем в его работе

«Задарские средневековые мастера»⁶⁷. Книга посвящена истории художественного ремесла в Задаре XII—XVI вв.; автор ставит своей задачей собрать и привести в систему все сведения о ремесленниках, связанных с архитектурой и резьбой по дереву, скульптурой, живописью и ювелирным делом; в его планы, таким образом, не входит специальная публикация источников. И тем не менее его книга вольно или невольно приобретает характер такой публикации, ибо в примечаниях автор приводит выдержки из нескольких тысяч доселе неизвестных актов, хранящихся в Задарском историческом архиве. Часть из них очень невелика: несколько слов, одна-две строчки, часть документов приводится почти полностью, представляя, таким образом, одно из первых⁶⁸ изданий источников, специально посвященных истории задарского ремесла. Книга делится на две приблизительно равные части: 125 страниц исследования и 72 страницы петита, примечаний-публикаций. В этом смысле работа, проделанная Ц. Фисковичем, напоминает публикацию В. Рисмондо о мореходстве и торговле средневекового Сплита.

Впрочем, документы по истории средневекового далматинского города издаются не только в отрывках или пересказе. Нотариальные акты нотария Николая из Ангубия 1361—1366 гг. из архива сплитского капитула недавно полностью опубликовал В. Рисмондо. 54 акта обширного состава относятся к истории сплитской церкви, они содержат в основном перемещения в составе духовенства (назначения на «пребенды») и с этой точки зрения мало что дают для истории города. Но для истории внутрицерковных противоречий, в частности борьбы между архиепископом и священником Степаном, пользовавшимся поддержкой трогирского духовенства, для характеристики состояния далматинской церкви в эпоху, предшествующую появлению антицерковных движений, источник дает очень много. Кроме того, акты позволяют локализовать ряд топонимов в окрестностях Сплита и уточнить имена, известные из других сплитских документов, в частности из тех, которые были составлены современником Николая из Ангубия — Джованни (Суве) из Анконы. В небольшой статье, которой В. Рисмондо сопровождает эту публикацию, интересна этимология термина *Sdorium*, каковым в Сплите обозначалась крупнейшая в городе корпорация — братовщина моряков св. Николая *de Sdorium*: В. Рисмондо возводит этот термин к латинскому *consistorium* (стр. 61).

⁶⁷ C. Fisković. *Zadarski sredovječni majstori*. Split, 1959.

⁶⁸ В 1942 г. в Задаре вышла работа итальянского историка А. Тейя о задарском ремесле XIII—XIV вв., где автор сделал первую попытку извлечь из архивов и опубликовать документы по этому вопросу (A. Teja. *Aspetti della vita economica di Zara dal 1289 al 1409*, p. III. *L'esercizio delle arti e mestieri*. Zara, 1942).

Интересное открытие сделал М. Зячич, отыскав в задарских хранилищах нотариальные записи из Шибеника⁶⁹. Шибеник, как известно, не принадлежит к числу романских городов, он был основан славянами после их прихода на Балканы. Когда будут открыты различия в развитии городов, оставшихся от античности и созданных в средние века, акты из Шибеника дадут особенно благодарный материал для сравнения и параллелей. Пока же нотариальные записи из Шибеника, изданные М. Зячичем, — это одна из первых публикаций по внутренней истории этого малоизученного города. Многое бросается в глаза даже при первом знакомстве с публикацией М. Зячича: подавляющее большинство жителей города состоит из хорватов и даже нотария зовут славянским именем (Славогост). Публикация весьма компактна: 106 актов относятся к промежутку менее чем в три месяца (с 24 марта по 10 июня 1386 г.), форма составления документов весьма близка к той, которая была принята в соседнем Трогире⁷⁰, только в Шибенике текст грамоты реже сокращается. Опытный издатель М. Зячич сопроводил публикацию тщательно составленными указателями — именным, предметным и географическим. В вводной статье он не только отмечает топографические особенности средневекового Шибеника (местоположение крепости Лаб, монастыря св. Спаса), но и ссылается на старые, малоизвестные работы историков о Шибенике⁷¹.

Совсем другого рода документом являются отрывки из дневника школьного учителя XVI в. из Сплита⁷². Памятник невелик, он занимает всего 8 страниц, но скромность изложения не помешала его автору донести до нас множество ценных сведений. Дневник содержит записи, которые сплитчанин Яков Радович (или в латинизированной форме—Гауденцио) с любопытным прозвищем «Абако» («счетная доска») вел в 1524—1557 гг. Записи распадаются на четыре части: 1) перечень важнейших политических событий, 2) домашние счета, 3) список умерших родственников и 4) список детей, учившихся в школе Якова Радовича. Документ написан по-итальянски и дошел до нас в списке XVIII в. Первая часть дневника (стр. 282—285) содержит описание событий в районе Сплита во второй четверти XVI в.: осады турками Клиса и Сплита, действия венецианского войска и флота в 1535—1537 гг. и пр. Этот фрагмент является отличным, доселе неизвестным свидетельством очевидца событий. Меньшую ценность имеют две последние

⁶⁹ M. Zjačić. Spisi šibenskog notara Slavogosta. «Starine», knj. 44 (1952), стр. 201—296.

⁷⁰ См. по этому вопросу: М. М. Фрейденберг. О формуляре нотариальных актов из Трогира. «Славянский архив», М., 1963, стр. 3—11.

⁷¹ Большинство из них было опубликовано в свое время в «Nuovo Cronista di Sebenico» (Trieste).

⁷² P. Janko. Fragmenti dnevnika jednog splitskog učitelja iz prve polovine XVI. vijeka. «Starine», knj. 45 (1957), стр. 281—290.

части документа (стр. 288—290), они позволяют лишь установить, что в ноябре-декабре 1527 г. в городе свирепствовала чума, что в школе Якова Радовича учились дети сплитских побилей и, наконец, в некоторых случаях определить размер платы за обучение (8 либр в год).

Зато подлинным богатством для изучения внутренней, главным образом хозяйственной, жизни города и окрестностей являются сохранившиеся в дневнике записи домашних расходов. В них мы находим указания на колебания цен на городском рынке (в сентябре «стара» ячменя стоит 4 лиры, в феврале — уже 6 лир), на то, что учитель Радович состоит членом братовщины и вносит деньги на общую пирушку (*gostba*, пишет он по-славянски), на размер хозяйства этого, видимо, зажиточного горожанина: у него есть дома, повозки, земля. Основная часть его расходов идет на сельскохозяйственные нужды: на его виноградниках во время сбора урожая работают до 15 человек мужчин и женщин, причем женщинам платят по 4 сольда в день, мужчинам — в два раза больше, по 8 сольдов. Заметки учителя поясняют и хозяйственный календарь горожанина: помимо осенних работ, много усилий отнимают и дорого стоят предвесенние работы в винограднике: вскопать (*zerpir*) «вертен», т. е. 8,4 сотых га, стоило 16 денариев.

Дневник школьного учителя, вводящий нас в частную жизнь горожанина, можно дополнить рядом таких же частных документов из того же Сплита. Это описи имущества (инвентари) сплитских горожан второй половины XVI—XVII в., опубликованные Д. Божич-Бужанич⁷³ и содержащие перечень мебели, одежды, кухонной утвари в домах ремесленников, домовладельцев и патрициев. Инвентарям, составленным по-итальянски, предшествуют обстоятельные вводные статьи, содержащие предварительный анализ опубликованного материала и разъясняющие значение многих приведенных терминов. Данные инвентарей позволяют судить о некоторых важных сторонах экономической жизни средневекового далматинского города: о наличии ткацких станков в большинстве домов, а следовательно, и о сохранении текстильного дела в составе домашней промышленности; об обилии кожаных изделий в городском быту, что в известной мере объясняет развитость кожевенного производства; о том, что горожанин был часто связан с различными ремеслами (Марк Сараевац, например, занимался и кожевенным и хлебопекарным делом).

С обликом дома богатого горожанина знакомит и публикация А. Ютронича «Строительство дома Каванина в Сутиване на

⁷³ D. Božić-Bužanić. Prilozi poznavanju interijera kuće u Splitu iz druge polovine 16. vijeka. «Tri priloga», Split, 1961, str. 95—128; она же. Interijer kuće u Splitu u 17. vijeku. «Izdanje Historijskog arhiva u Splitu», sv. 5, Split, 1965, str. 113—169; A. Koludrović. U kući jednog kaštelaškog seljaka 1740 god. ZR, 1963, № 5, str. 407—412.

о-ве Брач» в 1690—1705 гг.⁷⁴, позволяющая узнать способ строительства подобных домов. Речь идет о Еролиме Каванине, известном общественном деятеле и писателе (1643—1711), авторе поэмы «Богатство и бедность».

Исследование, которым автор сопровождает издание памятника, подчинено не тем задачам, каковые представляют основной интерес для нас: для А. Ютронича важно установить, что дом Е. Каванина, который искали в Сплите, в действительности находился на о-ве Брач, выяснить генеалогию рода Каванинов (стр. 12—18) и определить имена всех мастеров из Сплита и с Брача, участвовавших в постройке (стр. 34—40). Эта работа сама по себе достаточно интересна, и для того, кто займется историей о-ва Брач в средние века, она просто необходима. Но для нас первостепенный интерес представляет сама расходная книга Е. Каванина, перечень расходов на строительство дома, который А. Ютронич поместил в середину своего исследования (стр. 23—31). В этом написанном по-итальянски документе мы знакомимся не только с расценками на отдельные строительные работы, здесь бросается в глаза то, что в отдельные дни на строительство является около полутора сотен человек; так, 18 мужчин и 122 женщины пришли на постройку в один из дней 1691 г., и каждому мужчине было заплачено по 3 лиры, каждой женщине — в три раза меньше. Вряд ли можно заключить, что эти люди жили исключительно продажей своей рабочей силы, видимо, это окрестные крестьяне, которые ищут приработка на стороне. Заметно и то, что на стройке нет подрядчика, который взял бы на себя наем каменщиков, этим занимается сам хозяин⁷⁵.

Род Каванинов прославил себя не только литературным трудом. В городском музее Сплита хранится книга на 274 страницах, состоящая из копий 1103 писем, отправленных своим торговым контрагентам купцом Марком Каваниным, — интереснейший источник для истории балканской торговли первой половины XVII в. Марк Каванин, выходец из Италии, был крупнейшим сплитским негоциантом и свидетелем торгового расцвета Сплита. В это время город не был ни большим, ни богатым, его население не превышало 3 тыс. человек (стр. 105), но торговля города росла, и все большее товаров проходило через основанный еще в конце XVI в.

⁷⁴ A. Jutronić. *Gradnja Kavanjinove kuće u Sutivanu na Braču*. «Starine», knj. 48 (1958), стр. 7—46. О завещании Е. Каванина («Орогука Јеролима Каванина». Уредакцији Ћ. Ћићин-Саина, Сплит, 1951) см. заметку А. Е. Москаленко и И. И. Романовой в «Славянском сборнике» (I, Воронеж, 1958, стр. 147).

⁷⁵ Есть еще один источник, который знакомит нас с постройками XVII—XVIII вв., но уже не в процессе строительства, а в законченном виде. Это описание на латинском языке церкви Девы Марии около с. Златар (вблизи Бараждина) — V. Nogović. *Opis nove župne crkve Bl. D. Marije u Delcu* g. 1758. «Starine», knj. 44 (1952), стр. 7—24.

торговый склад с таможней и карантином⁷⁶. Сюда прибывали торговцы кожей и мастера-кожевники из Боснии, здесь же находился специально назначенный турецкий чиновник, надзирающий за деятельностью боснийцев — турецких подданных; именно этой боснийской торговле и посвящена большая часть писем Марка Каванина. 850 писем, вошедших в публикацию, обнимают период в основном с 1643 по 1666 г., только часть первых писем приведена на языке оригинала, по-итальянски, да и то в отрывках, остальные же представляют собой пересказ, дающий удобный материал для статистических подсчетов.

Задар представляет не меньший интерес для исследования средневекового далматинского города. Особенno ярко облик Задара начала XVI в. характеризует документ, найденный в одном полуразрушенном доме в ноябре 1944 г., сразу же после освобождения города от фашистских захватчиков, и опубликованный С. Гунячей в 1949 г.⁷⁷ Памятник, написанный в XVIII в., представляет собой краткие записи договоров, оформлявшихся городским нотарием Антонио де Зандонатисом с 1501 по 1512 г. (особенно много актов в нем относится к 1508 г.). Каждая запись-регистрация представляет 5—7 написанных по-итальянски строк, пересказ не дошедших до нас документов, причем пересказ, в котором нет никаких громоздких оборотов, так затемняющих смысл в других городских актах. В этом смысле *Repertorium* нотариуса Антонио является противоположностью имбревиатурам из того же Задара, Трогира и Шибеника. Для реестров *Repertorium*'а характерна предельная деловитость, сразу же обнажающая содержание документа, например: «1507, 12 dicembre, per maistro Simon Gallelich calafato di Zara, aquisto dal Matteo Barichievich dal subborgo di Zara, di gognali 2 di capi di viti posti in villa Gas-senizze sopra fondi del signor Simon de Fanfogna in loco Polfrate, per L. 42 de piccoli»⁷⁸. Богатство содержания и делает *Repertorium* первоклассным источником по социально-экономической истории города, остается пожалеть о том, что за 15 лет, прошедших со времени его опубликования, он ни разу не привлек специального внимания исследователей и критики, которой удостоился, например, Задарский катастик. А между тем он этого заслуживает. Уже С. Гуняча, издавая источник, обратил внимание на то, что он в состоянии дать ответ на вопрос об имущественных прослойках в городе, о ценности земли, о развитии ремесла, о топографии

⁷⁶ Č. Ćićin-Šain. Pisma Marka Kavanića splitskog trgovca iz prve polovine XVIII stoljeća. «Starine», knj. 49 (1959), str. 105—226.

⁷⁷ S. Gunjača. Repertorium actuum domini Antonii de Zandonatis olim publici et iurati notarii Jadre. «Starine», knj. 42 (1949), str. 261—347.

⁷⁸ «1507. 12 декабря, для мастера Симона Галелича, кононатчика из Задара, купившего у Матвея Баричиевича из предместья Задара 2 гония виноградных лоз, расположенных в деревне Ясенице во владениях сеньора Симона де Фанфонья в уроцище Полтрате, за 42 малые либры» («Starine», knj. 42, str. 296).

сельской округи Задара. Попытаемся определить, какие стороны хозяйственной жизни, социальной структуры города и сельской округи способен осветить анализ этого документа.

Город делится на цитадель, в которой стоит венецианский гарнизон (*soldati della Cittadella*), сам город (*città*), посад (*borgo*) и предместья (*subborghi*). Основная его часть распадается на ряд «концов» (*contradi*), составляющих отдельные приходы — *contrada di S. Katarina*, или ремесленные кварталы — *contrada dell'orefici (aurifices)*, *contrada di fabri (calle di fabri)*.

В сфере влияния города находится материковая округа, значительно урезанная в результате турецких вторжений, и многочисленные острова. Договоры в большинстве своем фиксируют покупку или аренду земли, поэтому перед нами особенно отчетливо вырисовываются сельские занятия горожан. Они являются владельцами небольших хижин, крытых соломой или камышом, садов, давилен для вина и прессов для масла, они строят мельницы на общинной земле, возводят загоны для скота, берут его на выпас у крупных собственников мелкими или крупными (в 900 голов) стадами. Но чаще всего горожане разводят виноградники размером в несколько гоняев и арендуют пастбища для выпаса собственного скота. Съем земли в аренду — *affitanza* — такое же распространенное явление в пригородной деревне, как и наем дома для жилья в городе.

Впрочем, поземельные отношения предстают не только в форме аренды («колоната»). Записи Антонио де Зандонатис содержат упоминание и о феодальной повинности, известной в сербско-хорватских землях под названием «згон»⁷⁹. В акте 12 мая 1511 г. Николо Чимилич уступает на три года в аренду Томазо Дужичу с Симоном Сарсичем, а также всем крестьянам из дер. Дикло свои пастбищные угодья (*terreni pascolati*) в с. Черодол за сравнительно небольшую плату — 20 либр в год, но при этом с обязательством «приходить для вспашки зголов с жалованием в 10 сольди на человека с [пахотным] скотом и 6 сольди — без скота» (*venir ad arrar li sgoni, con mercede all'uomo e animali soldi 10 e senza animali soldi 6*)⁸⁰. Таким образом, оказывается, что, во-первых, «згон» (или «згоны», *sgoni*) выступает не как отработочная повинность держателей, а как земля, на которой они трудятся⁸¹; во-вторых, згон на землях задарского нобилитета в начале XVI в. связан не с барщицой, а с работой, выполняемой наемными работниками. Крестьяне, упоминаемые в тексте акта, именуются *vili-*

⁷⁹ См. о «згоне» XVI в.: М. М. Фрейденберг. «Новиградский сборник» как источник по социально-экономической истории Хорватии. «Славянский архив». М., 1962, стр. 49—50.

⁸⁰ «Starine», knj. 42, стр. 286.

⁸¹ Это подтверждает правоту М. Барады, установившего, что «згоном» называлась в это время господская запашка. См. М. Вагада. *Starohrvatska seoska zajednica*. Zagreb, 1957, стр. 134—136.

lici, односельчане — convillici, это позволяет решить недоразумение, возникшее у исследователей при изучении другой задарской описи — Задарского катастиха, когда Н. Клаич приняла villici за сельских судей⁸².

Любопытен состав городского населения. Здесь можно найти выходцев почти из всех мест далматинского побережья: каменотесов из Сплита, патрициев и моряков из Шибеника, переселенцев из-под Биограда (из Роговского аббатства) и с островов. Много переселенцев из Фриуля, Венеции и Марки. С. Гуняча был прав, отметив, что большинство иностранцев — это выходцы из Северной Италии (стр. 263). Он не ошибся, полагая, что эти люди являются лишь пришельцами в городе, в котором основная часть, его коренное население, состоит из хорватов. Не удивительно, что даже в итальянском тексте актов все время встречаются чисто славянские слова, вроде *gognale* (гоняй) или *ograda*.

Интересные наблюдения ожидают исследователя в области производственных отношений. Задар в 1501—1512 гг. — это город, в котором высокого уровня достигло разделение труда в ремесле, город разнообразных ремесленных профессий (*Repertorium* называет кожевников, сапожников, портных, чесальщиков шерсти, красильщиков, плотников, судостроителей, бондарей, весельщиков, каменщиков, кузнецов, оружейников, ювелиров, модельщиков, мясников, мельников, хлебопеков, солеваров, брадобреев, строителя цистерн). Засвидетельствовано существование ремесленной организации; в одном из актов упомянут *proto di calafati*. Очень часто упоминаются моряки, их, в отличие от ремесленников, постоянно именуют «синьорами». Городскую верхушку легко отличить по титулу «синьор» и этнической принадлежности: она, как правило, состоит из итальянцев и выходцев из других городов (особенно много *nobili di Sebenico*). На другом полюсе городского общества находятся слуги (*servi di casa*) и обедневшие горожане, например, та вдова Катарина, которая отдает все, что имеет (*tutti i suoi beni, mobili e stabili*) за одежду и прокорм. Наиболее часто упоминаемая категория населения — это крестьяне (*zappatori*), которые работают на виноградниках, нередко живут в полуразрушенных хижинах (*casetta minacciante rovina*) и постоянно нуждаются в земле для пастьбы скота. Наконец, *Repertorium* дает представление и о политической обстановке вокруг Задара на рубеже XV и XVI вв., о войне 1499—1503 гг.; мы читаем об уведенных турками в рабство (*schiaivi in Turchia*). Таково содержание *Repertorium*, выясняющееся даже при самом беглом знакомстве с ним.

⁸² См. рецензию Н. Клаич на «Zadarski katastik» в *HZ*, god. IV (1951). На это обратил внимание С. Антоляк в «Starine», knj. 49 (1959), стр. 228, прим. 8; ошибочность своего мнения косвенно признавала и сама Н. Клаич в *HZ*, god. XIII (1960), стр. 243—244.

В 1948—1951 гг. М. Барада выпустил в свет 3 тома нотариальных актов из Трогира: два тома нотариальных тетрадей и один том судебных протоколов⁸³. Значение этих актов, которые и сами по себе являются первоклассным источником, особенно велико именно в силу их массовости; их более 2 тыс. (1701 нотариальный акт и 308 судебных протоколов). Не будем останавливаться на характеристике содержания трогирских актов, уже сейчас ясно, что обработка этого массового материала позволяет прийти к важным выводам относительно внутреннего развития далматинского города⁸⁴. Работа по анализу трогирских актов заметно облегчается развернутым указателем; впрочем, в первых двух томах он построен по-разному. В первом томе его составительница Н. Клаич дает ссылки на страницы, а во втором томе — на номер нотариальной тетради и номер акта в этой тетради, читателю приходится проделывать каждый раз излишнюю работу, и хорошо, что в третьем томе составители индекса отказались от этого неудобного метода. В целом же указатель составлен очень добросовестно, можно назвать лишь немного случаев, когда отдельные имена не учтены или неверно идентифицированы. Так, пропущены имена Богдана, сына Volchemeri (стр. 341), Марии, дочери Raccie (стр. 25), Мартинусия, сына Димитрия (стр. 120), Petrosscus, сына Драгоша (стр. 146), Радобрата (стр. 264), Radosscus, сына Миллетины (стр. 407), Тодеруса, сына Пипи (стр. 175), Circus, сына Козмусевича (стр. 271), не учтено имя Ивана Триенте на стр. 58—60, 127, имя Ивана Смодай на стр. 96. Неверно отождествлена рабыня Десола (стр. 245) с Десолой, сыном Майерке (стр. 368) и, напротив, напрасно не отождествлен Лаврентий Скандарелла Карноско с Лаврентием Скандареллом из Задара, каменщик Тодерик и каменщик Тодерикус, а Юлий Plusie с Юлием Plocie. Наконец, неясно, почему в отдельных случаях против названия местностей стоит определитель «ос.», а против других (и весьма многочисленных) этого нет, например Ceptina, Chelm, Brisia⁸⁵.

Упомянем еще одну важную публикацию, проливающую свет на этнический состав далматинского города в средние века, — проблему сложную и не потерявшую актуальности и в наши дни. Итальянская историография упорно пыталась доказать отсут-

⁸³ M. V a g a d a. *Trogirske spomenici*, dio I, sv. I—II. (Zapisci pisařne općine trogirske). Zagreb, 1948—1950; dio II, sv. I. (Zapisci sudbenog dvora općine trogirske). Zagreb, 1951.

⁸⁴ M. M i r k o v i ē. Ekonomski odnosi u Trogiru u XIII. stoljeću. HZ, god. IV (1951), стр. 21—54; М. М. Фрейденберг. Ремесло в Трогире XIII в. «Уч. зап. Великолукского пед. ин-та», вып. 24, 1964, стр. 126—151.

⁸⁵ Упомянем еще об одном, не изданном, но известном в литературе источнике из Гргири — «заводе», или описи его земельных владений. Опись была составлена потарицем Антонио de Seregnis в 1325—1327 гг.; список рукописи был сделан М. Барадой и передан им М. Хорвату.

ствие или малочисленность славянского населения в городах Далматинской Хорватии. Исследования хорватских ученых, проведенные в последние годы, показали полную необоснованность этого взгляда, находки же архивных данных с каждым годом все более подкрепляют этот тезис хорватской историографии. К их числу относится и открытая Амосом Филипи в Ватиканской библиотеке рукопись 1603 г. В этом году епископ Микаэль Приули по поручению папы Клемента VIII объехал далматинские церкви и монастыри в качестве папского «визитатора». Результаты его посещения отчетливо обнаружили, что монахи всех задарских монастырей разговаривали между собой по-хорватски, а во всех задарских церквях проповеди велись на хорватском языке⁸⁶. Тексты, которые приводят А. Филипи, и факсимиле, которыми сопровождается его публикация, подтверждают эту мысль, доказывая тем самым несомненный факт преобладания хорватского населения в городе, который в течение многих столетий находился под венецианским господством.

Значительно меньше материала публиковалось в последнее время по истории города во внутренней, Посавской Хорватии. Этой проблеме посвящена лишь публикация И. Баха, нашедшего в музее Вараждина правила цеха ювелиров, изданные в 1613 г. и утвержденные Фердинандом II в 1628 г.⁸⁷ Документ представляет собой королевскую грамоту, начатую и законченную полатыни, но в основном написанную по-чешски, содержание которой издатель передает во вступительной статье. Второй памятник из Вараждина представляет хозяйственые записи городского чиновника (*officialis, zodech*), призванного осуществлять контроль за обширной сельской округой города. «Зодех» Гашпар Мазален-Садаич, отправлявший эту должность в 1562 г., оставил после себя записи расходов, сделанные в календарной последовательности⁸⁸. Таким образом, мы получаем представление о годичном цикле хозяйственных работ, которые велись городской управой, а также о взаимоотношениях города с окрестными крестьянами, о сборе поземельных рент и строительстве, далее о поддержании в порядке хозяйственных построек. Издатель документа К. Филич обращает также внимание на существование вотчинной администрации на принадлежащих Вараждину землях (бывших, кстати, самыми обширными городскими владениями во всей Хорватии),

⁸⁶ A.-R. Fili p i. Hrvatski govorni jezik u Zadru prema dokumentu iz godine 1603. Zb. «Zadar», Zagreb, 1964, str. 431—440.

⁸⁷ I. Bach. Povlastice i pravile varaždinskog zlatarskog ceha 1613 godine. «Starine», knj. 49 (1959), str. 235—246.

⁸⁸ K. Filič. Regest Gašpara Mazalena-Sadaića, gradskog oficialasudca iz godine 1562. «Starine», knj. 49 (1959), str. 301—320. О земельной политике г. Вараждина двумя столетиями позднее см.: K. Filič. Regest o dodjeljivanju gradskih zemalja varaždinskim gradašima iz godine 1742. «Starine», knj. 50 (1960), str. 313—352.

в том числе и на существование так называемого «вальпата»⁸⁹. Наконец, есть один поздний документ из того же Вараждина — правила цеха брадобреев, лекарей и банщиков, утвержденный Карлом VI в 1724 г.⁹⁰ Ценность этого памятника для средневековой истории Хорватии заключается в том, что он позволяет восстановить более ранний устав того же цеха, относящийся к 1557 и 1561 гг. А. Виссерт сопровождает публикацию фотокопией первой страницы документа с печатью, на которой автор читает: HAÜBT LAD SIGIL IN WARASDIN (стр. 232). Таким образом, есть основания использовать эту публикацию для характеристики отношений в ремесленном цехе XVI в.

Мы не касаемся в нашем обзоре городских актов из Риеки: эти публикации заслуживают особой оценки⁹¹. Следует упомянуть лишь издание городского статута Риеки 1530 г., предпринятое З. Херковым в 1948 г.⁹² и тем более важное, что истории Риеки до сих пор не уделялось внимания со стороны хорватских исследователей⁹³. Важно, что З. Херков не только дает полный текст статута вместе с переводом на хорватский язык, но и предпосыпляет этой публикации обширное введение, где подвергает критическому рассмотрению взгляды итальянских историков, пытающихся доказать итальянский характер города, его права и учреждений, его этнического состава.

К истории города, а также к проблеме классовой борьбы в городе и на селе относятся интересные документы, опубликованные Г. Новаком в 1958 г.⁹⁴ и связанные с восстанием на о-ве Хвар в 1510—1514 гг. Яркая вспышка борьбы на Хваре, восстание крестьян и городских низов против местногоnobилитета, нашло отражение в хорватской историографии⁹⁵. Документы, которые Г. Новак отыскал в венецианском архиве, позволяют пролить свет на последствия восстания и, в частности, на деятельность его руководителя, Матии Иванича и его сына Ивана. Распоряжения дока, решения совета десяти и допесения венецианских властей на острове свидетельствуют о том, что еще в продолжение 5 лет после окончания восстания, т. е. в 1514—1519 гг., Матия Иванич, находясь то в Краине, то в Апулии, продолжает бороться за достижение основной цели восстания — за уравнение в правах

⁸⁹ D. Klen. Valput u Istri. ZHI, sv. 3 (1961), стр. 297—330.

⁹⁰ A. Wissert. Pravila radničkog ceha u Varaždinu. «Starinë», knj. 48 (1952), стр. 231—248.

⁹¹ Частично мы стремились проделать эту работу в своей рецензии на публикацию книг риекского погоря Антонио де Рендо («Славянский архив», 1963, стр. 140—148).

⁹² Z. Negkova. Statut grada Rijeke. Zagreb, 1948.

⁹³ См. заметку Р. Барбалич в JZ, I (1956), стр. 371—372.

⁹⁴ G. Novak. Nepoznati dokumenti za povijest «Pučkog prevrata na Hvaru 1510—1514» i za dalju borbu pučana za ravnopravnost sa vlastelom u komuni Hvara. «Starine», knj. 48, стр. 387—429.

⁹⁵ G. Novak. Pučki prevrat na Hvaru, 1510—1514. Zagreb, 1918 и др.

народа («пуга») с дворянством («племством») (см. документы 1—14). Волнения на острове не утихают и после его смерти, об этом свидетельствуют распоряжения венецианского правительства об энергичной расправе с мятежными элементами вплоть до конфискации их имущества (документ 15); в качестве руководителя недовольных мы находим сына покойного вождя восстания — Ивана Иванича, которого с рядом других лиц дож распорядился не допускать к занятию государственных должностей (документ 22). Об Иване Ивапиче мы вновь узнаем по данным 1553—1556 гг., когда на острове опять начинаются волнения (документы 23—25), и, наконец, в 1573 г., одновременно с развертыванием крестьянской войны в Славонии (но, судя по отсутствию сведений, без связи с нею), когда 70-летнего Иванича чины венецианской администрации именуют «главой и автором всех смут» (документ 26). Г. Новак заканчивает свою работу выводом, что как отец, так и сын Иваничи, до конца своих дней остались борцами за дело народа⁹⁶.

Укажем и на публикацию «Хроники острова Брач», выпущенную известным знатоком брачских древностей А. Ютроничем. «Хроника»⁹⁷, написанная в XVII в. Вицко Продичем, дошла до нас в списке 1885 г. Она упоминается в литературе с 1802 г., но только сейчас издается в первый раз. Автор начинает ее с описания острова времен Троянской войны и, упомянув кратко о периоде римского господства, сравнительно подробно характеризует события XI—XII вв. Наиболее обстоятельно описаны XIV и XV века в связи с венецианским проникновением в Далмацию. «Хроника» невелика, вместе с подробным оглавлением она умещается на 24 страницах (стр. 335—358) и разбита на 123 главки небольшого размера. В введении А. Ютронич характеризует рукопись из архива Югославянской Академии наук и искусств, с которой было сделано данное издание, и некоторые другие ее списки, приводит литературу вопроса и устанавливает даты жизни автора (1628—1663).

* * *

Мы сознаем, что публикации в настоящем обзоре освещены неодинаково, — это вызвано разнородностью изданных памятников, разной степенью их значения для средневековой истории Хорватии, различными принципами публикации (полностью или в пересказе) и т. д. С сожалением приходится отметить, что на долгие годы задерживается выход в свет уже подготовленных публикаций, особенно по истории далматинского города (так,

⁹⁶ Этим Новак корректирует свое предположение, высказанное ранее, что И. Ивапич предал дело восставших и, вернувшись на Хвар, получил дворянское достоинство (G. N o v a k. Pučki prevrat..., стр. 388).

⁹⁷ A. J u t r o n i ē. Vicko Prodić i njegova «Cronica dell'isola della Brazza». «Starine», knj. 45 (1955), стр. 331—388.

например, протоколов заседаний Большого совета г. Сплита, в том числе и в 50-е годы XIV в., в момент освобождения города от власти Венеции). Тем не менее рассмотрение указанных материалов позволяет судить о том, какая огромная работа была выполнена за последние 18 лет югославскими учеными. Хорватские ученые успешно работают именно над теми архивными материалами, которые дают возможность изучить самые важные проблемы средневековья: историю экономики, развития феодальных отношений в деревне, социально-политическую характеристику города, историю социальной борьбы. Советские историки с интересом и вниманием следят за публикацией новых памятников прошлого хорватского народа.

В. Б. ВИЛИНБАХОВ

БАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В отечественной славистике не осталась без внимания история славянских племен, населявших южное побережье Балтийского моря и известных у нас под именем славян полабских или балтийских. На историю балтийских славян в XVIII в. обратил внимание уже М. В. Ломоносов. Особо же обострился интерес к этой проблеме во второй половине XIX в., когда многие исследователи находились под влиянием славянофильских настроений.

В настоящее время, когда благодаря усилиям главным образом польских ученых изучение материальной культуры и истории балтийского славянства достигло небывалого размаха, назрела необходимость обобщить и разобраться в том, что сделано в нашей стране на этом поприще. Мы ставим перед собой скромную задачу дать предварительный систематический обзор трудов русских ученых, посвященных различным аспектам балтийско-славянской истории. Из обзора исключены все работы о связях восточных и балтийских славян, поскольку таковые разбирались нами в специальной статье¹.

В первую очередь целесообразно остановиться на работах источниковедческого плана. У нас, к сожалению, изучению источников по истории балтийских славян уделялось незаслуженно мало внимания. В дореволюционной историографии имеется только один общий обзор источников, но он охватывает не весь период, а только ограниченный отрезок времени. Речь идет о работе И. А. Лебедева, посвященной изучению памятников истории балтийских славян с 1131 по 1170 г.²

Лебедев отмечает странное обстоятельство: в работах польских средневековых историков почти полностью отсутствуют известия о балтийских славянах и об их борьбе с немецко-датской агрессией. В силу этого, замечает он, главнейшим материалом

¹ В. Б. Вилинбахов. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы. «Скандинавский сборник», вып. VII. Таллин, 1963, стр. 333—347.

² И. А. Лебедев. Обзор источников истории балтийских славян с 1131 по 1170 г. ЧОИДР, 1875, кн. IV.

для истории балтийских славян остаются произведения немецких и датских сочинителей. Во главе их стоят творения Гельмольда и Саксона Грамматика, затем достаточное количество безымянных летописцев³. Исходя из этого, он делит свое сочинение на два раздела: первый, посвященный датским, и второй — немецким источникам.

Разбирая датскую аниалистику, Лебедев отмечает ее «сухость и краткость изложения». «Для истории славян, — пишет исследователь, — мы не можем извлечь почти ничего из этих памятников, и они полезны нам только косвенным образом, повествуя о междуусобицах датчан, поясняя причины успехов славян»⁴. Именно поэтому, «резко выражаясь», можно было бы отдать все датские аниали за одну хронику Саксона Грамматика, расцениваемую Лебедевым чрезвычайно высоко. Определяя время ее написания, он правильно полагает, что хроника могла писаться в течение длительного времени, однако при этом допускает ошибку в определении даты начала работы над хроникой, относя этот факт к 1178 г., тогда как Саксон начал свое сочинение по поручению Лундского архиепископа Абсалона в 1185—1186 гг.⁵

Не оставляются автором без внимания и датские саги, которые он считает необходимым использовать для освещения истории балтийского славянства. При этом основное внимание уделяется Квитлингисаге.

Разбору немецких памятников уделяется большая часть исследования Лебедева. При этом совершенно правильно отмечается громадное значение наряду с аниалами и хрониками актового материала⁶.

Из немецких источников предпочтение отдается «Славянской хронике» Гельмольда, поскольку, по мнению Лебедева, «он понял свою задачу как настоящий историк, а не простодушный средневековый монах, не могущий обнять связь событий и выйти мыслью за пределы своей области или страны»⁷. Лебедев полагает, что саксонский хронист допустил в своем произведении сравнительно мало ошибок и «они проявляются в изложении событий, отдаленных или по времени, или по месту»⁸. «Таким образом, — заключает он, — Гельмольд во Временнике славянском является повествователем добросовестным и точным, достойным доверия. Ошибки, встречающиеся в его произведении, почти никогда не показывают намеренного искажения или, говоря точнее, весьма редки»⁹.

³ И. А. Лебедев. Указ. соч., стр. 2—3.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 27.

⁶ Там же, стр. 71.

⁷ Там же, стр. 156.

⁸ Там же, стр. 201.

⁹ Там же, стр. 206.

Источниковедческое исследование Лебедева представляет собой капитальный труд, до сего времени остающийся единственным во всей отечественной историографии. Хотя эта работа и устарела, она продолжает сохранять свое научное значение, являясь единственным русским путеводителем по памятникам истории балтийского славянства.

Лучше обстоит дело с изучением отдельных памятников. Хронологически удобнее остановиться прежде на работах, посвященных хронике Титмара Мерзебургского, в которой имеется несколько небольших разделов о лютичах, ваграх и других балтийско-славянских племенах и их взаимоотношениях с империей.

Первой работой такого рода было небольшое исследование А. Чистякова, специально изучавшего известия Титмара о славянах¹⁰. Оно состоит из введения и двух глав: «Сведения об язычестве славян» и «Сведения, сообщаемые Дитмаром относительно распространения христианства между славянами». Концентрируя внимание на вопросе распространения христианства, А. Чистяков приходит к заключению, будто балтийские славяне были поставлены немцами в такое положение, что христианская вера могла «прощвететь» у них не иначе, как «на гробе» народности и свободы. Этим он и объясняет восстания славян против христианства: «Это была борьба не столько за религию, сколько за свободу и национальность»¹¹. Чистяков допускает определенную передержку, стремясь, как было принято в его время, доказать, что христианство в основном охотно воспринималось всеми народами. Он забывает о том, что в VII—X вв. язычество для балтийских славян было не только религией, но и неотъемлемой частью народной жизни во всех ее проявлениях. В силу этого трудно отделить борьбу за «старую веру» от борьбы за национальную независимость.

Несколько позднее появилась обстоятельная работа известного слависта Ф. Фортинского, ставшая для своего времени лучшей монографией о хронике Титмара. В ней имеется специальная глава, в которой рассматриваются известия немецкого хрониста о славянах¹².

Фортинский со знанием дела разбирает известия Титмара о балтийских славянах, отмечая особую ненависть хрониста к славянам: «Все их восстания против ига немцев он называет «бунтом», а тех, которые стояли во главе восстания, — злодеями. Генриха I, обвиняемого в грабежах, он готов простить, но когда грабят славяне, он обзывает их «жадными собаками»¹³. «Патрио-

¹⁰ А. Чистяков. Жизнь древних славян по хронике Дитмара. СПб., 1857.

¹¹ Там же, стр. 27.

¹² Ф. Фортинский. Титмар Мерзебургский и его хроника. Киев, 1872.

¹³ Там же, стр. 200.

тическое раздражение доводит Титмара до того, — отмечает Фортинский, — что он изъявляет желание лучше совсем бы ничего не знать о Болеславе Храбром, чем видеть постоянный обман с его стороны»¹⁴.

Недостатком работы киевского ученого прежде всего является то, что он не привлекает сравнительный материал, с помощью которого только и возможно установить окончательную достоверность и ценность того или иного сообщения Титмара Мерзебургского.

Весьма важной для изучения Поморья является хроника Адама Бременского, сохранившая в целом ряде случаев поистине уникальные сведения по истории балтийского славянства. В русской историографии этой хронике почти не уделялось внимания. Имеется только одна небольшая работа В. Ляскоронского, рассматривающая отдельные вопросы хроники бременского епископа¹⁵. Сам автор так формулирует задачу своего труда: «Цель его — полная, связанная, приспособленная к требованиям науки передача этнографического материала, имеющегося в сочинении известного историка и этнографа XI в. Адама Бременского, и критический разбор этого материала»¹⁶.

Балтийским славянам в этой работе посвящена одна четвертая глава. В. Ляскоронский в основном, несмотря на обещание, ограничивается простым систематизированным пересказом известий хрониста. Краткие комментарии, помещенные в примечаниях, поверхностны и сделаны на основе небольшого, главным образом историографического, материала. В силу этого данное исследование не может компенсировать досадный пробел в отечественном источниковедении в отношении к этому важному источнику.

Несколько лучше обстоит дело с изучением другого, не менее важного памятника той же эпохи — «Сказания об Оттоне Бамбергском». Здесь главная заслуга принадлежит одному из крупнейших русских специалистов по истории балтийских славян — А. А. Котляревскому. Прекрасно зная источники, он издал большую работу, специально посвященную разбору вышеупомянутого «Сказания» в тех его частях, которые касаются балтийско-славянской жизни¹⁷. Это фундаментальное исследование, в котором автор не только пересказывает сообщения источника, но и критически осмысливает их, сопоставляя с данными других источников. Свою работу Котляревский построил по такому плану: вначале дается краткая биографическая заметка о жизни и деятельности

¹⁴ Ф. Фортинский. Указ. соч., стр. 201.

¹⁵ В. Ляскоронский. Этнография по Адаму Бременскому. «Киевские университетские известия», 1883, № 2 и 4 (имеется отдельный оттиск).

¹⁶ Там же, стр. 1.

¹⁷ А. Котляревский. Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности. Прага, 1874.

Оттона, затем следует тщательный разбор его «Жизнеописания» с позиции определения ценности такового как исторического источника, дополненный полным изложением содержания этого памятника. После критически анализируется каждое известие с целью установления степени его достоверности. Ученый все время проводит параллельное изучение текстов различных источников, перепроверяя ими друг друга. Таким образом, одновременно анализируется и критически оценивается не только сочинение Эбона, но и работы других средневековых авторов. К тому же Котляревский стремится как можно полнее охарактеризовать эту эпоху, о которой идет речь в «Жизнеописании Оттона»¹⁸.

Необходимо отметить краткую статью Д. Егорова, специально изучавшего немецкий актовый материал. До издания своего капитального труда, речь о котором пойдет ниже, он опубликовал небольшую работу, в которой разбирается найденный им акт по земельным отношениям в славянском Поморье¹⁹. Во вступительной части этого исследования подвергается критике состояние изучения истории балтийских славян. Егоров отмечает, что с XVIII в. «во всех сочинениях на данную тему мелькают те же аргументы и главное те же материалы». По его мнению, тормозящий «канон», как это ни странно, установлен не современным ученым и даже не ученым XVIII в., а Гельмольдом, который «и есть законоположительный источник; его данные и определили злополучный «канон»²⁰. Необходим новый материал, пишет Егоров и указывает при этом на грамоты, в частности на «Десятинный список» Ратцебургской епархии от 1230 г. «Десятинный список и есть, думается, — заключает он, — та неподвижная и надежная точка, которую нужно принять за базис всяческих «исторических измерений» в колонизационной окраине XIII в.»²¹

Указанная статья Д. Егорова интересна и ценна главным образом в методологическом отношении. Она прокладывала новые пути в методе исследования балтийско-славянской истории, указывая на новые, очень важные письменные памятники. Фактический же материал, приводимый в ней, краток и в своей основной части использован самим Егоровым в его последующих исследованиях.

Этими работами и ограничивается русское буржуазно-дворянское источниковедение балтийско-славянской истории. Как уже отмечалось, особый интерес к истории балтийского славянства появляется в России во второй половине прошлого века, когда

¹⁸ Ср. А. Петров. Гербердова биография Оттона, епископа Бамбергского, ЖМНП, 1883, № 4, 6. Неоднократно делались попытки перевода этого памятника, но изданы таковые не были (см., например, перевод «Жизнь св. Оттона Бамбергского». ААН, ф. 35, оп. 4, № 212).

¹⁹ Д. Егоров. Новый источник по истории прибалтийского славянства. «Сборник, посвященный В. О. Ключевскому». М., 1909, стр. 332—346.

²⁰ Там же, стр. 333.

²¹ Там же, стр. 340—341.

среди ученых были широко распространены славянофильские идеи и среди общественности наблюдался обостренный интерес ко всему, что было связано с идеей славянского единства. Именно в эти годы выходит в свет единственная до сего времени «История» этих исчезнувших с лица земли племен, принадлежащая перу крупного ученого, историка и филолога, славянофила А. Гильфердинга²².

«Сам собою рассказ наш разделится на три части, — пишет Гильфердинг. — Первая заключит в себе древнейшую эпоху истории балтийских славян, предшествовавшую великой борьбе их с Германской империей, эпоху малоизвестную, но важную потому, что она заготовила почти все существенные условия дальнейшей их судьбы. Вторая часть обнимет время борьбы с Германией от исхода VIII в., от Карла Великого, до окончательного покорения западной половины славянского Поморья в исходе XII в. В третьей мы проследим возвращение немецкой жизни как между западными племенами балтийских славян, покоренными Германией, так и между восточными, подчинившимися ей мирно»²³.

В своей работе ученый исходит из обычного для славянофилов противопоставления славянского и германского мира (славянский мир — «демократия», в германском «коренилась аристократическая стихия»), но при этом он делает попытку разобраться в неясном и малоисследованном в то время вопросе об общественном строе балтийских славян. В связи с этим Гильфердинг рассматривает формы владения землей, вопрос о наличии и характере знати, ее месте и роли у различных балтийско-славянских племен. Его привлекает проблема торговли, города и института рабовладения.

Гильфердинг не закончил задуманного, написав полностью только первую часть. Остальной материал был им частично использован в двух других сочинениях: «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» и «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря». Однако это были самостоятельные исследования, которые нельзя полностью считать частями рассматриваемого труда.

«История» Гильфердинга являлась составным разделом его исследований, посвященных истории славянства во всем ее объеме и многообразии. «Идеей, определявшей всю деятельность Гильфердинга, — отмечал К. Бестужев-Рюмин, — было поднятие нашего народного самосознания; но это самосознание не ограничивалось для него географическими пределами Русского государства, ни даже этнографическими границами русского племени: оно простипалось на весь славянский мир, который являлся ему

²² А. Гильфердинг. История балтийских славян, т. I. М., 1855 (первоначально в 1854—1855 гг. печаталась в «Москвитянине»).

²³ Там же, стр. III—IV.

одним целым, несмотря на разнообразие судеб народов, его составляющих»²⁴.

Говоря о задачах, которые ставил перед собой Гильфердинг, нельзя не вспомнить также и слова Н. Г. Чернышевского: «Но и тут г. Гильфердинг имел отчасти умысел, которого нельзя похвалить: он хочет запугать нас немцами, хочет научить нас, что от немцев следует нам держать себя подальше, а то — долго ли до беды? Как раз они погубят нашу славянскую народность, опемечат нас. Он представляет тому поразительный пример в судьбе балтийских славян»²⁵.

Чернышевский, конечно, абсолютно прав; Гильфердинг, истый славянофил, в своем предисловии указывает, что причиной гибели балтийского славянства было не столько военное поражение, сколько внутреннее разложение, связанное с заимствованием германских правов и обычаев.

Исследование Гильфердинга, написанное на основании только письменных материалов, нельзя считать совершенным. Оно выполняло скорее просветительную, а не научную роль, являясь частью общего идеологического багажа сторонников крайнего славянофильства.

Как уже отмечалось, сочинение Гильфердинга является единственным в отечественной историографии, поскольку впоследствии попытки сделать обзор балтийско-славянской истории отмечаются только в общих курсах истории западных славян²⁶. Эти чрезмерно краткие обзоры, втиснутые в рамки учебных курсов, конечно, не могут претендовать на полноту и оригинальность постановки вопросов, не могут серьезно рассматриваться среди литературы, посвященной изучению столь сложного и важного раздела европейской средневековой истории.

Как известно, социально-экономические проблемы редко привлекали внимание дореволюционных исследователей. Не является в этом плане исключением и историография балтийского славянства. Единственной работой подобного профиля может считаться сочинение Ф. Фортинского о влиянии балтийско-славянских городов Приморья на возникновение и развитие немецкой Ганзы²⁷.

Киевский профессор поставил перед собой задачу «выяснить то влияние, какое имели на образование союза пять венденских городов (т. е. Любек, Висмар, Росток, Стральзунд и Грайфенвальд), и, должно сказать, исполнил свою задачу с большим уме-

²⁴ К. Бестужев - Рюмин. Биографии и характеристики. СПб., 1882, стр. 351—352.

²⁵ Н. Г. Чернышевский. Рецензия о «Истории» Гильфердинга. Собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 543.

²⁶ Н. В. Ястребов. Лекции по истории западных славян. СПб., 1915; М. Любавский. История западных славян. М., 1918.

²⁷ Ф. Фортинский. Венденские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1877.

нием и знанием дела, так что его книга составляет основательное введение в историю Ганзейского союза»²⁸. Недостатком работы Фортинского представляется то, что он мало внимания уделяет развитой славянской культуре, которую немцы застали на славянском Поморье и которая оказала огромное влияние на жизнь ганзейских и вообще северонемецких городов. Немцы в известной степени стали наследниками славянской торговой системы.

Отдельные вопросы социально-экономической жизни Приморья затрагивались в работах М. В. Бречкевича. Он пытался, например, реконструировать картину социальной жизни в одном из балтийско-славянских княжеств — Славии²⁹. В его исследовании раскрывается картина феодализации и закрепощения ранее свободного сельского населения в новых социальных условиях господства христианской церкви и феодальных властей.

Работа Бречкевича была подвергнута серьезной критике в отзыве Н. В. Ястребова, который писал: «Читателя книги г. Бречкевича поражает то обстоятельство, что автор не дает вслед за анализом известий документов о дворянских отчуждениях и владениях такого же анализа известий об отчуждениях-владениях князей-государей. Совершенно не дано группировки этих отчуждений-владений с точки зрения времени и пространства (нет никаких карт), нет анализа показаний и о существе отчуждаемых князьями прав с точки зрения постоянного развития этих прав»³⁰. И далее: «К безрезультатности работы, к внутреннему противоречию привела г. Бречкевича несчастная мысль о «самобытности» истории Славии—Поморья, при которой социальная история Славии вырывается из связи с историей окружающего мира»³¹.

Несмотря на определенные недостатки, отмеченные Ястребовым, исследование М. В. Бречкевича имеет и положительные качества. Сделанные им наблюдения относительно характера поморских актов и их языка, разнобоя и различного смысла терминов представляют большой источникопедический интерес. Сравнивая различные публикации источников, он обнаружил ошибки издателей относительно социального приурочения грамот³². Он пришел к выводу о том, что хотя в 70-х годах XIII в. имеются феодальные владения в руках поморской знати, «ленные отношения и владение деревнями на ленном праве не могут характеризовать прежнее положение и права славянской знати и доказывать туземное происхождение и распространенность владения

²⁸ М. Бережков. Рецензия на работу Фортинского. ЖМНП, 1877, № 4, стр. 309.

²⁹ М. В. Бречкевич. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Юрьев, 1911.

³⁰ Н. В. Ястребов. Отзыв о работе Бречкевича «Славия». «Сб. отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Российской Академией наук». Пг., 1918, стр. 441.

³¹ Там же, стр. 442.

³² М. В. Бречкевич. Введение..., стр. 33—37.

населенными местами»³³. «Исходным пунктом владения населенными имениями» Бречкевич признавал князя. Убедительно охарактеризовал он насаждение католицизма вооруженным путем: «Когда в Поморье так или иначе была устроена церковь, она сразу же оказалась чуждою поморянам. Это зависело, между прочим, от двух явлений: во-первых, от иноземного состава духовенства и, во-вторых, от аристократического отпечатка тогдашней церкви вообще»³⁴.

Изучению княжеской власти на Поморье была посвящена ранняя работа М. В. Бречкевича, в которой исследовалось княжение Святополка Поморского³⁵. Продолжая свою работу по истории Славии, он опубликовал перед первой мировой войной статью о высшем слое славянского населения на Западном Поморье в период наиболее напряженных и критических отношений с немцами³⁶. Используя, как указывается им самим, чрезвычайно отрывочные и неполные сведения письменных источников, М. В. Бречкевич приходит к ошибочному выводу, «что высший слой славяно-поморского населения в XII в. еще не обособился в отдельное сословие» и что здесь «развитие сословных отличий хотя уже началось, но несколько замедлилось по сравнению с ближайшими соседями — поляками, лютичами, даже руянами, не говоря уже о населении немецких княжеств»³⁷.

К исследованиям, посвященным образованию государства, в известной мере можно отнести раннее сочинение нашего знаменитого медиевиста (диссертация на степень магистра) Т. Н. Грановского, появившееся сто лет тому назад. Оно касается попыток решения вопросов, связанных с возникновением портового города балтийских славян Волина и скандинавской колонии Иомсбурга³⁸. В то время, когда полностью отсутствовал археологический материал, известный сейчас, Грановский на основании анализа источников делает правильный вывод о том, что «как бы ни решался спор о происхождении слова Волин, самый факт существования основанного задолго до исторических свидетельств о нем славянского города, сообщившего свое имя целому острову, лежащему между Свиною и Дивеновым, не подлежит сомнению»³⁹.

Этим же вопросом интересовался и Ф. И. Аделунг, собиравшийся, видимо, написать работу о Волине. В бумагах, оставшихся

³³ Там же, стр. 118.

³⁴ Там же, стр. 149.

³⁵ М. В. Бречкевич. Святополк, князь поморский. «Сб. Учен.-лит. об-ва при Юрьевском ун-те», т. V, 1902.

³⁶ М. В. Бречкевич. Высший класс славянского населения в западнопоморском княжестве XII—XIII вв. «Сб. в честь В. П. Бузескула». Харьков, 1913—1914, стр. 446—455.

³⁷ Там же, стр. 454, 455.

³⁸ Т. Н. Грановский. Волин, Иомсбург и Винета. Собр. соч., т. I. М., 1866, стр. 187—236.

³⁹ Там же, стр. 195.

после смерти ученого, имеются «Заметки о г. Иомсбурге (на о-ве Волине)», представляющие наброски предполагаемой работы⁴⁰.

Привлекала внимание русских историков и проблема развития сельского населения в славянских землях балтийского Поморья. Еще в 1910 г. молодой юрьевский византиновед П. А. Яковенко⁴¹ опубликовал статью о судьбах крестьян на острове Руяне, когда там еще правили местные князья⁴². Статья была написана на основе актового материала (1168—1325 гг.), собранного в известном сборнике Фабрициуса. Анализируя эти документы, Яковенко категорически опровергает точку зрения ряда ученых (Фабрициус, Заммерфельд, Фукс, Котляревский и др.), что у балтийских славян якобы не было свободного сельского населения и коллективной собственности на землю. Он пишет: «Мы находим в Руянских грамотах ясные указания на то, что среди руян некогда существовало коллективное землевладение и свободное сельское население»⁴³. Основываясь на этом, Яковенко считает, что так называемые «славянские вики» у поморских городов являются остатками свободных общин, постепенно перешедших в зависимое крестьянство. Это положение мало изменили и вновь прибывшие немецкие колонисты, которые нередко селились вместе со славянскими крестьянами и принимали на себя однаковые с ними повинности.

Исследование П. А. Яковенко, написанное на основе большого фактического материала, с привлечением многочисленных работ других авторов, сделано фундаментально.

Правовым вопросам балтийско-славянской древности уделено внимание только в специальном исследовании А. А. Котляревского⁴⁴. Работа написана на обычном для этого ученого высоком уровне, отличается прекрасным знанием предмета, ясностью изложения и точностью формулировок. В ней рассматриваются вопросы права как такового; обычаи и законы; постановления властей; семейный быт; право собственности и договорное право балтийских славян. К сожалению, труд остался незавершенным.

Отрадным представляется тот факт, что еще в прошлом веке русские ученые обращали внимание на археологию как на важнейший источник по истории балтийско-славянского Поморья. Пер-

⁴⁰ ААН, ф. 89, оп. 1, № 82.

⁴¹ А. А. Васильев. Памяти П. А. Яковенко. «Анналы», 1922, № 2, стр. 258—259.

⁴² П. А. Яковенко. Сельское население в Руянском княжестве во время правления местных князей. ЖМНП, нов. сер., т. XXIX, № 10, 1910, стр. 209—250.

⁴³ Там же, стр. 212.

⁴⁴ А. А. Котляревский. Древности права балтийских славян. Прага, 1874.

вым, обратившимся к этому новому для того времени материалу, был наш знаменитый ученый И. И. Срезневский⁴⁵. Написанные им работы, первоклассные для своего времени, теперь, конечно, устарели, так как за прошедшие сто лет накоплен колоссальный новый материал, и очень жалко, что советские историки не продолжили традиции своего предшественника и не дали ни одной работы, посвященной исследованию археологических находок на славянском Поморье.

Кроме трудов И. И. Срезневского, следует отметить реферат А. И. Павинского «Погребальные обычаи у западных славян на основании археологических раскопок в Мекленбурге», доложенный им на археологическом съезде в Петербурге в 1870 г. Характерно, что к археологии обратился и П. А. Лавровский, интересы которого в основном концентрировались на русском летописании. Им была предпринята попытка исследования древностей балтийского славянства, которые привлекли его внимание скорее всего в связи с работами по русской истории. К сожалению, его работа не была закончена и не увидела свет⁴⁶. На ободритские древности обратил внимание и П. И. Прейс, написавший статью «О достоверности так называемых Абортитских рунических памятников в Нейстреме»⁴⁷.

Подобная картина существует и в деле изучения языческой религии балтийских славян. Может быть отмечена только одна работа А. Г. Фамицына, представляющая капитальное исследование, до сего времени являющееся путеводителем для каждого желающего ознакомиться с основами религиозной жизни славянского язычества⁴⁸. Фамицын рассматривает языческий культ славянского Поморья в общем комплексе с изучением такового же у других славянских племен. Продолжая свои исследования в области славянского язычества, Фамицын обратил внимание на остатки фаллического культа на балтийско-славянском Поморье. Собрав обширный материал, привлекая, кроме письменных источников, данные топонимики и мифологии, исследователь выдвинул предположение, что между Поморьем и семитами Ближнего Востока существовали уходящие в глубокую древность тесные связи, оказавшие влияние на формирование фаллического культа у народов Балтики. К сожалению, это интересное и аргументированное исследование, представляющее статью большого объема, осталось в рукописи⁴⁹.

⁴⁵ И. И. Срезневский. Архитектура храмов языческих славян. ЧОИДР, т. III, 1846; он же. О городищах в землях славянских, преимущественно западных. «Зап. Одесского об-ва истории и древностей», т. II, 1848.

⁴⁶ ААН, ф. 764, оп. 4, № 63, лл. 1—24.

⁴⁷ ААН, ф. 106, оп. 1, № 228.

⁴⁸ А. Г. Фамицын. Божества древних славян. СИБ., 1884.

⁴⁹ ААН, ф. 134, оп. 2, № 111.

Наибольшее внимание буржуазно-дворянские историки обращали на одну сторону балтийско-славянской истории — на взаимоотношения балтийских славян с германцами. Это в известной степени было закономерно, поскольку данная тема сначала была актуальной в свете основных идей славянофильства, острье которого всегда было направлено в сторону Германии и немцев, а впоследствии, по мере обострения русско-германских отношений, она приобрела непосредственно политическое звучание. Славяно-германские отношения были в конечном итоге основой внешнеполитической жизни балтийского славянства в период разложения рода-племенного строя и раннего феодализма, определявшей в большей или меньшей степени все процессы в славяно-балтийском обществе.

Уже в 1839 г. появляется статья М. Касторского, пытавшегося установить размеры влияния в раннем средневековье Каролингской империи на пограничные с ней славянские племена⁵⁰. В 1861 г. А. Гильфердинг, продолжая свои исследования по истории балтийского славянства, выпускает новый труд, посвященный на этот раз борьбе славян с германцами в VIII—X вв.⁵¹ Он начинает свой обзор с рассмотрения первоначальных отношений между франками и балтийскими славянами в конце VIII в. Подробно рассказывается о войнах Карла Великого с бодричами и установлении немецкой военной линии на правом берегу Лабы в начале XI в. Свою работу Гильфердинг заканчивает периодом, когда балтийские славяне, воспользовавшись падением империи Каролингов, нанесли немцам поражение и сами, в свою очередь, сумели распространить свое влияние западнее Лабы.

Изложение событий у Гильфердинга во многом неполно и схематично, причиной чего было состояние источников. Еще А. А. Куник отмечал: «Начертить блестящую, привлекательную для читателя картину этих войн не дозволили ему ни самый предмет его, ни качество афористических его источников»⁵². Ошибкой было и то, что Гильфердинг перенес на страницы своего исследования так же, как и в предыдущей работе, жар политических страсти, бушевавших в России в середине прошлого века. Это, безусловно, лишило его сочинение необходимой научной объективности, заставив сгущать краски при изложении славяно-германских отношений в VIII—X вв. Совершенно прав А. А. Куник, укорявший Гильфердинга за то, что тот «переносит в средневековую историю слишком много современных воззрений»⁵³.

⁵⁰ М. Касторский. Влияние Каролингской династии на славянские племена. ЖМНП, 1839, № 24.

⁵¹ А. Гильфердинг. Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века. СПб., 1861.

⁵² См. рецензию А. А. Куника («Отчет о V присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1862, стр. 40).

⁵³ Там же, стр. 41.

Вслед за трудом Гильфердинга выходит серия работ, авторы которых, в той или иной степени связанные со славянофилами, стремятся заострить внимание на славяно-немецких противоречиях в средние века. Появляются книги В. К. Надлера⁵⁴, А. И. Павинского⁵⁵ и И. А. Лебедева⁵⁶.

В. К. Надлер в своей работе, правда, касается славянской истории только в двух главах, рассказывая о взаимоотношениях германцев с князем Готшалком. Рассказ имеет чисто повествовательный характер и полностью основан на хрониках Адама Бременского и Гельмольда, без каких-либо попыток дополнить или критически переосмыслить их сообщения. Однако остроумный и тонкий анализ политической деятельности бременского архиепископа, данный автором, заслуживает внимания, особенно его выводы, наводящие на мысль о том, что Адальберт Бременский руководствовался в вопросах славянской политики не только непосредственными интересами гамбургского диоцеза, но имел и более обширный план опереться в своей борьбе с саксами на датчан и бодричей. Не меньшее значение имеет устанавливаемая автором зависимость между падением бодрицкого князя Готшалка и перенесением центра датской политики на запад, куда в связи с событиями в Англии обращается все ее внимание.

Интереснее сочинение А. И. Павинского, которое он сам считал продолжением «неоконченного еще труда Гильфердинга», учеником и последователем которого этот ученый являлся. Точно так же, как и работа Гильфердинга, исследование Павинского имеет фактологический характер и основывается в ряде случаев на некритическом пересказе сообщений германских хронистов, без каких-либо попыток критического анализа таковых. У Павинского важно отметить наивный славянофильский романтизм, в котором выдержаны его книга, его многочисленные ссылки на «славянский дух», на «истинно славянские» качества, в которых он в конце концов ищет начало и конец, причины и смысл всего прошедшего.

Гораздо значительнее и интереснее двухтомное сочинение И. А. Лебедева, поставившего перед собой задачу «изложить по источникам последнюю борьбу ободритов и лютичей против Генриха Льва и Вальдемара I как эпизод из всеобщей истории»⁵⁷. Однако лучшей работой⁵⁸ того времени по данному вопросу пред-

⁵⁴ В. К. Надлер. Адальберт Бременский, правитель Германии в молодые годы Генриха IV. Харьков, 1867.

⁵⁵ А. Павинский. Полабские славяне в борьбе с немцами, VIII—XII вв. СПб., 1871.

⁵⁶ И. А. Лебедев. Крестовый поход немцев на славян в 1147 г. «Русский вестник», 1873, № XI (или т. 108, № 2); он же. Последняя борьба балтийских славян против онемечивания, т. I—II. М., 1876.

⁵⁷ И. А. Лебедев. Последняя борьба. . . , т. I, стр. 1.

⁵⁸ К. Я. Гроф. Поминки по И. И. Первольфу. Варшава, 1892.

ставляется сочинение И. Первольфа «Германизация балтийских славян»⁵⁹ — исследование, написанное на большом фактическом и историографическом материале. Эпиграфом к его книге могут служить слова немецкого монаха X в.: «Немцы добиваются славы и обширного господства, славяне же сражаются за свободу и для избежания крайнего рабства».

Исходя из такого понимания исторического процесса на славянском Поморье, Первольф и строит изложение своей книги. Причину падения балтийско-славянской независимости он усматривает только в одном факте: «У них не прекращаются внутренние распри, драки, междуусобицы, нигде не возникает сильное государство, которое было бы в состоянии поднять борьбу с сосредоточенными немцами и датчанами»⁶⁰.

Первольф не дает систематического, последовательного изложения военно-политических взаимоотношений между германцами и славянами, его больше интересует сам процесс постепенной германизации славянского племени после поражения и подчинения власти императора. Будучи хорошо знаком с этнографией и топонимикой бывших славянских земель, Первольф широко использует этот материал наряду с данными различных письменных источников. Это является отличительной особенностью его работы, представляющей собрание материалов большой ценности, введенных в науку впервые.

В последующие годы в русской историографии продолжает сохраняться традиционный интерес к изучению темы «Дранг нах Остен». В 1897 г. появляется популярная брошюра Н. Н. Филиппова⁶¹, на следующий год А. С. Будилович делает попытку разобраться в причинах, которые привели к гибели балтийских славян⁶². Публичная лекция Будиловича, прочитанная 13 февраля 1898 г., также не отличалась глубиной анализа и носила популярный характер. Находясь на идеалистических позициях, автор лекции приходит к абсурдному выводу, что основная причина гибели балтийского славянства заключалась в свойствах их национального характера, который был у них якобы «увлекающийся, мечтательный и легкомысленный»⁶³. При этом в духе классических славянофильских высказываний Будилович делит славян на две категории: положительные и неположительные; к последним он относит в первую очередь поляков, сравнивая с ними балтийских славян.

⁵⁹ И. Первольф. Германизация балтийских славян. СПб., 1876.
⁶⁰ Там же, стр. 2—3.

⁶¹ Н. Н. Филиппов. Очерк тысячелетней борьбы балтийско-полабского славянства с немцами до возрождения сербо-лужицкого племени. СПб., 1897.

⁶² А. С. Будилович. О причинах гибели балтийского славянства. «Сб. учен.-лит. об.-ва Юрьевского ун-та», т. I. Юрьев, 1898, стр. 145—158.

⁶³ Там же, стр. 150.

Начало XX в. характеризуется некоторым ослаблением интереса русских ученых к истории славяно-германской борьбы на Поморье, так же как и к другим проблемам балтийско-славянской истории. До начала первой мировой войны появляется только одна работа, косвенно относящаяся к этому вопросу. Это небольшое исследование М. Бречкевича о процессе христианизации, проводимой немцами среди балтийских славян⁶⁴. Бречкевич рассказывает о распространении христианства среди балтийских славян в XII в., а потом на основании актового материала довольно подробно освещает историю создания первых монастырей на Поморье: Столпского, Гробского, Бродского на р. Реге. Грамзовского, Даргунского и Кольбацкого, делая вывод, что «поморские монастыри XII в. обязаны были своим существованием и процветанием благосклонному отношению к ним князей и отчасти других состоятельных лиц-благотворителей»⁶⁵.

Новый интерес к германизации балтийских славян проявляется в связи с началом первой мировой войны, когда тема получает политическую актуальность. Правда, отсутствие специалистов привело к тому, что тогда мог выступить со своими исследованиями только Д. Н. Егоров. В 1915 г. он опубликовал двухтомный монументальный труд о колонизации Мекленбурга⁶⁶, а в 1917 г. появляется его статья о воззвании немцев против славян в 1108 г.⁶⁷ Эти работы, вероятно, лучшие исследования отечественного автора о балтийско-славянской истории. В первую очередь, конечно, речь идет о капитальном сочинении по колонизации Мекленбурга. Работа написана на основании тщательного изучения колossalного актового материала, в ней затрагиваются самые разнообразные вопросы германо-славянских отношений.

Д. Н. Егоров подвергает критическому анализу немецкие анналы, посвященные истории Поморья, и приходит к выводу, что даже Гельмольд во многих частях своей хроники не заслуживает большого доверия. Его хроника является, по сути дела, «историей обращения язычников», а не историей славян как таковых. «Документальные источники им все время игнорируются, а постоянные безымянные ссылки на свидетелей событий не имеют никакого значения, являясь лишь литературным украшением, привычка к которому была приобретена им в школе»⁶⁸. Не доверяя классическим источникам, Д. Н. Егоров, естественно, ищет

⁶⁴ М. Бречкевич. Первые поморские монастыри. Юрьев, 1905.

⁶⁵ Там же, стр. 41.

⁶⁶ Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I—II. М., 1915.

⁶⁷ Д. Н. Егоров. «Крестовое воззвание» против славян в 1108 г. «Сборник в честь М. К. Любавского». СПб., 1917, стр. 297—317.

⁶⁸ А. Захаров. Рецензия на труд Егорова. «Исторический вестник», 1916, № 4, стр. 250.

новые для обоснования своих исследований и находит их в виде «Десятинного списка 1229—1230 гг.» ратцебургской епархии. Для проверки данных «Списка» им используются многочисленные грамоты. На основании тщательного анализа этих материалов Егоров приходит к мысли, что немецкая колонизация славянских земель в XII—XIII вв. носила ограниченный характер, а процесс германизации балтийских славян продолжался длительное время и был связан со сложными явлениями «не только вследствие существования или преобладания немцев в стране, но и как результат вступления Мекленбурга в более тесное общение с Западом, соправлено с усилением торговли и иных связей, экономических и культурных. Чрез посредствующую немецкую среду западный уклад неудержимо проникал во все поры народного тела, а оторванность от восточного славянского массива не давала национальных противовесов. Окончательный же удар нанесен был тем колоссальным разряжением населения, которое сопутствовало разрухе Тридцатилетней войны, после которой действительно «земля была обращена в обширную пустыню», нуждаясь в новой колонизации, на этот раз уже совпадавшей с германизацией».

Эти соображения в известной мере могут быть подвергнуты сомнению, поскольку, конечно, причины гибели балтийских славян не заключались лишь в оторванности от основного «массива» славян, а были связаны со многими политическими и социально-экономическими явлениями. Несмотря на это, труд Егорова выделяется своей фундаментальностью. «Книга, скромно именующая себя сочинением о колонизации одной области на протяжении одного века и тут еще не претендующая дать окончательное построение, а только устанавливающая для него «материал и метод», на самом деле дает бесконечно больше, чем обещает. С нею влилась в нашу небогатую медиевистику (и особенно бедную медиевистику «германскую») свежая струя материалов, приемов, точек зрения», — отмечала О. Добиаш-Рождественская в рецензии на первый том работы Д. Н. Егорова⁶⁹.

Подводя итог, следует прежде всего отметить, что русская буржуазно-дворянская историография, к сожалению, уделяла сравнительно мало внимания разработке даже узловых вопросов балтийско-славянской истории, хотя и имелись отдельные достижения, оставившие значительный след в истории мирового славяноведения.

---

⁶⁹ ЖМНП, 1915, № 10, стр. 350.

Я. П. ЩАПОВ

О СОСТАВЕ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ КОРМЧЕЙ ЕФРЕМОВСКОЙ РЕДАКЦИИ

Кормчая, которой посвящено настоящее сообщение, представляет собой один из наиболее ранних памятников древнеславянской истории, языка, литературы. Это перевод на старославянский язык византийского сборника канонического права — Синтагмы канонов с приложением других, не канонических сочинений: собрания выписей из новелл Юстиниана, отрывков из Прохирона и Эклоги, календарных, хронологических, церковно-политических трактатов и пр. В. Н. Бенешевичем были найдены греческие тексты, близкие к славянским и бывшие оригиналом для этого перевода. Это один из изводов Синтагмы III редакции, появившейся в IX в.¹ Списки этой редакции X—XI вв. содержат основной текст кормчей, за исключением Предисловия к ней и ряда конечных статей. Некоторые из этих переведенных с греческого посторонних Синтагме III редакции статей были найдены в составе других греческих памятников; очевидно, состав кормчей при переводе подбирался по нескольким источникам. Греческие источники некоторых статей до последнего времени, насколько нам известно, остаются неопределенными в литературе. Такова календарная статья о древнеримском счете времени и схолия о примате Рима в церковно-политическом трактате о власти константинопольского патриарха и др. До тех пор, пока источники этих статей не обнаружены, старославянский их текст остается единственным, доступным для изучения.

О времени и месте славянского перевода Синтагмы с приложениями были высказаны различные мнения. Один из первых исследователей Ефремовской кормчей, А. С. Павлов, руководствуясь тем, что кормчая этой редакции была известна на Руси в XI—XII вв., а в одном из списков, Соловецком, находится много местных древнерусских статей, высказал «догадку», что эта корм-

¹ В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905, стр. 260, 262—272.

чая была переведена «у нас, на Руси, во время Ярослава»². Мнение о древнерусском переводе номоканона в XIV титулах было в свое время принято рядом исследователей.

Более пристальное изучение содержания кормчей, работы В. Н. Бенешевича о греческих ее источниках³ и издание ее текстов⁴ позволили болгарскому историку В. Златарскому показать, что перевод ее был сделан с той редакции Синтагмы, которая была специально составлена для принявшей христианство Болгарии и прислана из Константиноополя после 861 г. В. Златарский считает, что перевод принадлежит Мефодию⁵. Наконец, современный историк С. Троицкий, исследуя одну из статей кормчей «О строении пресвятаго престола Костянтина града», предложил уточнить вывод Златарского и отнести перевод к Восточной Болгарии последней четверти IX в., — вероятно, в Преславе в 887—893 гг. или в эпоху царя Симеона⁶.

Таким образом, Ефремовская кормчая, как она называется по старшему списку, или кормчая в XIV титулах без толкований, как назвал ее В. Н. Бенешевич, принимая во внимание основное ее содержание, — один из немногих памятников IX в., написанных на старославянском языке.

Ефремовская кормчая известна в древнерусских списках, которые хранятся в СССР в Москве и Ленинграде. Списки разновременны, отличаются по своему составу и не все полностью сохранились.

Старший список, Ефремовский⁷, на пергамене, принадлежит, по определению различных палеографов, XI—XII вв.⁸ или XII в.⁹ Список дефектен: в середине его отсутствуют несколько листов, конец рукописи утрачен, она обрывается на л. 310, на середине 87-й главы Собрания новелл в 93 главах. Первые шесть листов принадлежат XIII в. (первоначальные были утрачены

² А. С. Павлов. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869, стр. 56.

³ В. Н. Бенешевич. Канонический сборник. . . .

⁴ В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. 1. СПб., 1907.

⁵ В. Златарски. Какви канонички книги и граждански закони Борис е получил от Византия. «Летопис на българската Академия на науките», т. 1, за година 1911. София, 1914, стр. 106.

⁶ С. Троицки. Спор старог Рима с новим на странама словенске Крмчије. Београд, 1960, стр. 47, 49—50.

⁷ ГИМ в Москве, РО, Синод. собр. 227. Список называется по имени одного из писцов, Офрема, оставившего в нем свои записи.

⁸ И. Срезневский. Обозрение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897, стр. 18; В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая . . . , стр. II.

⁹ М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина и В. С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. «Археографический ежегодник за 1964 г.» М., 1965, стр. 145.

уже к этому времени), тогда же были сделаны многочисленные пометки на полях списка: «се писати», «досуда» и «досуда брано», свидетельствующие о подготовке каких-то выписей из этого списка. Ефремовский список известен в литературе уже больше ста лет¹⁰, неоднократно описан¹¹ и издан целиком В. Н. Бенешевичем¹².

Второй по времени — Уваровский список¹³, на 174 листах пергамена конца XII—начала XIII в.¹⁴ или XIII в.¹⁵, содержит текст кормчей со значительными сокращениями по сравнению с Ефремовским и другими списками. Редактором выпущено множество статей или их частей, что подробно отмечено в издании, многие листы в рукописи утрачены. После Собрания в 93 главах в этом списке идут: хронологическая статья с указанием числа лет, прошедших между семью соборами («Разум 7 собор колико лет от каждого съконыцся»), «Образ правыя, непорочныя христианская веры» Михаила Синкелла, ответ Афанасия Александрийского Антиоху по вопросам веры, выпись из Прохирона о родстве, препятствующем браку. Список не имеет конца, последние листы оборваны, текст обрывается на 11-й главе выписи. Особенностью списка является также миниатюра с изображением двух святителей в крещатых ризах, над которыми спаситель держит венцы. В рукописи много записей, в том числе одного из писцов Ядрея, в начале — выписи из кормчей, очевидно, другой редакции. Нужно согласиться с В. Н. Бенешевичем, что для восстановления первоначального состава кормчей этого типа Уваровский список имеет небольшое значение¹⁶, однако для истории ранних переработок кормчей на Руси он очень интересен. Содержание работы редактора, ее время и место являются одной из важнейших задач исследователей. Текст лл. 2—163 списка издан в разнотчениях к Ефремовскому списку.

Целая группа списков принадлежит второй половине XV—началу XVI в.

Плигинский список последней четверти XV в.¹⁷ стал известен в науке довольно поздно, он впервые использован в исследовании В. Н. Бенешевича 1905 г. Список в лист, на л. 326 имеет записи

¹⁰ Савва. Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, стр. 194.

¹¹ В. М. Ундоровский. Описание славянских рукописей московской Патриаршой библиотеки. ЧОИДР, 1867, кн. 2, стр. 38—44; И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 15—46.

¹² В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая..., стр. 1—803.

¹³ ГИМ, РО, Уваров 124.

¹⁴ В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая..., стр. II.

¹⁵ «Археографический ежегодник за 1964 г.», стр. 162.

¹⁶ В. Н. Бенешевич. Канонический сборник..., стр. 261.

¹⁷ ГПБ в Ленинграде, РО, F.II.250 из собр. Плигина. Филиграни: сердце под коронами с инициалами «IB», близко к Брике № 4324, 1482—1499 гг.; литера Р. Бр. 8682, 1484, 1482 гг.; собака с четырехлистником Бр. 3629, 1484—1487 гг.

без даты: Бориса Алексеевича сына Щекина о продаже попу Михаилу Онтонову сыну; с датой: 7056 (1547) декабря о вкладе в дом св. Николы чудотворца на Волосове в поминание священномученика Арсения.

В Плигинском списке правила столь же полны, как и в Ефремовском. После Собрания в 93 главах здесь следуют: календарный трактат «Великого книжника Антиохийского о калядех, и о ионех, и о идех»; три хронологические статьи: «Летописец вскоре» и Перечни архиепископов и патриархов, и далее все статьи Уваровского списка: «Разум 7 собор», «Образ правды... веры», ответ Афанасия Антиоху, титул VII Прохирона о браках в 28 главах (в Уваровском списке он обрывается на 11-й главе) и далее статьи, отсутствующие в Уваровском: выпись из Эклоги о препятствиях к браку («От иного закона глава о возбраняемых женитвъ»), статьи об обязанностях епископов и монахов: 9-е правило I—II Константинопольского собора («О просвещении пресвятаго патриарха канон 9»), титулы 24 и 28 из Прохирона; трактат о власти константинопольского патриарха, попавший между 1-й и 2-й главами 28-го титула Прохирона («О строении пресвятаго престола Костянтина града»), отрывок статьи о судоизготовстве и отрывок из послания Ефесского собора к епископам Памфилии (начало «И въздразить от въздрастиших ему...»). Статья оканчивается в начале текста, и нет никаких следов дальнейшей утраты текста. Плигинский список использован В. Н. Бенешевичем в его издании.

Очень близок по составу к Плигинскому Троицкий список конца XV—начала XVI в.¹⁸ Он содержит те же статьи, что и Плигинский, и оканчивается той же статьей «И въздразити от въздрастиших». Список расписан по киноварным заголовкам Иларием и Арсением¹⁹ (при этом ряд статей оказался незафиксированным) и И. И. Срезневским в сличении с Ефремовским. При издании кормчей В. Н. Бенешевич не смог привлечь Троицкий список — руководство лавры отказалось выслать рукопись для издания в Петербург. Для подготовлившегося второго тома издания список был использован.

Соловецкий список также конца XV—начала XVI в.²⁰ близок к Ефремовскому, Плигинскому и Троицкому спискам по полноте текста, но отличается от двух последних (у Ефремовского, как

¹⁸ ГБЛ в Москве, РО, Троицкое 207. Филиграны: Р готическое Брике № 8655—8673, 1462—1500 гг.; № 8523—8545, 1447—1500 гг.; звезда Бр. 6054, 1481—1505 гг.; голова быка Бр. 15064, 15082, 15087, 1454—1485 гг., в России до 1497 г.; собака Бр. 3622, 1480—1490 гг.

¹⁹ «Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры», ч. I. М., 1878.

²⁰ ГПБ, РО, Солов. 1056/Каз. 1165. Филиграны: перчатка Бр. 11179, 1487—1490 гг.; Лихачев 1298, 1500 г.; три горы с крестом Бр. 11775—11776, 1480-х годов.

сказано, утрачен конец) тем, что статья «Великого книжника Антиохийского» представлена здесь только первой половиной (обрывается на середине фразы: «увеждъ / же, премудре»), все три хронологические статьи («Летописец вскоре», Перечни архиепископов и патриархов и «Разум 7 собор») совсем отсутствуют, но далее идут все остальные статьи Рогожского, Плигинского и Троицкого списков. В отличие от двух последних списков, здесь за последней общей статьей «И въздразити от въздрастих» следует на 54 листах (лл. 326—379) еще около 30 статей самого различного происхождения, среди них переводные отеческие правила (Василия Великого, Никиты Ираклийского, Афанасия Иерусалимского, Иоанна Златоуста), правила приема от ересей, поучения и правила попам и чернцам, правила о браках, статья о Богумиле, ответы Константинопольского собора на вопросы Феогноста Сарайского 1276 г.; древнерусские статьи: правила Иоанна Русского, Ильи Новгородского, вопрошания Кирика, правила Владимира собора 1274 г. и др. Соловецкий список одним из первых списков Ефремовской редакции стал известен в науке, он широко привлекался исследователями. Описан он А. С. Павловым и И. И. Срезневским. Бенешевич положил Соловецкий список в основу своего издания кормчей после окончания Ефремовского и готовился издать его целиком, после чего дать статьи Троицкого. Особенностью Соловецкого списка является также то, что все заметки на полях, сделанные в Ефремовском списке в XIII в. («Се писати», «досуда» и пр.), воспроизводятся в Соловецком рукой писца. Это обстоятельство позволило исследователям сделать вывод, что Соловецкий список — копия с Ефремовского. Соловецкий список имеет запись — один из ранних русских экслибрисов «Священноинока Дософия».

Ограниченнное число известных списков кормчей Ефремовской редакции может быть пополнено еще одним, опознанным автором настоящего сообщения.

Рогожский список принадлежит второй половине XV в. Он, как и Соловецкий, связан своим происхождением с Ефремовским списком, но имеет другое окончание. Описание, характеристика и публикация части его текста дается в настоящем сборнике²¹.

Среди шести списков Ефремовской редакции можно выделить три группы в зависимости от состава списков. К первой группе принадлежит, дефектный Ефремовский список и два поздних списка, Рогожский и Соловецкий, представляющие собой копии с него (может быть, через опосредствующее звено). Ко второй принадлежит один Уваровский список, который содержит текст кормчей в сокращении. Третья группа включает списки Плигин-

²¹ Я. Н. Щапов. Новый список кормчей Ефремовской редакции (см. наст. сборник, стр. 258—276).

ский и Троицкий, оканчивающиеся статьей «И въздразити» и не имеющие пропуска хронологических статей.

Каковы соотношение этих групп и их свидетельства о первоначальном составе кормчей?

Рогожский и Соловецкий списки воспроизводят текст Ефремовского списка того времени, когда этот список еще имел окончание, причем это окончание включало в себя все общие для Рогожского и Соловецкого списков статьи. Это перечисленные выше статьи Плигинского списка. Последняя общая статья, которая могла быть списана с Ефремовского, — выпись из послания Ефесского собора. В Рогожском списке эта статья оканчивается углом — подтверждение того, что ею оканчивался протограф или прапротограф списка. Таким образом, мы имеем свидетельство, что Ефремовский список до утраты конца завершался этой статьей. Это было еще в XIII в., которому принадлежат пометки на полях, вошедшие в обе последующие копии.

Эти два генетически связанных с Ефремовским списка содержат и другое свидетельство о составе своего источника — в них обоих нет части календарной статьи и трех хронологических статей. Нужно сделать одно из возможных заключений: или в Ефремовском списке еще тогда, когда он был полным в конце и когда с него делалась копия, этих статей уже не было, или листы с этими статьями были вырваны в списке-копии Ефремовского, который был архетипным для Рогожского и Соловецкого. Это не было, очевидно, намеренный пропуск, а лишь случайная утрата: во-первых, как было указано выше, последняя фраза календарного трактата обрывается на середине, во-вторых, как показал в своем издании В. Н. Бенешевич, Ефремовский список вообще полон, хорошо передает свой источник и не содержит сокращений, но имеет утраченные листы еще в начальной части. Таков реконструируемый состав Ефремовского списка до случайных утрат в нем и состав источника Рогожского и Соловецкого списков, если оба эти списка не были списаны непосредственно с Ефремовского.

Этот состав содержит списки третьей группы — Плигинский и Троицкий, не имеющие ни утраты в тексте хронологических статей, ни добавлений в конце, после статьи «И въздразити». Эта группа представляет собой, таким образом, древнейший и первоначальный состав кормчей, который в измененном виде дал состав первой группы.

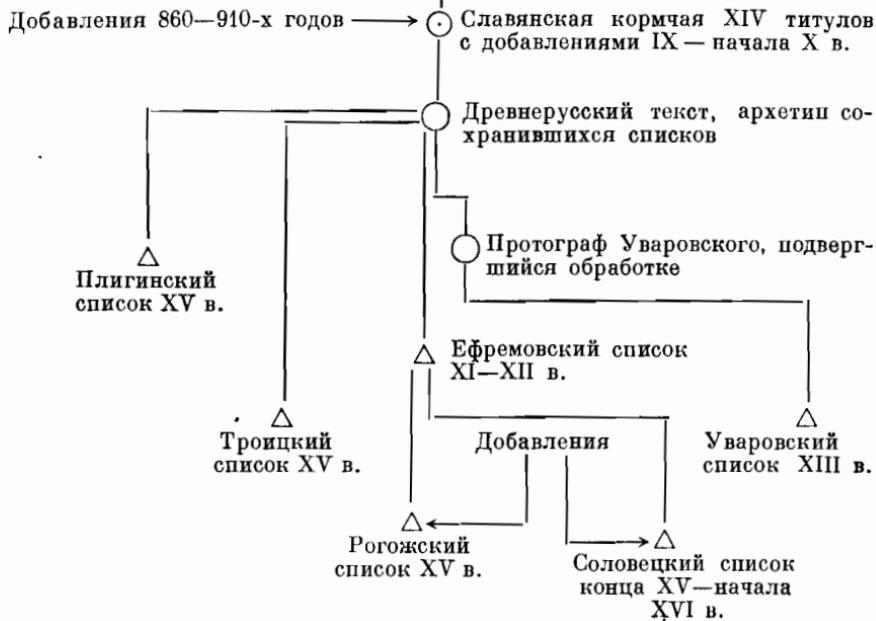
Уваровский список восходит к тексту не первой, а третьей группы: он включает одну статью из тех, которые были утрачены в архетеипе Рогожского и Соловецкого списков.

Соотношение списков Ефремовской редакции может быть представлено в следующей схеме (стр. 213).

Статьи, добавленные в Рогожском и Соловецком списках, известны и по другим древнерусским памятникам — Новгородской Синодальной кормчей 1280-х годов, спискам Новгородско-

Списки Синтагмы X—XI вв.
Vallic. F. 47
Vindob. hist. gr. 56

Синтагма III редакции, главный
источник славянского перевода

Софийской кормчей и др. Они появились в приложении к тексту Ефремовской редакции, конечно, на Руси.

Что касается статей, входящих в определенный выше основной состав кормчей, то на место их включения нет прямых указаний. Некоторые из этих статей известны также по другим кормчим, например по вставкам в текст Сербской редакции в том же Синодальном списке, которые были сделаны в 1280 г., очевидно, в Переяславле²² и вскоре после этого года в Новгороде²³, а также по Устюжской кормчей²⁴. Новгородский Синодальный список сохранил текст кормчей Сербской редакции, пополненный статьями, отсутствовавшими в этой кормчей, но известными на Руси раньше. Очевидно, Ефремовская кормчая и познакомила Русь с этими статьями. Во второй половине XIII в., когда на Руси стала известна более новая редакция кормчей в значительно

²² «Летописец вскоре» с продолжением (Син. 132, л. 567 об.); перечень епископов (там же, л. 580), статья о «возбраненных женитвах» (там же, л. 476 об.). См. Я. Н. Щапов. К истории текста Новгородской Синодальной кормчей. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 299.

²³ Календарный трактат (Син. 132, л. 564).

²⁴ Статья о возбраненных женитвах (Рум. 230, л. 65).

лучшем переводе и снабженная комментариями, эти дополнительные статьи стали присоединять к ней, как они были присоединены прежде к кормчей XIV титулов. Так возникла собственная древнерусская редакция кормчей.

В Синодальном списке некоторые из добавленных статей, например «Летописец вскоре», находятся в местной обработке, с дополнениями 1277 и 1278 гг. Это свидетельствует, что первоначальный текст статьи, попавший на Русь раньше и сохранившийся в Ефремовской кормчей, был подвергнут здесь изменению²⁵.

В числе статей указанного основного состава Ефремовской редакции нет памятников моложе начала X в. Наиболее поздние части — «Летописец вскоре», упоминающий, что императоры Лев и Александр царствовали 26 лет («Василей лет 18 месяца 11. Лев и Александр лет 26»), и перечень патриархов, из которых последний «Ефимей лета 2 и месяца 2 и изгнан бысть». Лев VI Мудрый правил в 886—912 гг., действительно 26 лет. Летописец пополнен, очевидно, около 912 г. Патриарх Ефимий занимал кафедру, правда, не два, а около пяти лет, в 907—912 гг., в 912 г. ему вновь наследовал Николай²⁶. Таким образом, пополнение Синтагмы статьями после появления ее в Болгарии в 860-х годах и перевода продолжалось в течение 50 лет, до 910-х годов. Поскольку на Руси Ефремовская кормчая была распространена уже в полном составе (как выяснило, списки, не имеющие некоторых статей, дефектны сами или переписаны с дефектных источников), можно думать, что в течение этих 50 лет кормчая продолжала складываться там же, где она была переведена, — в Болгарии, очевидно, в Преславе, еще при Симеоне (893—927). Следами нескольких ее пополнений являются помещение трактата о власти патриарха между главами Прохирона в виде вставки и окончание предпоследней статьи углом вниз, как кончается обычно последняя статья. На Русь Ефремовская кормчая поступила уже в том сложившемся виде, какой имеют Плигинский и Троицкий списки.

Ефремовская редакция кормчей остается до сих пор не полностью изданной. В. Н. Бенешевичем, как было сказано, целиком издан Ефремовский список и окончание Собрания в 93 главах по Соловецкому списку. Задачей современных исследователей является завершение этого издания. В архиве В. Н. Бенешевича

²⁵ Как определил А. А. Шахматов, «Летописец» в Синодальной кормчей включил византийские известия из того древнего славянского перевода, который сохранился в Плигинском списке; более поздние византийские сведения, после царствования Льва и Александра, «могут быть все возведены к Повести временных лет» (А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. «Труды Отдела древнерусской литературы», вып. IV, М.—Л., 1940, стр. 63, прим. 2.).

²⁶ V. Grumel. La Chronologie. «Traité d'études Byzantines», vol. I. Paris, 1958, стр. 357, 436.

сохранились материалы к изданию второго тома, в том числе пробные и прошедшие корректуру отпечатки первого его выпуска, содержащего лл. 310—359 Соловецкого списка²⁷. Об этой законченной работе уже были сообщения в печати²⁸. Это облегчает подготовку второго тома издания кормчей. Здесь следует, очевидно, издать не только статьи, входившие в основной состав кормчей (по Плигинскому или Троицкому спискам), но и все статьи древнерусских списков этой редакции вместе с греческими текстами, как это предполагал сделать В. Н. Бенешевич.

---

²⁷ ААН, ф. 192, оп. 1, № 38.

²⁸ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, стр. (III); V. Венешевич. Syntagma XIV titulorum sine scholiis... «Byzantinische Zeitschrift», XXXV, 1935, стр. 439—441; С. Трицкий. Известия д-ра Сергија Троицког, проф. университета... о боравку у СССР. «Гласник САН», књ. VIII, св. 2. 1957, стр. 235—236.

А. П. КАЖДАН

«КОГДА ЕВДОКИЯ ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА СТЕФАНА НЕМАНИЧА?»

Под таким названием недавно была опубликована статья югославского исследователя Б. Ферьянчича¹, где автор пересматривает дату заключения брака Стефана Неманича и византийской принцессы Евдокии, дочери императора Исаака II Ангела (1185—1195). По мнению Ферьянчича, брак этот не мог иметь места в начале 90-х годов XII в., как это обычно принимают, — он датирует брак сына Немани 1186 г.

Основанием для пересмотра датировки Ферьянчичу послужило упоминание об этом событии в речи византийского оратора Георгия Торника, важной, кстати сказать, и для истории Болгарии, поскольку в ней упомянут разрыв между вождями восставших болгар — братьями Петром и Асенем². Ферьянчич считает, что эта речь была произнесена в 1186 г., и в соответствии со своей датировкой относит брак Евдокии к первому году правления Исаака Ангела.

К сожалению, пересмотр хронологии событий, предложенный Ферьянчичем, не может быть принят.

Рассмотрим аргументацию югославского исследователя.

Он полагает, во-первых, что Георгий Торник занимал пост магистра риторов (официального придворного оратора) до 1189 г., когда он был рукоположен на эфесский митрополичий престол, и, следовательно, его речь, упоминающая брак Немани, произносилась не позднее 1189 г. Однако Ферьянчич не обратил внима-

¹ Б. Ф е р ј а н ч и ћ. Када се Евдокија удала за Стевана Немањића? «Споменица М. Динића» (Београдски ун-т. Зборник филозофског ф-та), књ. VIII, д. 1, 1964, стр. 217—224.

² И. Д у й ч е в. Проучвания върху българското средневековие. София, 1945, стр. 52—76. Помимо привлеченных Дуйчевым источников о разрыве Петра и Асеня следует еще указать на неизданную речь Льва Валианита (Escor., Y-II-10, fol. 53 v), где говорится о победе Исаака Ангела над «скифами», которые были охвачены страхом и поверглись ниц, хотя их никто не преследовал, и тогда «презрел брат брата». Свидетельство, впрочем, весьма неопределенное.

ния на то, что Георгий Торник, митрополит эфесский, был современником Косьмы II Аттика (1146—1147) и жил, следовательно, в середине XII в.³ Магистр риторов Георгий Торник, действовавший в конце XII в., ни в 1189 г., ни в какой иной год эфесским митрополитом не становился.

Во-вторых, Ферьянчич некритически принял датировку речи Георгия Торника, предложенную Дуйчевым (см. прим. 2). На самом деле речь была произнесена не в 1186 г., а, как в ней прямо указано, через семь с половиной или восемь лет после вступления Исаака Ангела на престол, т. е. примерно в 1193 г.⁴

Поэтому никаких оснований для пересмотра традиционной даты брака Стефана Неманича и Евдокии нет.

---

³ R. Browing. The Speeches and Lettres of Georgios Tornikes, Metropolitan of Ephesos (XIIth century). «Actes du XIIe Congrès International d'Études Byzantines», t. II. Beograd, 1964, стр. 421—427. Поставление его митрополитом в Эфес Браунинг датирует примерно 1155 г. Cp. J. Dargouzès. Les documents byzantins du XIIe siècle sur la primauté romaine. «Revue des études byzantines», t. XXIII, 1965, стр. 69 и сл.

⁴ A. Kazařda. La date de la rupture entre Pierre et Asen (vers 1193). «Byzantion», t. XXXV, fasc. 1, 1965, стр. 167—174. Cp. J. Dargouzès. Notes sur Euthyme Tornikès, Euthyme Malakès et Georges Tornikès. «Revue des études byzantines», t. XXIII, 1965, стр. 165, прим. 10.

Л. А. ШАФЕРОВА

СЕРБСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА
В СЕРБСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XX в.

С подъемом сербского национально-освободительного движения во второй половине XIX в. возрос интерес к истории средневекового Сербского государства. В 50—70-х годах в сербских журналах¹ публикуются отдельные грамоты, издаются сборники документов², что создавало возможности для изучения социально-экономической истории Сербии времен Неманичей.

Одной из первых работ такого рода была статья³ историка Ч. Миятовича (1842—1932), коснувшегося и сербской торговли в средние века. Ссылаясь на договор Уроша I с дубровчанами (1253), Ч. Миятович отмечал, что народ собирался тогда в известные дни близ монастырей и церквей на торги, становившиеся первыми центрами ремесла и торгового оборота⁴. Говоря о состоянии средневековой сербской экономики, Миятович делал вывод, что Сербия находилась на одном уровне с развитыми государствами Западной Европы в ту пору⁵.

Свою следующую историко-экономическую работу Миятович посвятил сербской торговле в XIII и XIV вв. Он указывал на то, что для получения полного представления о положении населения в сербской державе нельзя забывать об имевшихся в средневековой Сербии городах, «в которых, — по словам Ч. Миятовича, — была положена основа для свободного третьего сословия». Торговцы и ремесленники по городам, а рудокопы — по поселениям рудокопов «создавали достаточно широкую основу, на которой развились бы сербское третье сословие, если бы не погибла на Косовом поле сербская самостоятельность»⁶.

¹ ГСУД и др.

² М. Пуцић. Споменици српски, књ. 1—2. Београд, 1858—1862; и др.

³ Ч. Мијатовић. Финансије српског краљевства. ГСУД, кн. VIII, 1869.

⁴ Там же, стр. 189—190.

⁵ Там же, стр. 216—219.

⁶ Ч. Мијатовић. Студије за историју српске трговине XIII и XIV века. ГСУД, кн. XXXIII, 1872, стр. 200.

Не анализируя роль городов в развитии сербской экономики, Ч. Миятович отмечает отдельные города как торговые центры. Указав на то, что сербская торговля находилась главным образом в руках дубровчан, он пишет об активности сербских торговцев, ссылаясь на то, что Троношская летопись отмечает создание королем Милутином «странноприимного дома» в Солуни и Цариграде. Ч. Миятович полагал, что такой факт является свидетельством существования в этих городах сербских торговых факторий и показателем активности сербской торговли⁷.

Описывая переселение королями в сербские земли немцев-колонистов, Ч. Миятович считает, что это было обычное явление, поскольку для развития всех средневековых государств одним из препятствий являлся недостаток рабочей силы. Он полагал, что горнорудный промысел в Сербии был и до переселения «сасов»-рудокопов, но «сасы» принесли с собой более совершенные методы работы⁸. Особенности развития сербской экономики объясняются автором только ее природными условиями.

Позже Ч. Миятовичем была написана еще одна статья о сербской торговле, точнее, о торговой политике сербских правителей. В ней Ч. Миятович не пишет о торговых центрах Сербии. О сербских торговцах он лишь однажды и, как сам пишет, «мимоходом» замечает, что среди них были властели и кметичи. Такое замечание он делает, ссылаясь на письмо князя Дубровника и дубровницкого веча от 7 февраля 1395 г.⁹

Работы Миятовича были написаны в основном на данных источников, изданных в этот период (использовались им и народные песни). Ч. Миятовичставил своей целью показать место Сербии среди других европейских государств и доказать, что Сербия имела такой же уровень экономики, как и развитые европейские государства. Но Ч. Миятович не развивает выдвинутые положения и использует не все источники, изданные ко времени написания его работ. Ч. Миятович писал о ювелирном деле в Сербии и ссыпался на то, что в источнике упоминалось о ювелире Блаже — венецианском подданном, жившем в Брскове; но он не пишет о ювелирах-сербах, о которых имелись данные и в Архангельской грамоте¹⁰, и в Законнике Стефана Душана, и других источниках. Ч. Миятович не использует в своих работах «Речник» Даничича, поверхностно подходит к изучению источников.

Для Ч. Миятовича очень важны факты, свидетельствующие об успехах сербского народа в прошлом. Так, указав, что сербская земля и азиатическое Поморье составляли одно целое, он пишет: «Нет сомнения, что всякому сербу приятен факт, что

⁷ Там же, стр. 203—204.

⁸ Там же, стр. 245.

⁹ Ч. Миятович. Трговачка политика српских краљева и царева. «Отаџбина», књ. 3. Београд, 1875, стр. 533—534.

¹⁰ «Гласник Друштва српске словесности», књ. XV. Београд, 1862.

дубровчане торговали с Италией, Египтом, Малой Азией, доплывали до Испании и Мексики»¹¹.

Ч. Миятович попытался подсчитать население Сербии в XIV в. По его подсчетам, в Сербии жило около 1,5 миллиона человек, или 499 человек на 1 кв. милю. Расчеты Миятовича неправильны, он основывал их на размерах ввоза соли в Сербию, при этом полагал, что соль ввозилась только для употребления людьми. Ч. Миятовичу эти подсчеты нужны для того, чтобы сравнить население Сербии с населением Англии, где в это время находилось 380 человек на 1 кв. милю.

Патриотические цели работ Ч. Миятовича подчеркиваются в заключении его первой историко-экономической статьи: «Он (сербский народ. — Л. Ш.) держался на одном уровне со всеми остальными современными народами. Думаем, что для нас в этом факте — источник большого утешения. Без сомнения, и источник грустного чувства при одной естественной мысли: где бы наш народ был сейчас, если бы ему не препятствовал азиатский поток и последние 400 лет он в одну ногу с остальными народами шел бы по пути цивилизации»¹².

Выдающегося сербского историка и государственного деятеля Стояна Новаковича (1842—1915), как пишет современный югославский историк В. Чубрилович, «особенно интересовали две эпохи в сербской истории: эпоха Неманичей в средние века и возрождение государства в XIX в. Кроме Константина Иречека, никто из наших историков нешел так глубоко в проблематику развития нашего средневекового феодального общества и государства, как Стоян Новакович»¹³.

Первые исследования С. Новаковича по истории державы Неманичей были написаны как историко-географические. В введении к первому из них молодой историк писал о том, что издание сборников источников и Речника Дж. Даничича, без которого многие исследования были бы невозможны, создало большие возможности для культурно-исторических исследований, «совершило целую эпоху»¹⁴. Первыми работами, написанными на основании изданных сборников, были статьи Ч. Миятовича о сербских финансах и сербской торговле. С. Новакович замечает, что его труд предпринят в связи с высказыванием Ч. Миятовича о торговле с тем, чтобы на основании источников определить местонахождение одного из главных торговых пунктов — Брскова.

В той же статье он пишет о торговых путях, которые вели от Приморья в Сербские земли. Это историко-географическое исследо-

¹¹ Ч. Мијатовић. Студије..., стр. 226—227.

¹² Ч. Мијатовић. Финансије..., стр. 219.

¹³ Ст. Новаковић. Ваканс државе српске. Београд, 1954, предисл., стр. 11.

¹⁴ S. Novaković. Brskovo, Danj i carina u sv. Spasa i putovi s jadran-skoga primorja u stare srpske zemlje. — «Rad JAZU», XXVII, 1876, стр. 1.

ние, как и другие, написанные С. Новаковичем позднее, тесно связано с исследованием экономики этого периода: торговых путей, торговли, горнорудного дела.

С. Новаковичем была задумана большая работа по исследованию общественно-экономических проблем «Народ и земля в старой сербской державе», но она не была полностью написана. Были закончены отдельные ее разделы: «Прониары и баштинники», «Село»; задуманный ранее раздел о городах написан не был, о чем сообщал сам автор¹⁵. Более того, Новакович не писал о городских баштинах даже и в своих работах о разных видах землевладения (баштинах и др.)¹⁶. В работе «Село» он лишь упомянул, что «стаси» могли принадлежать и горожанам (например, людям церкви св. Спаса в Призрене)¹⁷.

С. Новаковичем было написано несколько статей об отдельных городах Сербии (Бреково, Ново Брдо, Прилеп). Из них наиболее интересна статья о г. Ново Брдо, который автор, согласно с К. Иречеком, считал самым большим городом внутренних областей Балканского полуострова. Из жителей г. Ново Брдо он отмечает лишь дубровчан и немцев-«саксов», а о горожанах-сербах ничего не пишет. Замечая, что немецкие колонисты проникли в XIII в. в Венгрию и Сербию так же, как и в Чехию и Польшу, он говорит: «Каким образом и насколько немецкие и дубровницко-далматинско-итальянские колонии в Сербии повлияли в этом отношении (т. е. в смысле прекращения «патриархального и простого славянского бытия». — Л. Ш.) на развитие народной жизни, трудно определить, так как неизвестно их число и распространенность, но несомненно, что без определенного влияния не обошлось»¹⁸. Другая его статья (о Прилете в первой половине XIV в.)¹⁹ написана по данным жалованных грамот короля Стефана Душана Трескавацкому монастырю²⁰ и мало освещает сам город Прилеп, который Новакович считал важным стратегическим пунктом.

В общем плане С. Новакович касается сербских городов в статье «Град, трг, варош»²¹, которая посвящена выяснению значения терминов, служивших в средневековой Сербии для обозначения поселений городского типа. По мнению Новаковича, принятому в литературе, градом называлась городская крепость и сам город. «Трг» (торг) был не только местом торговли, но и поселением.

¹⁵ Ст. Новаковић. Село. «Глас СКА», XXIV, 1891, стр. V—VI.
¹⁶ «Глас СКА», I, 1887; XCII, 1913.

¹⁷ Ст. Новаковић. Село, стр. 162 сл.

¹⁸ Ст. Новаковић. Ново Брдо и Врањско Поморавље в историји српској XIV и XV века. — «Годишњица Н. Чупића», III, 1879, стр. 278.

¹⁹ «Глас СКА», LXXX, 1909.

²⁰ Ср. Б. Ферјаничић. О повељама краља Стефана Душана манастиру Трескавцу код Прилепа. «Зборник радова Византолошког ин-та», књ. 7, 1961.

²¹ «Наставник», књ. III. Београд, 1892.

Позднее, с XV в., для городского поселения появляется и термин «варош». Правда, рассматривая эту терминологию, Новакович не отмечает неустойчивости в употреблении таких терминов²².

В 1898 г. Новакович выпустил второе издание Законника Душана, в котором имеются комментарии к статьям, любопытные для выяснения его представлений о положении городов и их населения. Так, например, в комментариях к ст. 137 он отмечает, что ст. 124 может дать повод для мнения, что и сербские города стремились закрепить свои права силой Законника таким же образом, как и греческие города²³. Сравнивая ст. 176 и 129, он заключает, что города главным образом были устроены по военному, а суд вершили в городах иначе, чем в жупах²⁴. Если второй вывод можно принять, то первый нам представляется необоснованным. В комментариях к ст. 152 Новакович относил торговцев и горожан к «средним людям», приравнивая их как свободных к незнатным, «малым» владельцам-феодалам²⁵. Но при этом он не пишет ничего о горожанах, зависевших от церкви или светской знати, которые упоминались в монастырских грамотах²⁶. И город в целом им как бы почти исключается из общей системы феодального государства.

То обстоятельство, что некоторые города Балканского полуострова имели привилегии, утвержденные в Законнике Стефана Душана, С. Новакович отмечает и в статье о городах²⁷, написанной после издания им этого исторического памятника. Он пишет, что не имеется точных данных относительно природы этих привилегий. Отмечается им и другое: «... вообще развитие муниципальных институтов происходит здесь (на Балканском полуострове. — Л. Ш.) не в результате борьбы и не является следствием победы над сеньорами, как на западе Европы, но оно происходит или через специальный дар царской власти или через древние привилегии, которые продолжали существовать»²⁸. Далее: «У сербов города продолжали искать в королевской власти, по крайней мере до определенного момента, гарантии для своего развития». Отмечается автором и то, что в Законнике Стефан Ду-

²² Центр горнорудного промысла г. Трепча в завещании дубровчанина Д. Менчетича 1356 г. назван «торгом» («Наставник», кн. III, стр. 5). Но С. Новакович не приводит здесь данных грамоты о продаже дома в «граде Трепче» в 30-х годах XV в. (см. «Споменик СКА», III, 1890, стр. 52). Трепча не имела стен и крепости, находясь под защитой близлежащей крепости Звечан (А. Д е р о к о. Средневековни градови у Србији, Црној Гори и Македонијј. Београд, 1950, стр. 169).

²³ С. Н о в а к о в и ћ. Законик Стефана Душана. Београд, 1898, стр. 228.

²⁴ Там же, стр. 252—253.

²⁵ Там же, стр. 238.

²⁶ См., например, Трескавацкие и Архангельскую грамоты.

²⁷ S. N o v a k o v i ċ. Villes et cités du moyen âge dans l' Europe Occidentale et dans la péninsule Balcanique. «Archiv für slavische Philologie», XXV, 1913.

²⁸ Там же, стр. 337.

шан давал свое покровительство городам западной части Балканского полуострова²⁹.

В монографии о завоевании турками Балканского полуострова, весьма детально исследуя политическую и военную борьбу сербов с турками, Новакович не пишет об экономических и социальных причинах, определивших поражение сербов в этой борьбе³⁰. Такое отношение к экономическим и социальным причинам характерно и для другой работы этого историка, написанной по поводу «Истории сербов» К. Иречека. С. Новакович в этой работе упоминает лишь города азиатического Приморья, Котор в частности. О городах внутренних областей Сербии он не пишет.

Рассматривая историю сербов до распада державы Стефана Душана, он не пишет о социально-экономических причинах распада этого большого государства. Для него «все, что сделали Мильтин и Душан, пропало после смерти Душана. Крупные властелины после смерти Душана образовали отдельные державы. Идея великого царства или великой державы не была жива ни в народе, ни между властелями того времени. Идея эта была чисто Душановой и происходила из династической гордости Неманичей»³¹. Отношение его к городам периода турецкого господства выражено довольно определенно в упоминавшейся выше статье о городах: «Действительно, если мы перенесемся, наконец, в эпоху, когда Сербия в начале XIX в. отвоевывала свою независимость, мы увидим в этой стране обстоятельства, совершенно противоположные тем, какие мы констатировали в Западной Европе. Мы видим, что поселения и города подготовили там путь к конституционному режиму; в Сербии, напротив, мы видим все города, как в римскую эпоху, подчиненными иностранной власти и населенными иностранцами. Это не они предпринимали и вели до конца борьбу за свою национальную независимость, но скорее деревни. Поэтому мы можем судить о том, каковы они были прежде, мы можем считать, что они играли незначительную роль с точки зрения развития национальности, точно так же, как освобождения и гражданских свобод. Наконец, они образовали сеть, которой иностранная власть опутывала Сербию и благодаря которой она поддерживала там свое господство»³². Как видно, по мнению С. Новаковича, сербские города не оказали положительного воздействия на историю сербского народа.

²⁹ Там же, стр. 339—340.

³⁰ С. Новаковић. Срби и Турци XIV и XV века. Београд, 1960. Высоко оценивая эту монографию, С. М. Чиркович в предисловии отмечает, что хотя после работы С. Новаковича в литературе исследовались экономические и социальные причины силы турок и слабости сербов, последствия турецкого завоевания и т. д., его монография в целом сохраняет свою научную значимость (там же, стр. 12).

³¹ С. Новаковић. Неколико тежа питања из српске историје. «Годишњица Н. Чупића», књ. XXXI, 1912, стр. 39.

³² S. Novaković. Villes et cités..., стр. 340.

На С. Новаковича оказали большое влияние труды его современника, выдающегося французского историка Фюстель де Куланжа. Это обстоятельство отмечалось уже югославскими историками³³. Сам С. Новакович в дополнении к своему исследованию о селе писал, что он согласен с выводами Фюстель де Куланжа, сделанными последним в «*L'alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne*»³⁴. На него С. Новакович ссылается и в тексте указанной статьи. Соглашаясь с мнением Фюстель де Куланжа, С. Новакович писал: «... сельский аграрный коммунизм невозможно доказать никакими документами»³⁵.

Влияние Фюстель де Куланжа сказалось и на представлениях С. Новаковича о средневековом городе. Почти не связывая средневековые города Сербского государства и азиатического Приморья с феодальным строем Сербского государства, С. Новакович считал, что в городах Балканского полуострова возрождался муниципальный строй и автономия римских городов.

В конце XIX в. вышло несколько историко-географических работ о торговых центрах и торговых путях средневековой Сербии. Первой из них была монография, написанная известным впоследствии этнографом Й. Эрделяновичем (совместно с Р. Т. Николичем). Монография написана в основном на материале статей Ч. Миятовича, работы К. Иречека и ряда работ С. Новаковича. Выводы по сербской экономике XIII—XIV вв. повторяют заключения Ч. Миятовича: «Из всего того, что мы изложили о путях и городах сербских, видно, что сербская земля по развитию как внутренней, так и внешней торговли занимала видное место среди европейских земель в средние века»³⁶.

Через год после выхода в свет монографии Й. Эрделяновича и Р. Т. Николича была напечатана работа П. Р. Косовича и М. Миладиновича. Они в большей мере использовали источники, чем Й. Эрделянович и Р. Т. Николич. Но и авторы этой работы, описывая торговые пути, не объясняют, с чем связаны направления тех или иных путей. Объясняется только направление путей, шедших из Приморья во внутренние области Сербии.

³³ «В исследовании наших институтов, особенно нашей деревни в средние века, Новакович явно находился под влиянием метода Фюстель де Куланжа, чьи труды он читал со вниманием и о которых пишущему эти строки всегда отзывался с большой похвалой», — писал Й. Радонич. Далее он продолжает: «Новакович, крупная фигура нашей науки, смело искал пути в исследовании нашего культурного прошлого, и то, что он в этом направлении достиг блестящих результатов, — немалая заслуга славного французского историка Фюстель де Куланжа» (Ј. Радонић. Слике из историје и књижевности. Београд, 1938, стр. 460).

³⁴ С. Новакович. Село, стр. 253—255.

³⁵ Там же, стр. 197.

³⁶ Ј. Ерделяновић и Р. Т. Николић. Трговачки центри и путеви по српској земљи у средњем веку и у турској доба. Београд, 1899, стр. 107—108.

Причинами, выдигавшими отдельные поселения в число торговых центров, авторы считают: «... политические обстоятельства, богатую природу окрестностей или выгодное положение»³⁷. По мнению П. Р. Косовича и М. Миладиновича, сербскую средневековую торговлю создали дубровчане и немцы («сасы»). Последние не торговали, добавляют авторы, но их труд имел огромное влияние на сербскую торговлю³⁸.

Авторы вначале отмечают влияние богатых по природным условиям окрестностей на выдвижение городов в качестве торговых центров, но в дальнейшем далеко не всегда связывают жизнь и торговлю отдельных торговых центров с окружающей их местностью. В работе названы лишь товары, которые вывозились из городов Приморья и центров горнодобывающих округов. Товары, вывозившиеся из других городов Сербии, не названы. Выделяя из городов внутренних сербских земель город Призрен, авторы пишут: «Торговому значению Призрена во многом помогло наряду с его значением политического центра в славнейшее время нашей истории и его положение на перекрестке торговых путей»³⁹. При этом не отмечается то очень важное обстоятельство, что Призрен расположен в плодородной местности, был окружен многими селами, продукция которых находила сбыт в этом городе.

Описание такого крупного торгового и промышленного центра, каким было Ново Брдо, по сравнению с рассмотренной выше статьей С. Новаковича является шагом назад. В статье С. Новаковича дано объяснение значения этого важного центра, и его статья основана на исследовании источников. Города интересовали П. Р. Косовича и М. Миладиновича только как торговые центры. О местном населении городов они не писали, а только об иностранцах.

Третья работа о центрах торговли и торговых путях принадлежала К. Костићу (1875—1915)⁴⁰. Сам он в предисловии к другой своей монографии указывал, что его первая работа основана на изучении источников⁴¹. В ней он писал о торговых центрах и торговых путях не только в средневековье, но и в XVII—XVIII вв., иногда доводя изложение до XIX в. Но работа его

³⁷ П. Р. Косович и М. Миладинович. Трговачки центри и путеви по српским земљама у средњем веку и у турско време. «Годишњица Н. Чупића», књ. XX, 1900, стр. 2.

³⁸ Там же, стр. 1.

³⁹ «Годишњица Н. Чупића», књ. XXI, 1901, стр. 48.

⁴⁰ К. Костић. Трговински центри и друмови по српској земљи у средњем и новом веку. Београд, 1900.

⁴¹ Можно полностью согласиться с его оценкой рассмотренных выше работ, написанных на эту же тему. К. Костић отмечал, что авторы первой работы не знают старой литературы и важнейших известий путешественников и миссионеров XVI—XVIII вв. По его мнению, с большим пониманием написан труд П. Р. Косовича и М. Миладиновича (К. Костић. Стара српска трговина и индустрија. Београд, 1904, стр. VI).

во многом носит описательный характер. Он не делает выводов, которые совершенно очевидно можно сделать из его описания состояния сербских торговых центров и дорог в разные периоды истории, не указывает на то, что турецкое завоевание и господство привело к запустению городов Сербии, ранее цветущих. При турках перестали разрабатываться богатые рудники. Пришло в упадок земледелие. Как историко-географический труд монография К. Костића и в настоящее время имеет научное значение.

Собственно исторической работой является вторая его монография о торговле и промышленности⁴². В ней К. Костић на основании имевшейся к началу XX в. научной литературы и главное на основании внимательного изучения источников дает обзор сербской экономики в средние века. Города он рассматривает не только как торговые центры, но и как центры ремесла.

К. Костић, в отличие от Ч. Миятовича, не только выдвигает положение об активности сербской торговли, но и приводит доказательства, взятые из сербских и дубровницких источников⁴³. Он много внимания уделяет исследованию самой организации средневековой торговли, разным ее формам.

Приводя данные источника о развитии ремесла в деревне и городе, К. Костић ставит вопрос о цеховых организациях в сербских городах, об устройстве сербских ремесленных цехов⁴⁴. К. Костић интересовали не только занятия горожан, но и управление городом, его территория и внешний вид. В вопросах управления городом он следует за С. Новаковичем и в общем повторяет комментарии, данные последним к статьям о городах в Законнике Стефана Душана. Но К. Костић добавляет еще, что в XIV и XV вв. упоминаются законы городов Брсково, Рудник, Кратово, Ново Брандо. Автор отмечает, что сами эти городские статуты неизвестны⁴⁵. Рассматривая положение горожан местного, сербского происхождения, К. Костић также следует за С. Новаковичем. К. Костић указывал на ясное, по его мнению, отличие горожанина от жителя жупы. Он не замечал феодальной зависимости многих горожан, не писал о многочисленных повинностях горожан, он отмечал лишь освобождение горожан от «приселницы» (дачи постоянной), записанное в Законнике⁴⁶.

* * *

Мы проследили за развитием сербской историографии в изучении средневековых сербских городов с 60-х годов XIX в. до начала XX в., от патриотических, но не во всем точных и научных

⁴² К. Костић. Стара српска трговина и индустрија

⁴³ Там же, стр. 12—14.

⁴⁴ Там же, стр. 126—128.

⁴⁵ Там же, стр. 246.

⁴⁶ Там же, стр. 243—245.

статей Ч. Миятовича до работ С. Новаковича и К. Костича, основанных на добросовестном изучении источников.

Если Ч. Миятович ставил своей целью показать высокий уровень развития сербской экономики и место Сербии среди западноевропейских средневековых государств, то С. Новакович внимательно изучал социально-экономические отношения, но в оценке исторического процесса он остался идеалистом. В вопросе о немецкой колонизации он стоял на точке зрения, характерной для ряда немецких ученых, да и не только немецких, считавших, что немецкая колонизация имела решающее значение для возникновения городов в Венгрии и в западнославянских странах. С. Новакович отмечал, что для сербских городов трудно определить, насколько большим было это влияние. В исторических трудах С. Новаковича проявляется его определенное отношение не только к истории, но и к современности.

В аграрной стране, какой оставалась Сербия и в начале XX в., история городов вызывала меньший интерес, чем аграрная проблематика. Изучением общественных отношений в городах не занимались отчасти и потому, что считали их заполненными иностранцами; в сербской историографии не ставился специально вопрос и о причинах специфического развития сербских городов.

Для сербских ученых и в начале XX в. исследование экономики средневековой Сербии, ее торговых путей и центров имело не только узко научный интерес. Многие сербские земли еще находились под властью Турции, объединение и освобождение сербских земель еще не было закончено. Видимо, в связи с этим приветствовались историко-географические работы (даже певысокие в научном плане), в том числе монография Эрделяновича и Николича, названная выше. Правда, эта работа хорошо показывала экономические связи всех сербских земель в период существования самостоятельной государственности и в первые века турецкого владычества, и, вероятно, ввиду политического звучания она получила Видовданскую награду Белградской общины. Таким образом, эти историко-географические работы, как и другие, рассмотренные нами выше труды сербских ученых, были весьма актуальны в тот период, доказывая историческую необходимость освобождения и объединения сербских земель.

И. В. ЧУРКИНА

О ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ЛЮБЛЯНЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Недавно вышли в свет шестой, седьмой и восьмой тома публикации Люблянского городского архива — «Gradivo za zgodovino Ljubljane u srednjem veku» («Материалы по средневековой истории Любляны», т. VI, 1961; т. VII, 1962; т. VIII, 1963), предыдущие выпуски которой нами были рассмотрены в особой рецензии¹.

Том VI публикации включает материалы из Государственного архива Социалистической республики Словении, Епископского архива и архива францисканцев в Любляне, Государственного архива, архива Дворцовой камеры и архива Немецкого рыцарского ордена в Вене, а также Государственного и Городского архивов в Нюрнберге, относящиеся к периоду 1444—1499 гг.

Том VII (с хронологическими рамками 1243—1498 гг.) содержит документы из Государственного архива, архива Дворцовой камеры, архива Немецкого рыцарского ордена и Австрийской национальной библиотеки в Вене; Провинциального архива в Граце, в Инсбруке; государственных архивов Мюнхена и Праги, Загреба и Венеции; Библиотеки Марцианы (Венеция), архивамузея в Чедаде, приходского архива Старого Трга у Ложа; Государственного архива, Епископского архива, архива капитула и архива францисканцев в Любляне.

Том VIII составляет лишь один документ — регистр (счетная книга) братовщины св. Криштофа в Любляне за 1489—1518 гг.

Тома VI—VII несколько напоминают тома I—II публикации, также освещая разные поземельные сделки горожан, но в I—II томах речь шла главным образом о продаже и покупке земельных участков, тогда как в томах VI—VII — о продаже, покупке и пожаловании отдельных феодальных земельных прав (преимущественно права сбора десятины). Первые документы, относящиеся к XIII в., касаются больше сделок монастырей

¹ И. В. Чуркина. Публикация документов по истории Любляны. «Славянский архив». М., 1963, стр. 176—183

в Стичне и Бистре, а также Немецкого ордена в Любляне (это обычно дарения им от различных дворянских фамилий), чем сделок самих горожан. Но в документах XIV в. уже зафиксированы многие сделки горожан, а в XV в. они уже явно преобладают.

Право сбора десятины продаётся, завещается, дарится и т. д. Оно превратилось в настоящий товар и вовсе не связано с верховной собственностью на землю. Правом сбора десятины с крестьян пользовались десятки горожан, причём только самые зажиточные (Николай Сумерекер, Матко Видец и др.) — с нескольких десятков крестьянских наделов, а прочие — лишь с одного-двух наделов. Это взимание самыми богатыми (отчасти, вероятно, и менее зажиточными) горожанами определенных феодальных повинностей с крестьян, несомненно, было одной из причин обострения отношений крестьян и горожан в XV—XVI вв.

В т. VII, как и в т. I—II, встречается имя одного из самых известных и богатых горожан Любляны 20-х годов XIV в. — Яакоба Поргера. Но если в первых томах публикации он выступает прежде всего как землевладелец, находящийся в родственных отношениях с дворянами, то акты т. VII рисуют его торговые операции (см., например, письмо 1320 г. о договоре Поргера с горожанами Чедада, а также охранную грамоту горицко-тирольского графа Генриха от 1322 г. для беспрепятственного проезда Поргера через таможни).

Гораздо больше здесь имеется документов о Николае Сумерекере, богатом и влиятельном люблянском горожанине. Основу его богатства, видимо, составляли феодальные владения. Только в 60-х годах XV в. он покупает у Ортольфа фон Павшека треть замка Остербург с владениями, у Ганса фон Сант-Петера — десятину с мельницей и 30 хуб (полных крестьянских наделов), у Гайне фон Локка — двор и луг, а в начале 70-х годов он купил земли и подданых у своего племянника, Юрия фон Гертенберга. Сумерекер был так богат, что выступал поручителем за долги дворян (Невенхауза, Эккенштейна).

Во второй половине XV в. среди люблянских горожан своим богатством выделялся Матко Видец (в документах иногда — Маковидец). Только документы т. VI фиксируют принадлежащие ему 5 хуб, мельницу на Люблянице, толчёю, несколько полей, право сбора десятины в четырех деревнях Циркницкого округа и т. д. Он, не имея прямых наследников, завещал свою собственность (кроме имущества, переданного построенной им капелле) императору Фридриху III, который в 1470 г. издал указ относительно вечной мессы в память Видеца. Это, разумеется, честь, единственная в своем роде, так как во всех восьми томах публикации нет другого случая столь трогательной заботы императора о душе люблянского горожанина.

Богатства Видеца постигла та же судьба, что и собственность Поргеров, Сумерекеров, всех люблянских богачей XIV—XV вв., —

они распылились, исчезли, не став основой могущества того или иного рода люблянских горожан.

Помимо названных богачей, различными феодальными правами владели и другие люблянские горожане. Так, среди 13 люблянцев, имевших разные феодальные пожалования по реестру герцога Фридриха Австрийского за 1427—1432 гг., особо выделяются люблянский судья Вид Шпенгелавец, владевший двумя хубами и правом сбора десятины с 26 хуб, и Андрей Прешл, владелец 8 хуб. По реестру Фридриха III за 1444—1468 гг., правами на десятину и другими феодальными пожалованиями обладали 38 жителей Любляны. Так, например, Йорг, сын Матко-Стригольщика, даже продав право сбора десятины (с 11 хуб О. Потшу и с 41,5 — М. Видецу), владел этим правом на 32 хубы в шести деревнях. Богатством отличалась и вдова горожанина Магдалина Якобен, имевшая дом, 5 хуб, мельницу, 2 деревенские усадьбы и 6 дворов. Документы т. VI—VII, содержащие главным образом материал о землях и феодальных правах, дают все же довольно интересный материал по городскому ремеслу и торговле. Так, например, среди этих документов в 1317 г. впервые упоминается люблянский ремесленник — каменщик Бертолльд, а всего в XIV в. упоминаются восемь ремесленников (5 мясников, каменщик Бертолльд, скорняк Освальт и сапожник Томес).

В документах XV в. сведения о ремесленниках Любляны (особенно скорняках) встречаются гораздо чаще. Только во второй половине века упоминаются девять скорняков и три скорняцких цехмейстера (Петер Слане, Пауль Зильберпауль и Янко). Все это дает основание полагать, что данная отрасль ремесла была наиболее распространена в Любляне (кстати, первая братовщина была создана ими же в 1370 г.). В XV в. братовщина скорняков имела уже немалое недвижимое имущество, купленное или завещанное ей горожанами.

Из других ремесленников, названных в документах, следует отметить ткачей. Упоминаний об отдельных ткачах немного, но зато имеется указ Фридриха III главарю (наместнику) Крайны В. Ауэрспергу (от 1487 г.) с предписанием, чтобы ткачи провинциального суда в Любляне участвовали в празднике в день тела господня вместе с ткачами люблянской ткаческой братовщины. Таким образом, ткачество также было довольно распространено в Любляне, и кроме ткачей, объединенных в свою братовщину, были и внецеховые ремесленники этой специальности.

Из других ремесленников во второй половине XV в. упоминаются стригольщик Матко, каменотес Йорг Штрайт, портные Матес и его сын Ганс, ювелиры Бертолльд Фрайберг и Петер (городской судья), каменщик Андрей, часовщик Юрий Кислекер, сапожник Симон, ирхар² Лампрехт, плотник Якоб и др.

² Ирхар — изготовитель ирхов (коротких кожаных штанов, обычных для национальной одежды словенцев).

Две важные группы ремесленников Любляны — мясники и мельники — имели несколько специфический характер. Дело в том, что из владельцев мясных лавок (встречаются в актах XV в. не реже скорняков), пожалуй, лишь нескольких можно считать мясниками-профессионалами (таковы мясники Якоб, Остерман, Юрше, Андрей). Но нам известны и мясники, ведшие и скорняцкое дело, например Петер (см. разрешение Фридриха III поставить ему новую мясную лавку, от 1463 г.). Такое соединение двух профессий было нередким³.

Мясные лавки имели не только горожане. Так, в 1478 г. Фридрих III предписал отвести место для новой мясной лавки капеллана П. Пильдхауэра (прежняя была разрушена во время набега турок). Такую лавку имел и сам вицедом Крайны (управитель имуществом государя) Йорг Рейнер, который продал ее в 1467 г. Немецкому ордену. Конечно, такие владельцы мясных лавок обычно сдавали их в аренду.

Мельницами владели, как показывают документы, Матко Видец, Магдалина Якобен, Кунц Хас, С. Мочник, вицедом Рейнер и др. Чаще всего мельницы сдавались вицедомом и люблянскими богачами в аренду, и арендатор даже мог сам продать свое право на аренду мельницы.

Люблянские торговцы, как показывают материалы т. VI—VII, направлялись преимущественно на юг, к Средиземному морю. Так, в 1378 г. герцог Альбрехт Австрийский писал в Чедад о нападении на люблянских купцов подданных Аквилийского патриарха, а в 1390 г. судья и городской совет Локи просили власти Чедада не передавать захваченный товар люблянским купцам без предоставления ими письма из Локи. Торговые связи с Чедадом не прерывались и в XV в.; помимо хлеба (как видно из т. V), на юг люблянцы везли и скот (см. письмо люблянских купцов Георгия и Гансила в 1410 г. из Горицы в Чедад). Купцы из Любляны в 1418 г. получили разрешение от сената Венеции вести там торговлю через немецкого представителя торговых фирм (фондацо).

В Штирии и Хорватии, видимо, люблянцы закупали скот (см. письмо Фридриха III от 1478 г. по делу мясника Юрше, у которого отняли на Дравском поле 90 свиней, закупленных в Рогатце). В северо-восточные земли люблянцы везли товары, несомненно, закупленные в городах Средиземноморья, в том числе пряности.

Книга братовщины св. Криштофа (т. VIII) представляет собой документ особого рода, единственный, сохранившийся из таких в Любляне. Эта братовщина была чисто религиозной организацией, в отличие от профессиональных, цеховых братовщин скорняков или ткачей. Весьма любопытны списки ее членов. Если первый (1489 г.) насчитывает только 22 члена (большей частью

³ См. «Славянский архив», 1963, стр. 182—183.

горожан), то последний (1514 г.) — уже 72; социальный состав их был весьма пестрым (7 священников, 6 дворян, 19 горожан, 4 лодочника, 23 кмета, 13 слуг горожан). Итак, в братовщине были представители всех слоев общества (между прочим и люблянский епископ Криштоф Равбар и наместник Крайны Й. Ауэрсберг).

Счетная книга этой братовщины является ценным источником по социально-экономической и культурной истории города, ибо она содержит сведения, которых нет в других памятниках (данные о ценах на строительный материал, стекло, воск, свечи, хлеб, об оплате труда каменотесов, плотников и т. п.).

Все документы рассмотренных нами трех томов публикации подготовлены к печати Б. Оторепцом, издателем пяти первых томов. Эти документы представляют большой интерес для историков-медиевистов, освещая различные стороны жизни средневекового словенского города.

ПУБЛИКАЦИИ

Л. В. РАЗУМОВСКАЯ

ДОКУМЕНТЫ ОБ ИОАННИТАХ В ПОЛЬШЕ (XII—XIII вв.)

В издании Института истории Польской Академии наук недавно вышла статья А. Гонсеровского, посвященная рыцарскому ордену св. Иоанна Крестителя (госпитальеров, или иоаннитов) в Польше¹, где иоанниты появились раньше всего в Малой Польше. Известно, что в 1166 г. был основан монастырь этого ордена в Загостье — во владениях сandomирского князя Генриха, пожаловавшего иоаннитам земельные владения².

Отсюда, очевидно, иоанниты были приглашены в Познань, где в их ведение был передан основанный при костеле св. Михаила госпиталь, т. е. странноприимный дом, в котором бедняки получали приют и помощь, в том числе и лечебную. Длugoш объединяет оба события — основание госпиталя и приглашение иоаннитов — под одним годом (1170)³. А. Гонсеровский с этой датой связывает лишь основание госпиталя, а приход иоаннитов, судя по данным источников, относит к 1187 г.⁴ Обоснование ордена иоаннитов в Познани, первоначальное обеспечение их землями и доходами нашли освещение в ряде документов. Эти-то документы и находятся в центре внимания А. Гонсеровского. Их — девять (при перечислении документов сохраняем авторскую нумерацию).

1. Грамота познанского епископа Бенедикта, которой он подтверждает пожалование иоаннитам госпиталя св. Михаила в Познани, сделанное князем Мешко III в 1187 г., и десятины в Костшинской области, получаемые госпиталем со дня его основания.

¹ A. Gąsiorewski. Najstarsze dokumenty poznańskiego domu joannitów. «*Studia źródłoznawcze*», t. VIII, IX. Warszawa—Poznań, 1963, 1964.

² K. Tymieniecki. Majętność księcia w Zagościu i pierwotne uposażenie klasztoru joannitów. «*Rozpr. Ak. Um.*», wydz. hist.-filoz., t. XXX (LV). Kraków, 1912.

³ A. Gąsiorewski. Указ. соч., т. VIII, стр. 94—95.

⁴ Там же, т. VIII, стр. 94—95; т. IX, стр. 51.

Грамота даты не имеет. Предполагается, что она выдана между 1187 и 1193 г.⁵

2. Булла папы Целестина III, которой он подтверждает вышеуказанное пожалование.

Булла выдана, как в последнее время установлено, в 1193 г.⁶

3. Булла папы Иннокентия III от 1201 г., подтверждающая пожалование иоаннитам пребенды (доходов) в Познанском кафедральном костеле, сделанное епископом познанским Арнольдом.

4. Грамота епископа познанского Павла от 1218 г., в которой он подтверждает земельные и прочие пожалования иоаннитам, сделанные при его предшественниках.

5. Грамота князя Владислава Тонконогого от 1225 г., которой он подтверждает земельные пожалования иоаннитам, сделанные его отцом, Мешко III, и освобождает эти владения от повоза, провода и строжи, а также от судебной юрисдикции князя.

6. Булла папы Григория IX от 1238 г., которой он передает верховную власть над познанским домом иоаннитов дому их в Моравии.

7. Грамота князя Владислава Одонича от 1238 г., которой он подтверждает земельные и прочие пожалования, сделанные в пользу иоаннитов его дедом, Мешко III, и иммунитет, пожалованный его дядей, Владиславом Тонконогим.

8. Грамота князя Болеслава Благочестивого от 1256 г., которой он подтверждает обмен земельными владениями между его братом, князем Пшемыслом, и иоаннитами и предоставляет иммунитет на некоторые их деревни.

9. Грамота того же князя от 1268 г., которой он разрешает иоаннитам локацию их деревни Седльце на немецком праве.

Все эти документы опубликованы в «Собрании великопольских грамот»⁷. Но опубликованы они по копиям XVI и XVIII вв., оригиналы составителю «Собрания» И. Закшевскому не были известны. Между тем оригиналы этих документов, кроме грамоты Владислава Одонича (документ 7), существуют. Оригиналы буллы папы Григория IX (документ 6) и грамоты Болеслава Благочестивого от 1256 г. (документ 8) хранятся в Государственном архиве Кракова⁸. Оригиналы остальных документов (№ 1—5, 9) долгое время находились в Виленской публичной библиотеке⁹. А. Гонсеровский полагает, что сюда они были переданы после ликвидации ордена иоаннитов вместе со всей древнейшей частью их архива, в конце XVIII в. перевезенной из Познани в Стволовицы (возле

⁵ A. Gąsiorek. Указ. соч., т. VIII, стр. 83.

⁶ Там же.

⁷ «Codex diplomaticus Majoris Poloniae» (далее: CDMP), т. I. Poznań, 1877, № 29, 30, 37, 104, 117, 208, 213, 344, 433.

⁸ A. Gąsiorek. Указ. соч., т. VIII, стр. 84.

⁹ «Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки», вып. 3. Вильно, 1898.

Новогрудка), где тоже имелся дом иоаннитов¹⁰. В дальнейшем все эти документы, пишет А. Гонсеровский, ссылаясь на работы М. Бренштайна «Собрание рукописей Университетской публичной библиотеки в Вильне»¹¹ и Л. Владимироваса «Вильнюсская университетская библиотека»¹², были в 1915 г. вывезены царским правительством из Вильнюса, и с тех пор след их потерялся¹³.

От пропавших оригиналов остались только фотографии, сделанные в начале нашего столетия Ст. Кшижановским и хранящиеся в Ягеллонском университете в Кракове. Репродукцию одной из них, а именно фотографии документа 1 (грамота епископа Бенедикта), Ст. Кшижановский поместил в своих «Польских палеографических памятниках»¹⁴. Репродукция фотографии документа 5 (грамота кн. Владислава Тонконогого) опубликована К. Малечиньским, он же дал полный текст оригинала этой грамоты¹⁵. Обо всем этом мы узнаем из статьи А. Гонсеровского¹⁶. К его сведениям добавим, что сам автор статьи поместил в ней репродукции с фотографий документов № 2 (булла папы Целестина III), № 3 (булла папы Иннокентия III) и № 4 (грамота епископа познанского Павла)¹⁷ и текст последней грамоты¹⁸.

С точки зрения подлинности все указанные выше документы, и те, оригиналы которых сохранились, и те, оригиналы которых неизвестны или исчезли, не внушают подозрений. Правда, анализ текста грамот епископа Павла и Владислава Одонича позволил А. Гонсеровскому вскрыть в них небольшие позднейшие вставки. В первой грамоте, перечисляющей деревни, принадлежащие иоаннитам, вставлены названия двух деревень, в то время в их владения не входивших. Во второй грамоте, в той ее части, которой князь подтверждает пожалованное Владиславом Тонконогим иоаннитам освобождение ряда их деревень от определенных повинностей, количество и деревень и повинностей увеличено¹⁹.

Как можно убедиться из всего вышеизложенного, документы, описанные в статье А. Гонсеровского, представляют большой интерес. В них мы получаем материал для характеристики феодального духовного землевладения и его роста на ранних этапах истории Польши. Они освещают обстоятельства, которыми

¹⁰ A. Gąsirowski. Указ. соч., т. IX, стр. 53.

¹¹ M. Brensztajn. *Zbiór rękopisów Uniwersyteckiej Biblioteki w Wilnie*. Wilno, 1932.

¹² L. Vladimirovas. *Vilniaus Universiteto Biblioteka*. Vilnius, 1958.

¹³ A. Gąsirowski. Указ. соч., т. VIII, стр. 84; т. IX, стр. 53.

¹⁴ «Monumenta Poloniae Paleografica», z. 1. Kraków, 1907, tabl. XVII.

¹⁵ K. Maleczański. *Studia nad dyplomami i kancelarją Odonica i Laskonogiego*. Lwów, 1928, tabl. I, стр. 249—252.

¹⁶ A. Gąsirowski. Указ. соч., т. VIII, стр. 84.

¹⁷ Там же, табл. I, II, III.

¹⁸ Там же, т. IX, стр. 56.

¹⁹ Там же, т. VIII, стр. 85—95.

сопровождалось обоснование на территории Польши различных монашеских и рыцарско-монашеских орденов, конкретно ордена иоаннитов, их экономическое положение, земельные владения и доходы на первых порах. Наконец, интересны эти документы, разумеется, и с чисто источниковедческой точки зрения.

Поэтому вполне законно огорчение А. Гонсеровского по поводу того, что оригиналы некоторых документов, хранившиеся до 1915 г. в Виленской публичной библиотеке, пропали, и при исследовании этих документов приходится пользоваться только фотографиями.

Однако это не так. Оригиналы документов 1—5 и 9, т. е. грамоты епископа Бенедикта, буллы папы Целестина III и папы Иннокентия III, грамоты епископа Павла, князей Владислава Тонконогого и Болеслава Благочестивого, не пропали. Они действительно были вывезены в 1915 г., но после Великой Отечественной войны вернулись в Вильнюс и давно уже находятся в фондах Рукописного отделения Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР (шифры F1—1, 1—2, 1—3, 1—4, 1—5 и 1—9). Нахождение их там зафиксировано в вышедшем в 1963 г. обзоре рукописных фондов этой библиотеки, составленном ныне покойным заведующим рукописного отделения В. Е. Абрамовичусом²⁰. Между прочим, в этом обзоре им помещена фотография грамоты епископа Бенедикта²¹.

В Библиотеке Академии наук Литовской ССР хранится и якобы тоже утраченный оригинал грамоты князя Владислава Одонича от 1237 г., которой он жалует иоаннитам деревню Корытово²². Это одна из двух существующих редакций грамоты, другая, тоже в оригинале, находится в Государственном архиве Кракова. А. Гонсеровский не включил эту грамоту в число рассматриваемых им документов потому, что, как ему удалось установить, она была выдана князем не познанским иоаннитам, а поморским²³.

Наконец, в этой же группе грамот, находящихся в указанной библиотеке, имеется еще и грамота князя Владислава Одонича от 1232 г., выданная им ордену тамплиеров (храмовников) на устройство деревни Козмино на немецком праве²⁴. Оригинал этой грамоты, перешедшей к познанским иоаннитам после ликвидации ордена тамплиеров, А. Гонсеровский упоминает тоже среди пропавших²⁵.

В заключение мы помещаем до сих пор никем не опубликованные тексты оригиналов документов 1, 2, 3 и 9.

²⁰ «Rankraščių rinkiniai». Sudarė V. Abramavičius. Vilnius, 1963.

²¹ Там же, стр. 23. В подпись под фотографией вкраплялась описка: вместо «Мешко I» надо «Мешко III».

²² Шифр F 1—7. Опубликован по копии СДМР, № 202.

²³ A. Gąsiorewski. Указ. соч., т. IX, стр. 47—49.

²⁴ Шифр F1—6. Опубликована по копии в СДМР, т. I, № 142.

²⁵ A. Gąsiorewski. Указ. соч., т. IX, стр. 53.

(1187—1193) — Епископ познанский Бенедикт подтверждает пожалование князем Мешко III юанитам в 1187 г. госпиталя св. Михаила в Познани и десятины в Костшинской области, получаемые госпиталем со дня основания

In nomine patris et filii et spiritus sancti amen. Benedictus Dei gratia Poznaniensis episcopus²⁶ fratribus hospitalis Jerosolimitani in perpetuum. Notum sit omnibus presentibus et futuris Christi fidelibus, quod illustrissimus dux Poloniae Mescho²⁷ anno incarnationis dominice MCLXXXVII intuitu pietatis et misericordie ad honorem Dei sanctique sepulcri et beati Ioannis Baptiste, ut se cum uxore et pueris collegam efficeret atque participem omnium elemosinarum et beneficiorum que membris Christi, pauperibus scilicet peregrinis et infirmis, impenduntur a fratribus hospitalis Jerosolimitani, eiusdem hospitalis fratribus contulit domum hospitalem in Poznan, que dicitur sancti Michaelis, iure perpetuo possidendam, ita sane quod in ea officium divinum canonice celebretur et pauperibus peregrinis atque hospitibus advenientibus, secundum domus facultatem humanitatis obsequia ministrentur; et si quando, iuvante Domino, supra necessariam expensam prefate domus aliquid poterit reservari, ut duplex sit elemosina, ad subsidium predictorum pauperum et infirmorum Christi ultra mare transmittatur. Et quoniam prefatam domum sancti Michaelis dominus Radouanus²⁸, quintus ante nos Poznaniensis episcopus, simul cum predicto duce Mescone noscitur instaurasse et de quibusdam decimis episcopalibus in Costrinensi provincia dotasse, ego quoque Benedictus Dei gracia Poznaniensis episcopus eiusdem elemosine participationem aliquam gestiens adipisci, omnes decimas quas prefata ecclesia sancti Michaelis a tempore predicti Radouani usque ad nos congoscitur possedisse, una cum eadem ecclesia predicto hospitali Jerosolimitano eiusque fratribus, sicut a glorissimo duce Mescone collate sunt, auctoritate michi divinitus concessa concedo simul et confirmo; et ut eis omnia predicta rata et inconcussa permaneant, sigilli mei episcopalnis appositione corroboro. Quicunque autem eis in prefatis aliquam deinceps iniuriam inferre voluerit, anathema sit. Amen.

В опубликованном в СДМР (т. I, № 29) тексте вместо Jerosolimitani (строки 1—2, 6 оригинала) — Hierosolimitani; Radouanus (строка 10) — Rodovanus; predicto (строка 11) — prefato; eadem (строка 14) — predicta; inconcussa (строка 16) — inconvulsa.

П е р е в о д

Во имя отца и сына и духа святого аминь. Бенедикт, божьей милостью епископ Познанский, братьям Иерусалимского госпиталя навечно. Да будет всем нынешним и будущим верным христовым известно, что сиятельныйший

²⁶ Бенедикт — епископ познанский в 1187—1193 гг.

²⁷ Мешко III — великопольский князь в 1138—1202 гг.

²⁸ Радван — епископ познанский в 1164—1172 гг.

князь польский Мешко в году от воплощения господня 1187, под воздействием благочестия и сострадания, чтобы сделать себя с супругой и детьми сообщниками и соучастниками во всех милостынях и благодеяниях, которые оказывают братья Иерусалимского госпиталя членам тела христова, а именно беднякам, путникам и больным, пожаловал в честь господа и святого гроба [господня] и блаженного Иоанна Крестителя братьям этого госпиталя странноприимный дом в Познани, называемый [домом] св. Михаила, в вечное владение, так, чтобы они в нем совершали по правилам богослужение и оказывали беднякам, путникам и пришельцам услуги человеколюбия, посильные для дома. И если когда-нибудь с помощью божьей что-нибудь сверх необходиимых издержек упомянутого дома сможет быть сбережено, то чтобы милостыня стала двойной, пусть это будет переправлено за море в поддержание упомянутых бедняков и больных христовых. И так как уже отец Радован, пятый до нас епископ Познанский, вместе с упомянутым раньше князем Мешко, как известно, устроили указанный дом св. Михаила и обеспечили его некоторыми епископскими десятинами с Костшинской области, то и я, Бенедикт, божьей милостью епископ Познанский, тоже весьма желая получить участие в этой милостыне, все десятины, которыми названная церковь св. Михаила от времен упомянутого Радована до нас, как известно, владела, вместе с этой церковью упомянутому Иерусалимскому госпиталию и его братьям, поскольку они были славнейшим князем Мешко предоставлены ему, властью, пожалованной мне по определению господню, вместе с ним предоставляю и утверждаю, и чтобы все упомянутое оставалось для них неизъемлемым и нерушимым, приложением своей епископской печати подкрепляю. И если дальше кто-нибудь захочет причинить им в этом какую-либо обиду, да будет тот отлучен. Аминь.

2

1193 г. апреля 9. — Папа Целестин III подтверждает пожалование иоаннитам госпиталя в Познани, сделанное Мешко III

Celestinus episcopus servus servorum Dei, dilectis filiis priori et fratribus Jerosolimitani hospitalis salutem et apostolicam benedictionem. Innotuit nobis ex litteris carissimi in Christo filii nostri nobilis uiri M(esconis) ducis Polonie, quod cum hospitale domum iuxta civitatem Poznaniensem de propriis bonis cum R(adovano) quondam ipsius civitatis episcopo construxerit, ut ibidem pauperes recipientur et eis caritatis solatia ministrentur, ad petitionem B(enedicti) nunc eiusdem loci episcopi eandem domum cum suis pertinentiis nobis intuitu divinitatis concessit, et scripto authentico confirmavit. Ne igitur super ipsa domo possitis uiolentiam contra debitum sustinere, ipsam cum omnibus decimis et aliis pertinentiis suis, sicut eas rationalibiter et pacifice possidetis, auctoritate vobis apostolica confirmamus et presentis scripti patrocinio communimus. Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam nostre confirmationis infringere, vel ei ausu temerario contraire. Si quis autem hoc attemptare presumperit, indignationem omnipotentis Dei et beatorum Petri et Pauli apostolorum eius se noverit incursum. Datum Laterani V Idus Aprilis pontificatus nostri anno secundo.

В опубликованном в СДМР (т. I, № 30) тексте вместо Jerosolimitani (строка 1) — Hyerosolymitani; carissimi (строка 2) — reverendi; nobilis

uri M. ducis — M. nobilis viri illustris; cum R. (строка 3) — cum Rado-vano; eis caritatis (строка 4) — eis; uiolentiam (строки 6—7) — molestiam; secundo (строка 12) — II.

П е р е в о д

Целестин, епископ, раб рабов божьих, любезным сыновьям, настоятелю и братьям Иерусалимского госпиталя шлет приветствие и апостольское благословение. Стало нам известно из послания дражайшего во Христе сына нашего, благородного мужа М[ешко], князя польского, что он из собственных средств воздвиг в городе Познани вместе с Р[адованом], некогда епископом этого города, странноприимный дом, чтобы там принимали бедняков и приносили им милости утешения; теперь же, по просьбе Б[енедикта], нынешнего епископа этого места, данный дом со всем к нему принадлежащим по божественному внушению пожаловал вам и подтвердил [это] подлинным [своим] посланием. Итак, чтобы вы не могли претерпевать в отношении этого дома насилие против должного, мы его со всеми десятинами и другим, к нему принадлежащим, поскольку вы этим на разумных основаниях и миротворно владеете, [своей] апостольской властью за вами подтверждаем и укрепляем защитой настоящего послания. Да не будет дозволено никому из людей эту грамоту с нашим утверждением нарушать или с безрассудной дерзостью выступать против нее. Если же кто-нибудь предположит попытаться это [сделать], то он познает гнев всемогущего господа и святых Петра и Павла, апостолов его, каковой будет на него обрушен. Дано в Латеране в пятые иды апреля, в год нашего первосвященничества второй.

3

1201 г. августа 2. — Папа Иннокентий III подтверждает пожалование иоаннитам пребенды в Познанском кафедральном костеле, сделанное епископом познанским Арнольдом^{28a}.

Innocentius episcopus servus servorum Dei, dilectis filiis magistro et fratribus Jerosolimitanensis hospitalis in Polonia constitutis, salutem et apostolicam benedictionem. Venerabilis frater noster A(rnoldus) episcopus Postnaniensis per suas nobis litteras intimavit, quod divine pietatis intuitu, de canoniconum ecclesie Postnaniensis assensu, in eadem ecclesia prebendam vobis pia liberalitate concessit, ita ut quitquid expensis vicarii quem statuetis ibidem, contingat superesse, per manum vestram in subsidium transeat infirmorum. Nos igitur prebendam ipsam sicut eam iuste ac pacifice possidetis, vobis et per vos Domui Hospitalis auctoritate apostolica confirmamus et presentis scripti patrocinio communimus. Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam nostre confirmationis infringere vel ei ausu temerario contraire, si quis autem hoc attemptare presumpserit, indignacionem omnipotentis Dei et beatorum Petri et Pauli apostolorum eius noverit incursum. Datum Signie IV Nonas Augusti, pontificatus nostri anno quarto.

В опубликованном в CDMP (т. I, № 37) тексте вместо Jerosolimitanensis (строка 1) — Iherosolimanensis; Postnaniensis (строки 2, 3) — Poznaniensis; Domui Hospitalis auctoritate apostolica (строка 6) — auctoritate apostolica Domui Hospitalis; IV nonas (строка 10) — quarto nonas.

^{28a} Арнольд II — епископ Познанский в 1196—1211 гг.

Иппонкентий, епископ, раб рабов божьих, любезным сыновьям, магистру и братьям Иерусалимского госпиталя, находящегося в Польше, [шлет] приветствие и апостольское благословение. Достопочтенный брат наш, А[рнольд] епископ Познанский, поставил нас своим к нам посланием в известность, что под воздействием божественного благочестия, с согласия каноников Познанской церкви он предоставил вам с благочестивой щедростью пребенду в этой церкви так, чтобы, если случится, что сколько-нибудь сбраскется от расходов на викария, которого вы там ставите, то пусть через ваши руки это будет передано в помощь больным. Итак, мы эту пребенду, поскольку вы ею справедливо и миротворно владеете, за вами, а чрез вас за домом госпиталя своей апостольской властью утверждаем и защитой настоящего послания укрепляем. Да не дозволено будет никому из людей эту грамоту с нашим утверждением нарушать или с безрассудной дерзостью выступать против нее. Если же кто-нибудь предположит попытаться это [сделать], то он познает гнев всемогущего господа и святых Петра и Павла, апостолов его, который будет на него обрушен. Дано в Сигнии, в четвертые поны августа, в год нашего первосвященства четвертый.

4

1268 г. апреля 26. — Великопольский князь Болеслав Благочестивый разрешает иоаннитам устроить их с. Седльце на немецком праве

In nomine Domini amen. De gestis hominum sepe grandis emergeret et dura talium penitentia nisi rerum oblivio per eternam scripti memoriam auferretur. Ideoque etas presens noverit et ventura ad cuius noticiam hanc continget litteram pervenire, quod nos Boleslaus Dei gratia dux Polonie²⁹, cupientes piam post nos domui Hospitalis beati Iohannis in Poznan subiecte domui transmarine Jerosolimitani Hospitalis beati Iohannis, relinquere memoriam, ipsi villam suam Sedlce dictam cum illis sortibus³⁰ eidem ville circumadiacentibus et ad Domum dictam pertinentibus, secundum quod sunt cum predicta villa certis limitibus circumducte, locandi iure Theutonico, iure videlicet Novi fori³¹, liberam prestitimus facultatem, conferentes inhabitatoribus ville dicte decem annis libertatem; nichil autem iuris cuiquam vel nobis reservantes preterquam in magnis causis, aut sanguinis, que sunt capitis truncatio, pedis, manus alias vel alicuius membra mutilatio et huiuscmodi; super quorum placacionibus tercius denarius ratione domini nobis spectat, duo vero residui cedere debebunt prefate ville scultet³² et Domui memorare. Quidquid quoque iuris in ceteris

²⁹ Болеслав Благочестивый — великопольский князь (1239—1278).

³⁰ Участок земли.

³¹ Лежавшее в основе «немецкого» права, на котором создавались в XIII—XIV вв. польские города и деревни, Магдебургское право подвергалось изменениям в зависимости от местных условий. С течением времени выдвинулись некоторые города, право которых стало приниматься за образец. Одним из них был силезский город Сърода, или Новый Торг.

³² Староста в деревнях на немецком праве.

villis per terram nostram eodem iure locatis fuerit habitum, et in hac post libertatis exitum volumus observare. In cuius rei confirmationem eidem Domui hanc litteram tradimus nostri sigilli munimine communitam. Datum apud Gneznam anno Domini MCC sexagesimo octavo in die beati Marci Evangelistre, magistro Mauricio tenente Domus prehabite magistratum.

В опубликованном в CDMP (т. I, № 433) тексте вместо *emerget* (строка 1) — *emerget; auferretur* (строка 2) — *aufferetur; ideoque etas — ideoque; subiecte* (строка 5) — *scilicet; Sedlce* (строка 6) — *Sedlcze; illis — illius; circumadiacentibus* (строка 7) — *adiacentibus; ville dicte* (строка 9) — *dicte ville, cuiquam vel nobis* (строка 10) — *cuiusquam nobis reservantes; ut* (строка 11) — *aut; quicquid quoque iuris* (строка 14) — *quodque quod iuris; prehabite — prefate.*

П е р е в о д

Во имя господа аминь. В отношении человеческих деяний, часто важных, может возникать даже жестокое в таковых раскаяние, если забвение их не будет отнято вечной памятью [о них хранимой] в записанном. И потому пусть будет известно на нынешние и грядущие времена [всем], до чьего свидания случится дойти этой грамоте, что мы, Болеслав, божьей милостью князь польский, желая оставить по себе благочестивую память в доме госпиталя св. Иоанна в Познани, подчиненном находящемуся за морем дому Иерусалимского госпиталя св. Иоанна, предоставляем ему свободную возможность деревню его, называемую Седльце, с теми жребиями, которые вокруг к этой деревне прилегают и к указанному дому относятся, в силу того, что они вместе с упомянутой деревней обведены определенными границами, устроить на немецком праве, а именно на праве Нового Торга. Жалуем жителям указанной деревни десять лет свободы; ни кому-нибудь другому, ни себе [мы не оставляем] ничего из [судебной] власти, кроме права судить большие дела, как, например, [дела], связанные с пролитием крови, к которым относятся обезглавливание, изувечение ноги, руки или какой-нибудь другая части тела и подобного рода [другие дела]; каждый третий денарий от разрешения этих дел в знак верховной власти принадлежит нам, два же прочие должны уступаться солтысу указанной деревни и упомянутому дому. Также [все], что из [этого] права будет иметься в других деревнях нашей страны, устроенных на этом праве, мы будем соблюдать и в этой [деревне] по истечении срока свободы. В подтверждение чего мы вручаем этому дому данную грамоту, подкрепленную защитой нашей печати. Дано в Гнезне в году господа 1268 в день св. Марка евангелиста, [в то время] когда должность правителя вышеупомянутого дома занимал магистр Мавриций.

В. А. КУЧКИН

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПАХОМИЯ СЕРБА

(Старшая редакция жития митрополита Алексея)

Жизнеописание первого русского митрополита из числа московских бояр Алексея известно почти в полутора десятках различных редакций, представленных многочисленными списками XV—XIX вв.¹ В заголовках целого ряда редакций этого жития стоит имя Пахомия Логофета, афонского монаха, серба по происхождению, пожалуй, наиболее плодовитого и известного писателя средневековой Руси. Сравнение между собой редакций жития Алексея, авторство которых древнерусские книжники присваивали Пахомию, в основном подтверждает правильность указаний рукописной традиции на причастность Пахомия к составлению жития русского митрополита и вместе с тем позволяет выделить старшую редакцию памятника, состоящую собственно из жития, статьи об обретении мощей митрополита Алексея и похвального слова ему, написанных ученым сербом в начале 1459 г. И фактическим материалом, и литературными особенностями старшая редакция жития митрополита Алексея заметно отличается от последующих переделок памятника, приписанных тому же Пахомию Сербу.

Как историко-литературный источник старшая редакция жития митрополита Алексея представляет бесспорный интерес. С одной стороны, исторические факты и детали, содержащиеся в житии, позволяют судить о том уровне исторических знаний о событиях второй и третьей четверти XIV столетия, какой был у Пахомия и русских людей середины следующего века; помогают уяснить историческую оценку верхами русского общества политической и церковной деятельности Алексея спустя несколько десятилетий после его смерти. С другой стороны,

¹ Далеко не полный перечень списков различных редакций жития митрополита Алексея дан у Н. П. Барсукова и В. Яблонского. См.: Н. П. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стб. 29—32; В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 75—80.

литературные и художественные особенности памятника (длинные ряды метафор и сравнений, употребление сложных слов — *composita* и т. д.) дают богатый материал для характеристики индивидуального стиля Пахомия Логофета как писателя, а также для оценки того нового, что внес в развитие славянских литературоведческих проблем XV века.

До настоящего времени известен лишь один список старшей редакции жития митрополита Алексея, написанный Пахомием Сербом. Он сохранился в составе известного сборника № 948 из Синодального собрания Государственного Исторического музея в Москве, принадлежавшего некогда крупному русскому государственному и церковному деятелю XVI в. митрополиту Макарию и сохранившему собственноручную запись знаменитого собирателя Великих Миней Четий².

Приводим подробное описание сборника № 948 из Синодального собрания ГИМ. Рукопись в 4°, на 266 листах (I + 6 + 258 + I, причем 258 листов имеют нумерацию от 4 до 262). Переиздана в 1912 г. в *Сборнике рукописей Государственного Исторического музея*, т. 1, № 14573. Рукопись имеет позднейший характер. Водяные знаки рукописи: 1) буква У — Брике, № 9183³, 1472—1476 гг.; 2) буква Р — Брике, № 8729, 1468—1477 гг.; 3) голова быка — Брике, № 14541, 1458—1519 гг.; 4) другой вариант буквы Р — Брике, № 8692, 1473—1486 гг.; 5) другой вариант головы быка — Брике, № 14573, 1469—1487 гг. Таким образом, рукопись должна датироваться 70-ми годами XV в. Список жития Алексея оказывается довольно близким по времени к оригиналу памятника. Основная часть рукописи (лл. 4—262 второй пагинации) написана тремя разными почерками, полууставом последней четверти XV в. Первым почерком написаны лл. 4—175, вторым — лл. 175 об.—262 (за перечисленными ниже исключениями); третьим почерком — лл. 182, 192 об.—193, 215—216, 252, 253 об.—254. Особым почерком, скорописью XVI в., написано оглавление к сборнику — вставные лл. 2—3 первой пагинации.

На рукописи имеется несколько записей XVI—XIX вв. На л. 1 об. почерком XVI в. написано: «по списку 46». По мнению Н. П. Попова, цифра указывает на порядковый номер рукописи в библиотеке митрополита Макария⁴. Далее на том же листе запись: «книга съборникъ в началѣ житие иже въ святых отца нашего Стефана Суръского», позднее «Суръского» было переправлено другими чернилами на «Сурож-

² См. об этом сборнике в статье: Н. П. Попов. О возникновении московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова». М., 1933, стр. 36.

³ Здесь и далее в тексте ссылки даются на справочник Брике: С. М. Брике. Les filigranes, v. I—IV. Leipzig, 1923.

⁴ Н. П. Попов. О возникновении..., стр. 36.

ского». Запись является автографом митрополита Макария⁵. На том же листе почерком XVII в. запись киноварью: «прислана с Патриарша двора в 205 году». Запись указывает, по-видимому, на время поступления рукописи из Патриаршей библиотеки в Типографскую.

Почерком XVIII в. на л. 6 об. сделана латинская запись Афанасием Скиадой: «videtur scriptis seculo 17»⁶.

Почерком начала XIX в. сделана запись на л. 262 об.: «Соборникъ. В сей книге 165 (позднее эта цифра была зачеркнута. — В. К.) 262 листовъ. А писаль Иванъ Крыловъ. № 165».

На л. 1 об. под записью митрополита Макария карандашная пометка: «см. 29 об.». Эта пометка, как и другие довольно многочисленные карандашные пометки в рукописи, принадлежат, по определению Л. М. Костюхиной, И. И. Срезневскому.

Состав рукописи: лл. 2—3 — оглавление; лл. 4—6 (первой пагинации) — чистые, лишь на л. 6 киноварью почерком XV в. написана заглавная буква С; на лл. 4—23 (второй пагинации) — 15 декабря. Житие Стефана, архиепископа Сурожского; лл. 23 об.—28 об. — Послание Иоанна Златоуста к епископу Кириаку; лл. 28 об.—50 — 12 июня. Житие Ануфрия пустынника, написанное Пафнутием отшельником; лл. 50 об.—57 — 29 октября. Мучение Анастасии; лл. 57—74 об. — 24 ноября. Мучение Екатерины, Виргилия и Ветия; лл. 74 об.—87 об. — 15 января. Житие Иоанна Кущника; лл. 88—97 об. — 27 декабря. Житие архидиакона Стефана; лл. 97 об.—100 об. — 23 мая. Обретение мощей Леонтия, епископа ростовского; лл. 100 об.—103 об. — О перенесении гроба епископа Леонтия в новую церковь и об исцелении некоего мужа у гроба Леонтия; лл. 103 об.—114 об. — 23 мая. Житие Никиты Переяславского; лл. 114 об.—118 — 23 мая. Похвала Никите Переяславскому; лл. 118 об.—130 об. — 12 февраля. Житие митрополита Алексея; лл. 131—138 об. — 20 мая. Обретение, перенесение мощей и чудеса митрополита Алексея; лл. 138 об.—144 — Похвальное слово митрополиту Алексею; лл. 144—149 об. — Житие Варлаама Хутынского; лл. 149 об.—154 — Слово о преставлении Варлаама Хутынского и его чудеса; лл. 154 об.—164 — Похвальное слово Варлааму Хутынскому; лл. 164—175 — Сказание Пахомия Логофета об исцелении 30 января 1460 г. отрока у гроба Варлаама Хутынского; лл. 175 об.—179 об. — Слово Козмы пресвитера об отходящих из монастырей; лл. 179 об.—182 — заповеди Стефана Фивейского; лл. 182—182 об. — выписки из сочинений Макария Великого; лл. 182 об.—184 об. — различные слова Иоанна Златоуста; лл. 184 об.—185 — Слово

⁵ Н. П. Попов. Автографы митрополита Макария, собирателя Великих Миней. ЛЗАК, вып. 25. СПб., 1913, табл. I—V.

⁶ Определено сотрудницей Отдела рукописей Гос. Исторического музея Л. М. Костюхиной.

Василия Великого о благодарении; лл. 185—186 об. — избранные слова; л. 186 об. — Поучение Афанасия Александрийского; лл. 186 об.—187 — Поучение Иоанна Златоуста; лл. 187—190 об. — Послание к латинам патриарха Германа; лл. 190 об.—192 об. — Изложение о вере Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского; лл. 192 об.—196 — исповедание вкратце об отлучении латинян от греческой церкви; лл. 196—199 — Изложение о вере Максима и Слово его; лл. 199—216 — Послание Никиты Студийского к латинянам об опресноках; лл. 216 об.—262 — различные слова и поучения Василия Великого, Кирилла Александрийского, Симеона Месопотамского, Феофила Александрийского, Ефрема Сирена, Амона.

Судя по оглавлению рукописи XVI в., в сборнике в настоящее время недостает некоторых статей, в том числе трех последних: «Слово на рождество Христово и о звездѣ», «Повесть душеполезна о муже благовѣрне» и «Василия царя Греческаго глагизны сказательны 26 ко сыну своему Иву».

Текст жития митрополита Алексея, статья об обретении его мощей и похвальное слово ему Пахомия Серба публикуется по правилам, принятым при издании документов XV—XVII вв.

|| (киноварь дается курсивом). *Мѣсяца февруария 12 иже въ святых отца л. 118 об. нашего Мелентия. Въ тѣ же день преставление, иже въ святых отца нашего Алексія новаго чудотворца, митрополита святѣшиша митрополита Киевъскаго и всеа Руси. Съставлено же бысть сие житие и чудеса ермонахом Пахомиемъ по благословеню господина пресвященнаго архиепископа Киевъскаго и всеа Руси Ионы митрополита^а и проразсужденіемъ еже о немъ честнаго събора святителска, Волею же боголюбиваго и вседръжавнаго господаря великаго князя Василия Василиевича всеа Руси и при благорѣдиемъ и богочестивъмъ его сыну великому князю Иоанну Василиевичу и всеа Руси. Благослови^б, отче^б.*

Елма убо божественнымъ мужемъ, хотящимъ повѣсти написати^в и вѣща от них плетеныя похвалити полезно есть и зѣло устѣшно, не яко они таковая требующимъ, никако же || их же самыя аггели похвалиша, л. 119 их же «имена ихъ написана суть на небесѣхъ въ книгахъ», не и нынѣ въздвизати к тѣхъ зѣлному преизящству и любви къ Богу, не тѣхъ токмо похвала послушающихъ и богови подражаниемъ внимающихъ отсуду приходящимъ Боголюбезныхъ и в самѣхъ тѣхъ похваль произволяющихъ прибыток обиличи и мъздовъзданіе немало не сиа бо токмо едини, ио и таковыми угоджаемъ есть Богъ святыи бо есть похвала обычъ на самого Бога въходити и превѣзносити и в лѣпоту, ибо и самъ Господь нашъ Иисус Христос рече: «Прославляющаго мя прославлю». И паки о апостолѣхъ: «Приемлеи васъ, приемлетъ мене». Узаконоположено бысть, та же к торжеству възведе чѣловекы. Глаголеть пророкъ: «Похвалиему праведнику възвеселяться людие», яже бо похвали и славы о святихъ, ичто же о земныхъ прибыточно ниже извѣстно стяжавшихъ, но от выпиныхъ и божественныхъ помыслъ и присно то же имущихъ, отнюду же воистину ины^г похвалиямы всесвѣтлу намъ вину настоящаго слова предълежитъ и основа-

^а В рукописи митрополита.

^{б-б} Написано тем же почерком и теми же чернилами на боковом поле.

^в Первая буква а писана по стертому месту тем же почерком и теми же чернилами.

^г Так в рукописи.

нию начало прияти хощеть. Похвалимъ достоинии Алексѣе да глаголеться и да не възнепищут ми кто, и ако иноа земля и не въдуща суща и въ правду не бо своима очима видѣхъ, что таково бываемо, но от великих и достовѣрныхъ мужъ слышавъ, яже глаголуть ини, своима очима видѣ самого святого, о нем же намъ повѣсть предлежитъ, не зѣло бо предо многими лѣты бѣяше, иная же от слышания, прочаа же и достовѣрнишаа навыкъ от самого того писания архимандрита Питирима, иже послѣди бысть Перми ^а епископъ. Съи убо епископъ же и мученикъ не токъмо пострадавша по вѣрѣ от невѣрныхъ, || но и отто ^б мнящаося быти вѣрна нѣкоего князя, его же должно есть нарещи невѣрныхъ горшаго, иже братоубийственою кровию руцъ осквернившаго. От сего многаа и лютая подъахъ. «Но ничто же възможе злоба противу благодати, не вѣсте бо злое, предпочитати полезное, ни зависть оставляетъ познати истину.» Но о таковомъ здѣ конецъ да приеметъ. Съи убо предиреченыи епископъ нѣчто мало о святомъ списка и канонѣ тому въ хвалу изложи, слышавъ извѣстно о его житии, паче же и от самъ чудесъ, бывающихъ от ракы богоноснаго отца, прочая же не поспѣ, времени тако зувущу ^б. Глаголеть же ся по еже пѣти канон отъ святому, и явися святити тоя инои нѣкоему священномъиноку тоя же обители, благодарения о сихъ вѣздающу, и обители тоя не оскудѣти. Сиа же азъ прочет и разсудихъ ^в, не подобно быти святого чуде-|| семь на многи части глаголатися и ако цвѣтци събравше от многихъ въ едино да не умолчено будетъ праведное святого же и присночамятнаго боговѣщательныхъ молитвъ, надѣяся по достижному къ иже по бозѣ живущимъ и истиннѣ дѣлателе опаснымъ, слово устремихъ къ повѣсти.

Случися судомъ божиимъ на градъ Черниговъ частаа варварская нахождениа, грѣхъ ради человѣческихъ бывающихъ, тѣмъ же и мнози мужи благочестивы по различнымъ странамъ нужди ради преселения творяху, въ нихъ же бѧще нѣкто мужъ благовѣренъ Федоръ именемъ, съи убо въ дни благочестиваго великаго князя Ивана Даниловича, тогда тому великое княжение дрѣжащу, съи предпомынутыи Федоръ прииде съ сюю своею, Марью именемъ, и ту пребывающе, родиста сынъ и нарекоша имя его въ святемъ крещении Елферии. || Устрabившуся ему, пребываше въ всякомъ благочинномъ вѣзрастѣ. Та же времени бывшу, и книжному учению вданъ бываетъ. Препедпимъ же 12 лѣтомъ, дѣтьское еще имущу, яко же случися прострѣть мрежа въ увяззение пернатымъ, и аbie на то внимающу, вѣздѣмався, успе. И бысть ему глас, глаголя: «Алексие, что всуе тружаешися? Се отсель будеши человѣкъ лоя». Оному же от сна вѣзбнувшу, не видѣ никого же и дивляшеся необычному гласу, паче же и новому званию, еже реци Алексѣе. И от того часа бысть отрокъ яко въ уныни и размыслении велицѣ. Прииде же и въ домъ свои и пребываше не яко же прежде, по молчаливъ отъ помыслъ, не можаше бо разсудити конецъ тому. И никому же повѣда бывшее. Родителя же видяща его дряхла суща, вѣпрашаху отрокъ своихъ, что ему случися. Они же || повѣдаше: «Яко отходяще ему от насть въ пустынно и насть тающуся, не вѣмы, что случися ему». Оттолѣ отрокъ начать внимати о вещи, божика же свыше зряще о немъ, провѣдѣти хотицца быти, иаже ^б въ сердci имаше добродѣтель. Бывшу же ему 15-мъ лѣтомъ, прииде ему въ умъ любовь и рачение иноческаго образа, иде въ единъ от манастыреи и въ мнишьская одѣвається и постризаетъ власы главы свою, вѣкупъ же и съ отъятиемъ власть и долу влекущая мудрования. Нарекоша же имя ему Алексие, прежде нареченное свыше и еще младенцу тому въ пустыни. Мало же иже посрѣдѣ мимо тече время, начать вѣздержатися певещественнымъ и бестелеснымъ житиемъ, бѣдѣнемъ же и постомъ и всенощнымъ стоаниемъ, къ Богу молбою

^а В рукописи ошибочно написано Первие.

^{б-б} Так в рукописи.

^в Перед буквой з стертая буква с.

и пъниемъ, яко мощи всѣмъ удиви^{л. 122}ти, тѣм же и повсюду слава происхож- дааше, яко легкыемъ перомъ о немъ, даже и до великаго князя Иоанна Иоанновича, тогда великолѣкое княжение дръжащу. Он же утаитися хотяше, равно оному хотяше и страдаше, иже посреди стыкла ^а свѣтило хотящему утаити, но «не подобно быше свѣтилику под спудомъ быти, но на свѣщ- ницѣ» въложены быти, яко да «свѣтить всѣмъ». И иже пакы граду «укрытия верху горы стоацу». Тѣм же съборнымъ самодержца събранiemъ отходить въ Костянтинаградъ и тамо от свѣтишаго патриарха и вселенскаго събора почтенъ митрополитомъ, поставленъ бываетъ Киеву и всея Руси. И яко убо прииде от Костянтинаграда, прияти бываетъ великою честию от всего православия. Съи же яко, сѣда на престоль своеимъ, помышляше еуагельское оно слово глаголюще: || «Ему же дано много, много изя- щется от него». И пакы: «Увѣдѣвши рабъ волю господина своего и не творя, биенъ будеть много». Тѣмъ же въ умъ си таковаа дръжа, болшихъ подвигъ касашеся и труды къ ^б трудомъ прилагаа, свѣтило и образъ всѣмъ бяше, по реченному: «Тако да просвѣтится свѣть вашъ пред человѣкы, яко да видятъ добрая дѣла ваша и прославять отца нашего, иже на небесѣхъ». Сему же тако бывающу и добрѣ правища престоль, и малу времени минувшу, тогда злочестивыи царь Бердебѣкъ избивъ братию свою 12, лютъ си зѣло немилостивъ, покушаашеся и на христианство ити. И на се совѣтника имѧ Товлубиа и того безъчеловѣчна и сурова. Сиа же слышавше православие, въ страсѣ утѣшиямо бяше, вѣдяще буость варвара того, тогда же всю надежду на бога възложивше князь великии Иоани^{л. 123}, умоловивъ свѣтишаго || митрополита Алексиа, яко нѣкоего побѣдника велика, ити въ Орду къ злонименитому царю, яко да утолитъ гнѣвъ. Ты же ничто же о сихъ не стужиси, но отъиде. «И многу спону приемъ от безбожныхъ онѣхъ татарь», но божию помошю и пречистыя его матере покровомъ гнѣвъ смиривъ, и тѣмъ поганымъ дивитися премудrosti его и похвалити разумъ мужа, и пакы възратитися на свои престоль. По сихъ же и благочестивыи князь Иоанъ помысли церковь въздвигнути и въ немъ съставити общее житие, помышляше же въ умѣ своеимъ и на бога всю надежду възлагааше, глаголя: «Аще будеть богу угодно се, можетъ ина дѣла произвѣсти». И тако ему помышляющу, прииде къ святому Сергию въ монастырь посѣщеніа ради, и бывшому обычному благословенію и бесѣдѣ, глагола митрополитъ къ святому: «Възлюбленій, еди^{л. 123 об.}но хощу просити у тебе благодѣтельство, яко да даруетъ ми духовна ти любовь». Добрыи же онъ пастырь къ архиерѣю вѣща, яко «ничто же въ монастырю, иже есть възбранно твоему преподобию». Архиепископъ же рече: «Хощу, да ми даси единого от ученикъ своихъ. Хощу убо, богу на се помогающу ми, монастырь създати. Случи бо ми ся нѣкогда, егда плавахомъ от Костянтинаграда, вѣтру велику быти в мори, яко и кораблю съкруша- тися от зѣлныхъ волнъ, и всѣмъ смертию яростнѣ прѣтѧщу, и начаша, иже в корабли, молити бога. С ними же и азъ начахъ всесилнаго ^в бога ^в молити избавитися належащаа бѣды и обѣть свои дахъ къ богу, яко в онъ же день пристанища достигнемъ, въ того прилучившагося святого церковь съставити. И от того часа море преста от волненія своего и въ велику тишину преложися. Достигохомъ же въ пристанища || мѣсяца августа ^{л. 124} въ 16, и ^г моему обѣту помыслихъ поставить церковь Нерукотворенного образа господа нашаго Иисуса Христа. И нынъ времени зовущу, хощу исполнити обѣть свои». Святый же Сергие отвѣща: «Его же, аще тре-

^а В рукописи первоначально было стыкла, но затем часть буквы ^и была смыта.

^б Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами вместо стертого в строке предлога ^{къ}.

^{в-в} Написано на боковом поле тем же почерком и теми же чернилами со знаком вставки.

^{г-г} Подправлено теми же чернилами.

буещи, невъзбранно ти есть». Архиепископъ же рече: «Хощу да ми даси ученика своего Андроника». Святыи же по прошению его поволи быти рече. Святыи же Алексиє дастъ монастырю милостию доволну и братю учредивъ и вземъ съ собою Андроника, въ град възратися. Обрѣтъ же мѣсто таково к монастырскому строению, и тако богу поспѣшьствующу ему, съдана бысть церковь цѣло прекрасна во имя великаго господа бога и спаса нашего Иисуса Христа Нерукотвореннаго его образа, и всѣмъ чуднѣ церковь ону украсивъ и честную икону образа Христова, юже

л. 124 об. имаше принесену съ собою от Константинаграда чуднѣ златомъ украшену, въ ини постави, иже есть и донынѣ благодатию христовою. Вручи же и старѣшичество предреченному Андронику и вся, яже к потребѣ монастырскаго строения, тому даруетъ, и общее житие в немъ съставляеть. Прииде же святыи Сергий в монастырь тъи и похвали мѣсто и благослови, глаголя: «Господи, призри с небесе и вижъ и посѣти мѣсто сие, его же благоизволи създатися в похвалу святыму ти имени». И тако сему бывающу и времени пѣкоему минувшу, святыи Алексиє митрополитъ отходитъ в Нижний Новъград и тамо церковь камену прекрасну въздвизаетъ во имя пречистыя владычици нашеа богородица честнаго ея Благовѣщенія. И ту тако же удовливъ и всяческими добrotами украсивъ ту и общежитие съставляетъ. Абие ^а же ту и крести у князя у Бориса Константиновича сына и нарече имя ему Иоанъ. По сихъ ^а же приходить въ град Владимеръ, и тамо иную обитель съставляеть и храм въздвизаетъ во имя святого и равноапосталнаго великаго царя Константина и матери его Елены. И тако сему бывающу и за премногую святого премудрост и слова разумное и съ всѣми благопривѣтливо, наипаче к богу молебное, и жития великое повсюду о немъ, больми слова происхождаше, не токмо во своихъ странахъ или окрестныхъ, но и в далнихъ и безъжныхъ татаръ, иде же Христос незнамъ бяше, ту христовъ служитель Алексиє ^б хвалимъ бывааше, и промежу тѣхъ святого Алексија имѧ яко же иѣкое священіе обношаашеся. Тѣмъ же и таа чудная словеса доспѣ и до того самого нечестиваго царя Амурата, иже имаше царицу три годы слѣпѹ сущу, слышав же о святомъ Алексију, слича творить богъ его ради, и приемъ вѣру, яко послушаетъ его богъ, ^в молящаяся. И посылаеть царь Амурать к великому ^г князю Дмитрею Ивановичу, моля его, яко да послеть человѣка божија Алексија, въ еже помолитъ бога о царици, яко да прозрить. «Слыша бо, рече, у тебе попа, иже аще колиждо проситъ у бога, и богъ его послушаетъ, да пустиши его ко мнѣ. И аще исцѣблѣетъ царица, миръ имѣти имаши съ мною. Аще ли не пустиши его, то имамъ землю твою плѣнити». И тако сему бывающу, князь великии Дмитрие възвѣщаетъ человѣку божију архиепископу о вещи, куплю же и молити его не обленити, но ити къ царю. Святыи же Алексије слышавъ сие слово и тяжко си внятъ и рече: «Се прошение и дѣло выше моего мѣры есть, но обаче вѣрую, иже слѣпому от рождения прозрѣние даровавшаго богу, яко аще «с вѣрою проситъ», не презрить его богъ». И тако изиде въ церковь съ всѣмъ причтомъ церковнымъ и начатъ пѣти молебень. Внегда же ему молебное свершающу, тогда абие ^а у чудотворные раки святого чудотворца Петра свѣща сама о собѣ възгорѣся, всѣмъ зрящимъ. Митрополит же сиа видѣвъ и яко иѣкое извѣщение приять, тѣмъ же и воду освятивъ, прочее пути касающи съ священники и клирики, яко же и лѣпо есть святителемъ. Идущу же ему въ Орду, и абие царица видитъ во сиѣ того блаженаго митрополита Алексија пришедшага въ одежду архиерѣйскую ^г и священники тако же видѣ въ одѣянїихъ въ свои санѣ. И яко же видѣ во сиѣ того блаженаго и створи е по тому же образу ризы святительськие и всѣмъ

^а Перед этим словом видны следы смытой буквы и.

^б Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами.

^в Написано над строкой другим почерком сходными чернилами.

^г Так в рукописи.

прочимъ священникомъ. По сих же у царя слышано бысть святого приходъ, и абие царь стрѣтъ его с великою честью и даронощениемъ. И бяще видѣти речено: «Левъ и агнецъ вкупѣ почиуть». И тако архиепископъ молебно пѣни съвершивши, имѧ же с собою свѣщу воска оного, иже саму о себѣ зажегшуюся, || и тамо зажѣдженъ бывши свѣщи тоа, и покрошивъ царицу священнаю водою, о великих чудесъ Христе царю, и в томъ чашѣ прозрѣ. Царь же сие видѣвъ с прочими вельможами, удивишаася, хвалу же и честь велику и дары многими одаривъ митрополита, купно же и всѣмъ ^а священникъ, и тако отпустивъ ихъ. И яко же възвратися, слышанно бысть святого приход, и абие князь великии Дмитрие стрѣтъ его съ всѣми боляры и людьми с великою радостию и честью, хвалу Богу приносяще, иже такову благодать даровавшаго угоднику своему. И от того часа имѣаху велика и славна быти пред Богомъ. Посих же откровенiemъ божиимъ святыи митрополитъ Алексиie и помысли въздвигнути церковь во имя архистратига Михаила и честнаго его чудесе, еже и бысть. И ту же придѣль въздвигъ во имя пречистыя владычица напиша богородица честнаго ея || Благовѣщенія и ту себѣ гробъ заложи своима рукама въ придѣль честнаго Благовѣщенія на ^б деснои странѣ, церковь бо въздвигъ камену и придѣль честнаго Благовѣщенія ^б, и всяческими добrotами украсивъ ту, иконами же и книгами и иными утварми, тако же и тряпезу камену поставивъ. И инаа же достоина многая памятемъ съдѣянна святымъ, елика не писана быша зде. Доволно же и се есть к показанию, да познано будеть праведное. Аще бы то не былъ у[го]дникъ ^в божии, не бы извѣстиль таковому варвару такову вѣру имѣти к нему и не бы реклъ, яко Богъ послушаетъ его и можетъ слѣпымъ прозрѣние даровати, ни паки же онъ дерзнулъ бы выше мѣры просити. Аще бы не имѣлъ дрѣновение к нему, поминаше по слово еуагельское, глаголюще: «Елико еще просите во имя мое, дастанься вамъ». И паки: «Просите и приимѣте». И паки: «Да радость ваша исъ^{||}полнена будеть». По сих же л. 127 об. онъ человѣкъ божии митрополитъ Алексиie, видѣ себѣ от старости изнемогша и ко кѣньцу уже приближающуся, призываєтъ убо святого Сергія. Оному же пришедшу и бесѣдующимъ имъ, повелѣ митрополитъ Алексиie изнести крестъ с парамандомъ, златомъ же и бисеромъ укарашень, и даруетъ святому. Онъ же съ смиренiemъ поклонися, глаголя: «Прости мя, владыко, яко от юности моей не бых златоносецъ, въ старости же наипаче хощу в нищетѣ пребывать». Архиерѣ же рече к нему: «Вѣмъ, чадо, яко и сиа исправилъ еси, но створи послушание и приими от нас данное ти благословеніе». И тако възложи своима руками на святого, яко же нѣкое обручение. По сих хотящихся ему глаголати, рече же къ святому: «Вѣдьми буди, преподобне, на что призвахъ тя и что хощу || яже от ^а тебе л. 128 сътворити». Святыи же отвѣща: «И како могу вѣдѣти?» Он же рече к нему: «Се азъ съдержахъ, Богу вручивши ми, Русскую митрополию, елика Богу хотящу, нына же вижду себе ко кѣньцу приближающася, токмо не вѣмъ днесъ скончанія моего. Желаю же при своем животѣ изобрѣти мужа, могуща по мнѣ пасти стадо христово, и о всѣх недоумѣвся, тебе единствого избрахъ, яко достоина суща исправити слово истинное. Знаю бо извѣстно, яко вси тебе требуютъ, и прежде убо епископства саномъ почтенъ будеши. По моем же представлении мои престоль вѣсприимеши». И многаа инаа изрече к нему, хотѣ его сими къ своей воли привести. Святыи же яко се услыша Сергіе, яко велику тщету вмѣнивъ быти и ко архиерѣю отвѣща: «Прости мя, владыко, яко выше моей мѣры есть, || еже глаголати. Кто бо есмъ азъ, грѣшныи и худѣши паче всѣхъ человѣкъ, но убо молюся тебѣ, владыко мои, яко да к тому прочее, ни мнѣ, ниже иному кому о мнѣ глаголешпи, поне же никто же сиа во мнѣ не ^а можетъ ^а изобрѣти». И

^{а-а} Так в рукописи.

^{б-б} Написано на верхнем поле со знаком вставки тем же почерком, но более светлыми чернилами.

^в В рукописи удиник с выносным к, но без титла.

яко же видѣвъ его блаженныи митрополитъ Алексиie на то никако же непреклонна, ничто же не приложи глаголати ему о семъ, убоявся, да не како стуживси, отъиде вънутренюю пустыню, и такова свѣтилиника лишится. Утѣши же его словесы духовными и тако отпусти его въ свои ему монастырь. И тако сицевому бываему, сиа убо прочитающе, вѣруемъ, яко господь нашъ Иисус Христосъ славящихъ его прославляеть не токмо въ животѣ, но и по преставлении небеснаго царствия даруетъ. И по малѣ

л. 129 жи^{тъ} животныи наставивъ, съзидаета на основании апостольствъ, многаа знамения въ славу божию створив, въ старости добрѣ и благоугоднѣи, въ неи божественную литургию свершивъ и святых и пречистыхъ тайнъ причастився, и познавъ свое еже изъ мира исхождение, и призываеть къ себѣ сына своего, благовѣрнаго и боголюбиваго и вседержавнаго великого князя Дмитрея Ивановича всеа Руси, и начатъ его наказати словесы духовными о всицѣмъ благочестии. И рече ему: «Сыну, се азъ отхожду житиа сего, оставляю же тебѣ миръ и миръ и благословение отъ бога и сыну твоему благовѣрному князю Василию Дмитреевичу и всему сѣмени твоему до вѣка». Благовѣрныи же и христолюбивыи великии князь

л. 129 об. Дмитреи Иоанович любезно въ сердци своемъ принимаети наказание || словесъ отца своего и учителя. Святыи же чудотворецъ давъ миръ и благословение великому князю и христолюбивому сыну его и всѣмъ благовѣрнѣмъ княземъ и боляръмъ и велможамъ ихъ и всѣмъ православнымъ вкупѣ миръ давъ и благословение, и цѣлова ихъ конечнѣмъ цѣлованиемъ, и нача себѣ молитву творити отхождения душа своея. Еще же молитвѣ во устѣхъ его, душа же отъ тѣла исхождате, самому руки на небо въздѣшущи, и тѣло убо честное на земли оста. Святая же его душа на небеса възлетѣ къ боязливому Христу, преходить убо въ онъ вѣкъ нескончаемыи, иде же вси святии отходят. Слышано же бысть святого преставленіи, боголюбивыи же великии князь Дмитреи Иоанович и всѣ благо-
вѣрнiiи князи и боляре и велможи и всѣ люди, епископи же и иноци,

л. 130 всѣ стеко^{шася} вкупѣ на преставление святого. Видяще же его уже умрѣша, но еще ту лежаша на ложи своеемъ, идѣ же бѣ изидоша святая душа отъ телеси его, лице же его свѣтиша, аки свѣтъ, а не яко же обычай есть мертвымъ, но аки солнце просвѣтиса, великии же князь и боляре и велможа и всѣ люди и нача тужити и скорбѣти о преставлении святого, поне же лишени быша такового доброго пастыря и учителя. И положиша тѣло святого на одръ, понесоша его въ обитель святого и созданїи отъ него церкви святого архистратига Михаила, со псалъмопѣниемъ и надгробными пѣснами того провождаху. Епископи же и презвитери многаа слезы проливають, аки убогаа чада отъ любви отчи отлучаеми. Народи же вси московьстии въ слѣдъ одра идущи, вошлиаху и глаголюще: «Увы и

л. 130 об. намъ, господине наставниче и питателю || нашъ, поне же убо питалъ еси душа наша по вся дни пищею духовною, по святые божии наставниче и учителю нашъ, не забуди насъ, рабъ своихъ, помянъ насть въ своихъ святыхъ молитвахъ». По отпѣни же нагробномъ, благовѣрныи же великии князь Дмитреи Иоанович своимъ рукама святое ^б его тѣло ^б гробу предаша. И погребоша и честно въ церкви святого архистра[ти]га ^в Михаила, иже ту въ придѣлѣ честнаго Благовѣщенія владычица наша богородица, идѣ же суть и до нынѣ честныи его и цѣлебныи мощи всѣмъ, иже вѣрою приходящимъ, исцѣлzenia приемлють, не бо едино или двое, но много неизочетено, ова же явлено, ова же не явлено, но обаче Богу обоя вѣдомо. И бысть преставление его мѣсяца февруария въ 12 день на память, иже въ святых отца нашего Мелентиа, о Христѣ Иисусѣ, господѣ нашемъ. ||

^{а-а} Написано на верхнемъ поле со знакомъ вставки темъ же почеркомъ, но более светлыми чернилами.

^{б-б} Написано на верхнемъ поле со знакомъ вставки темъ же почеркомъ, но более светлыми чернилами.

^в Въ рукописи архистра[ти]га.

Мѣсяца маа 20 день на память святого мученика Фалелѣя,
въ тѣ же день обрѣ[те]ніе ^в честного телесе святого чудотворца
Алексиа, митрополита Киевскаго и всея Руси.
Списано же бысть сие обрѣтение ермонахомъ Пахомиемъ.
Благослови, отче.

В лѣта же благочестиваго и христолюбиваго самодержца великаго князя Василия Василиевича и всея Руси и при святѣиша митрополитъ Фотѣи Киевскому и всея Руси, егда въеха богъ болма своего угодника прославити, «свѣтилинику не под землею быти, но всѣми видиму быти,» случися и се по нѣкоему строенiu божиу, церкви обагрившия ^в весьма во время божественных литургии, и священникомъ еще въ олтари, по благодатию христовою и молитвою угодника его святого чудотворца Алексиа митрополита, вси невредимы съхранени быша. И тако тоя церкви мѣсто очисти^ивше, хотяще паки възвигнути, и начаша копати л. 131 об. рвы въ основание церкви, и аbie обрѣтоша тѣло блаженаго Алексиа цѣло и невредимо, и ризы его не истѣвше. О превеликое чудо! Толи-кимъ лѣтомъ минувшимъ, святыму въ гробѣ лежашу, не измѣнися святое его тѣло и ризы его яко вчера облечены, поне же убо да збудется реченое Богомъ въ святомъ Евангелии: «Не можетъ град укрытия верху горы стоя, никто же вжегъ свѣтилиникъ, поставляеть его под спудомъ или под одромъ». Тако сии. И сему свѣтилинику не мощно на толико лѣть съкро-вену быти под землею. Се же все бысть всемудраго Бога промышленiemъ. И яко же слышано бысть святого обрѣтение, и се слышавше благовѣрныи и христолюбивыи великии князь Василий Василиевичъ и вси благовѣрныи князи прииодоша скоро на дивное чудо и на обрѣтение тѣла святого. И пресвятѣши же Фотѣи митрополите ^б Киевскому ^б и всея Руси и с ним же епискоци и презвутеры и весь чинъ церковныхъ прииодоша съ исалмопѣниемъ и съ свѣщами и съ кандилы, хвалу велию въздающе всемогущему Богу и угоднику его чудотворцу Алексию. Народи же московьстии мнози с радостию стекоша видѣти честное и святое его тѣло. И пришед же благовѣрныи великии князь Василий Василиевичъ и всея Руси и вси благовѣрныи князи и видѣ таковую славу божию и поклониша святыму и божественному его тѣлу преподобнаго отца нашего Алексиа, и възрадовася радостию великою зѣло и въздохнувшъ изъ глубины сердца, глаголя: «Хвалю и славлю тя, Господи Боже мой, и пречистую и всенепорочную твою || матерь, яко сподобил мя еси, раба своего, л. 132 об. въ моя лѣта видѣти таковое скровище, въ благости дръжавы моей явити ми. И яко же убо даль еси намъ вторыи источникъ благодатныи въ градѣ нашемъ Москвѣ, творищаа намъ дивнаѧ чудеса послѣднему роду нашему, но и не токмо же единому граду нашему, но и всѣмъ градомъ и странамъ, съ вѣрою притекающимъ на такова и дивнаѧ чудеса и дара милости твоа получиши, владыко. Уже ничимъ же охужденъ еси божия благодати о сѣхъ святыхъ мужехъ. О преподобническии святителю нашъ чудотворче Петре и святителю христову преподобне отче нашъ чудотворче Алекси! Не престай вкупѣ къ Господу молитася за пы и за вси вѣрныи рабы своя. Вы бо еста скораа помощника и заступника земли нашей Рустѣи и стѣна необоримаа присному граду нашему || Москвѣ». Велики же христолю- л. 133 бивши князь и всѣ с нимъ благовѣрныи князи и боляри и велможи ихъ и вси московьстии народи цѣловаста любезно ^в святое его тѣло. И по семъ церкви възвижена бысть зѣло прекрасна, Богу на се поспѣшствующа ^а и святого тѣла въ рацѣ положиша въ предѣлѣ честнаго Благовѣщенія владычица наша Богородица на десной странѣ, идѣ же суть

^а В рукописи обрѣтение.

^{б-б} Так в рукописи.

^в Написано на верхнем поле со знаком вставки тем же почерком и теми же чернилами.

видими святыя его мощи и донынъ, всѣмъ исцѣлениа обильно подавающе. Пренесени же быша мощи его мѣсяца маа 20 дніи на память святого мученика Фалелѣа. Да не умльчно будеть истинна, но да речено будетъ праведное, елма бо обаче богъ не токмо въ животѣ прославляющихъ его прославляти, но и по смерти явлену быти многими и различными чудесы, отъ них же да речется мало отъ многихъ, о Христѣ Иисусѣ господѣ нашемъ, ему же слава и держава, честь и покланяніе отцу и сыну и святому духу и нынъ и присно и въкъ вѣкомъ. Аминъ. ||

л. 133 об.

Чюдо первое. О иступившемъ ума.

Нѣкоему человѣку именемъ Тимоѳью ума иступившу до толика, яко не вѣдѣти ему, камо или откуду грядеть. Иногда же и въпрашающу ему камо ити, но убо ^б богу хотящу явити чуда и прославити угодника своего, въ умъ ему тако вложи молитися, нѣкимъ довести его въ монастырь архистратига Михаила. Бывши же ему тамо и гробъ святого чудотворца Алексиа видѣвшу, и абие въ себѣ бысть и яко отъ нѣкоего сна възбудившися ему, бысть здравъ и смыслент благодатию Христовою и молитвами святого Алексиа, яко ничто же пострадавъ. И отъиде, хваля и славя бога и благодать велику исповѣдуя его угоднику, и яко его ради богъ ^б милостивъ помилова его. Такожде и человѣціи, иже прежде видяще его нечювѣствена и ничто же вѣдущу, также ^в яко единого отъ человѣкъ смыслища, тако же и тыи славу въздаху богу, творящему богу дивнаа святымъ своимъ. ||

Чюдо 2-е. О отрочати умрьшемъ.

л. 134
Ни же се да умолчено будеть отъ чудесъ святого Алексиа, не токмо стяжавши дарь отъ бога, еже немощныхъ исцѣляти, но и мертвыхъ въскрепши, яко же прилучися болѣвшу нѣкоему отроку Дмитрею именемъ сему отъ зѣлныя болѣзни изнемогшу умрети. Принесша же его въ погребательныхъ ризахъ, въ время литургии поющу. И съвершившияся божественѣи литургии, и изъпѣдипши братиамъ изъ церкви архистратига Михаила въ тряпезу ясти, того же отрока оставляше у ракы святого Алексиа. Родители же пришедше, хотяще его погрести, бяше же отроча триемъ лѣтомъ суще ^а, и обрѣтоща отрока жива. Радости же велика исполнившия, вземши отроча живо, възратилася въ домъ свои, славяще бога и угодника его Алексиа.

Чюдо третье. О раслабленїи.

л. 134 об.
И иному же паки человѣку Андрѣю именемъ || града Мурома многими времены раслаблену ему лежащу на одрѣ, принесша его на носилицахъ, лютѣ сему тако стражущу, и положиша его близъ ракы святого, и абие исцѣление получитьвъ, отъиде. Его же въ малѣ прѣже чюздии руками принесена, съи и на своихъ ногахъ здравъ въ свои домъ възвратися, велику славу въздаеть богу и святому великому Алексию.

Чюдо четвертое. О клирицѣ о Михаилѣ.

Ни же се да умолчено будеть съѣдѣніе святимъ. Нѣкоему же мужу славну въ градѣ томъ Владимеру именемъ, въздвигшу церковь Въздвиженіе честнаго креста, клирику же тоа церкви Михаилу именемъ уязвлену бывши отъ нѣкоего стрѣлою. Тѣмъ же и къ язвѣ тои лютъ недугъ приразися. И сему тако стражущу и многи дни въ язвѣ тои имущи,

^а Далее видны следы 2—3 смятых букв.

^{б-6} Написано сверху строки тем же почеркомъ, но более светлыми чернилами.

^в После буквъ та видны полусмятые буквы ко.

яко и живота отчаатися, въспи же, глаголя, яко да отнесут его в манастырь святого архиепископа Михаила || к чудотворному гробу святого л. 135 Алексия. Они же послушавше его, отнесенъ бысть четырьми, ничим же владушу. Принесши его положиша близъ ракы богоносаго отца. Начаша же пѣти божественную литургию, абие оному клирику видится святый Алексий промежу раму обою священниковъ стоаща и святый потысь в руцѣ держаца. И яко же видѣ възпи великымъ гласом: «Святый Алексий, помилуй мя». Они же запрѣщау ему молчани. Он же множае вопиаше: «Святый Алексий, помилуй мя». Святый же Алексий обратився, яко христово рекъ слово: «Возми одръ твои иди в домъ свои». И от того часа исцѣление получи. Видить же пакы блаженаго онаго чудотворца възлегша въ своему рапѣ, въстав же в тои час здравъ бысть, яко ничто же пострадав. Видѣвши же священники напрасное мужа исцѣление, начаша молебень пѣти блаженому чудотворцу Алексию. Того же || часа тои исцѣльши клирикъ вземше книгу своима рукама и начать л. 135 об. конархати. Видѣвши же вси ту бывшее въскорѣ чудо и прославиша бога и угодника его чудотворца Алексия.

Чюдо 5. О слѣпомъ.

И тако же убо нѣкоего человѣка славна же и богата сынь именемъ Феодосие, сему убо на многа времена зракъ от очиу отъятся. И многымъ врачемъ приходящимъ, но не успѣша ничто же. И по сем же к рапѣ чудотворного отца пришедше, и ту исцѣление приемлетъ. И здравъ бысть, яко ничто же пострадавъ. Тѣмъ же и от того дне обѣтъ положи въкы в пятокъ милостию даати священникомъ манастиря того. И отъиде в домъ свои, славя бога и угодника его Алексия.

Чюдо 6. О болящемъ трясавицю.

Инъ же пакы человѣкъ Иоанъ именемъ трясавицею одрѣжимъ, на многа времена ни хлѣба ядущу до толика, яко и живота отчаатися. Сеи убо Иоанъ слышав || о святымъ, приходитъ с вѣрою и скоро исцѣление л. 136 получивъ и отъиде здравъ въ домъ свои, радуясь, яко и многимъ дивитися напрасное бо[ле]зни^a, человѣка онаго премѣнение.

Чюдо семое. О женѣ слѣпои.

Жена же нѣкаа также от богатых Матренъ именемъ, слѣпа многими временами. Слышавши^b же, елика чудеса творить богъ святымъ своимъ угодникомъ, и вѣру велику имущи, повелѣ написати образъ подобиа его. И яко съвершивши и принесе въ святого церковь и поставлено и бывши, и абие исцѣление получи. Отъиде же въ домъ свои славящи и благодаряющи бога и его угодника святого Алексия.

Чюдо 8. О поварѣ Климентии.

Тако же и иное прилучися. Нѣкоего велможа Федора именемъ имѣаше повара Климентия именемъ. Сему убо Климентия въ болѣзни велику впадшу, елико всѣмъ удомъ его раслаби||тися, не могущу ничто же л. 136 об. ни асти, ни пити до толика, яко же и живота всѣмъ отчаятися. Тыи же предиреченыи велможа Феодоръ вѣру велику имѧ къ блаженому Алексию и повелѣ отнести его к цѣлебной рапѣ^c блаженаго Алексия. Вечерью пѣни съвершивше и заутра тако же молебное съвершивше, и исцѣление получи по малѣхъ днехъ, яко ничто же пострадавъ.

^a В рукописи бозни.

^b Далее видны следы какой-то смытой буквы.

^c После букв ра видны полусмые буквы ка.

Чюдо 9. О отроцѣ Василии, изъдену от бѣснаго пса.

Бысть ино чудно сказание от тѣхъ преславныхъ чудесъ предиличенаго и новоявленаго ^а сущаго предивнаго чудотворца присноблаженаго святителя Киевъскаго и всея Руси Алексия митрополита в том же преимени-
ломъ великому ^б градѣ Москвѣ богоспасаемыя его святыхъ паствы. Бѣ нѣкыи
предиличеръ именемъ Костянтина, служаще у святого Николы виѣ града,

л. 137

нарицаемыи же у Великого креста, имѣаше у себе || сына именемъ Василия. И бысть же отроча осмью лѣту, по наважению же диаволу прилучися ему изъядену быти от бѣснаго пса. И от той язвы впаде в недугъ тяжекъ, и раслабиша състави его, яко не моши ему двигнутися ни единъмъ уdomъ телесе своего, и уста его оѣпнѣша, ни языкомъ можаше прогла-
голати, но яко едва нужею родителемъ разводити устна его и подади нѣчто мало от потребныхъ. И лежа на одрѣ своеемъ, яко мертвъ, не вѣдуще себе и до толика, яко всѣмъ уdomъ его трясущеся беспрестанно. И стра-
жуши же ему многы дни в болѣзни тои, родителя же его скорбяще по
л. 137 об. вся часы и ждуща исхода души его. Отецъ же его ^б, слышавъ о чудесахъ
сего богоблаженаго Алексия, и вѣскорѣ принесоша отрока к рабѣ мо-
щемъ ^в святого, лѣ живы суща и омертвѣвша. Священники же пѣше ||

молебент и принесоша ему икону образъ святого и знаменаша его и покро-
пиша его святою водою от тоа же иконы. Въ время же божественныя службы
начаша священники служити божественную литургию. Клирикомъ же пою-
щимъ херувимскую пѣснь, отрок же в тои час взорѣ ^в очима своимъ
и видѣ презвитеры несуща божественное тѣло и честную кровь господа
нашего Иисуса Христа, и тогда же болныи отрокъ вѣста на ногу свою
и ста близъ ракы святого, никымъ держимъ. И нача знаменатися самъ
у цѣлбиноснаго гроба и цѣловати его святыхъ и чудотворныхъ моши и бысть
здравъ, яко ничто же пострадавъ. Ходящу же болному никимъ не водиму,
и взявъ от священника святую дору своими руками, и по скончанию же
божественныя литургии цѣловавъ отрока икону образъ святого и пре-
диличенаго чудотворца Алексия. И получивъ испѣление молитвою || и чудо-
дѣаниемъ святого, приимъ благословение от священниковъ и иде здравъ
в домъ отца своего радуся, славяще бога и угодника его святого чудо-
творца Алексия и избывъ зѣльного и тяжкаго онаго недуга, бѣсовъскаго
нашествия и злобенія. Мы же убо слышавше таковое великое знаменіе
и предивное скорое посѣщеніе, еже яви богъ угодника своего сего пре-
диличенаго новаго чудотворца Алексия, и дарова ему вѣкорѣ таковаа
чудеса творити, помошю же вышиаго понудихомся писанию предати
богодуховная знаменія и чудеса многа сущи у цѣлбиноснаго его гроба,
идѣ же лежаху чудотворныхъ его святыхъ моши въ пречистѣмъ храмѣ
дѣвы ^в и пречистыя владычица наша богородица и приснодѣвна ^в Марья
богоопосыщенаго и честнаго ея Благовѣщенія въ святѣ вѣлицѣ обители
святого премирночиноначалника архистратига Михаила || и преславнаго
чудеси, да молитвами святого и славнаго новаго чудотворца Алексия

л. 138

всегда в мирѣ спасаемся, славяще святую троицу ^г, отца и сына и свя-
того духа и нынѣ и присно и вѣкы вѣкомъ. Аминь.

Слово похвално святому Алексию митрополиту Киевъскому
и всея Руси. Господи, благослови, отче.

Се настоитъ, братие, свѣтоносное празднество предивнаго отца на-
шаго новаго чудотворца Алексия митрополита, бѣ бо мужъ смиренъ и
цѣломудренъ, благоговѣнъ, нищетолюбивыи, иже есть отцемъ отецъ,

^а Буквы ново написаны над строкой несколько иным почерком и более светлыми чернилами.

^{б-б} Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами.

^{в-в} Так в рукописи.

^г Буква у переделана из буквы о теми же чернилами.

мнихомъ начальникъ, постыникъ похвала, молчаликомъ удобрениѣ, молитовникъ крѣпокъ, чистотъ рачитель, цѣломудрия образъ, терпѣниа столпъ, агельскимъ житием на земли поживъ и въ Русьи земли просиа, яко звѣзда пресвѣтла. Многа же и иная удивлениа достоинца ство^{ри} л. 139 святыи, елика не предана быша зде множества ради такова отца течения, такова исправлениа, такова чюдесъ дѣйствия, такова сего чудотворца исправления, таковы труды, ими же от юности богу угоди и бысть многымъ на успѣхъ и многымъ на спасение, мнишьскому же лицу аки лѣтвица, вѣзводящи на высоту небесную; изнемогающиимъ укрѣпитель, обиженымъ помощникъ, кающимся вѣрныи поручникъ и всѣмъ притекающиимъ къ нему, аки къ источнику благопотребу. Бяше бо подобиемъ агеломъ лѣпнинамъ, сѣдина честна и постомъ украшена, вѣздѣжаниемъ сиа, братолюбивиемъ цвѣты, кротокъ взоромъ, тихъ хождениемъ, умиленъ видѣниемъ, смиренъ сердцемъ, высокъ добродѣтельнымъ житиемъ, божию благодѣтию почтенъ, поне же бога чтише, и богъ почти и, онъ бога прослави, и богъ прослави || его на земли. И пакы и въ святомъ евангелии л. 139 об. рече господь: «Тако да просвѣтится свѣть ваш предъ человѣкы, яко узрять дѣла ваша благаа и прославлять отца вашего, иже есть на небесахъ». И пакы рече: «Не укрыется градъ верху горы стоя». Сего же угодника своего тако богъ почти и и тако прослави не токмо въ Русьѣ земли, но и во иновѣрныхъ, яко да молитвами его мнози отъ болѣзни здрави бывають, слѣпии прозирають и мнози отъ тяжкихъ недугъ исцѣление приаша, и мнози бѣснii отъ бѣсовъ свободожении быша и отъ многоразличныхъ искушениихъ очищаша. Толико же богъ прослави молебника своего, не токмо въ тои странѣ, идѣ же живише, но слышатися имени его и многымъ чудесамъ въ иныхъ градѣхъ и странахъ, бяше бо бога вѣзлюбилъ всѣмъ сердцемъ своимъ. И мнози къ нему приходжаху отъ далнихъ градовъ || и странъ и велику л. 140 ползу приимаху отъ ученихъ его, учаще бо и творяще, яко же и въ дѣяніи святыхъ апостоль речеся: «Нача Иисусъ творити и учити», еже бо словомъ творяще. То же самъ дѣломъ творяще, поживе бо на земли житие чисто и непорочно, благоугодно господеви. Но елико бо жестоко и свято нача, толико же изрядно и чудно оконча, съверши въ стрась божии, «зачало бо премудрости страхъ господень», вѣру, упование и любовь приобрѣта, тѣмъ добroчестиве нача и благо поживе и свято съверши, равно «течение сконча, вѣру съблуди» и вѣнецъ праведныи полути и мъзу вѣрну вѣсприать трудовъ ради и исправлений своихъ, ими же подвизася на земли, подвигъ съвѣршивъ и трудъ великъ прия, и за то нынѣ вѣсприатъ мъзу и велию милость. Что же много глаголю, елици ихъ || еже быти нынѣ^а л. 140 об. начинаятъ, яко же преди^б речеся, иже не видѣша, ни разумѣша его и всѣмъ сущимъ новоначальнамъ зѣло приключеннia суть. Да не забыто будетъ житие его, тихое и крѣпкое, безлобивое, чистое и непорочное, добroe и чудное и преудивленое. Да не останеть бес памяти таково^в удивление^г, еже удиви богъ, и очисти собѣ церковь быти святаго духа и преуготова собѣ «сосудъ свѧть и избранъ», да вселится богъ въ онъ, по апостолу глаголющу: «Братиа, вы еста церкви бога жива, яко же рече богъ, вселюся въ нѧ». Сии убо преподобныи отецъ напѣ и чудотворецъ Алексиев митрополитъ всяку добродѣтель иночъскаго жития исправивъ, и свѣтъ благодатныи восиа въ сердцѣ его. Сии же просиа въ послѣдніяя времена послѣднemu роду нашему. Сего бо богъ прослави въ Русьской земли при скончании || вѣка. Сии бо преподобныи отецъ напѣ, яко свѣтило л. 141 восиа посрѣди тмы, яко звѣзда незаходима, яко луна посрѣди нощи, яко кандило благоуханно, яко злато посреди берниа, яко сребро раждѣжено и искушено и оѣщено седмирицею, яко камыкъ честныи, яко бисеръ

^а Написано надъ строкой сходнымъ почеркомъ более светлыми чернилами.

^б После буквы е видны следы смытой буквы.

^в Буквы ко написаны надъ строкой другимъ почеркомъ сходными чернилами.

^г Буквы уди написаны дважды.

многодѣяніи, яко раи мъногоплоденъ, яко град непотръсомъ, яко столпъ непоколебленъ, яко вѣнецъ пресвѣтель, яко корабль полнъ богатства духовнаго, яко земныи аггель и небесныи человѣкъ, исьсушивъ тѣло, истончивъ плоть, умрѣтвивъ уды суща на земли, покоривъ страсти духови телесныи, вѣскрилися на высоту небесную и разумну и вѣнцемъ бестрастия украсивъ собе, и прииде от смерти в живот, от труда в покой,

л. 141 об. от тля в нетѣни, от печали в радость, от силы в силу, || от славы въ славу. Мы же вѣрою и любовию припадающе, очима и тѣмены прикасающеся и руками объемлюще, любезно цѣлююще раку честныхъ твоихъ мощеи. И что убо вѣзможемъ тебѣ вѣздати на похваление твое? Аггела ли тя наречемъ, яко во плоти бестелесно пожилъ еси, о святче божии, о угодниче спасовъ, о преподобниче благыи и избранниче христовъ, о всесчастнаа главо? Не забуди нас, твоихъ рабъ, помяни нас въ своихъ святыхъ молитвахъ, яко имаша дръзвеніе къ небесному царю. Не презри нас, вѣрою и любовию чущихъ тя непрестано, нас моляся Христу богу. Се бо мощи твоихъ гробъ пред очима нашими видимъ есть всегда, но святаа твоа душа невидимо съ аггельскими воинствы, съ бесплотными ликы, съ небесными силами у престола вседержителея, в лѣпоту ^a || достоино веселится, яко живу ти сущу чудеса творити. И по смерти такожде подаши источникъ чудес неистерпаемы приходящимъ ти с вѣрою к рагѣ мощи твоихъ. Тако бо писано есть пророкомъ глаголющи: «Душа праведныхъ в руцѣ божии, сего ради приемутъ царствия красоты и вѣнецъ доброты от руки господня. Память праведнаго с похвалами бываетъ»^b. Аще и преставится праведникъ, в покой будеть, старость бо честна немноголѣтна, ии в числѣ лѣтъ изочтена есть, сѣдѣни же человѣку разум, но лѣта старости житие бескѣрно. Тѣм же и апостолу Павлу глаголющи: «Поне же убо смирихся и спасе мя, сего ради обратися душа моя в покой твои, яко изять душу мою от смерти и очи мои от слезъ и нозѣ мои от поползновенія. Угодихъ пред господомъ въ странѣ живущихъ. Се покой мои в вѣкы вѣку и здѣ все||люся, яко же изволихъ». Да сию жизнь добрѣ проводиши, даныи богъ молитвами его спасаетъ нас и будущаго вѣка благаа улучти. И сиа ти, елико по достижни, от нась похвала, въ архиерѣехъ преизящнѣи и въ добродѣтелей превысочаши, богови предстои и нас не презри. Но моли яко истинныи пастырь о благодарованїи ти паствѣ и о благовѣрномъ и боголюбивомъ и богопочтеномъ и самодержавномъ великому князѣ и о всѣхъ благочестивыхъ князѣхъ, да молитвами твоими съблудаєши въ времении жизни сеи и вѣчное жительство приati о томъ самъмъ Иисусе Христѣ. И пакы к нему же усердно взошемъ несумѣнно вѣрою и непрестаннымъ гласомъ: о пресвятыхъ отче, утѣшение скорбящимъ душамъ и надежда отчааннымъ своего спасения. Радуися, пресвѣтлыи свѣти||личе, восиавши во тмѣ невидѣнія. Радуися, избавление ненадѣющемсяи целезнаго прошения. Радуися, всѣмъ вѣсковиново изѣбрѣтие. Радуися, врачио душевнаго и телеснаго требование. Радуися, грѣшнѣмъ скорое спасение. Радуися, неразумнымъ премудраа доброта. Радуися, раслабленымъ скорое исцѣление и и слукыи исправление. Радуися, глухымъ слышание и нѣмыи глаголание. Радуися, слѣпымъ прозрѣние, не токмо единиимъ христианомъ, приходящимъ ти с вѣрою, но и во иновѣрныхъ яви тобѣ богъ своего угодника и подастъ ти творити предивнаа чудеса. Радуися, помраченымъ душамъ пресвѣтлое озарение. Радуися, стражъ и утверждение земли Русьстїи. Радуися, стѣна крѣпкаа граду напему Москвѣ, защищая и съблудаа нахождениа варварьскаго и между||усобныа брани, и всѣмъ православнымъ окормителю. Радуися, пастырю добрыи христову стаду. Радуися, княземъ нацимъ необоримаа держава. Радуися, архиепископомъ похвала и украшение. Радуися, вѣрныхъ упование и надежда. Радуися, представителю и помощниче святѣи си обители, в неи же

^a Буква у переделана из другой буквы теми же чернилами.

^b Буква а написана по смытой букве в теми же чернилами.

Чудотворныа твой положеніи суть святыя мощи, от них же приемлемъ различнаа требования, душевнѣ убо и телеснѣ исправления ти обрѣтающе. Тым же и нынѣ, отче преблаженны, моли о нас преблагаго и человѣко-любиваго бoga презрѣти ^а наша многаа прегрѣшнения и подати длъгомъ разрѣшеніе и житию исправление прерадованнія заступлениемъ и посѣщеніе святых небесныхъ сил. Сие худое грубоглаголие принесохъ ти убогыи приими отъ насть, святе, въ славу отца и сына и святого духа и нынѣ и присно и ^б.

л. 144

^а Буква Ъ написана по смытой букве теми же чернилами.

^б Такъ кончается рукопись.

Я. И. ЩАПОВ

НОВЫЙ СПИСОК КОРМЧЕЙ ЕФРЕМОВСКОЙ РЕДАКЦИИ

В бывшем собрании московского старообрядческого Рогожского кладбища, которое составлялось в течение XIX—начала XX в., а в настоящее время хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, находится неизвестный в науке список кормчей Ефремовской редакции, т. е. кормчей в XIV титулах без толкований, включающей также Собрание в 93 главах и другие статьи¹. Список принадлежит второй половине XV в.² Он в четвертку, на 338 бумажных листах. Форзаца и чистых листов нет, рукопись начинается прямо с первой фразы предисловия «Телеса убо подобно вештьскыя». Перецвет — липовые доски, в обрез, были обтянуты кожей, с тиснением, жуками и застежками. Кожа порвана, застежки утрачены, корешок починен новой кожей, новая кожаная петля-застежка. Рукопись несет на себе № 268 в Рогожском собрании и старые 153, 635. На обороте верхней крышки рукой XIX в. написано «XVI век». Записи владельцев: по лл. 32—42 рукой XIX в.: «Сия книга принадлежит деревни Озерка крестианского сына Александра Льевовича точно его сопъственная», на л. 338 другой рукой: «Сия книга принадлежит деревни Озерка крестианина Ивана Васильева Прохорова сопъственная его» и др. Судя по этим записям, рукоюсь до появления в собрании кладбища находилась в крестьянской среде где-то в средней или северной России.

Рогожский список хорошей сохранности, полон и не имеет утраченных листов. Из других списков этой редакции он более всего близок к Соловецкому: во-первых, он имеет те же пометы Ефремовского списка («се писати», «досуда»), как и тот, списанные писцом также с протографа, и, во-вторых, содержит пропуск второй половины статьи «Великого книжника Антиохий-

¹ ГБЛ, РО, Рог., 268.

² Филигрианы: готическая литерра Р с четырехлистником, Брике близко к № 8605, 1469 г. и литерра Y Брике № 9180, 1457 г.

ского» и трех хронологических статей, в том числе статьи о соборах. В то же время он отличается от Соловецкого своим окончанием. Последние статьи Рогожского списка — те же выписи из Прохирона о браках с вклинившимся в них трактатом о власти константинопольского патриарха и отрывок о судопроизводстве, оканчивающийся углом вниз. Очевидно, на каком-то этапе сложения кормчей ее текст оканчивался этой статьей. Далее идет вторая половина послания Ефесского собора, также оканчивающаяся углом. Как показано в статье «О составе древнеславянской кормчей Ефремовской редакции» (см. наст. сборник), — это последняя общая статья Плигинского, Троицкого, Рогожского и Соловецкого списков и последняя статья их общего архетипа. После этого в Рогожском идут статьи, отсутствующие в других списках редакции.

В. Н. Бенешевичем в первом томе его издания кормчей Ефремовской редакции был опубликован в качестве основного Ефремовский список, с которого непосредственно или через посредствующие списки был списан Рогожский. Это не делает необходимым издание Рогожского списка целиком. Здесь дается публикация окончания Рогожского списка, следующего непосредственно после Собрания в 93 главах, завершающего первый том издания В. Н. Бенешевича. В состав этой части входят:

1. «Великого книжника Антиохийского о колядах, и о нонех, и о идех» — календарно-астрономический трактат о древнеримском счете времени³. Статья в Рогожском списке, как и в Соловецком, не имеет конца (лл. 318—320 об.).

2. «Образ правды, непорочны христиацкыя веры» М. Синкелла — популярное изложение основ христианского учения. Греческий текст: B. Montfaucon. *Bibliotheca coisliana*. Paris, 1715, pp. 90—93 (лл. 321—326).

3. Ответ Афанасия, архиепископа Александрийского, князю Антиоху о христианском учении. В. Н. Бенешевичем был найден греческий источник этой статьи в рукописях Синайской библиотеки, №№ 1699 и 1609 (лл. 326—327).

4. Выпись из Прохирона (титул 7) «О възбранении(х) женитвах». Греческий текст: «Procheiron». Ed. Zachariae von Lingenthal. Heidelberg, 1837, стр. 47—58 (лл. 327—330).

5. Выпись из Эклоги (титул 2, глава 2) о том же. Греческий текст: «Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum». Ed. Zachariae von Lingenthal. Leipzig, 1852, стр. 15—16 (л. 330).

6. Выпись из постановлений Константинопольского I—II собора (правило 9) о запрещении епископам применять физические наказания. Греческий текст: J. P. M i g n e. *Patrologiae*

³ См. об этой статье заметку: W. Beneschewitsch. Spuren der Werke des Ägypters Rhetorios, des Livius Andronicus und des Ovidius in altslavischer Übersetzung. «Byz. Zeitschrift», XXV, 310—312.

cursus completus. Series graeca, t. 137, Paris, 1865, col. 1049 (лл. 330—330 об.).

7. Выпись из Прохирона (титул 24, гл. 1—4) об имуществе поступающего в епископство и монашество. Греческий текст: «Procheiron», стр. 133 (лл. 330 об.—331).

8. Выпись из Прохирона (титул 28, гл. 1) о поставлении епископов. Греческий текст там же, стр. 155 (лл. 331—331 об.).

9. Трактат о власти константинопольского патриарха («О строении пресвятого престола Костянтина града») с включенной в него схолией о примате римского престола⁴. Греческий текст схолии неизвестен (лл. 332—334 об.).

10. Продолжение выписи из 28 титула Прохирона (гл. 2—4) о поставлении епископов (лл. 334 об.—335).

11. Отрывок о судопроизводстве (начало: «От[ъ]емля с нуждею противных оправдания», л. 335).

12. Отрывок из послания Ефесского собора к епископам Памфилии (начало: «И въразити от възрастъших ему»). Греческий текст в изданиях: J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca, t. 137, col. 369—372; «Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований», т. I. СПб., 1906, стр. 109—111 (лл. 335 об.—336).

13. «Сказание хитро о чловствех телесных и о душевнем свойстве их», приписанное здесь Максиму Исповеднику (л. 336 об.).

14. «Сказание о образе греховнем», приписанное ему же (лл. 337—337 об.).

15. «Сот медвений» — епитимийник в таблицах (лл. 337—338).

Настоящая публикация не является завершением издания кормчей Ефремовской редакции, но, вводя новый Рогожский список в науку, способствует подготовке этого издания. Текст публикуется современным гражданским шрифтом, но с сохранением древних букв, отсутствующих в нем. Титла раскрываются, и надстрочные буквы вносятся в строку без оговорок. Исключение сделано только для паерков' и для выносного и в виде двух точек, которое передается⁴. Пропущенные буквы выделены курсивом. В квадратных скобках даются вставки публикатора. Киноварь передана полужирным шрифтом. Славянская цифры дается современной гражданской. Сохраняется пунктуация рукописи, лишь начала фраз выделены публикатором заглавными буквами и убраны точки, сопровождающие цифры. Фотокопии показывают строение и расположение таблиц в конце рукописи.

⁴ См. об этой статье книгу: С. Троицки. Спор старог Рима са новим на странама словенске крмчије. Београд, 1960. В ней приводятся греческий и славянский тексты трактата и указываются другие работы о нем.

Великаго книжника. антиохийскаго. о коладах и о нон-х. и о ид-х
въглашеніе къ иѣкимъ его дрѣгомъ: —

л. 318

Подобаетъ вѣдѣти ико древлени лѣто лѣною мѣржахъ 12 // лѣпѣмъ л. 318 об.
штлѣчиши. тѣмъ и месѧцъ нарицахъ. Послѣдъ же солнецьномъ теченью
въслѣдоуаше 30 дньовъ. месѧцъ нареcosa. понеже и солнечное
лѣто 300 и 60 и 5 днѣвъ исполняется 5 дньовъ исполнены нареcosa.
иже римлане инътер'каларь съ¹ нареcosa. въчиняюще съ 12 месѧцемъ.
подающе имъ по 30 и 1 день. четвертое же еже по 300 и 60 и 5 дньовъ.
бстрая солнечное лѣто. по четвертѣмъ лѣтѣ. събиравъ день Г подаю
месѧцъ избытьчыномъ имѣщомъ днѣи 28 на 4 лѣто днѣи 29. Си же
wt четвертаго лѣта съѣплышаися день. нареcosa висекость. Ико же
кы²ждо избытьчныхъ. тѣмъ месѧцемъ бмножающемся. вторю три-
десат'ницею нарицаютъ елини. понеже ббо висекость память сътворихъ.
ижно рещи того бготованіа винъ 24 избыточнаго месѧца. прѣже шести
каланъ марта. обыкохомъ глаголати. имѣщаго ивѣ 28 днѣи. Егда ббо
избыточномъ месѧца. на четвертое лѣто събирающаися день приложить.
имать 29 еже прѣже шести каландъ съѣбѣствуетъся. и 24 и 25 избыть-
чественаго месѧца. Тѣмъ и висекость нарицаеться. висекость же еже
есть елиниски дво³краты и // шесть. в'торое прѣже шести марта. л. 319
глаголемы въ 24 и 25 избытьчнаго месѧца. понеже ббо дво³итъся еже
прѣже шести сего рад⁴ приложеніи день. висекость нарицаеться ико же
бо речено есть. и елини избытьчны⁵ днѣи месѧца. в'торю три⁶десат-
ницѣ. а не 30.11 нарицаютъ сирѣчъ 20 и 4 wt в'тораго понеже ико же рекохъ
24 избытьчнаго. прѣже шести вѣрѣснѣ нарицаеться. въ правдѣ ббо
25 дво³краты прѣже шести. еже есть висекость нарицаеться. Ико же
и в'тора три⁶десат'ница 31 сирѣчъ дво³краты три⁶десат'ное. а не
31 приложить пятю дво³десатницѣ. избыточномъ месѧцио. речем. а не
29 имъ съхраненіе. солнечное по животнымъ дво³вѣбрѣствуется wt
многихъ. или 20 и 1 въ коемъждо месѧци. или 24 бываетъ понеже
ббо не въ 24 коемъждо месѧца. ико на вси прѣходитъ солнце. wt домъ
въ домъ. и того прѣхоженіе съвершаетъ месѧцъ. пятю дво³десатницю.
прилагати къ месѧцио. глаголють римлане. прилаганіи же ради межю
конецъ и началомъ прилагати. и не ббо висекость. тезоимен'я вина: —

О полѣмъсѧци:

Коегождо месѧци. три⁶имать праздники. калан'ды. ионы. идѣсь. л. 319 об.
И ка[ла]панды ббо шброкosa и рѣша. ионы не ивлѣнъ бгогу. идѣсь же
Дыеви. ико же рече [Ю]вюдіи въ первѣмъ словѣ. сказанія своего.
И каланди. ббо глаголахъ wt калара. сирѣчъ кыпѣти трѣбищем. или
wt з'ваніа въ жер'твы. сирѣчъ wt каландора. еже есть привати.
ка[ла]ри бо wt нихъ глаголются звати. Тѣмъ слѣги жречьскыя. калары
затаори зваахъся wt нихъ. имъ же посылаеми wt жречь. призывахъ народы
на жер'твы. Или wt калонъ. сирѣчъ wt дрѣвній римлане. еже жрети каларе.
еже бни ливаре нарицаахъся. таковыя жер'ци⁷ прїиманіе. иже wt нихъ
чистительскихъ книгъ. ико же рече обрѣтеся. wt и[н]тера каларе.
еже знаменастася еже изврѣщи. ико исполненъ сѣцъ новѣ месѧци. ико же
между сѣціимъ прїишедшіимъ месѧцемъ. и приходящаго первого месѧца.
день. Тѣмъ и пять днѣвъ избыточень лѣта. исполнеліи же wt нихъ
интер'каларе глаголахъся. и межю кон'ца полагаются. и начало
лѣта знаменаетъ бо сѧ. каларе римъски⁸. еже и прилагати. им'же
прилагаюти и възлагаюти. прѣходящее лѣто. и прѣполоващъся. инъ-
тер'каларе. глаголют//сѧ wt нихъ. Такового бо знаменіе. прїиманіе л. 320
даютъ намъ. Ливій Андроникъ. много написавъ wt римланъ. каланди.
глаголются. или wt съгрѣванія трѣбищ или wt дрѣвъ или wt званія.
или wt жренія. или wt прилаганіа. и си вина. коегождо месѧца. но-
вомъ месѧцио каланы глаголати: —

^a Tr. же рѣчи.

О понъхъ:

Нони бо не явлен⁶ богъ⁶. ико же речено есть суть. Нони же суть пятый и седьмый день месяца. ж'рахъ же и в' томъ реченъмъ явлен⁶ богъ. ико же речено есть суть. нони же суть пятый. или седьмый день месяца. ж'рахъ же и в' том реченъмъ не явлен⁶ богъ. Нони же глаголются рек'ша аанава лѣна. сирѣчъ подъ девятимъ днемъ. и аанава лѣна 8бо се есть. Образъ лѣн'ни суть четыре. Первъ¹ же и новое глаголеться. месячны наричатся. второе прекрои. третіе есть обоямо гърабово. четвертое свѣтло. И первы¹ 8бо образъ до полѣсмаго днни и быти рѣша. в'торое же шт полѣсдаго. до третіаго на десяте. до пятаго на десяте. пятаго же на десяте речень есть свѣтлыи образъ. понеже 8бо нони. или пятаго. или седьмый день месяца с'рѣтають. тъгда же и новыи образъ лѣны. глаголемъ с'яч'ныи Того рад² и нони глаголются. аанава лѣна. сирѣчъ новыи лѣны. вина же глаголати.

л. 320 об. такого днне лѣны. есть таковъ// Глаголахъ бо нони. или в' пятаго. и в' 7 месяца бывати. И аще въ 5 ико быти идомъ месяца. въ третіе на десяте с'рѣтають. Аще ли въ 7 суть нони. такого месяца иди въ 15 причитаются. Ико шт всакого образа. шт нонъ до идь. девати днневъ быти. шт пятаго до третіаго на десяте³. деватъ есть днни. тѣмъ нони. Нони же римлане девятыи наричатъ. сіи нонъ готовословіе. а наволна бо. сирѣчъ шт новыи лѣны. манонадіе. еже сказвтса 9 день. Идѣсь же ико же рекохомъ. Діесови штлежать. приношаахъ 8бо Діесови. въ Каптолії жер'твы. пяткрати лѣну. сирѣчъ шт съвершенаго єѧ. рек'ше авесы рабынѧ. еже глаголеться древленіемъ изыкомъ римскімъ. ов'ча на жер'твѣ приносимъ въ тъ⁴ день Діесови. Нѣкій же рѣша аведись. сирѣчъ шт козлищъ. понеже и козлищи ж'рахъ. дрѣсій же шт кѣмирскихъ. въ п'яснехъ поющіихъ. по реченныхъ жер'твахъ коегождо имати идѣси. или въ 13 или въ 15 8вѣдѣль еси 8бо идѣсь готовословіе. ибо шт съвершена. аще ли же въ лѣнѣ. или шт идола. Еже есть ико же речено есть овча. рек'ше жер'тва изыкомъ латинскімъ. или шт едеръ. сирѣчъ шт козлищъ. или шт идѣ ч. 8вѣждъ:

л. 321

Образъ правыи непорочныи христіанскыи вѣры:

Вѣрю 8бо въ единого штца. нерождена. и въ единого сына рождена. и въ единъ духъ святыи исходацъ. Три⁵ съставы съвершены мыслены раздѣлыми числомъ. и съставлены⁶ми свойства. а не божествомъ. раздѣляютъ бо сѧ нераздѣлно. и съвокупляются безсъмѣщен'но. Штецъ бо единосъственъ. штесь присно сы прѣбываа въ отечествѣ. нерожденъ беззначаленъ. начало и вина всѣхъ. единѣмъ нерожденіемъ. разнѣствѣа шт сына. и шт святаго духа. И еже быти штецъ. шт него же 8бо рождається сынъ. прѣже всѣхъ вѣкъ. Исходить же духъ святыи безлѣт'но. бесплотно. кѣпно бо штецъ. кѣпно сынъ. кѣпно духъ. Сынъ тоже сѣщенъ. сынъ единосъщенъ. и събеззначаленъ родителеви. рожствомъ тѣчію разнѣствѣа шт отца и шт святаго духа. Духъ тоже сѣщенъ. духъ святыи штцю и сыну. единосъщенъ и съпринособъщенъ. имѣа 8бо всѧ отча. и сына развѣ нерожденіа. ничимъ же разнѣствѣа. или по исходѣ. Об'ше бо тремъ божество. и божествена естьства свойства. коегождо же свое. отче 8бо штчество. сына же въсыненіе. святаго же духа исхоженіе. [Н]и штецъ бо въ сыну или въ духъ прѣходит. ни сынъ въ штца. или въ духъ. // въ сына или въ штца. Неподвиж'на бо естьства. богъ 8бо въ истинѣ съмыслѣ. шт три коегождо. о себѣ размѣваемаго и наприцаема. Богъ бо съвершеннъ. отецъ. и богъ съвершеннъ сынъ. и богъ съвершеннъ духъ святыи. Не троє бози. единъ бо богъ. понеже едино божество въ трехъ лицѣахъ същественныхъ. не естьствомъ различающесѧ

⁶ Бенешевич предлагає исправить в «нони бо не явлены богу» в соответствии с Овидием.

⁵ Тр. на поле вставка и ш семаго до пятаго на десять.

ни мъстом. Идже бо штепъ тѣ и сынъ и духъ. идже бо сынъ тѣ и штепъ и духъ. идже бо духъ тѣ и сынъ и отецъ. Просто же реци троици покланяюся въ единствоѣ и въ единствоѣ троицы. Единство трисъставно. и троицу единосвѣтнѣ и единомощнѣ и единочестынѣ едино бо исповѣдаю святыа троицѣ. Томъ божество. едино есество. едино свѣтво. единѣ силѣ. единѣ власть. едино господство. едино царьство сю единѣ вѣдѣ. присно свѣтъ нерожденѣ. беззначалнѣ несть зданї. невидимѣ неисписанѣ. неразмысленї. непрѣдѣлнї. неизмѣннї. непрѣложнї. бесъмертьнѣ негыбающї. бестрастьнѣ. всѧ сътворицѣшю. и съдержающю и промысленю. небо же и землю и море. и всѧ иже въ нихъ видимыхъ же и невидимыхъ. шт пебытїа произведнї. Вѣрхю не быти свѣтствомъ // коемъ ждо злѣ нѣкакомъ царьство. или беззначально. или о себѣ ставшемъ. или шт бога бывшемъ. Нѣ нашемъ дѣлѣ быти семѣ. и непрѣзиненѣ шт невѣри[я] приступающї к нам. а не създавшаго. въ шобраз божественны сътворшаго и. създанъ бысть человекъ. сирѣнь самовластенъ. къ добрышомъ или къ горшемъ. прѣвращенію особы. испытаваш и къ томъ привода. завистю бо. и прѣльстю дѣволею прѣльщенъ. и къ прѣстѣпленію поданіа емъ. божественны заповѣди. шсобы прѣшедъ. въ кѣшь шт прѣблаженыа. и раискаго житїа изгнанъ бысть. въ смерть и въ т'лю в'пад'. и рабъ прѣстѣпника бывъ. нѣ того не прѣѣ зиждитель божія слова мѣчима. за мицжество же наче человеколюбїа благоизволивъ. волею штца и духа свое спаси създаніе. не євою божественою силою. на мѣчащаго прїа. нѣ ирем прав'ды. и прѣмѣдростю шобразомъ. что вѣбо се. само прѣвѣчно слово. шобраз древнаго своего шобраза. неподвижимое знаменіе. неизмѣнимы капъ. божія и отча заповѣди сынъ. въ послѣднїа вѣбо времена вѣка сего. по наречении вѣбо святыхъ. шт отечь иадъ. єтнiodѣ же не остби//съшед. л. 322 об. и девическю єтробѣ. девы рождаша съхраны. нетлѣннї. несѣмѣщеніе ни съмѣщеніе ни прѣмѣненіе. не пострадавъ. нѣ прѣбывъ еже бѣ. въ высотѣ божественаго достоинїа. и къ своему штцѣ. рожствомъ бысть его же не бѣ. прїимъ рабии аракъ. истину а не привидѣніемъ. по всемъ кромѣ грѣха. наимъ подобенъ бывъ. сынъ бо быти божію. господѣ Icус Христѣ. томъ же и сынъ девица Маріа. того же и 'того рад'. богогородицю въ истинѣ. вѣрѣмъ. и глаголемъ съѣмъ. вѣчна того и врѣмен'на. създана того и не създана. страстина того и бестрастьна. съмертьнаго и бесъмертьнаго. бога того же и человека всего того же. не иного и иного. нѣ того единого прѣжде въплощенїа. и по въплощенїи. едини съложеніи съставъ. того же въ дѣвѣ съвершонѣ естьствъ. и въ дѣвѣ естественою естествѣ. и въ дѣвѣ естественою. волю и дѣтелю. обѣма по съставѣ. бединенома. не прѣложнно. не съмѣденно. скажемаго. того же волею хотѧша. и дѣюща человеческая. ико человекъ. не естественнымъ бо нѣжам повиненъ бѣше. волею бо родисѧ. вѣлею вѣзалка. волею єстрашиса. волею // см'ре и въ истинѣ. не призрачно. л. 323 всѧ естествена и непорочна. страсти человечества. рани же и провертѣніе гвоздіи прїимъ. да покажетъ вѣркшотѣ непрѣложнно. въ единено съчетаное. беззначально. и страстю бестрастіе. и видимымъ невидимое. и нетлѣнн'ымъ^a бесъмертьное. Симъ вѣбо страшнымъ и неизаречен'нымъ съмотреніемъ. прѣльстивъ премѣдреника. и крѣп'каго єдержавъ. и державъ его раздрѣшивъ. шт работы его человека избави. и еже на^a божественаго закона дѣлгъ. за ны штдавъ. шт клятвы свободи. распень же сѧ и смерти в'кѣси безъ грѣшнаго до ада съшед. и окованыа шт вѣ раздрѣпъ. и третій день вѣскресь. своей плѣти невѣдѣщи истрѣлїа. человеческое свѣтво нетлѣнн'но сътворивъ. и бесъмертьно вѣскреси. и на небеса съзвѣздъ. скѣде одеснѹ штца. Придеть же пакы съ прѣславнымъ его пришествіемъ. сѣдить живымъ. и мертвымъ. ико же и вѣзнеса съ своею плѣтию иживъ сѧ. шт прободышїихъ его и штдаа комѣждо

^a На дважды.

по своемъ дѣлѣ. Въскресиѣт бо мертвіи. и въстанїт иже въ гробѣхъ.
л. 323 об. и сътвор'шемъ бѣ блага съ правою вѣкрою. // идѣтъ въ животъ вѣч'ныи
въ радостъ. ико аггели. съ аггели. и истин'аго свѣта наслаждающеся.
Сътвор'ше иже зламъ и вѣрѣ штвртгъше. въ мѣкѣ вѣчнѣю. К' сим едино
крещеніе исповѣдаютъ. водою же и духомъ. приходяю къ пречистыимъ
тайнамъ. вѣрѣ имъ. истин'омъ быти. тѣлѣ и крови нас радъ въпльщъ-
шагоса божія слова. и дав'шаго вѣрніемъ. въ браш'но и пите. въ
оставленіе грѣховъ. Прѣмлю всѧ церковнаѧ прѣданія. написаныи и не-
написаныи. прилагаю покланяюся. и ч'тѣ всестынии образъ. человечъ-
скаго тѣлесе божія слова. помазанаго божествомъ. и бышаго непороч'но.
еже помазаною вѣрою не п'їша. того видѣти плѣти юльша бoga.
и съ человекы пожив'ша и видимою плотию мое спасеніе съмотрив'шаго.
Покланяюся дрѣвѣ животворящаго креста. священныи же сосдомъ
и честныи мѣстомъ. и божественнымъ церквамъ. и божіамъ священными
книгами. зане въ рѣкотворенныхъ настѣ ради пожити извольшаго. и своимъ
божественнаѧ словеса. плѣтъсъ ми написати // человеколюб'но повелѣв'-
шаго. Ч'тѣ и покланяюся. иконѣ пречистыя богородица. и всѣмъ честь-
ннымъ. дрѣгъ божіи. и въгодникъ иконамъ. зане къ единомъ естествомъ
покланяемомъ бозъ. люб'ве радъ. душеваки очи възвыша. къ перво-
въображенномъ зракѣ. и недовѣщи ваповъ. и начертани поставля ѿмъ.
люблю и цѣлю. И покланяюся святыи мученикъ. и всѣхъ святыи
мощемъ. ико швятованю. шт бoga благодать пріимъшемъ. тако вѣрѣю.
тако съмыслию. и Хрестъ крестих'са. и всїхъ дов'лѣю. И всѣмъ ересямъ
началникъ и всѧ съмыслища съ ними. и едино разм'ны всѧ ереси
их и злобм'я. бѣгаю же и проклинаю. и гнѣшаюся. прiemлѧ и цѣлѹ
святыи и великии. и всѧ вселеныи. б съборъ: —

1. Первый въ Никеи святыи 300 и 18 отецъ. събралысѧ на Аріа
раздѣлив'шаго божество. на три^и не свою. и южда. и сына създана
и основателя. и сътворена проповѣдав'ша. и единомъ нероженомъ.
божество неправед'но написав'ша. И того прокленъ съборъ. Едино-
чаднаго же. сына божія бoga истин'на. единосѣцьна родителю. и
л. 324 об. събезночална. и всѣмъ съдѣте//ла проповѣдав'ша: —

2. Вторыи въ Костантинѣ градѣ. святыи 150 отецъ. съѣпльшихъ
са. на Македоніа духобор'ца. създаны быти духъ святыи. похѣлив'ша.
и того прокленъ. Духъ же святыи отцю и сыну точно съчетанъ. и
единочестенъ и единосѣченъ. имъ же съвер'шаемъса и освящаемъса.
и всѧ исполняються. зиждема начинъ: —

3. Трети въ Ефесѣ. первѣ святыи 200 отецъ на Несторіа челово-
векослѣб'ника. събралысѧ. раздѣляющаго. и единочаднаго сына бо-
жія. на два^и състава. и на два^и сына и Христа. и богочудотворица деви-
чицааго гласа штм'тающеса. И того прокленъ. Единъ же съставъ сло-
женъ. въплощшагоса слова божія. И того единаго сына Icusa Christa.
прѣже всѣхъ вѣкъ. шт бoga и штца рождена по божеству. и въ послѣдниа
дни. шт девы Marіa рожьшася. по человечеству проповѣдавъ: —

4. Четвертыи въ Халкidonѣ святыи 600 и 30 отецъ. съѣпившисѧ
на Евхаха. и Диоскора. и Севира. съмѣщеніе и размѣщеніе въводящемъ.
и единомъ быти естьствѣ. плѣти и божеству неразм'но прѣщемъса.
л. 325. и страстью еди// почадаго божествено естьство л'жесловашемъ. Єв'тхъ же
к'сим пріатѣю шт Marіa девица плѣть. единосѣцьна паче матери. мѣдръ-
ствовав'ши. И сихъ прокленъ. господа Icusa Christa. исповѣдавъ един-
ного того. единочадаго вѣдою естьствѣ. несмѣщен'но. непрѣлож'но.
нераздѣл'но. неравлѣно. сказаюма. ник'де же естьствѣ различію штѣтъ
въ единеніи радъ. прѣбывающъ же паче свойства. коегождно естьства и
въ едино лице съриющъ сѧ сына. въ единъ съставъ. и пріимшю плѣть
върѣснотѣ. шт девы Marіa. имѣти единосѣц'нъ материна плѣти: —

* Цифры здесь и далее на поле.

5. Пятыи събравыисѧ пакы въ Царьскѣмъ градѣ святых 164 отець. на повелѣніе блажества Аригенова, блажшаго быти душамъ и построеніе сѣда. И того прокленъ. исхѣни душѣ и тѣло проповѣдати извѣщъ. и вѣчномъ быти. по господню вченію. блажшаго сѣда исажденіе: —

6. Шестыи въ Царьскѣмъ градѣ събравыисѧ святых 285 отець. и на Сергіа. и Кура. и Макаріа. начальникъ единомъ волѣ ересы. въ проклѣтіе вложивъ. и двѣ¹ естьственѣи воли. и двѣ² естьственѣи дѣтѣи Христовѣ. заповѣдавъ

Скоро реци. // пріемлю всѧ священныи съборы. иже по божиѣ благо- л. 325 об. дѣти на всѧко врѣма. и на всѧкомъ мѣстѣ. на извѣщеніе благочестія и євангельскаго житія събравшасѧ. иже святамъ съборнаи и апостольскаи церкви прїа. апостольскыи и съборныи повелѣнїи. и правилымъ заповѣдемъ покаралъся. и еже штрече штрицаю. и прокляниаю. Первое Симона вѣл'хва. и вѣл'шественамъ глашениа. и гѣбительства и прочее емъ алѣ вѣзникъша вченники. Увалентина раздѣляющаго единаго на два¹. и иного благосудѣтела рек'ше. и глабинѣ и мълчаніе и басненыи вѣкы. Маркишна. и штъ съставныхъ и штъ численныхъ его богъ. Монтана и лѣкавыи его духъ женьскыи неистовъ. съвешию его и т'моу. навата и гърдости его. и въ глаголѣхъ чистотѣ и безѣмїе. непріемлюще покаянія по крещеніи. Савелія и раздрѣшеннѣ его. и съмѣщеніе. и мицество. три² въ единомъ. слагающѣ. иль не въ трехъ. състав'ныхъ. едино пріовѣщающѣ. Павла Самошатъскаго. иного быти господа Icуса Христа назарѣтина. и иного штъ бога отца рождешасѧ глаголюща. Петра Кънаѣка. и штъ не/го приложеніе. къ тре³святѣи пѣсни аловѣїа. Сихъ л. 326 начальныхъ ересы. и единомыслящимъ съ ними. и ереси ихъ и зламъ вченія проклинаю. ихъ же именовахъ ихъ же неименовахъ. противъ мыслившимъ. или мыслящемъ. Правѣи непорочнѣи правовѣрныхъ вѣрѣ. славѣ въслаемъ прѣсвятѣи. и единосѣчили покланяющи троици отцѣи и сыни и святыи духъ. нынѧ и присно и в'ѣкы вѣкомъ. Аминь: —

Пресо⁴ таго штца нашего Аѳанасія архіепискупа. Александровскаго. къ Антиохѣ кнѧзя. и множаишіхъ. и пѣждынныхъ възисканій. и божественныхъ писаніяхъ. невѣдомыхъ. и штъ всѣхъ хрестіанъ. вѣдати дѣлъжныхъ вѣпрсс.

Въпрос 1^a. Вѣровав'ше и крестив'шеся. въ троицю единосѣщи. и глаголющѣ богоу быти и отцю. также и богоу быти Христуо сынѣ его. также и богоу быти святыи духъ. тако не глаголемы ихъ 3 богы. иль единого тѣчію бога. И аще единомъ покланялемъся. ико въ единомъ начало вѣрююще живоѣтвѣ. аще ли три² пакы богы. авѣ бо ико елинискы. многобожество въводающе. а не единомъ богъ благочестиво покланяющесѧ: —

Отвѣт. Непрѣльно слово и образъ благочестія // вѣрою единому. л. 326 об. а не изобрѣтеніемъ познаваемыи ч'томъ. богъ бо постигаемъ икѣсть богъ. аще бо агель. или своихъ человеческихъ душъ. създаниихъ сѣціи. постигти или исписати не можемъ. кол'ми наче тѣхъ всѣхъ. Твор'цю подобаетъ быти непостиж'вѣ. тайна бо сказема. никако же есть почиодитисѧ. не тако хрестіанъскыи вѣра и тѣхъ тресъставныи богъ. ни единъ есть съставъ человекообразенъ. ико же елинискыи дѣти баснѣствютъ. ни пакы трои бози икѣacci. штъ себѣ растоящесѧ. да не бѣдетъ елиниска баснословїа. Нераздѣлно бо въ трехъ съставѣхъ. единаго сѣціства божество. Обаче вѣдѣти подобаетъ. ико 8бо ни глаголь ни помышленїи постигнѣти. или сказать что божества. 8мъ человеческъ не възможетъ. Вси бо елико бога потъщаши постигнѣти. свойствѣнъ постигнѣти. и елико ихъ что штъ избыт'ка божіа. въсхотѣша реци. безд'иамъ крити. своею гърѣстію потъщаши. и елико ихъ въ глабинѣ въмѣнишиасѧ въ непрѣзинены ересы. прѣвратишиасѧ отецъ бо и богъ. не ико же

^a Въпрос 1 на поле.

аазъ създанъ есть отець. и родивъ. ико же аазъ създана сына. ни сынъ //
л. 327 ико же всѣхъ пльтьскии бысть сынъ. ни духъ святыи. ико же человечъ
описаний духъ. И въ неизреченъ на мъ и несказанъ на мъ. святыя троица есть
тайна и не р'ци како. паче бо еже како. сего же не р'ци кымъ обра-
зомъ. паче бо образа. божественныи образъ: —

О възбраненіи женитвахъ. 1^а. Съближ'иес имѧ есть рожъственое.
раздѣляет же сѧ на три¹. на въходящаа. и сходящаа. и шт срѣды.
И въсходящи сѣть. на сърдѣщес. ико се єбо отець и матери. дѣдъ.
баба. и сихъ выш'ши. Съходящи же шт на сърдѣщес. сънъ.
и д'щи. и сынов'ное сихъ нижениихъ. шт срѣды же. ни на сърдѣщес. ико же
брать сестры. тет'ка. пет'я сестрич'на. братъ чадъ братъ на дъци. шт
сихъ с'ходящихъ. кынждо чиль. сърод'ства. различныи имать. и много-
образ'ныи степени. иль на въходящихъ и исходящихъ. простѣше и нѣкако.
и ёдально постиженіе степени. коеждо подобно таковыхъ лицъ. радъ
съвершает. и просто. елико рожъства. толико и степени. люткише же
и нѣдобъ постижимо есть. шт срѣдніихъ степени. обрѣтенія. подобаетъ
бо намъ. не абио тещи. // къ лицу еже шт на станы нъ первѣ твори въходъ.
на въходящаа. дондѣже поставимъ. иль на томъ вин'номъ роженїа. иже
шт на страны по сем се² обрѣт'шемъ. сънти. на възискаемое лице шт
на страны. и тако ищести роды събирающаа. се єбо на въходъ. ово же
на съхоженіе. кынждо бо родъ. въ свои сѣчи исчиставаа степень. твори
число. и на съходящихъ єбо добъ се. ико же сънъ мои коего есть
степене. азъ родихъ. се единъ родъ единъ степень съверши. ёто³ не
перваго ли есть степене. в'иѣкъ коего. азъ родихъ сына. сънъ виѣка.
се два⁴ рода два⁵ степени съвершиста. то не в'иѣкъ ли втораго есть
степене. то еже и на прочее. и на прав'нѣча. и шт правиѣчате. тако же
и на въходящихъ. отецъ коего есть степене. мене роди отецъ. се
единъ родъ единъ степень съверши. ико єбо первого степене есть. дѣдъ
коего. мене отецъ роди. отца дѣдъ. се два⁴ рода два⁵ степени съвер-
шиста. есть єбо дѣдъ втораго степене. тоже и на матери и на бабѣ.
и на всѣхъ въходящаго мѣжъска пола и женъска. а еже шт на станы на

л. 327 об. тѣхъ. ико же речено есть. подобаетъ въходить // на винѣ сърод'ства лица.
роды чѣщемъ. и пакы сходить причитающиимъ роды дондѣже прїидемъ на
лице о немъ възисканіе. аще бо кто та въпроситъ. братъ коего есть
степене. глаголи. в'тораго. чесо радъ⁶ въходитъ къ штцю. Се единъ
родъ шт отца на тебѣ. единъ степень съверши. по сем понеже обрѣте
вин'ное рожъства лица. съниди къ братъ. приложивъ с'де дрѣгыи род.
се два⁴ рода два⁵ степени съвершиста. то не добрѣ ли. речено есть.
ико братъ втораго есть степене. пакы аще та кто въпросить. стрѣли
коего есть чинъ. глаголи ико третіаго. нѣжда бо ти въходитъ на своего
штца. и глаголати. ма роди отецъ. отца дѣдъ. се два⁴ рода. Ты же
дѣдъ моего стрѣля роди. се трѣ роди. трѣ степени съвершиша. ико
третіаго ми степене есть стрѣли. сице и на прочіихъ. Томъ же вънемлѧ
канонъ. можеши постигнѣти степень: —

2. Възбраняющиимъ женитвы. повелѣваемъ сице. На въходящихъ
єбо и исходящихъ. въ бесконечное бракъ възбраненъ. аще не шт законъ-
наго бѣдѣтъ брака. Не можетъ бо кто поити своеа бабы. ни в'иѣкы. или
л. 328 об. естественныи сѣть. или творимыя. Аще и паче творе//нѣ раздрѣшиа.
образомъ самовластія. да скрамлѣть же сѧ. или нынашніимъ или дрѣв-
ніимъ дѣло нареченіемъ: —

3. И между же шт на страны лица. естество нѣкое възбраненіе брата
моего или сестры моей д'щерь поити на бракъ незакон'ю; —

¹ Здесь и далее номера глав — на поле.

² Так в рукописи.

4. Нъ ни тѣх в'нѣчате, аще и четвертаго бѣдет степене. шт него же степене могът поимати на бракъ. Тако же и д'щерь стрѣл или тетыкъ. сирѣч брата своего. нъ ни сынъ мои виѣкъ их. иже глаголються шт обою братѣ: —

5. Нъ ни штна. ни матерна тет'ки. аще и сѣть творимыя. понеже матеръ чинъ имѣть. и како съключаетсѧ быти ти творимѣ тетыкѣ. ико же дѣдъ мои иже къ штцю имѣа сына моего штца пріа деву нѣкѣю на сътвореніе. и мои сбо штепь звашеть ю твореною сестрою аз' же тет'кѣ: —

6. Тако же ни великия тет'ки могъ поити. сирѣч дѣда моего сестрѣ. аще и творима естъ. понеже бабы чинъ имать: —

7. Сѣть нѣкѣи не закона ради¹ сърод'ство. свойства же не проходаще. приближеніе бо есть свойство лицъ. шт брака пам съставлено. сърод'ства кромѣ Ико же // се не могъ поити своею правиѣка. или сиѣхъ. и правиѣка сбо есть. шт иною дочере и виѣка и правиѣка. подрѣжіа моего. сиѣхъ же сына се виѣка. и правиѣка моего подрѣжіа: л. 329

8. Ни теща своея. ни мачехы своея. им'же матеренъ чинъ имѣть: —

9. Ни д'щере штлѣч'шам ми сѧ жены. по штлѣченіи рожьдышасѧ шт иного мѣжа: —

10. Ни штна ни братна обрѣченица. аще и не посагоша за на. ико же и сътворивыи самовластью ея творимаго сына. ово же мачехы. ово же снохи чинъ имата: —

11. И рожденцы штепь не поимает. блѣдно рожденыя своея д'щере. родом бо праведное и лѣпое. въ женитвах съмотритьсѧ. сїи раби и съродъствѣ приближеніе: —

12. Не тѣк'мо отца моего. нъ и дѣда моего. и прадѣда подрѣжіе. мачеха глаголеть. и възбраню си поитію. аще и многи имѣ отецъ мои. ни единъ иже шт них поимѣ: —

13. Теща есть мати и баба. и прраба подрѣжіа моего. Ни единъ иже шт них поимѣ. ни матере ипогда быв'ши обрѣченица моя бысть бо. теща. ни жены когда правиѣка моего: —

14. Ни мачеха поимает бывшаго къгда пра/виѣкы своея мѣжа: л. 329 об.

15. Правиѣкоо сестры своея. не могъ женитися. родителю бо имамъ к'неи чинъ. Ни д'щерь правиѣки^a моа не поимѣ: —

16. Въ женитвах не тѣк'мо повелѣнаго. нъ и благолѣнаго възискаем: —

17. Эѣт блѣдорожденіа сестры никто же поимает: —

18. Ни творимыи штепь творимаго сына д'щере или виѣкы: —

19. Ни творимыи сынъ творимаго штца матере или сестрѣ ея. или сынов'ни виѣкѣ: —

20. Не в лѣпотѣ жена посагает. за штна въспитанаго. аще и штдастъ словеса: —

21. Ни отецъ приставника. ни съставныи его брат. можетъ прѣти сирѣю: —

22. И приставникъ д'щере. или имѣнїа. подлежить въз'браненію. дѣлженъ бо есть штдати словеса и перазлич'но. аще и многое нѣкое. гонить та лѣто. или малое: —

23. Творими¹ сынъ. не может подрѣжіа творимаго штца поити. аще и не прикасается рода их: —

24. О прѣлюбодѣнїи жены. оглашанъ бывъ. не можетъ ю оженитися: —

25. Жельныхъ и не жельныхъ. мѣжъ подрѣжіа. въз'браняется въ жельное врѣмѧ посагати: —

26. Въсъхтивы¹ девѣ. или вдовицѣ. не можетъ ю оженитися ни съвѣщающѣ отцю ея и штпѣщающѣ прегрѣшенія: —

^a Пра написано дважды, первое зачеркнуто киноварью.

л. 330 27. Пріемлами ѿбо шт святаго крещенія к'ю не можетъ ея послѣдъ на бракъ // привести. ико же д'шере своеа быв'ши. ни тож матерे ли д'шере ея п'яни сынъ мои ея: —

28. Понеже ничто же. иного можетъ въводити. штечъскаго съвѣщанія. и праведнаго брака. въз'браненіе. ико таковама съвѣза. ею же богъ прѣполовацъ. душа ихъ съчетаваються: —

Сѣт иного закона: глава. о въз'браненіи женитвъ: —

Възбранена же есть. елико ихъ шт святаго и спасенаго крещенія. между собою въединишася. сир'къ въспрѣмны шт своеа д'шере. и тож матерѣ тако же и сынъ его. шт таковыа д'шере. и шт таковыа матерѣ. и елико ихъ шт крове. сърод'ства между собою. знаются. сир'къ родителе къ чадом. братія къ сестрам. и тѣхъ чада. глаголеми братъ чади. и шт тѣхъ раждающеися дѣти. тѣкъмо и шт женитвы сказаими и ближници. отецъ къ вѣкъ. тесте къ сноскѣ. правиѣкъ къ мачестѣ. брат къ сноскѣ. рек'ше къ женѣ брат'ни. Тако же и отецъ. и сынъ къ матери. и къ дщери. два¹ брата двѣ² ма сестрама. къ тѣмъ всѣмъ лицемъ. ни обрѣченію бывати: —

Сѣт просвѣщеніи прѣсвятаго патріарха. канонъ 9: —

Апостольскомъ и божественомъ канонѣ чиститела быти начинаяющіихъ. вѣкрыи съграждающимъ или невѣрии прѣобидѣвшимъ. въ штѣчесл. 330 об. вѣ влагаем. иже своею мыслѣше въ го//дити гиѣвъ. и апостольская заповѣди прѣдающе. своима рѣкама быти въспрѣша. ни канонѣ ни таковомъ назнаменоющѣ. и правомъ словъ сего рад³ разѣмъ повелѣвающѣ. Сѣе бо въ истинѣ и зѣло врѣдно. своима рѣкама вънегда быти. три⁴ жды или четырежды бив'шѣ. Сѣтѣчти воли же подаемъ. быти шт повѣклепія. люто и до смерти мѣченіе възрадища. прѣзрѣти не мѣчима. тѣмъ ѿбо каноны и еже быти просто мѣчащемъ. и мы ѿбо тако съпричиють. Подобаетъ бо божія чиститела. ёчиненіемъ и вѣѣтомъ. еи церковныи⁵ запрѣщеніи. не чиновнаго наказати. иже не ранами ни бѣніемъ. па человечьскаѧ телеса нападати. аще ли иѣци бѣдѣть. отинѣль непокорящеся. сихъ къ призываюю мѣстныхъ князь. ни единъ же възбраняеть наказывать. Ибо въ Антиохії пятаго събора канонъ. плюющюща. и въстаніе на кръвъ въводяща. виѣш'нею рѣкою. оправи⁶ обращати: —

О епископѣхъ и о мniskхъ. Глава 1: —

Елико имѣ епископъ. прѣжде епископія. дарѣть и раздасть ико же л. 331 хощеть. не тѣкъмо иже и съвѣщасть // о нихъ. Елико же притажа по епископіи. церкви его подобаетъ. да ни съвѣщанія положить на нихъ. аще не шт родитель ѿбо. или шт строевъ. или шт братія его. къ немъ прѣкідетъ: —

Глава 2⁶. Хотай вънити въ манастырь. да съвѣщасть иже о себѣ. прѣже въхода своего. зане извѣститься манастыреви. вси иже въ немъ. Аще не ивѣк рече въ истинѣ емѣ. и къ томъ да не бѣдетъ ни по единомъ же образѣ господь имъ: —

На дѣтей единствовавъ. можетъ и по единствѣ. раздѣлити имѣніе. свое своимъ дѣтемъ храня себѣ единѣ часть. иже и манастырю подобаетъ. Аще ли безъ съвѣщанія ѿм'реть. тѣгда дѣти его пріимѣть себѣ съвѣщанія. сир'къ девятю часть и прочее дастъся манастырю: —

Сѣт манастыря прѣхода въ инъ манастырь. отпадаетъ своихъ вещей. и не прѣять бывъ: —

⁵ Далее шправи зачеркнуто киноварью.

⁶ Глава 2 на поле.

О поставленїи епискупъ. и м'них:

Клирици и первій града прѣдъ лежащемъ святымъ евангеліемъ. прѣдъ треми лицами причетъ да творять епискупомъ клен'шемса. икою не дарованія ради. или иною иѣкоторыя радъ вины изъбраша а. ить вѣдуще ико сбще съборныхъ церкви. и правилнаго житія. и въ тридесатилѣтъ. ико ни подрѣжія ни дѣтій имѣша. Аще ли имѣша подрѣжія. едино // отъ л. 331 обѣдѣства. вѣдѣша а не вдовица ни съчетавшіася съ мѣжемъ. нѣ и канономъ и законѣ не штречено:

О строенїи пресвятаго престола. Костянтина града. святаго и всемъ вселеныхъ. въ Хал'кіонѣ събора канон:

Аще кто къ епархіскомъ митрополитѣ епискупъ и клирикъ распѣрю иматъ. да постигаєтъ или начальника строенія. или царьскаго Костянтина града престолъ. и прѣдъ тѣмъ да притться:

Начальника строенія. зоветь патріархъ. коегождо строенія. подъ нимъ иже тоа епархіа бываетъ. митрополит Рече ѿбо канономъ. ико цркви съ своимъ митрополитомъ. епискупъ ли клирикъ. коегождо строенія. да постигнетъ патріарха своего. Аще ли сего не вѣскощеть. власть имѣти къ Костянтина града. или прѣстолъ его же строеніе. ни единомъ же иѣкѣ патріархъ подано есть. ни отъ святыхъ канонъ иже проповѣдаша всемъ вселеныхъ. святіи събори четыре. ни отъ благочестиваго закона:

Того же святаго събора. канон 17:

Аще кто швидимъ есть. отъ своего митрополита. прѣдъ начальникомъ строенія. или прѣдъ Костянтина града прѣстоломъ да пратъся. ико же прѣже речено есть:

Причетъ того же святаго събора // чести радъ того же престола:

Весьде святыхъ отець заповѣдіи вѣслѣдѹюще. и нынѧшній про

ченіи канонъ. 100 и 50 боголюбивыхъ епискупъ. съѣзжайшихъся. въ благочестивю память. великаго Феодосія. бывшаго цара въ царьскѣмъ Костянтионѣ градѣ. новѣмъ Римѣ. сказающе тоже и мы заповѣдаемъ и причитаемъ:⁶

О чести пресвятыхъ церкви тогоже Костянтина града новаго Рима:

Ибо прѣстолъ старѣшаго Рима. зане царьствовати градъ томъ. штди въ правдѣ штдаша честь. и тѣмъ же съмотреніемъ. подъиг'шеся. 100 и 50 боголюбивихъ епискупъ. равнѣю честь подаваахъ новаго Рима святомъ прѣстолѣ. ѩдѣль сѣдив'ше. царьство и склінтомъ. почтеныи градъ. и равнию вспріимати честь. старѣшимъ царьскыи Римомъ. и въ церкви ико же и много величати вѣщими. вторыи по немъ сѣць. и ико Ион'тискомъ. и Асіискомъ. и Фрачъскомъ. състроенію. митрополитомъ единѣмъ. еще и въ варваръскихъ. прѣже реченныхъ строеніихъ. епискупы поставляти. отъ пресвятаго престола. иже въ Костянтини градѣ пресвятыхъ церкви:

Подобаетъ вѣдѣти ико того радъ въ торю Костянтина града церковь нарече. понеже тогда // и старѣшіи царьствоваще Рим. аще ѿбо ико же рече святыи сїи съборъ. зане царьствовати старѣшомъ Римъ отци честь томъ подаша. съ единѣмъ благоволеніемъ божіемъ. съ царьствующимъ градомъ. въ правдѣ тѣ нынѧ честь прїа:

Подобаетъ же вѣдѣти. ико причетъ съ непріатенъ бѣдет. отъ блаженаго папежа Л'ва. тѣгда стараго Рима престолъ правящаго. Ни съѣща на се. святомъ въ Хал'кіонѣ съборѣ. нѣ и вѣсниса къ съборѣ. ничъсоже такова прїати емъ. ико по поповленіи двои вѣрію. когда сѣщаго епискупа Костянтина града. Анатолію томъ быв'ш. Тѣмъ и не вѣснис-

^a Последнее и на смытомъ Ѣ.

⁶ На поле киноварью Доссда.

саша в'томъ причет съще обрѣшиися съ соборѣ епискуни нѣкіи. ико же рече. таковыи причет. зане царствовати старѣищемъ Римѣ. честь емъ штдаша святіи отци. иъ съвѣти изначала. шт божіа благодати. степене ради вѣры. Тоє же реци верховномъ шт апостолъ Петрѣ. ико шт господа Ісуса Христа. самого глас слышав'ше. Петре любиши ли ма паси ов'ца моѧ. часть варившіихъ въ чистителех чинѣ и первое скдалище притажи. аще бо ико же рекоша. прѣдълежашее слово състроишише. зане царствовати старѣиши Римѣ. и честь притажати.

л. 333 Нынѣ же Костантину градѣ царствющи тъ¹ наслѣди честь: —

Вѣсто да есть ико и въ Медиоланѣ и въ Равени въ градѣ цареве сѣдоша. их' же полаты. и до нынѣшняго дыне стоят. И не того радъ градомъ тѣма честь. подана бысть. ибо чистительского чинѣ честь и вареніе. не шт мирскыя благодати. иъ шт божественаго из'браниа. и шт апостольскыя области поченъ бысть. Аще бо святіи штци градъ Іерусалімъ. царя радъ царствующіихъ бога господа нашего Ісуса Христа и прѣкѣтю его страсть почести хотѧще. митрополіа честь емъ ѣтвердиша а не патріаршескаго строенія подаша. не възмогъше штложити прѣдѣла. иже истин'ніи вѣры проповѣдници положиша. Како есть мощ'но цара ради земленаго. божественныя дары и апостольскыя чести прилагати. и испороч'ныя вѣры обнавляти повѣлѣнїа Неподвижими ѣбо до скончанія суть. старѣищаго Рима чести. тѣмъ ико же и начина. всѣхъ церковь. въ святыхъ всемъ вселеныхъ съборѣхъ. Того святитель чести радъ. не нѣдѣться съходиться. безъ съвѣщенія же того. ико ми посланыи шт него сѣйшъ под' прѣстоломъ его. // всѧ вселеныхъ съборъ не бываше. и еже самъ ѣправляша начинати въ соборѣ. Аще ли ико противъ швамлються сѣйшъ словъ. ико же не такомъ въ сихъ бывати. хотя и да испытаетъ писаное. шт того же прѣблаженаго папежа Л'ва. Маркіанъ и Пльхеріи. въ кончишъ благочестивыи ма. еже и къ реченои епискупъ Костантину града. Анатолію. и шт тѣхъ истинъ да ѣвѣсть: —

Книги первыя написаніа шестаго: —

Да держатъ церковній канонъ. всѧкомъ обновленію празднѣ сѣці. по вѣт'хомъ обычай и въ всемъ или Римъсткѣ. а аще ли о ико двоѣ вѣрствуютъ. на томъ мѣстѣ сѣщей. ничъсоже да не въображаютъ. развѣ епискупа церкви. Костантину града. и събора его понеже старѣищаго Рима строенію. и Костантину града ѣтвердися: —

Подобаетъ вѣдѣти. ико Илліріесцки всѣи епискупіи. под' Римъскимъ прѣстоломъ суть. обаче ѣбо толико власть Костантину града. пода прѣстолъ всечестынъ законъ. ико ничъсоже заповѣдати развѣ его. о церковнѣхъ строеній въображати: —

Въ Иллірісткѣ того же повелѣнїа. шестое на десѧте: — //

Бывающа въ мѣченіе зиновово. шт первыхъ царьска повелѣнїа. о чистителехъ церковнаго строенія. повелѣнїе ѣтвержаша перва обновлает и рече. Прѣже честити прѣстолъ святыхъ церкви Костантину града. наче инѣхъ всѣхъ престолъ. и прѣже скдати всѣхъ епискупъ. и прѣподобномъ емъ патріархъ: —

Того же повелѣнїа 24 Епифанію. пресвятому архіепискупу. блаженаго града. и всемъ вселеныхъ патріархъ: —

Всѣхъ церковныхъ веци. изрѣд'но подобныи пресвятѣй велицкіи. церкви блаженаго того града. нашей и всѣхъ матери. иже глава есть ико мѣхъ всѣмъ творяще помышленіе повелѣваемъ: —

Перваго повелѣнїе второе шт новыхъхъ: —

Епискупомъ же въ царскыи градъ ико же речено есть. приходящемъ. какого ѣбо ради строенія. прѣже всѣхъ ити къ прѣблаженому архіепискупу Костантину града. и патріархъ. и такого ради къ нашей ходити тихости: —

Книги едипы на десѧте. написаніа повелѣнїе первое: —

Костантинъ градъ. не тѣк'мо италийское. иъ и того старѣищаго Рима. да имат строеніе: —

Книги первыя въводимаго закона 11: —

Ико на сёдиц'ныхъ ѿтвреженіихъ. держа//пцимъ въ Константи^к л. 334 об.
градѣ. обычаемъ подобаетъ ипкъ епархіамъ быти. глава бо есть вскъмъ
царськи. и подобаетъ емъ обычаемъ его вскъмъ вѣслѣдовати: —

Ѳ^а епискуп'ехъ. Поставляемыи епискупъ. образъ вѣры первѣ да
подастъ. свою вѣру. и да поставленъ будеть. Еда извѣщаеть молитвы.
еда кленеться пичьсоже подати. ни обѣщатися ббо подати комъ за по-
ставленіе. Аще ли что паче. реченоаго будеть. тогда бывши епискупъ.
и поставивши его ис' церкви изгнанъ будеть: —

Аще оглашанъ будеть. хоти поставленъ быти. ико неподобень.
да штѣченъ будеть поставленіе. и да произидеть испытаніе. пришед'ши
против'и. или штешд'ш мкне трїи месѧцъ. да вѣз'браниться постав-
леніе. И аще обращется поставленыи повиненъ. по законѣ или по
канонѣ. да вѣз'браненъ будеть. Аще ли не повиненъ явиться. то постав-
ленъ будеть. аще ли поставленъ будеть чрѣсть речена. и самъ поста-
вивши. исъ церкви изгнана будета. Аще ли оглашеникъ пришедшъ не
покажеть. иже извѣсти или штешель будеть. аще ли кли/рикъ есть.
ис' церкве изгнанъ будеть. аще ли простецъ. въ правдѣ да наказанъ л. 335
будеть:⁶ —

Ѳ[ѣ]млъ съ изждею противныхъ шправданіа. на осуженіе его про-
стирающа. аще сїа ѿстроить готово. и развѣк шложеніе ремен'ными
ранами. да наказанъ будеть. Аще ли не поставить или злодѣиствѣть.
ико на мысливъ сїа. аще ббо прѣпира. ѿпадеть сїа. Аще ли
прѣпираемъ. любо черьма притажданіе. т'щетоу да прїиметь". //

И въздразити шт въздраствшихъ емъ злюславіа могли штрицаніа. л. 335 об.
не вѣмъ обаче принесе к'ниги. подобааше бо ико единою паченою на-
чен'ша чистительскою печаль томъ держатися. с'здравіемъ духовнымъ.
и ико противъ съодѣтия трѣдомъ. и поть възмездныи волею прѣтер-
пки. Понеже единою немощ'на имѣща. показа себѣ. се пострадавъ шт
безвѣществіа паче или лѣности постави изжданъ. ваше богочестіе благо-
боизнаваго и богочестиваго брата нашего и епискупа: Феѡдора пек-
щася церковью. Не подоб'но бо бѣк шб'довѣти еи. и безъ наставника
съвершати спасителева стада. Понеже оубо приде слеза ве града дела
ни церкве. проса съ помѣненымъ богочестивымъ епискупомъ Феѡдоромъ.
проса же аби епискупъская чести и званіа. Съблѣпствовахомъ вси
съ стар'цемъ и общымъ быти помыслившіе слезамъ его. пот'щаомъ сѧ
швѣдѣти аще ѿтвреженіе закон'ное прѣтерпѣ помѣненыи сирѣчъ пѣкъми
злыми обличенъ бысть шт пѣкъныхъ поблѣдѣшиимъ его въспріатіе.
И аби швѣдѣхомъ ничъко же съдѣявъша такового ббо. паче же быти по-
мѣнено // мѣ въ прѣгрѣшеніа мѣсто штрицаніе. Тѣмъ ни нашего благо- л. 336
честія порекохомъ поставльшомъ подоб'и. на томъ же мѣстѣ помѣненаго.
благобознаваго епискупа Феѡдора. понеже безъ вѣществіемъ мѣжа не
скло сварити лѣпо паче помиловати стар'ца кромѣ града родившаго.
и отча житіа въ долгихъ лѣтахъ. сице бывша Оправдихомъ и заповѣ-
дахомъ безъ всѣкого прѣкословіа. имѣти емъ имѧ тѣгда епискупъское.
и честь и общеніе. сице ббо ико не поставить емъ. ни церкве по-
стигшіе слѣжити шт своею власти и аще съвѣспріата. или повелѣ-
ваема. аще ключиться братомъ и епискупомъ по съвѣтѣ и по люб'ви
еже в Христѣ. Аще ли что помыслите потреб'нкѣ се или пынѣ. или л. 336 об.
еже по семь годѣ будеть и се святомъ съборѣ^г. //

^а Киноварю добавлено той же рукой Се писати.

^б Киноварю на поле той же рукой Досѣда.

^в Статья оканчивается угломъ внизъ в середине страницы.

^г Статья оканчивается угломъ внизъ.

Максима исповѣдника сказаніе хитро. о чювствѣх телесных и в душевнѣмъ свойствѣхъ ихъ. еже въ сиѣ истицаніе. по вещи. и чресть вещь:

Четырме дѣлесы душа ѿскверняется миихъ. хоженiemъ въ градѣ. и неснабдѣнiemъ шипымъ имѣнія. и не снабдѣнiemъ штильдьного разбма съ женою. и имѣнiemъ любви съ славными. и любленiemъ бесѣдъ плотскихъ. и свѣтныхъ словес: — Четырми дѣлесы тѣменъ бывает оумъ черныцъ: ненавистю дрѣг дрѣга. похлѣнiemъ. рвенiemъ. злословесіемъ: Четырми дѣлесы пѣста бывает душа миихъ. не молчанiemъ. и трѣда нелюбленiemъ. потѣнiemъ плотнымъ: и скѣпостію: Четырми дѣлесы възвижется блѣдъ черныцъ. Иденiemъ до сиости. несытнымъ спанiemъ. праздными бесѣдами. оукрашенiemъ ризымъ. Четырми дѣлесы гнѣвъ възвижется. даюти. и взимати. створеніемъ своею волѧ. и ѿчиti всѣхъ и мнѣтиса самомъ [мъ]ѣдрѣ. Четырми са нравы. снабдит душа милость къ всѣмъ. не гнѣватися. терпкнѣ бога радъ. и не ѿѣжати никого же: —

Того же святаго Максима сказаніе въ образѣ грѣховнѣмъ:

По четыремъ образомъ всѣхъ грѣхъ бываетъ. 1. по невѣжествѣ. 2. по напраснѣствѣ. 3. по нѣжи. 4. по любви. **[Толкование]** По невѣжествѣ еже ѿ простыни неученыи человекъ: // створить грѣхъ. за мѣлии оума его. и поразѣмъ и немъ. а еже **по напраснѣствѣ**. рекше внезапѣ въ часѣ времени. створится грѣхъ. а прежде ни помысломъ. не пророчилъ. семъ сѣдъ и милость: — По нѣжи же еже бѣдою неволновою приклѣщень. створить грѣхъ. семъ казнь по съ милостію: — По любви же грѣхъ. иже прежде грѣха хотѣлъ въ ѿмѣ и проискивалъ. и съ творилъ его съ любовью. и по грѣхѣ паки тоже мыслит. и колико времѧ тако преображеніе не каюся. Се^и есть тѣжкии смертныи грѣхъ. Се^и мѣ по правиломъ церковнымъ казнь: — еже по вещи:

* Чти разѣмнѣ и да оувѣси истиниа много бо возисканіа требѣ на приятъ дѣховъномъ разѣмѣ кими дѣлы бозѣ оугодимъ покаемъ ѿтъ грѣхъ и живи бѣдемъ въ бесконечныхъ вѣки*.

Сотъ медвении глаголеться въ немъ же суть клѣтыца въ образѣ грѣху приимемъ егда по вѣщи то являемъся аки сладко егда ли чрестьво горько*. //

л. 337 об. Еже по вещи. Или тща медоу сѣть. рекше. дѣла же творять. помыслъ семъ едини чаша пельна на ѿспѣхъ. молитва 1.

Иже аще имѣть то^и непотребентъ и бесласти аки и воск створить слѣпотѣ. Семъ три чаши пельна. молитва 3.

Или имѣщамъ оуже и съѣдѣшъ сѧ бѣдеть родъ. и створить свѣщаціе Семъ 7 чаша пельна Молитва 7.

Или ѿтнѣдь имать плодъ знаменія свершена. сстворить дѣла Семъ и лѣто и трѣдъ седмерицею. Молитва во инѣ.

А иже сѣть чресть вещь.

Или тща оустрѣмлениа и пострѣканїа молитвы двѣ^и. молитва въ ѿмѣ.

Или смѣшение и слѣпленіе. молитвъ 6. молитва износима.

Или ссѣдшеся аки свѣщиціа. молитвъ двѣ^и седмѣ. пощеніе ѿтильдь всѣмъ и пеприопшиеніе.

Или скончана аки дѣла. молитвы многосгѣбны. оставленіе дѣла и не приощеніе на долзѣ.

Хитрость исповѣданія.

Или вещью изливается безъ движанія и безъ мечта ико же и ина облишья. молитва 1. поклонъ 15 до 7: —

Или ѿтъ оуможенія браженнаго и питія: молитва поклонъ 30. Смотри разѣмнѣ и внимай:

Или ѿтъ тщеславія и осѣженія. молитва 3. поклонъ 45: —

Или не исклѣженъ помысломъ. молитва. 3. поклонъ 45: —

в-в В левой таблице.

б-б В правой таблице. Конецъ фразы въ таблице не читается, восстановлен по рукописи Рогожск. 257, л. 544.

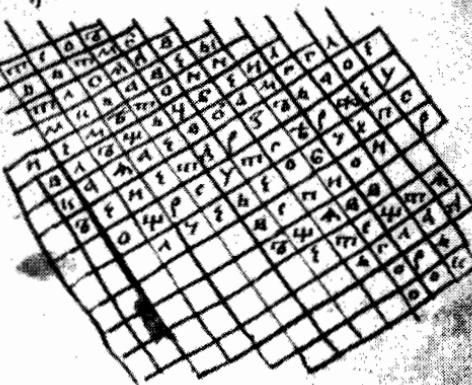
створи грѣхъ въмѣшъ оумѣго. и сторѣзъти
штѣмъ. дѣлоподѣлъ и ст҃вѣдъ рѣшилъ
погасить ормснѣ. творитъ грѣхъ. дѣлоподѣлъ
помыло. не приотѣлъ. Сѣмъ сѣдѣй матъ:

ПОДЖИСАДѢБОЮ НЕВОЛНОГО ПРИѢБ
ЧІНЪ. СІПА СІП. СІМІДІНІА ГОСУМАЛІІ:

ПОЛОВАКАСАДѢБОЮ НІРІСІРІА ХОТІВЪ ВЪ УЛІ,
ПРОІСКІВАДѢБОЮ ЛІССО СІЛЮБОВІЮ. И
ПОГРІВІВАДѢБОЮ ПОЛІСІЛІ. НІСОЛІСІВРІЛІ ПАКО
ПРЕДІМІСІДАСАДѢБОЮ СІГІЛДІКІНІ СІЛІГІНІ
ПРѢХ. СІМЪ ПОГРДІВАДѢБОЮ ЦІКОВЫІ КАЗНЬ:

СІГІЛДІКІНІ:

го	бо	ла	бо	и
міо	во	лѣ	бу	и
імо	зі	ми	ро	вѣ
спін	сі	ім	ам	а
спін	ам	мѣ	мѣ	чны
чуб	иа	зѣ	го	іа
чуд	тер	ра	на	иско
іѣ	зѣб	мѣ	сімѣ	вѣ
зім	га	то	са	мѣ
аз	тер	зі	шер	да
ір	ім	хо	хѣ	зѣ
чіп	чів	са	на	ви

Рогожский список кормчей, л. 337

Left Table (И Р С О columns):

- Column I:**
  - и вицько
  - и вицько
- Column R:**
  - и вицько
  - и вицько
- Column S:**
  - и вицько
  - и вицько
- Column O:**
  - и вицько
  - и вицько

Right Table (А И С columns):

- Column A:**
  - и вицько
  - и вицько
- Column И:**
  - и вицько
  - и вицько
- Column С:**
  - и вицько
  - и вицько

Рогожский список кормчей, л. 337 об.

иако ско- мандруо- всѧко губръ- тъи	иако и бѣлъи сдѣлъ спѣши тъи въпѣ- тии	иако поганъ въпѣ- тии	иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии
иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии	иако въ- пѣтии

338 3
дѣланіе въ оправданію, иако въ

тѣло въ оправданію. дѣланіе въ

иако въ оправданію.

дѣланіе въ оправданію. дѣланіе въ

иако въ оправданію.

дѣланіе въ оправданію.

Или свѣщаніемъ подвиженіа въ смѣ. молитва 7. поклонъ 105: —

Или отъ похоткнїа. и свѣщанія. молитва 7. поклонъ 105: —

Или отъ зависти бѣсовъскїя. молитва 4. поклонъ 15: —

Хитрость исповѣданія. Дѣша тричастьна есть. словесна. гнѣвна. похотна.

Словесно же по естествѣ же движимо помышляетъ добромъ. ико богъ съ всѣмъ благотворитъ. отъ естества же подвижимо помышляетъ злѣмъ. добромъ. винчикалъ тварь.

Гнѣвъ же по естествѣ подвижемъ отъ бѣсовъ страстями вжижается: отъ естества же подвижемъ на свое родное гнѣвается: — Ико егождо по сихъ пати ради чювствъ къ смѣ възводитъ. отъ него же преиминиска суть. къ пріятію краситься ико се по естествѣ или отъ естества подвижимо: —

Похотъ же на естество подвижемъ. походить небеснымъ и къ инѣмъ же идеть. Отъ естества подвижемъ добрѣшилъ блудеть ико же похотъ и пребывающа внимає пагбнамъ.

Ико же еже очима отъ видкнїа. и си по восхищенію или по наказанію. А еже паки ѿшами слышанія радъ. или по въсхыщенію или по наказанію. а еже ѿсаніемъ. отъ прікосенія. или по въсхыщенію или по наказанію:

Еже ноздрьма ѿбонїа ради. или по въсхыщенію. или по наказанію. А еже вѣшнїя радъ то отъ вѣшнїя или по въсхыщенію. или по наказанію: — //

л. 338 Или отъ итьна сѣть и хѣже сѣдатся къ преложеномъ. и пожадаютъ и бывають слѣки. или ико и слѣкы сѣдаться и заповѣдаются по временному пребыванія. или сложеніемъ запрѣщаются. и не приобщени пребывають. или еже къ собѣ пребывають. обычай и страсть приобычно и си же паки илъ по привидкнїю. заблѣжшемъ. или къ другомъ. пребывает. и бываетъ отъ неволнаго волною с прибычноемъ дѣло. или же ико не къ собѣ ни ко иномъ но ко коемъ же свершаем. по схыщенію бо въ за едино. патыхъ. чювствъ и есть отъ сего сѣдити или осѣжати пребывающи въсхыщенію. или по чювствомъ мечти. и иже по неистовомъ помыслѣ. и отъ чювствъ листимъ и отъ дрѣгихъ. и еже помечтомъ въ дрѣгихъ а по помыслѣ. врачевство или въ собѣ молитва ово же и оумъ сбирающи или отъ призывающи сим а еже въ дрѣгихъ. или отъ несбѣхъ смысланѣ.

О егождо пати чювствъ ико раздѣлъ имать. или по въсхыщенію видить или къ собѣ. самъ привъхватить та и не пребываетъ и бѣдетъ не волно. или по въсхыщенію обонѧть или по въсхыщенію вѣситъ. или и по въсхыщенію прикоснетъ. или по въсхыщенію оуслышитъ. и коегождо паки или къ другомъ не пребываетъ. и есть къ томъ не волного. или ѿбонїа. или слѣха. или вѣска. или ѿсанія призирается. Се же въ инѣхъ но въ нас. иже сочетавати.творитъ молитвы 3. Аще прельщаетъ единомъ оумъ есть. ни про вольшествѣ. паденіи ближнемъ. и ономъ же створитъ 3 лѣпо есть. молитвы. Ово отъ предѣланія. чювственныхъ. обученій. аще ли же отъ своихъ. чюжака помышлающимъ. съ послѣженію свершити заповѣдь. Аще ли иже инѣхъ. или волею. или не-волею. буѣдѣти хощемъ. бываємъ и опѣхъ: —

Ико же сѣть по приснѣмъ. и иже по сномъ. и си же всѣмъ. Иже по привидкнїю. или особѣ. иже ѿсобѣ по привидкнїю. врачевство бдающимъ не помышлати сихъ. ико же отъ неволны. и молитвѣ створить 1. ико аще и сквернью призорство бѣ. А еже отъ предѣлнаго. видкнїа ближнѧ. и молитвѣ свершатъ достоинѣ: —^a

^a Текст на лл. 337 об.—338 въ рукописи въ таблицахъ. Киноварь въ таблицахъ въ изданіи не выделяется.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СБОРНИКАХ «СЛАВЯНСКИЙ АРХИВ», «СЛАВЯНСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ» И «СЛАВЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ» *

СТАТЬИ

- М. А н д р е с в. Является ли «Закон Соудный людъмъ» древнеболгарским юридическим памятником? «Славянский архив», 1959, стр. 3—22.
- Г. К. В е н е д и к т о в. Об одном болгарском календаре на 1846 год (К описи болгарских початных книг периода Возрождения). «Славянский архив», 1962, стр. 75—83.
- А. П. К а ж д а п. К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне. «Славянский архив», 1959, стр. 23—29.
- Г. В. К и с е л е в. К характеристике революционного мировоззрения К. С. Калиновского («Сведения» В. Ф. Ратча как исторический источник). «Славянское источниковедение», 1965, стр. 36—52.
- В. Д. К о р о л ю к. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. «Славянский архив», 1958, стр. 5—18.
- П. Ф. К р а п и в и н, Ю. И. Ч е р н е ц к а я. О рукописях и изданиях первого Литовского статута. «Славянский архив», 1959, стр. 46—56.
- Л. П. Л а п т е в а. Acta consultatoria Bohemica. «Славянский архив», 1958, стр. 19—30.
- Л. П. Л и х а ч е в а. Болгарское воззвание «К христианству» (1876 г.). «Славянский архив», 1962, стр. 84—94.
- Г. М. Л ы з л о в. Состоялось ли посольство В. В. Унковского на Украину в 1651 г.? «Славянский архив», 1961, стр. 3—9.
- И. С. М и л л е р. Пропагандистская деятельность Н. П. Огарева в 1863 г. и Бернская типография (Новые данные из архива Балашевича—«Потоцкого»). «Славянское источниковедение», 1965, стр. 53—81.
- А. С. М ы ль н и к о в. Идеально-политические предпосылки зарождения национально-просветительской идеологии в Чешских землях. «Славянское возрождение», 1966, стр. 3—47.
- Е. П. Н а у м о в. К вопросу о датировке некоторых сербских грамот второй половины XIV в. «Славянский архив», 1962, стр. 3—27.
- Е. П. Н а у м о в. Кем написано второе житие Стефана Дечанского? «Славянский архив», 1963, стр. 60—72.
- С. А. Н и к и т и н. Данные русской переписи 1879 г. о численности и национальном составе населения болгарского города. «Славянское возрождение», 1966, стр. 83—103.
- С. А. Н и к и т и н. Паисий Хиландарский и современная ему южнославянская историография. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 3—15.
- А. А. Н и к о л с к а я. Болгарские революционные прокламации 60-х годов XIX в. «Славянский архив», 1961, стр. 10—29.

* Указатель составлен Е. П. Наумовым.

- В. В. Ниякий. Кому и кем написано письмо «Зманчевича»? «Славянский архив», 1962, стр. 59—74.
- Н. М. Пашаева. Отражение национальных и социальных противоречий в Восточной Галичине в 1848 г. в листовках Русского Собора. «Славянское возрождение», 1966, стр. 48—62.
- О. И. Подобедова. К вопросу об изучении миниатюр исторических летописей как источника для истории лицевого летописания. «Славянский архив», 1963, стр. 12—28.
- Б. С. Попков. Историческая концепция Иоахима Лелевеля в оценке польской шляхетско-буржуазной историографии. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 16—35.
- И. Г. Сенкевич. Из истории освободительной борьбы в Западной Македонии и Косове в 1878—1881 гг. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 82—108.
- Н. Тодоров. Ярмарка в городе Хаджиоглу-Пазарджик в 70-х годах XIX в. «Славянский архив», 1963, стр. 116—139.
- С. А. Токарев. Проф. Иован Цвиич (К 35-летию со дня смерти). «Славянский архив», 1962, стр. 95—116.
- В. М. Фоменкова. Статуты Казимира III как источник по истории аграрных отношений в феодальной Польше. «Славянский архив», 1963, стр. 29—59.
- М. М. Фрейденберг. «Новиградский сборник» как источник по социально-экономической истории Хорватии. «Славянский архив», 1962, стр. 28—58.
- М. М. Фрейденберг. О формуляре нотариальных актов из Трогира. «Славянский архив», 1963, стр. 3—11.
- В. И. Фрейдзон. О Белградском «комитете» М. Бана (1860—1861). «Славянский архив», 1963, стр. 100—115.
- К. В. Хвостова. К вопросу о терминологии летописи попа Дуклянина. «Славянский архив», 1959, стр. 30—45.
- В. М. Херолина. Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875—1876 гг. «Славянское возрождение», 1966, стр. 63—82.
- В. М. Чернов. Можно ли считать доказанным, что Литовскийstatut является источником V и IX глав Соборного уложения? «Славянский архив», 1963, стр. 73—99.

ОБЗОРЫ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

- А. Д. Бачинский. Сербы и болгары в Усть-Дунайском Буджакском казачьем войске. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 132—137.
- С. Б. Бернштейн. Тайное болгарское общество «Искра», 1892 год (По материалам Одесского областного архива). «Славянское источниковедение», 1965, стр. 166—171.
- С. П. Борброва, Г. И. Липатникова, А. Е. Москаленко. Ценное пособие (А. Д. Люблинская). Источниковедение истории средних веков, Л., 1955). «Славянский архив», 1962, стр. 117—127.
- Ю. В. Бромлей. Ценные источники по средневековой истории словенского крестьянства (Обзор публикаций М. Коца «Srednjeveški urbarji za Slovenijo»). «Славянский архив», 1959, стр. 81—93.
- И. Ф. Бэлза. Вторая тетрадь дневника Елены Шимановской. «Славянский архив», 1963, стр. 152—158.
- С. И. Бэлза. Брюсовский перевод «Гимна» Словацкого. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 146—149.
- С. А. Виноградов. Из истории славяноведения в России в XIX—начале XX в. (Обзор документальных материалов). «Славянский архив», 1961, стр. 30—40.

- А. И. Виноградова. Публикация архивных материалов в Словакии. «Славянский архив», 1959, стр. 350—353.
- Е. И. Демина. О лингвистических изданиях памятников письменности. «Славянский архив», 1963, стр. 196—202.
- М. Дидаикин, З. Н. Стракалова. Из истории русской лексикографии («Лексикон полонославенский» 1670 г.). «Славянское источниковедение», 1965, стр. 124—131.
- И. С. Достяи. Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским. «Славянское возрождение», 1966, стр. 104—116.
- Т. Е. Зюзина. Новые документы по истории сербской социал-демократии. «Славянский архив», 1962, стр. 171—178.
- Т. Е. Зюзина. Сборник документов и материалов «Профсоюзное движение в Сербии (1903—1919)». «Славянский архив», 1963, стр. 187—195.
- И. А. Калоева. Публикация архивных исторических материалов в Федеративной Народной Республике Югославии (1945—1955 гг.). «Славянский архив», 1959, стр. 173—187.
- Г. В. Киселев. По следам одного письма Н. П. Огарева и А. И. Герцена (Из истории русско-польских революционных связей). «Славянский архив», 1963, стр. 159—164.
- Л. С. Кипкин. Корреспонденция Бедржиха Вацлавека. «Славянский архив», 1962, стр. 187—192.
- Л. С. Кипкин. Чешские и словацкие автографы в архиве И. И. Срезневского. «Славянский архив», 1962, стр. 159—170.
- В. Н. Кондратьева. Болгарские прокламации 60-х годов XIX в. «Славянское возрождение», 1966, стр. 151—160.
- В. Н. Кондратьева. Данные о торговле Боснии и Герцеговины в 1866—1869 гг. «Славянский архив», 1961, стр. 41—50.
- В. Д. Королюк. К вопросу о посольстве в Москву от запорожского гетмана Петра Сагайдачного в 1620 г. «Славянский архив», 1958, стр. 34—38.
- В. Д. Королюк. Малопольский исторический журнал. «Славянский архив», 1959, стр. 343—344.
- В. Д. Королюк. Словарь славянских древностей. «Славянский архив», 1959, стр. 344—346.
- И. И. Лещинская. Отражение истории Хорватии и Славонии первой половины XIX в. в письмах Людовиту Гаю. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 150—165.
- Л. В. Милов. Новое исследование о Законе судном людем (Венелин Ганев. Законъ соудный людъ. София, 1959). «Славянский архив», 1961, стр. 51—62.
- Е. П. Наумов. К вопросу о подлинности некоторых сербских грамот XIV в. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 114—123.
- Е. П. Наумов. Ценные материалы по истории возрождения Сербского государства. «Славянское возрождение», 1966, стр. 117—119.
- С. А. Никитина. Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии. «Славянский архив», 1959, стр. 126—138.
- С. А. Никитина. Новые работы о водяных знаках в Югославии. «Славянский архив», 1958, стр. 31—33.
- А. И. Озолина. «Гуситские сочинения Будишинской рукописи» как источник для изучения социально-политических требований и тактики бургерской оппозиции в гуситском революционном движении. «Славянский архив», 1959, стр. 57—80.
- П. Н. Ольшанский. Новые документы о русско-польских революционных связях. «Славянский архив», 1959, стр. 94—115.
- П. Н. Ольшанский. Последняя рукопись Валериана Лукасинского. «Славянский архив», 1958, стр. 39—75.
- Н. М. Пашаева. Неизданная переписка Д. И. Зубрицкого. «Славянский архив», 1962, стр. 179—184.

- Н. М. Пашаева. Рукопись Сикста из Оттерсдорфа — ценный источник по истории восстания чешских городов 1574 г. (Sixt z Ottersdorfu. O. po-kójení stavu městského leta 1547. Praha, 1950. «Odkaz minulosti české», sv. 13). «Славянский архив», 1961, стр. 64—73.
- Л. В. Румянцева. Новый источник по экономической истории средневековой Польши. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 109—113.
- Г. Э. Санчук. «Общегосударственная выставка исторических документов» в Чехословакии. «Славянский архив», 1959, стр. 346—350.
- Л. Н. Смирнов. Антон Бернолак. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 138—145.
- К. Л. Струкова. К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в. «Славянский архив», 1963, стр. 184—186.
- К. Л. Струкова. К истории русско-болгарских отношений в 1876 г. (Материалы о деятельности Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте). «Славянский архив», 1959, стр. 116—125.
- Н. Тодоров. К вопросу о городской бедноте Шумена в середине XIX в. «Славянское возрождение», 1966, стр. 120—122.
- Н. Филионенко-Алексеев. Важный источник по социально-экономической истории Словакии XVI—XVII вв. «Славянский архив», 1962, стр. 132—158.
- В. М. Фоменкова. Интересное исследование (А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955). «Славянский архив», 1962, стр. 128—131.
- М. М. Фрейденберг. Новый памятник по истории средневекового хорватского города. — «Славянский архив», 1963, стр. 140—147.
- В. И. Фрайдзон. Корреспонденция Рачки-Штросмайер как источник по истории Хорватии второй половины XIX в. «Славянский архив», 1959, стр. 139—172.
- В. И. Фрайдзон. О жизни и деятельности Евгения Кватерника. «Славянское возрождение», 1966, стр. 139—150.
- Т. В. Цибьян. Русский перевод ценного источника по истории Дубровника. «Славянский архив», 1963, стр. 148—151.
- Г. П. Чеканова. Карел Гавличек-Боровский и царская цензура. «Славянский архив», 1963, стр. 165—175.
- И. Чуркина. Публикация документов по истории Любляны. «Славянский архив», 1963, стр. 176—183.
- И. В. Чуркина. Югославянские стипендиаты Славянского учительского института в Петербурге (1866—1882 гг.). «Славянское возрождение», 1966, стр. 123—138.

ПУБЛИКАЦИИ

- А. Д. Бачинский, М. Д. Диахан. Помощь ученых Новороссийского университета освободительному движению на Балканах (1875—1877). «Славянский архив», 1962, стр. 247—255.
- Н. П. Борик. Неопубликованное стихотворение Т. К. Венгерского. «Славянский архив», 1959, стр. 195—198.
- Н. П. Борик. Неопубликованное стихотворение Фр. Карпинского. «Славянский архив», 1959, стр. 188—194.
- В. А. Борис, И. С. Миллер. Воззвание к крестьянам Э. Дембовского. «Славянский архив», 1961, стр. 88—160.
- В. А. Борис, И. М. Нифедов. К жизни и деятельности Юлиана Госляра. «Славянский архив», 1959, стр. 224—283.
- М. В. Булыгина. Автографы Костюшко в Государственном Историческом музее в Москве. «Славянский архив», 1962, стр. 203—206.
- В. Р. Варик. Универсал польского короля Яна Казимира, 1656 год. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 172—175.

- Г. К. Венедиктов. Летописная заметка в одном новоболгарском дамаскине XVIII в. «Славянский архив», 1961, стр. 74—76.
- Г. К. Венедиктов. Неизвестный список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. «Славянский архив», 1963, стр. 203—214.
- С. А. Виноградов. Документы о научных и культурных связях России с лужицкими сербами во второй половине XIX—начале XX в. «Славянский архив», 1962, стр. 262—285.
- С. А. Виноградов, Е. П. Наумов, Г. П. Чеканова. Из переписки Вука Караджича с русскими учеными. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 180—207.
- И. А. Голубцов. Две неизвестные грамоты из переписки царя Алексея Михайловича с гетманом Богданом Хмельницким в 1656 г. «Славянский архив», 1958, стр. 76—87.
- Н. П. Жуковская, А. Е. Шнейдер. Записки Боголюба Каталиничча о военно-политическом положении в южнославянских землях в 1869—1870 гг. «Славянский архив», 1961, стр. 215—236.
- Н. П. Жуковская, А. Е. Шнейдер. Листовки Московской секции Польской социалистической партии — левицы. «Славянский архив», 1959, стр. 321—329.
- А. А. Зайцева. Неопубликованные письма Я. Коллара. «Славянский архив», 1959, стр. 199—206.
- В. И. Злынцев. Неизвестные письма Ивана Вазова. «Славянский архив», 1961, стр. 240—257.
- М. Ильин, В. Д. Королюк. К поездке Любора Нидерле в Россию в 1893 г. (Неопубликованное письмо Л. Нидерле А. К. Жизневскому). «Славянский архив», 1963, стр. 252—255.
- В. Г. Красев. Вук Караджич и Россия. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 208—228.
- Г. В. Киселев. Важный документ по истории польской революционной мысли второй половины XIX в. «Славянский архив», 1962, стр. 256—261.
- Л. С. Кишкун. Из переписки чешских «будителей» с русскими учеными-славистами. «Славянский архив», 1961, стр. 77—87..
- Л. С. Кишкун. Письма Ф. Л. Челаковского к И. И. Срезневскому. «Славянский архив», 1963, стр. 228—234.
- Л. С. Кишкун. Три письма Й. В. Сладека. «Славянский архив», 1959, стр. 306—320.
- И. Ф. Kovalev, Г. М. Наспер, А. Д. Павлюков. О помощи России южным и западным славянам в получении образования. «Славянский архив», 1961, стр. 200—214.
- И. В. Коzymenko. Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» (1845 г.) как источник. «Славянский архив», 1958, стр. 127—260.
- В. Н. Кондратьева. К истории австрийской экспансии на Балканском полуострове в XIX в. «Славянский архив», 1962, стр. 207—214.
- В. Д. Конобеев. О плане вооруженной борьбы Г. С. Раковского в Болгарии в период Крымской войны. «Славянский архив», 1959, стр. 330—342.
- И. И. Костюшко. Крестьянское движение в Царстве Польском в 1861 г. «Славянский архив», 1959, стр. 284—305.
- И. И. Костюшко. Новые материалы о крестьянском движении в Царстве Польском в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. «Славянский архив», 1958, стр. 88—126.
- Г. В. Краснов. Письма Ксенофона Жинзифова к Н. В. Гербелю. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 229—233.
- А. С. Мыльников. Документ «славянского семинара» И. Добровского. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 176—179.
- А. С. Мыльников. Новые автографы деятелей чешской и словацкой культуры XIX в. «Славянский архив», 1959, стр. 207—223.
- С. А. Никитина. Новые данные о биографии Л. Каравелова. «Славянский архив», 1963, стр. 235—236.

- С. А. Н и к и т и н. Описание экономического состояния юго-восточной части Болгарии в 30-х годах XIX в. «Славянское возрождение», 1966, стр. 161—203.
- И. Д. О ч а к. Новые материалы В. Пелагича. «Славянский архив», 1958, стр. 270—302.
- И. Д. О ч а к, Д. Ф. П о п л ы к о. Новые данные о связях сербского революционера В. Пелагича с Россией во второй половине 60-х годов XIX в. «Славянский архив», 1961, стр. 161—199.
- Б. С. П о п к о в. Иоахим Ледель и русские ученые (Новые материалы из советских архивов). «Славянский архив», 1963, стр. 215—227.
- Д. Ф. П о п л ы к о. Письма В. Пелагича к А. А. Майкову (1880—1886 гг.). «Славянское возрождение», 1966, стр. 233—248.
- Д. С. П р о к о ф'е в а. Письма Ю. Крашевского В. В. Стасову. «Славянский архив», 1962, стр. 215—223.
- Д. С. П р о к о ф'е в а. Три письма Казимежа Тетмайера. «Славянский архив», 1961, стр. 258—271.
- Е. И. Р я б о в а. Автограф Станко Враза. «Славянский архив», 1958, стр. 261—269.
- И. Г. С е п к е в и ч. Новые документы об освободительной борьбе в Западной Македонии и Косове в конце 70-х—начале 80-х годов XIX в. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 262—284.
- И. Г. С е п к е в и ч. Новые материалы по истории южных славян (Из рукописного наследства М. А. Хитрова). «Славянский архив», 1963, стр. 237—251.
- З. Н. С т р е к а л о в а. Два письма королевы Бони из рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (тексты на древнепольском языке). «Славянский архив», 1962, стр. 193—202.
- К. Л. С т р у к о в а. Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов). «Славянский архив», 1963, стр. 256—285.
- К. Л. С т р у к о в а. Новые документы о положении в Ускюбском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов). «Славянское источниковедение», 1965, стр. 285—320.
- А. А. У л у н я н. Неопубликованные материалы по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 240—261.
- А. А. У л у н я н. Участие болгарского народа в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. «Славянское возрождение», 1966, стр. 222—232.
- С. М. Ф а л ь к о в и ч. Несколько документовпольской эмиграции, относящихся к периоду восстания 1863—1864 гг. в Царстве Польском. «Славянский архив», 1962, стр. 224—246.
- В. М. Х е р о л и н а. К истории русско-сербских революционных связей 70-х годов XIX в. «Славянское источниковедение», 1965, стр. 234—239.
- Н. И. Х и т р о в а. Документы по истории русско-черногорских связей в конце XIX—начале XX в. «Славянский архив», 1963, стр. 286—302.
- Н. И. Х и т р о в а. О попытке организации издания газеты «Вперед!» в Хорватии или Сербии. «Славянский архив», 1961, стр. 237—239.
- Н. И. Х и т р о в а. Письма Луки Вукаловича. «Славянское возрождение», 1966, стр. 204—221.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Указатель рецензий, отзывов и заметок о сборниках «Славянский архив» (вып. 1958, 1959, 1961, 1962, 1963 гг.). «Славянское источниковедение», 1965, стр. 3—1.
- Указатель рецензий, отзывов и заметок о сборниках «Славянский архив» и «Славянское источниковедение». «Славянское возрождение», 1966, стр. 249.

У К А З А Т Е Л Ь

РЕЦЕНЗИЙ, ОТЗЫВОВ И ЗАМЕТОК О СБОРНИКАХ «СЛАВЯНСКИЙ АРХИВ» И «СЛАВЯНСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ», ОПУБЛИКОВАННЫХ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

- «Romanoslavica», X, 1964, стр. 578—582 (рец. С. Янковича на сборник «Славянский архив», вып. 1962).
- «Romanoslavica», XI, 1965, стр. 370—371 (рец. С. Янковича на сб. «Славянский архив», вып. 1963 г.).
- «Библиографски вјесник», Цетиње, 1963, № 1—2—3, стр. 351 (заметка «Нови документи о Васу Пелагију у совјетским архивима» о публикации И. Д. Очака «Новые материалы В. Пелагича» в сб. «Славянский архив», вып. 1958).
- «Библиографски вјесник», 1964, № 1—2—3, стр. 267—269 (отзыв Н. о сборниках «Славянский архив», вып. 1958—1963 гг.).
- Газ. «Нова Македонија», год. XXII, № 6939—6942, 10—13 февраля 1966: Д-р Душко Константинов. Охридските револуционери обвинуваат. Голем судски процес во Битола 1881 година (рец. на статью И. Г. Сенкевич «Из истории освободительной борьбы в Западной Македонии и Косове в 1878—1881 гг.» в сб. «Славянское источниковедение»).
- Сб. «Славянская историография» (МГУ), 1966, стр. 26 (отзыв о сб. «Славянский архив» в статье И. М. Белявской и И. Д. Очака «Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке»).
- «Историја», Скопје, год. II, 1966, № 1—2, стр. 202 (отзыв Ш. Р. о статье И. Г. Сенкевич «Из истории освободительной борьбы в Западной Македонии и Косове в 1878—1881 гг.» в сб. «Славянское источниковедение»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
Глас САН — Глас Српске Академије наука, Београд
Глас СКА — Глас Српске Краљевске Академије.
ГСУД — Гласник Српског ученог друштва
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Споменик САН — Споменик Српске Академије наука, Београд
Споменик СКА — Споменик Српске Краљевске Академије
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
HZ — Historijski zbornik, Zagreb
Rad JAZU — Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti
ZHI — Zbornik Historijskog Instituta Jugoslavenske Akademije
ZR — Zadarska revija
-

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. П. Грачев (Москва). Термины «жупа» и «жупан» в сербских источниках XII—XIV вв. и трактовка их в историографии (К изучению политической организации в средневековой Сербии)	53
Г. Э. Санчук (Москва). Положение феодалов и крестьян по Законнику чешского короля Карла I	53
Л. В. Горина (Москва). Города болгарского Причерноморья в середине XIV в. по дневнику Антона Барбери	72
Е. П. Намов (Москва). Вторая Архилевицкая грамота как исторический источник	84
О. Неделькович (Белград). Знаки ударений в средневековых сербских рукописях (XII—XIV вв.)	101
Б. Н. Флоря (Москва). О «Летописце Быховца»	135
А. И. Рогов (Москва). Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в.	145

Обзоры, заметки, рецензии

М. М. Фрейденберг (Калинин). Новейшие публикации средневековых памятников Хорватии (1948—1965)	158
В. Б. Вилибахов (Ленинград). Балтийские славяне в русской историографии	191
Я. Н. Шапов (Москва). О составе древнеславянской кормчей Ефремовской редакции	207 +
А. П. Каждан (Москва). «Когда Евдокия вышла замуж за Стефана Неманича?»	216
Л. А. Шафрова (Красноярск). Сербские средневековые города в сербской историографии второй половины XIX—начала XX в.	218
И. В. Чуркина (Москва). О публикации документов по истории Любляны в средние века	228

Публикации

Л. В. Разумовская (Ленинград). Документы об иоаннитах в Польше (XII—XIII вв.)	233
	285

В. А. Кучкин (Москва). Из литературного наследия Пахомия Серба (Старшая редакция жития митрополита Алексея)	242
Я. Н. Шапов (Москва). Новый список кормчей Ефремовской редакции	258
Приложение	
Указатель статей и материалов, опубликованных в сборниках «Славянский архив», «Славянское источниковедение» и «Славянское возрождение»	277
Указатель рецензий, отзывов и заметок о сборниках «Славянский архив» и «Славянское источниковедение», опубликованных в периодической печати	283
Список сокращений	284

Источники и историография славянского средневековья

Утверждено к печати Институтом славяноведения АН СССР

*Редактор издательства Л. С. Кручинина
Технические редакторы Л. И. Матюхина, Н. Ф. Егорова*

Сдано в набор 10/IX 1966 г. Подписано к печати 29/III 1967 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 19,7. Тираж 2100. Тип. зал. 1146. Бумага № 1.

Цена 1 р. 34 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

В И Н О Г Р А Д О В А. В.
**НЕОЛИТИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ ХОРЕЗМА.**
17 л. 1 р. 25 к.

В книге дается одна из наиболее полных публикаций материалов всех неолитических памятников Хорезма, открытых и исследованных за период с 1938 по 1965 г. Автор подытоживает имеющийся исследовательский материал по периодизации и хронологии кельтеминарской культуры, показаны многие особенности материальной культуры неолитического населения Хорезма, его связи с другими территориями.

Автор рассматривает неолитические памятники Акаг-Дарьинской долины, Иоколакской ложбине, Курганинских и Таджикказганских стоянок а также проблему хронологии этих памятников, особенности и границы кельтеминарской культуры.

Книга хорошо иллюстрирована. Она рассчитана на археологов, занимающихся периодом каменной индустрии, а также на аспирантов соответствующих вузов.

МАЖИТОВ Н. А.
**БАХМУТИНСКАЯ
КУЛЬТУРА.**
10 л. 80 к.

I тыс. н. э. — время Великого переселения нар. ов. Этот сложный исторический период оставил яркий отпечаток на характере археологического материала с территории Башкирии, находящейся на пути движения кочевников на запад.

Книга поможет детальному изучению отдельных этнических групп, истории их расселения, а также происходивших в то время на Южном Урале генетических процессов, приведших к образованию башкирской народности.

Автор, привлекая большой археологический материал, подробно исследует бахмутинскую культуру, принадлежащую крупному объединению родственных по происхождению племен Северной Башкирии в середине I тыс. н. э. В работе использованы также в качестве аналогий материалы археологических памятников прилегающих территорий.

СТАРОСТИН П. Н.
**ПАМЯТНИКИ
ИМЕНЬКОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ.
СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ.**
10 л. 70 к.

Середина I тысячелетия н. э. в истории народов Восточной Европы связана с бурными событиями эпохи великого переселения народов, значительными изменениями в хозяйственной жизни, общественном строе и этнической истории. Освещению некоторых моментов этого периода, протекавших на территории Среднего Поволжья и Прикамья, посвящена данная работа.

В книге впервые вводится в научный оборот большой фактический материал, полученный в результате раскопок последних лет. Интересно описаны многочисленные орудия труда, оружие, украшения, принадлежности костюма, а также керамика.

Издание рассчитано на археологов, историков, лингвистов и краеведов.

**ИМЕЮТСЯ
В ПРОДАЖЕ КНИГИ
ПО АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

АРЦИХОВСКИЙ А. В. НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ (ИЗ РАСКОПОК 1952 г.). 1954. 92 стр., 19 вкл. 98 к.

АРЦИХОВСКИЙ А. В., БОРКОВСКИЙ В. И. НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ (ИЗ РАСКОПОК 1953—1954 гг.). 1958. 158 стр., 19 табл. 40 к.

АРЦИХОВСКИЙ А. В., БОРКОВСКИЙ В. И. НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ (ИЗ РАСКОПОК 1955 г.). 1958. 152 стр., 20 табл. 40 к.

АРЦИХОВСКИЙ А. В., БОРКОВСКИЙ В. И. НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ (ИЗ РАСКОПОК 1956—1957 гг.). 1963. 328 стр. 1 р. 76 к.

АРЦИХОВСКИЙ А. В. НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ (ИЗ РАСКОПОК 1958—1961 гг.). 1963. 119 стр. 83 к.

**СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ КОЛХОЗНИКОВ ПРИ-
ВАЛТИКИ. (ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ. НОВАЯ СЕРИЯ.
Т. 77) 1962. 160 стр. 97 к.**

Заказы посыпайте в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу: Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-б; Новосибирск, Красный пр., 51; Нижн, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, пр. Октября, 129; Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 41; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303.

1 р. 34 к.